

**Слова на праздники Господни
святитель Иннокентий, архиепископ
Херсонский и Таврический**

Часть 1

Слово первое на день Рождества Христова и вспоминание избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двадесяти язык

Вся вселенная благолепно торжествует ныне в честь и славу явления во плоти Бога Слова, пришедшего спасти от греха и вечной смерти падший род человеческий; а Православное Отечество наше, как бы в награду за свою верность Богу отцов, совершает вместе с сим благодарственно и память чудесного избавления своего, за тридесять (тридцать) пять лет, от лютого и тяжкого нашествия галлов (французов) и с ними двадесяти язык (двадцати народов). Неудивительно, если тайна спасения всего мира вочеловечением Сына Божия, по безприкладному величию и глубине ее, останавливает в настоящий день на себе благоговейное внимание и проповедующих и слушающих; но и тайна спасения Отечества нашего от неслыханного нашествия на него племен враждебных стоит того, чтобы, хотя по временам, вспоминать о ней и с сего священного места и обращать ее в предмет поучения всенародного. Как обращаться?

Не укоризнами и величавым превозношением себя над теми, кои, сами не ведая, что творят, несли к нам огонь и смерть (они довольно наказаны ужасной судьбой своею, в коей видимо отразился гнев небесный); не укоризнами, а восприятием поучительного урока от тех событий, в коих над царствами и народами во всей силе открылся один из величайших судов Божиих. И когда нужнее воспоминание о сем грозном уроке, как не в наши мрачные дни, когда те же самые галлы и с ними двадесять язык, забыв прежнее исступление свое и гнев Божий, за него их постигший, снова мятутся и силы, тогда как против них (в лице завоевателя) был гнев Божий, который можно было отклонить и смягчить, но не оружием и мудростью земною, а покаянием, смирением, исправлением своего образа мыслей и чувств, который, к сожалению, давно находился в плену у галлов... После сего, каждое восстание против врага всеобщего

готовило ему только новую победу. Не протекло и десяти лет, как из всех почти царств и народов нашей части света составила одна огромная цепь нового гальского преобладания.

Что было бы со вселенной, если бы жребий царств и народов действительно был отдан на произвол сына судьбы, как любили называть тогда гордого владыку галлов те, кои в омрачении своего ума и сердца, не хотели видеть в событиях премудрой десницы верховного Правителя судеб человеческих? Имея в виду, как поступал он, особенно под конец своего владычества, не только с народами, но и с их владыками, нельзя не сказать словами древнего провидца судеб народных: «аще не бы Господь Саваоф оставил нам Семене, яко Содом убо были быхом, и яко Гоморру уподобилися быхом» (Ис. 1:9).

Но всегда милосердый в самом гневе Своем, Господь оставил заблужденным племенам и языкам это драгоценное семя...

В то время, как несчастный Запад, сначала в лице галлов, а потом и в лице других народов, волновался от духа неверия, буйства и ожесточения сердечного, на северо-востоке нашей части света, под сенью алтарей и престола, обитал в мире народ, искони отличавшийся теми самыми добродетелями, от недостатка коих страдали злополучные галлы. Когда они глумились безумно над всем священным, – народ сей оставил первее и выше всего святую веру отцов своих; когда буйные галлы не хотели видеть над собою даже и тени прежней законной власти, – он с благоговением признавал в лице помазанников своих священный образ на земли Царя Небесного; когда они с презрением отвергали все прежнее, – народ сей дорожил обычаями и преданиями отцов своих, как драгоценным наследием.

Вероятно, не одни галлы, а и прочие, ослепленные тлетворным духом их, племена взирали на сей единственный народ, как на покрытый мраком неведения, а между тем, в этом священном мраке, который для них только, как чудесный столп Израиля для египтян был темен, заключался тот дивный свет свыше, который вместе с сим богохранимым народом имел

вывести их всех из Чермного моря всеобщего плена на он-пол (другой берег) пакибытия (лучшего бытия) гражданского.

Мог ли такой народ быть оставлен в покое всемирным завоевателем? Без совершенного унижения сего народа не могло быть и на один день прочно господство его над другими народами. И вот, судьба наша решена в уме врага гордого! Мысль цепенеет при воображении тех чрезвычайных средств, кои собраны и вымышлены были им для одержания над нами победы и торжества всесовершенного. Что могли доставить для сего власть и сила, изобрести ум и опытность – все то было в руках у врага нашего; не было и не могло быть единого: правости своего дела и благословения свыше!..

Изображать ли пред вами, братие мои, самую брань отечественную, перед коею все, бывшие после того, брани суть не более, как глухой гул отдаленной, мимоидущей тучи? Тем, кои жили в то время, всякое изображение покажется малым и слабым; а тем, кои пришли на свет после, оно же представится увеличенным. Довольно сказать, что многие, и не из легковверных, думали видеть тогда начало тех всемирных скорбей и бедствий, кои, по слову Писания, имеют предшествовать преставлению света. Надобно было пролиться целым рекам крови, надобно было сотням сел и градов, самой первопрестольной столице нашей подвергнуться опустошению; надобно было истощиться с нашей стороны всем средствам и усилиям; надобно было дойти всем и каждому едва не до потери всякой земной надежды прежде, нежели можно было сказать с уверенностью: «враг низложен и Россия спасена!»

Хотите ли знать, чем возмгло в сей беспримерной борьбе на жизнь и смерть любезное Отечество наше? Оно возмгло живой верой в Бога отцов своих, которая одушевила всех, от мала до велика, и всех заставила, подобно древним ниневитянам, принести искреннее покаяние пред Ним во грехах своих; оно возмгло непоколебимой верностью благословенному царю своему, который сам, в услышание всех, призывая на помощь Господа сил, обрекал себя скорее на все труды и лишения, нежели на унижение священного венца своего; оно возмгло любовью к Отечеству, для коей не

казалось трудным никакое усилие, так что, для искупления бытия его и славы, она не усомнилась принести в жертву самый град первопрестольный. Воодушевленная святой верой, Земля русская восстала, и двадесять язык пали! Нет, не пали, а восстали! Освободились от владычества ненасытимого завоевателя самые галлы: пал один тот, кто был виною унижения всех и, в безумной гордости своей, мечтал низложить Россию!..

Как не памятовать после сего сынам России из рода в род столь великую опасность и столь же великую милость Божию, над нею явленную! Как не благодарить во веки веков Господа, Который мышцею истинно-высокою не только чудесно избавил Отечество наше от тьмы тем зол, его обышедших, но и даровал царю нашему крепость и славу – быть освободителем всех прочих народов от железного ига, возложенного на них новым Навуходоносором! Не забывай же, россиянин, вместе с сим и тайны своей победы над врагами! Не производи ее ни от числа твоих воев – другие народы выставляли еще больше, но пали; ни от одного искусства твоих военачальников – кто мог сравниться в нем с нашим мощным противником? Ты сам прежде (хотя не за себя, а за других) восставал не раз против гордого Голиафа собственной силой твоей, но сила твоя не поставила тебя пред Богом; не противостала врагу победоносно, хотя и не поникла перед ним позорно. Если же, наконец, ты оказался победителем его, то потому, что стал всецело и утвердился на природном для тебя основании – на камени веры, самоотвержения и любви о Христе к самим врагам твоим. Поскольку, отвергнув надежду на свои силы, ты облекся во «вся оружия Божия», возложил на главу свою «шлем спасения» от Господа, принял в десное и шее «щит веры... и мечь» глагола Божия, препоясал "чресла" твоя "истиною", обул «нозе во уготовление благовествования» не брани и побед, а "мира» (Еф. 6:13–17) всем и каждому; то и начало сбываться над тобою во всей силе древнее обетование народу Божию, яко «путем единым изыдут против него враги его, и седмию путями побежат от лица» его (Втор. 28:7). Почему побежат? Потому что

вспомоществуемые силою свыше, один из сынов его приведет в страх тысячи врагов, а десять поженут пред собою тьмы.

Здесь, братие мои, мы должны умолкнуть на время и уступить место другому венценосному проповеднику, коему возглашается ныне Церковью память вечная... Кто ближе и лучше его мог знать тайну нашей победы над врагом гордым и всесокрушающим? Что же вещал Давид наш с той дивной и безпримерной высоты, на которую вознесла его рука Провидения? После каждого поражения врага, он вещал всегда единое: «не нам... не нам, но имени Твоему, Господи, даждь славу!» (Пс. 113:9). Перед сражением и среди его он был вождем, а после победы обращался во всемирного учителя: обращался, можно сказать, невольно; ибо с безпримерной высоты своей не мог не видеть всеуправляющей десницы Божией. И вот значение той вечной памяти, которую, среди светлого торжества о спасении всемирном, возглашает ему ныне Святая Церковь! Это не плачевная песнь надгробная, а, можно сказать, отзвук того хора Ангельского, который, несмотря на избиение младенцев Вифлеемских, гласил: «слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение!» (Лк. 2:14).

Не забывай сего, сын России, и поучайся! Не забывай, ибо может быть, – скажем словами Тайновидца, «горе едино отиде: се, грядут еще два горя по сих!» (Откр. 9:12).

Да, братие мои, как о древнем мире языческом сказано апостолом, что он «в премудрости Божией не уразуме мир премудростию Бога» (1Кор. 1:21), так, к сожалению, должно сказать и о мире новейшем, что он, несмотря на мнимое просвещение свое, в величайшем из судов Божиих, совершившемся над ним, за тридесять пять лет перед сим, не уразумел ни правды, ни милосердия Божия к нему. Вотще кровь и слезы целого прошедшего поколения вопияли – не предаваться более обольстительным мечтам несбыточного равенства и буйной вольности, всегда оканчивающимся всеобщим изнеможением и рабством. Вотще порядок, тишина и благоденствие народов, наступившие за возвращением их посредством победоносного меча русского под сень законных правительств, взывали не нарушать сего богоучрежденного

устава народоправительства. Не протекло еще сорок лет, – и великий урок двенадцатого года забыт совершенно... Ибо что видим? Вместо прежнего единого огнедышащего жерла галльского, явилось их множество, как будто каждый народ не мог стерпеть, чтобы у него не было своей бездны всепожирающей. Чего не сделано в продолжение единого прошедшего года? Сделано все, что мог внушить адский дух неверия и крамолы. Нет почти народа, который бы не был потрясен в самом основании и не объят смертоносным духом безначалия. Единая, Богом хранимая, Россия, как Арарат, возвышается незыблемо над волнами всеобщего потопа, с ковчегом всемирного спасения.

Уже очевидны и ужасные последствия новых преступлений. Адское древо зла снова начало давать всюду плоды по виду своему. Те самые люди, кои не хотели повиноваться единому кроткому и законному властителю, принуждены теперь покоряться необузданному произволу многих властолюбцев. Провозглашали, что осчастливят всех и каждого, а в самом деле привели в нищету и бедствие даже тех, кои дотоле не имели нужды ни в чем. Почитали тяжкими самые снисходительные законы, а отвергнув их, не могут просуществовать ни единого дня без меча, поднятого над главою всех.

Что будет далее? Один Господь видит. Но безначалие уже родило, и будет еще рождать всеобщую скорбь, страх и воздыхания: всеобщее бедствие заставит, наконец, искать отрады и покоя под мечом единого из сильнейших; сильнейший, кто бы он ни был, не забудет условий своего бытия – хранить и умножать свою силу; умножение силы в едином не может быть без обессиления и унижения всех. Повторится ряд прежних ужасных столкновений между племенами и народами... Явится новый какой-либо, так называемый, сын судьбы, а в самом деле – новый бич гнева Божия... Обессиленные собственными междоусобиями народы будут один за другим падать перед новым кумиром и раболепно провозглашать его чудом совершенства... А ты, любезное отечество, ты останешься опять едино, – под сенью «милости Божией!» (Иов. 29:4) И кто знает,

не тебе ли паки выпадет великий жребий – быть последним щитом всеобщего порядка и правды, и Ангелом узорешителем для тех самых народов, кои теперь так несправедливо враждуют против тебя?..

Не вдруг может дойти до тебя удел сей (и дай Бог, чтобы в нем не оказалось нужды!); но может дойти!.. Не смежай же очей твоих: зри и поучайся заранее!

Когда огнедышащие горы извергают губительную лаву, то естествоиспытатели, через искусственное разложение ее состава, стараются дойти до тех причин, кои, кроясь в недрах земли, производят потрясения всеразрушающие. Лава народных вулканов перед нашими очами. Состав ее очевиден! Это – оскудение в душах и сердцах чувства небесного, соединенное с тем грубым неверием, которое, вместе с Пилатом, готово вопрошать самую небесную Истину: «что есть истина?» (Ин. 18:38). Это – преступная гордость и отвращение от всякого повиновения кому бы то ни было, не только начальнику, но и отцу своему и матери, возросшие до того, что самая тень законной власти, необходимой и спасительной, кажется несправедливостью и притеснением. Это – безумное презрение к преданиям отеческим и ко всему прежде бывшему и существующему, не знающее и не желающее знать, что в составе обществ человеческих решительно прочны и благотворны только те преобразования, кои выходят со временем сами собою из существа и положения вещей, а не из воображения и легкомыслия дерзких мечтателей. Это – слепая и безграничная преданность чувствам и страстям, для коих чуждо и непонятно все истинно благое и высокое, кои для своих мелких и своекорыстных видов готовы жертвовать всем. Наконец, это – заглушение в душе самой совести, для коего одна отрада в жизни – чувственные наслаждения и тщеславие, по смерти воображаемое ничтожество!..

Се, исходища (источники) пагубы и смерти, от коих страдают едва не все языки! Се, хлябии (бездны) гнева небесного, потрясающего ударами своими всю вселенную!

Видишь ли, любезный соотечественник, чем можно предупредить и отвратить сии удары? Если хочешь сего

воистину, то прежде всего неверию и ожесточению, свирепствующему за пределами земли твоей, противопоставь живую веру в Бога отцов твоих и сыновнее повиновение святым уставам Церкви, которая искони была Ангелом Хранителем твоего отечества, и возрастила его до настоящего величия не подражанием мудрованиям иноземным, не стремлением к преобладанию мирскому, а, подобно сердобольной матери, своими слезами, терпением и молитвою. Не будь невнимателен и хладен к ее нуждам и святым желаниям: в ее силе заключается тайна твоего могущества. Тем паче не воспящай (не отводи) неразумно благотворному влиянию ее на тьмы тем меньших братий твоих, для коих она – своим учением и Таинствами – заменяет на земле все, чего недостает им, в ожидании века грядущего.

Иноземному духу буйства и крамолы противопоставь, сын России, благой и зиждительный дух повиновения и любви ко власти предержащей, памятуя, что в самодержавном скиптре царей твоих и в богодвижимом сердце их содержится стократ более залогов благоденствия для всех и каждого, нежели в тех блистательных на один внешний вид умозрениях о судьбе народов, в тех бранных хартиях прав, кои один ветер приносит, а другой наутро уносит, прежде нежели самые творцы их успеют уразуметь смысл их содержания. Пусть другие народы предают безумно все народное бытие свое в руки случая и на произвол слепой судьбы; над тобою, любезное Отечество, да будет и преизбудет «милость Божия», во имя коей ты повинешься своим венценосцам!

Продолжай, сын России, питать в себе всецелое уважение к памяти и преданиям отцов своих и любовь ко всему родному и отечественному, с ясным сознанием и твердым убеждением в том, что Отечеству твоему предопределен свыше, особенный от всех прочих народов, жребий, за величие и лучезарность коего в будущем служит порукою и все его величественное прошедшее, и все его великое настоящее. Но свидетельством чувства отечественного и справедливого самоуважения народного да будут не одни многоученые, но мертвые собрания и хранилища отечественных древностей, а живое и верное последование

святым обычаям твоих праотцов, кои, может быть, менее твоего знали, но тверже веровали и глубже чувствовали, не предавались суетным мечтам и не любили витийствовать о несбыточном, но делали, на веки делали, что необходимо и истинно полезно; во всех предприятиях и учреждениях помышляли не о себе только, но и о поколениях грядущих, и своей твердостью в вере, своей простотой нравов, своей любовью к Отечеству и самоотвержением приготовили и испутили для тебя нынешнее величие и крепость России.

Храни, наконец, возлюбленный соотечественник, «всяцем хранением» (Притч. 4:23) храни чистоту твоих нравов и совести, храни не в себе токмо, даже и не в одних сынах и дочерях твоих, а во всех, кои манием власти предержажшей или жребием рождения, поставлены в зависимость от тебя. Отринь с презрением ту роскошь и прихоти, для удовлетворения коих неизбежны тяжкие труды и воздыхания меньшей братии твоей о Христе, и кои прежде всего губят твою собственную душу. Ищи времяпрепровождения лучшего, наслаждений чистейших, такого образа жизни, который мог бы перейти с тобою в самую вечность. Истинное благо семейств и поколений, царств и народов растет и спеет не от тлетворного зноя страстей, не среди губительной пыли душетленных чтений, зрелищ, сходбищ и бесед, а под тихим и ясным небом чистоты и воздержания, при благотворном свете обетовании Евангельских, от животворной росы дарований благодатных, среди таинственного и зиждительного веяния Духа Божия.

Когда, возлюбленное отечество, ты будешь твердо стоять на камени веры православной, огражденное чистотою нравов и любовью к закону и власти предержажшей, то нет и не будет на земле врага, могущего устрашить тебя... Тогда пусть "мрак простирается на племена и языки; пусть царства и народы мнутятся и замышляют тщетная: над тобою не перестанет сиять свет незаходимый; и во время благопотребно слава не земная токмо, а и Господня паки узрится на тебе!» (Ис. 60:1–2).

А, если...

Боже милосердия и щедрот, Боже отцов наших, когда мы согрешили пред Тобою и недостойны благоволения Твоего; то,

наказуя, накажи нас всем, чем будет угодно премудрой правде и любви Твоей; точию не предавай нас «в неискусен ум творити» (Рим. 1:28), еже творится теперь среди языков иноплеменных! Даруй, напротив, аще возможно («вся возможна Тебе» (Мк. 14:36), и им духа разума и покаяния, да возмогут видеть бездну, к коей неизбежно ведет их гордость и неверие; и, узрев ее, да обратятся от стропотных путей лжи и ожесточения на мирный путь правды и любви к Тебе, Богу разумов и Владыке владык и народов! Аминь.

Слово второе в день Рождества Христова

«И рече им Ангел: не бойтесь: се бо, благовествую вам радость велию, яже будет всем людям: яко родися вам днесь Спас, иже есть Христос Господь, во граде Давидове» (Лк. 2:10–11)

Так в первый раз возвещено было преславное событие воплощения Сына Божия! И кому было в первый раз возвещено? Пастырям – людям простым, которые самым состоянием своим удалены были от всякого земного просвещения. Однако же сии люди, несмотря на простоту их, тотчас уразумели тайну радости, возвещаемой им от Ангела, и, оставив все, поспешили насладиться оною. «И человецы пастырие реша друг ко другу: перейдем до Вифлеема и видим глагол сей бывший, егоже Господь сказа нам» (Лк. 2:15).

После сего возможно ли, чтобы кто-либо из христиан не постигал блаженства, приносимого на землю вочеловечением Сына Божия? Тем паче возможно ли, чтобы сие блаженство оставалось неведомым для кого-либо из находящихся в сем священном собрании, коего и начало и цель сосредоточивается во едином, да будет воздана слава в вышних Богу, благоволившему утвердить на земле мир? И чтобы оставалось произнести с сего священного места, как только с радостным чувством указать на событие сих слов пророческих: «се, дние грядут... в няже не имать научити кийждо искренняго своего и кийждо брата своего, глаголя: познай Господа: яко вси уведят Мя от мала даже и до велика» (Евр. 8:8, 11).

Но Церковь, слушатели, несмотря на сие, повторяет благовестие Ангела. Причиною сего, с одной стороны, то, что блаженство, возвещенное от Ангела пастырям, столь велико, что сколько бы ни успевали в уразумении оно, оно всегда может быть обильнейшим источником размышлений самых назидательных; с другой – опасение Церкви, дабы кто-либо из чад ее, или по слабости, или по неповиновению, среди всеобщего торжества не остался без побуждений к духовной

радости. Итак, подражая гласу Церкви, углубимся в основание радости, возвещенной Ангелом.

Уста человеческие многоглаголивы, слушатели, но язык Ангелов краток. Возвещая земнородным радость велию, небесный посланник все побеждения к оной заключает в сих кратких словах: «яко родися вам днесь Спас» (Лк. 2:11). Но слова сии многозначительны и заключают в себе неисчислимые сокровища благодати, как то, раскрывая их, показывают богодухновенные учителя – пророки и апостолы. Что же возвещают нам сии наши Ангелы? Они все вещают нам: радуйтесь, яко родися пророк, наставляющий вас на всяку истину; радуйтесь, яко родися священник, примиряющий вас с Божеством; радуйся, яко родися Царь, защищающий вас от врагов видимых и невидимых.

Итак, внимли, христианин! Рождающийся Спаситель возвращает тебе свет истины, тобою потерянный; возвращает правду, у тебя похищенную; возвращает безопасность, тебя оставившую.

Тягостна, слушатели, слепота чувственная, но стократ тягостнее слепота духовная. Первая лишает наслаждения светом солнца видимого, которое и само ежедневно познает запад, а некогда навсегда должно будет премениться во тьму; последняя (слепота духовная) не дает наслаждаться созерцанием Солнца невидимого, которое не знает восхода и запада, которое в одно и то же время озаряет мир, Ангелов и человеков, с равным блеском светит для тех, кои живут на высоких горах, как и для тех, кои стенают в подземных пропастях, и которое есть Сам Бог.

Что ж, слушатели, был весь род человеческий до пришествия в мир Сына Божия, как не пятитысячелетний слепец? Что были все народы, как не люди, сидящие во тьме и сени смертной! Ах! Мы едва можем представить те ужасные нелепости, коими исполнена была религия времен древних. Что может быть безрассуднее, как рещи «древу: яко отец мой еси ты: и камени: ты мя родил еси!» (Иер. 2:27). Но все народы разными, но едиными усты произносили сию безумную речь. Ибо вообще, что были боги их, как не дерево и камень? Может

быть, под кровом сих видимых образов скрывались некие истины, но знаменование сих символов было потеряно. Впрочем, были целые стада животных, которые ничего другого не означали, кроме животных, и убивающий их хотя бы то без намерения, чем, думаете вы, почитался? Богоубийцею. И если бы сим только ограничилось ослепление человека! Происходя первоначально от преступления, оно долженствовало и окончиться преступлением. Добродетель единственное убежище свое – храм – принуждена была разделить с пороком. Подле богини правосудия занял место бог грабительства. Идол нечистоты плотской также почтен был жертвою, как и истукан целомудрия, и сохранивший невинность не смел воззреть на божество распутное...

К большому несчастью, человек, не зная Бога, непрестанно обогащался познаниями тварей. Мы удивляемся теперь просвещению времен древних; но сие-то просвещение и обнажало крайнее их невежество.

Храмы греков и римлян возносились до небес и удивляли всех своей красотой; но божества, ими обладавшие, были низки и грубы. О происхождении богов повествовали со всем искусством красноречия; но истуканы остались немые. Жертвенные гимны были исполнены сладкозвучия; но истуканы были глухи. Священные пляски отличались всей стройностью; но истуканы пребывали неподвижны. В храме все было величественно, разительно, кроме богов; и рассудительный язычник, выходя из храма, мечтал не о ничтожестве своего естества, но о ничтожестве того бога, коему поклонялся. Так человек уже был выше своего бога; но возвышая самого себя, он не мог возвысить божества; поскольку Бог, не дая "славы Своея иному» (Ис. 42:8), не хочет и Сам принимать славы, кроме той, юже творит для Себя в человеке.

Кто же исповедает нам Тебя, живой во свете неприступном? зри жертвы, приносимые имени Твоему, но похищаемые у Тебя идолами; явися, Господи, и упраздни явлением Твоим божества суетные. Престол Твой окружают тысячи тысяч и тьмы тем Ангелов; поели хотя единого юлейшего, да исповесть имя Твое человекам; они забудут всю

свою мудрость, будут внимать точию тому, еже проглаголет он именем Твоим. Изумись, смертный! Для научения тебя грядет Сам Сын Божий. Тот, Коему в безмолвии внимают сонмы Ангелов, грядет просветить твою тьму. Собери все твои недоумения; измысли новые, пусть они будут темны, как ночь: и ночь яко день пред Ним. Ты не знал: кому уподобить «Господа, и коему подобию уподобить Его!» (Ис. 40:18). Вопросай: се «сияние славы Божией и самый образ существа Его» (Евр. 1:3). Ты не знал, откуда ты произошел? Вопросай: се Тот, Коему Творец твой рек при создании первого человека: «сотворим человека по образу Нашему» (Быт. 1:26). Ты не знал, что будет с тобою за гробом? Вопросай: се Тот, в деснице Коего «ключи ада и смерти» (Откр. 1:18). Ты не знал, вечен ли мир, в коем ты обитаешь? Вопросай: се Тот, Который «в начале... землю основал... и дела руку Его суть небеса» (Евр. 1:10). Да не устрасит тебя величие нового твоего Наставника: Он является для научения тебя, не с громами синайскими, но с кротостью младенческой; избирает местом наставления не град шумный, а безмолвный вертеп, и дабы ты не устыдился предстать пред Него со скотскими твоими наклонностями, Он первую речь простирает тебе из яслей; дабы поселить в тебе уверенность в Его сострадании к твоим немощам, проповедь Его начинается слезами. Какое восхитительное зрелище представляет весь мир! Боги языческие, один за другим падают во прах, из коего извлекла их рука художника. Народы, разделенные поклонением богов, часто враждебных между собою, соединяются исповеданием Единого. Владыки мира, познав, яко «Вышний владеет царством человеческим» (Дан. 4:22), научаются быть слугами Божиими во благо народам; подданные, веруя, «яко несть власть, аще не от Бога» (Рим. 13:1), начинают, в повелениях даже строптивых владык, чтить судьбы Всевышнего.

Служители алтарей перестают быть рабами собственной корысти, и не имея нужды страшиться за богов слабых, познают един страх, да не соделаются недостойными величия алтарей, им же предстоят. Философы, находя семена всех истин в христианстве, стараются токмо о возвращении их, и независтно

делятся плодами оных, ибо ведают, что мудрость не сообщенная есть святотатство. Простолюдин не завидует философу, ибо уверен, что поклоняется единому с ним Богу, имеет единого Ходатая, ожидает единой вечности. Вся земля исполняется ведением Господа Израилева; и где начало сей благотворной перемены? В Вифлееме.

Так, слушатели! Если бы не родился Христос, то мир и теперь поклонялся бы или бесам, или собственным страстям. Философы не просветили бы его. Что принесло пользы существование сих мудрецов грекам и римлянам? – Большая часть языческих философов мнила уврачевать суеверие неверием. Лучшие видели истину, но скрыли оную в неправде общественного мнения, и соединенными трудами Пифагоров, Платонов, Аристотелей воздвигнут алтарь неведомому Богу. Что было бы и с нами, слушатели, если бы не воссиял над нами свет Вифлеемский? Вместо того, что теперь присутствуем в храме Бога Живаго, может быть, находились бы при совершении какого-либо безстудного празднества идольского; вместо того, что теперь внимаем песнопению во славу Господа всяческих, может быть, произносили бы бесчинные клики; вместо того, что теперь совершаем словесное служение, возносим фимиам молитв, может быть, закаляли бы себе подобных, и даже самих сродников; вместо того, что теперь тайно образуем Херувимов, тогда, – о ужас! -видимо изображали бы демонов.

Но для чего говорим мы: может быть? Что происходит теперь с теми народами, над коими, по недоведомым судьбам Божиим, не возсиял свет Христов? Они имеют ум, но не знают Бога; имеют волю, но чтут идолов; имеют сердце, но закаляют собственных чад. То же, слушатели, было бы и с нами...

Возрадуемся же, что мы изведены в чудный свет рожденного ныне Спасителя! В Его училище не научаются, как возлетать на воздух, но вразумляются, как возноситься мыслью и сердцем к Богу; не предписывают правил, как углубляться в сердца гор и в недра морей для извлечения драгоценностей, но подают вернейшее наставление, как углубляться в собственное сердце, для обретения злата чистой любви и перлов святых молитв; не показывают, как далеко отстоит шар, нами

обитаемый, от солнца, но показывают, как далеко отстоит падший человек от Бога; не внушают способа, как отводить удары грома, но внушают средства, как уклоняться от ударов Божественного правосудия. Знание краткое, но в нем вмещается все. Мало потребно времени на изучение его, но польза, им доставляемая, простирается через всю вечность. О, блажен ты христианин, водимый светом звезды Вифлеемской! Но блажен тогда, когда пользуешься этим светом для того, чтобы облещись заслугами рожденного Спасителя.

Так, слушатели, и духовный свет в настоящем состоянии человека не только не для него бесполезен, но даже вреден, если с ним не соединятся другие благодеяния. Отрадно ли слепому получить зрение, если бы он ведал, что в минуту своего прозрения он узрит целое небо, падающим на его главу? Но не то же ли должен узреть человек, коего отверзаются очи духовные? Еще более. Ибо каким он находит себя по прозрению? Находит преступником законов Божественных, нарушителем святейшего завета, который должен существовать между тварью и Творцом, и следовательно, находит себя врагом Бога, пред безприкладным величием Коего он не может не благоговеть. Что же значит в сравнении с падением целого неба един удар разгневанного Бога? Но удар сей неминуем. «Как! – вещает грешнику собственная его совесть, – ты считаешь несправедливостью, если преступник остается не наказанным по Суду человеческого, и мнишь, что без нарушения правды, он может пребыть не наказанным по суду Божию? Ужели ты думаешь, что Бог Истинный и Праведный менее любит правду, нежели люди, суетные и лстивые? Или по твоему понятию правда Божия не сходна с правдой человеческой? Но она не сходна только в том, что сия изменяется, яко лицо земли, а та пребывает, яко дние неба. Или надеешься на благость Творца? Но, вспомни, и правосудие есть также благость, только измененная грехами твоими. И не полагаю ли я на тебя печати отвержения после каждого преступления?» Что значит стыд? Откуда трепет внутренний? Отчего гнушение самим собою? Или утверждай, что нет Бога, что я – один призрак, или будь уверен, что тебя ожидают

наказания, соразмерные твоим преступлениям». Так гласит человеку совесть!

Глас невнятный среди шума мира, но ужасный среди уединения душевного! Где и когда не преследовал ты человека? В мирные времена патриархальной жизни и в грозные дни владычества греков и римлян, под знойным небом юга и под холодным солнцем севера – везде и всегда находил человек себя врагом Бога, Творца и Благодетеля. Облеченный в порфиру и покрытый рубищем равно говорили: «Я грешник». Скрывали со всевозможным тщанием всякого рода недостатки, но всенародно исповедовали вину пред небом. Так, среди всеобщего превращения прав человеческих права Божий над человеком оставались непреложны, и милосердый Промысл, по выражению Апостола, затворял «всех в противление, да всех помилует» (Рим. 11:32). Увы! человек, не дожидаясь помилования от Бога, силился миловать сам себя... Пример прародителей, мнивших сокрыть наготу свою листием смоковничным, распространился в потомстве... Закаляли тельцов... Сжигали туки агнцев... Совершали омовение... и мнили быть чистыми от греха. Как будто тук агнцев может умягчить сухость сердца, сокрушенного грехом! Как будто кровь животных может убелить совесть, очерненную грехами! Как будто крики жертв могут заглушить вопль беззаконий, вопиющих на небо! Всевышний! Ты зрел ничтожность жертв, приносимых грешником; зрел неспособность преступного человека взойти на небо, для низведения себе Ходатая, и в тайне судеб Твоих Сам уготовлял для него врачевство; но сие врачевство оставалось неведомо. Ты глаголаи устами Пророков Своих: «Аз помышлю на вы помышление мира, а не злая» (Иер. 29:11); но сии благие помышления пребывали запечатленными в сокровищнице Твоего милосердия. Яко исполнен благодати, Ты помышлял благое, и, между тем, всюду являлись только следы Твоего правосудия.

Ныне, ныне, слушатели, отверзлась сокровищница любви Божией, ибо ныне в лице рожденного Спасителя явился благодать Божия спасительная. Бог не глаголет к тому: Я

помышляю, Я совещаю; но – Я исполняю, Я совершаю. И как совершает? Внемлите, и чудитесь.

Началом всех грехов наших и, следовательно вражды нашей на Бога было то, что мы возжелали с прародителем быть подобными Богу, дерзнули на похищение славы Божией; и се, Ходатай наш, во образе Божий сый, отрекается Божественной славы, приемлет зрак раба и обретается яко человек. Мы от самого рождения стремимся погрузить себя в удовольствия мира; Ходатай наш – из утробы Матерней повергается в бездну лишений, самых тяжких для плоти. Для нас корысть есть если не единственный (ибо порок не терпит единобожия), то любимый идол, коему мы жертвуем и телом и душою; Ходатай наш рождается в столь бедном состоянии, что не находит для Себя пристанища в том месте, которое устроено для общего пристанища. Мы до самого гроба гоняемся за честями и, будучи прах и пепел, не можем терпеть высших нас; Ходатай наш, будучи Господь всяческих, от самой колыбели вписывается в число последних подданных кесаря. Не довольно ли и сего, душа грешная, дабы возродить в тебе надежду спасения? Ибо родившийся Младенец есть Бог предвечный, Коего одна слеза достаточна к омовению грехов целого мира.

Но Его любовь к нам сим не ограничивается. Вскоре узрим Его обрезуема, потом крещаемая во Иордане, яко единого от нечистых, и приносима во храм, да поставится яко жертва пред Господом; наконец, узрим Его, висяща на Кресте нага и уязвлена. За кого же все сие? За тебя, душа грешная, Он будет обрезан, дабы изгладить необрезание твоего ожесточенного сердца; Он погрузится в водах Иорданских, дабы омыть тебя, покрытую нечистотами плотской жизни; Он будет принесен в жертву, дабы искупить жертвы, приносимые тобою миру суетному; Он прострет руки Свои на Кресте, поскольку ты простирала руки свои к удовольствиям, тебя обманывающим; Он увенчается тернием, поскольку ты любила украшаться розами; Он будет напоен оцтом, поскольку ты любила упиваться из чаши мерзостей земских (Откр. 17:4–5).

События – плачевные сами по себе, но которые могут и должны соделаться для каждого христианина источником

неиссякаемых утешений и всегдашнего назидания, посредством углубления в нем верою и любовью! Сын Божий страдает за мои грехи; что убо удержит меня в области беззакония? Прелести мира! Вы кажетесь мне ядом змииным, после того как наслаждение вами стоило страданий и смерти моему Спасителю. Если Бог не пощадил Единородного Сына Своего, Который принял на Себя удовлетворение за мое беззаконное наслаждение вами, то может ли Он пощадить меня, если я, презрев удовлетворение Его, снова буду незаконно предаваться вам? Сила греха! И ты не можешь отвратить меня теперь от решимости идти к Отцу Небесному. Пусть, я прииду к Нему, обремененный всякого рода беззакониями: может ли Он не принять той цены за грех, которая определена Им Самим? Может ли не узнать во мне заслуг Сына Своего? А Сын отречется ли ходатайствовать о мне, положив за меня живот Свой? Нет, Его слезы суть мои слезы, Его страдания суть мои страдания, Его смерть есть моя смерть. Чего убо мне страшиться? Ангелы! Вы не согрешили, но вы не правее меня, ибо я облечен правдою Самого Бога.

Ты не разумеешь сего гласа верующего сердца, мудрец, богатыющийся собственной правдой! Ты не разумеешь блаженства его; и праведно! Бог исполняет дарами Своими души алчущие. поскольку же Кровь Сына Его есть высочайший из даров Его; то может ли исполнить твою душу, наполненную Собою? Но горе глаголющим: «обогатился и ничтоже требую» (Откр. 3:17). Горе попирающим Кровь завета вечного! Иегова рек Сыну Своему «и не раскается: Ты еси Иерей во век по чину Мелхиседекову» (Евр. 7:21). Убо ты раскаешься: раскаешься, отверзутся духовные очи твои, ты узришь духовную наготу твою; не дай Бог, чтобы они отверзлись тогда, когда будет помрачаться свет в очах телесных.

Христианин! Внимай собственной совести; она изъяснит тебе радостную тайну яслей и Креста. Не напрасно Павлы, Златоусты, Григории, Василии повергались пред Младенцем, лежащим в яслях. Они видели в Нем великого Архиерея, прошедшего небеса. Узришь и ты некогда Его, стояща одесную престола Вседержителя, и двенадцати старцев, повергающих

пред Ним венцы свои. О, блажен ты, если будешь в состоянии повергнуть пред Ним и свой венец!

Но скоро ли будет сие? Ах, долг путь, ведущий из Египта в Ханаан небесный! Сколько врагов, сколько опасностей предстоит нам на сем пути! Лютый фараон – бог века сего – нас преследует со всеми духами злобы поднебесной. Враждебные амаликиты – страсти – ожидают только нашего духовного бездействия, дабы сокрушить духовные силы наши. Пустыня мира наполнена змиями, соблазнами уязвляющими. Самые крастели – невинные удовольствия, коими мним усладить горечь странствования земного, могут воздвигнуть для нас гробы похотений. Кто же будет нашим руководителем? Где столб огненный и облачный? Кто ведет нас в гору святую?

«Аз... есмь Царь, поставленный над Сионом, горою святою» (Пс. 2:6), – отвечает нам рожденный ныне Спаситель: Я проведу вас сквозь пустыню мира сего; Я поражу врагов вашего спасения; Я устрою окрест вас забрала вечная; Я вселю вас в гору святую: Аз есмь Царь!

«Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным?» (Пс. 2:1), – вопиял некогда пророк, внимая сему гласу Царя нашего. Господи! я зрю, что при самом появлении Царства Твоего в мире, все устремляется на расхищение благословенного наследия Твоего: и воинственный меч кесарей и замысловатая трость философа, и суеверный жезл жреца. Одни селятся потопить его в крови избранных Твоих; другие мнят низпровергнуть оное лестию; сии покушаются уничтожить его клеветою. Но к чему все сии покушения? «Ты поразишь их «жезлом железным, яко сосуды скудельничи сокрушиши» их (Пс. 2:9).

Христиане! Сии чудеса могущества ныне рожденного Царя нашего, издавеча провиденные пророком, давно совершились пред лицом всех людей во славу духовного Израиля. Целые поколения кесарей, враждовавших на Бога и на Христа Его, для того, по-видимому, восходили на престол, да сокрушатся, подобно скудели, жезлом гнева небесного. Где ныне ужасный колосс царств, противных Царству Сына Божия? Где золото и серебро Вавилона и Персии? Где медь и железо – грек и

римлянин язычествующие? Где глина и скудель, массы – народы, преследовавшие имя Христово? Где они?

Камень, отторгшийся без рук от несекомой горы девственной, сразил все, истнил все, и не обретется места их (Дан. 2:31–34).

Пусть убо новые мудрецы, заступившие места древних гонителей христианства, продолжают вражду зимия на благодатное Семя Жены; пусть из уст их текут, яко реки велики, хулы и поношения на Крест Христов: христианин не поколеблется; он знает, что чем более они успевают, тем глубже последует их падение, что сии плевелы терпимы, да не како восторгая их восторгнут и пшеницу, что в Царстве Сына Божия, в царстве истины, «подобает... ересем... быти, да искуснии явлены бывают» в вере (1Кор. 11:19).

В самом деле, – говорит один учитель Церкви, – не приятно ли бы было взирать на море воздымающееся, на волны, подобно горам сражающиеся друг с другом, на землю, спорящую с небесами, если бы мы были совершенно уверены, что корабль, на коем мы находимся, не подвергнется ни малейшей опасности? Но состояние христианина, – продолжает тот же отец, – точно таково. Корабль, в коем он совершает плавание, Святая Церковь, управляется Иисусом Христом; может ли убо претерпеть кораблекрушение Тот, Который единою дланью содержит небо и землю? «Но домашние враги – страсти – могут низвергнуть нас из корабля Христова». О! блюдемся, слушатели, сих врагов, которые одни токмо и стоят сего наименования. Впрочем, и сии враги для нас не опасны, доколе мы не выходим из-под скипетра Царя нашего. Его сокровищницы исполнены оружиями всякого рода. Здесь каждый найдет по своим потребностям «и броню правды, и шлем упования, и щит веры и меч слова Божия, и стрелы молитв, над всеми же сими обретает благодать Божию» (Еф. 6:14–24), которая может и мало пострадавших совершить и утвердить на пути к Царствию Небесному. Стоит токмо употреблять сии непреодолимые оружия с упованием на нашего Подвигоположника – и искушения, самые жестокие, для того токмо будут приходить к нам, чтобы сплести для нас венец

победный. После сего не должны ли мы, вместо страха, исполняться радостью и при виде духовных опасностей, подобно как воин радуется восстающим на него его врагам: да в низложении их узрится доблесть царя его.

Но во всех сих случаях радость о могуществе Царя нашего соединена с опасением по причине наших слабостей. Желаете ли, христиане, наслаждаться сиянием венца царского, не помрачаемого нашей неверностью к Нему? – Возвысимся духом и изыдем мыслью за пределы Царства благодати. Ибо царства земные имеют блеск свой в середине своего продолжения, а Царство благодати – при окончании. Какие чудеса поражают духовный взор наш? Порядок природы изменяется: солнце и луна переменяются во тьму; звезды, яко листвие, упадают с тверди; небеса, подобно облакам, с шумом преходят; смертные во всех концах земли с поспешностью восстают от гробов; сонмы Ангелов нисходят на землю, сонмы человеков восходят на небо – мир претворяется... Кто же Сей, Коего гласа ожидают в безмолвии все племена и языки? Кто, Коего престол, посреде небес, окружен тьмами тем Ангелов, Кто есть Сей Царь славы?

Христиане! Се Царь ваш, Тот Самый, Коему вы теперь поклоняетесь, яко Младенцу, лежащему в яслях! И для кого Он потрясет небом и землею? – Для отомщения тебя, преследуемый злобою людей, но постоянно гонящий правду. Для кого Он воздвигнет Иерусалим небесный? Для вселения тебя, изгнанный из отечества земного, постоянно искавший отечества небесного. Для кого насадит Он древо жизни? Для насыщения тебя, томимый голодом, но алчущий правды. Кто будет царствовать с Ним во веки веков в селениях небесных? Слушатели, мы, если будем того достойны.

Такова, христиане, тайна настоящего события Вифлеемского. Начавшись еще в Эдеме, она кончится на Сионе. Просияв из Вифлеема, она должна озарить все концы земли. О «братие святая, звания небесного причастницы, разумеите Посланника и Святителя исповедания нашего» (Евр. 3:1), разумеите Его, яко Пророка, исповедавшего вам Бога истинного, и научившего поклоняться Ему духом и истиною; разумеите, яко Священника, приносящего самого себя за вас в

жертву Богу; разумеете, яко Царя, исполняющего во благих все желания ваши; разумеете, поучайтесь, углубляйтесь. Вы никогда не узрите в полной мере изображенную радость, приносимую нам рождением нашего Спасителя. Самые пророки, самые апостолы только изумлялись, когда обращали взоры на сию радостную тайну.

Мы часто сетуем на падение нашего праотца. Но что потеряно нами, чего бы не возвратил нам воплотившийся Спаситель? Что может сравниться с чистотою света, коим озаряется христианин? Что может быть выше той святости, кою облачается последователь Христов? Что надежнее и ненарушимее того мира, коим наслаждаются под скипетром Христовым? Напротив, не должны ли мы почитать себя счастливыми, что мы согрешили во Адаме? Что мы были до падения, и что теперь? Тогда были владельцами земли, хранителями вертограда, – теперь нам принадлежит целое небо; тогда Ангелы были нашими собеседниками – теперь они суть служители нашего спасения; тогда мы были почтены образом Божиим – теперь Сам Бог носит образ наш. О человек! Ты пал, ты пал, если можно сказать, не вниз, а вверх, ибо ты пал во глубину Божественной любви.

Но, слушатели, будучи возносимы на толикую высоту снисхождением Сына Божия, да памятуем, что Он соделывается нашим Пророком, Священником и Царем, дабы нас соделать «цари и иереи» Богу (Откр. 5:10). В сем случае Отец Небесный, вводя в мир Сына Своего, то же глаголет нам, что некогда глаголал Моисею: «вижд, да сотвориши по образу показанному тебе» (Исх. 25:40). Виждь, христианин! Спаситель твой на сие родился и на сие пришел в мир, дабы свидетельствовать истину, и твое бытие на земле, в плане Промысла не имеет другой цели, кроме той, чтобы свет твой осветился перед человеками, и чтобы все, видящие добрые дела твои, прославляли Отца, Иже на небесех. Спаситель твой пришел дать душу Свою в цену избавления за грехи всего мира; да не будет и для тебя меньшей любви, как полагать, в случае нужды, душу свою за други своя. Спаситель твой явился, да низложит всех врагов спасения твоего, воцарит всюду радость и

мир – и для тебя нет большей славы, как побеждать собственные страсти, властвовать над желаниями своего сердца.

Христиане! Когда мы вообразим в себе сии три качества лица Иисусова, тогда настоящая радость наша будет исполнена, и никтоже возьмет ю от нас; тогда Сам Иисус, Виновник нашей радости, вообразится в нас. Аминь.

Слово третье на Рождество Христово

«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!» (Лк. 2:14)

Так воспевают с неба Ангелы, а на земле, вместо мира и тишины, свирепствует брань и одно слышание браней; вместо любви и взаимного благоволения господствуют ненависть и вражда ожесточенная! При таком положении целых царств и народов, коего мы столько времени и ближайшие свидетели и первые жертвы, как спокойно отверзть уста на возглашение радостного песнопения ангельского? Не удобнее ли возлюбить молчание, или, предоставив радость о мире, возвещаемом Ангелами, тем, кои оной достойнее, нам самим воспрять не радование, а горький плач и рыдание Рахили, плачущей о избиении Вифлеемских «чад своих и не хотяше утешиться, яко не суть?» (Мф. 2:18).

И однако же, братие мои, Святая Церковь, которая не менее нас видит наши бедствия и разделяет их с нами, нисколько не изменяет ныне, вследствие настоящих горестных событий, гласа своего и вместе с Ангелами, по-прежнему, громко и радостно восклицает: «слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!» (Лк. 2:14)

Что значит это? То, что мир на земле, провозглашаемый Ангелами, не есть мир обыкновенный и земной, весьма часто нарушаемый и никогда почти вполне не существующий на земле, который когда и продолжается где-либо долее обыкновенного, то всегда почти, подобно слишком продолжительной тишине в воздухе, оканчивается бурями и грозой; то, что благоволение в человецех, возвещаемое по причине пришествия в мир Спасителя мира, превышает всех связей и содружеств человеческих, скоро возникающих и еще скорее распадающихся, и редко, редко не приводящих к «единомыслию лукавства» (Прем. 10:5).

Естествоиспытатели утверждают, что море, как оно ни удободвижимо и открыто для волн, на известной глубине своей всегда постоянно и тихо, и не может подлежать никаким ветрам

и бурям, так что, если бы ладьи, самые великие, могли по произволу опускаться на эту глубину, то во время самых ужасных треволнений на поверхности моря, находились бы там в тишине и безопасности. То же можно сказать и о море житейском, о мире и обществах человеческих: сокрушительным бурям и треволнениям их подлежат преимущественно те, кои всегда остаются на поверхности вещей и событий, и не знают драгоценного искусства -скрываться на это время во глубину веры и упования, во глубину Промысла и любви Божией, где кончается несчастная зависимость человека от внешних перемен и превращений. Те, напротив, кои, по выражению Спасителя, хотя суть, яко и все прочие человеки, "от мира» (Ин. 15:19), но не принадлежат миру своей душою и сердцем, кои все существенные потребности и чаяния свои, все тайные сокровища сердца заранее перенесли обонпол (на другую сторону) земного бытия и предали, так сказать, на сохранение вечности; те, наконец, кои, находясь еще на земле, стяжали святую возможность укрываться от самых мятежей человеческих «в тайне лица» Божия, (Пс. 30:21), – те, среди самых ужасных треволнений моря житейского, среди потрясений царств и народов, могут оставаться в покое и благонадежии душевном, могут даже радоваться в самых страданиях своих, как показывает пример святого Павла и других истинных рабов Божиих.

Да, братие мои, есть мир, коего не может нарушить и возмутить никакая земная брань! Это – внутренний мир человека с Богом и своей совестью; это – успокоение человека-грешника в безконечных заслугах Сына Божия, коими возвращается потерянное грехами нашими благоволение небесное и чаяние жизни вечной. Сего мира не было и не могло быть на земле, доколе не явился во плоти великий Посредник и Примиритель всяческих и доколе смертью Своей на Кресте, за грехи всего мира, не примирил человека-грешника с Божеством Праведным и Всесвятым. После сего, вместо прежнего гнева и проклятия, не могло не открыться во всей полноте и благоволения удовлетворенного и примиренного Божества к искупленному и оправданному человечеству. Помилованный

грешник из врага Божия соделался паки возлюбленным, сыном Божиим, содругом и будущим сожителем на небе Ангелов, прямым и полным наследником рая и блаженства вечного. Причем естественно открылась и величайшая слава Божия – слава правды, слава премудрости и слава милосердия Божественного, изобретших, для спасения погибавшего во грехах человечества, такое великое и недомыслимое средство, как воплощение и смерть ради нас Единородного Сына Божия, коими достигается в избытке все, что было нужно для нашего спасения, и, вместе с тем, не оскорбляется ни одного из свойств существа Божия и не нарушается ни одного из законов мира нравственного. Сие-то самое имеют в виду Ангелы и Святая Церковь, когда возглашают ныне: «слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!» (Лк. 2:14)

Нужно ли говорить, что необходимо следует из сего?

Следует, очевидно, что для каждого из нас первая задача в жизни и первый долг на земле должен состоять в том, чтобы возыметь живое и непрестающее участие в сем мире Божиим и в сем благоволении Отца Небесного к человекам, а для сего – искренно уверовать в великого Посредника и Примирителя, данного нам Богом, усвоить себе искупительную жертву, Им за нас принесенную на Кресте, соединиться с Ним навсегда в духе, расположить жизнь и действия свои по Его Евангелию, предать Ему себя совершенно на веки, и проводить жизнь в делах благих, ожидая, доколе Он же, премилосердый Спаситель наш, не воззовет каждого из нас из сей юдоли слез в Свои вечные обители, где уже нет ни печали, ни воздыхания, но один покой и блаженство бесконечное. Кто сделает все сие, – а должны сделать все и каждый, – кто даже предначнет только делать это воистину, тот скоро на самом опыте дознает, что можно и среди шума браней наслаждаться внутренним миром, и среди распрей и пререканий человеческих радоваться о благоволении Божиим к человекам.

Сего-то вожделенного состояния желаем всем нам, братие мои, от лица почивающего ныне в яслях, великого Примирителя неба и земли! Аминь.

Слово четвертое на второй день Рождества Христова

Вчера, беседуя с вами, братие, мы, сообразно обстоятельствам, старались показать, что и среди ужасов и бедствий брани можно наслаждаться тем вожделенным миром, который при рождении Спасителя возвещен Ангелами: «и на земли мир!». Что никакая враждебная сила, не только земная, но самая адская, не может нарушить и упразднить того непреложного определения Божия о спасении нашем, для которого явился во плоти Единородный Сын Божий: «в человецех благоволение!» И что слава Божия, обнаружившаяся в сем великом Таинстве, сколько бы ее ни помрачали люди своим безрассудством и грехами, всегда пребудет паче солнца, сияющего на тверди небесной: «слава в вышних Богу!» (Лк. 2:14)

Ныне мы намерены, при помощи Божией, побеседовать с вами о том же предмете, только совершенно с другой стороны, а именно – показать, что взаимные брани и смуты между народами христианскими, как ни печальны они и возмутительны для сердца, нисколько не служат к нареканию на святую веру христианскую, а только свидетельствуют о жалком состоянии духовном самих христиан. Подобное размышление и всегда бесполезно, ибо есть, к сожалению, люди, всегда готовые к нареканиям на христианство; тем паче благовременно в настоящих обстоятельствах, когда вихрь брани, вокруг нас свирепствующей, может затмевать зрение и у неблизоруких.

«От христианской веры, – так рассуждают некоторые, – яко Божественной, надлежало ожидать и того благодеяния человечеству, что она, в знамение своего происхождения свыше, кроме дарования ему благ вечных и духовных, будет сильно споспешествовать и земному его благоденствию и, между прочим, отучит людей от зверства и вражды, и приучит их жить в мире и взаимном согласии, яко детей единого Небесного Отца, имущих одно и то же обетование жизни вечной. Но, вот проходит уже девятнадцатое столетие, а мир

христианский доселе представляет из себя весьма жалкое зрелище, во многих отношениях, а более всего, своими кровавыми распрями и междоусобиями!»

Будем ли отрицать истину сих замечаний? Нет, мы, напротив, еще присовокупим к сему, что, по сказаниям всех пророков, изображавших будущее царство Мессии, Спасителя мира, в сем царстве должно господствовать всякого рода благоденствие, что последователи Его имеют превзойти все прочие народы своим благоустройством, и будут так небраннолюбивы, что «раскуют мечи своя на орала и копия на серпы, и не возмет язык на язык меча, и не навикнут ктому ратоваться» (Ис. 2:4). Вот что говорили и обещали от христианства еще древние пророки!

Кто будет отрицать, что это славное обетование доселе не исполнилось во всей силе? И однако же многое из сего не сбылось ли на самом деле? Кому принадлежит теперь первенство во всем роде человеческом? Народам христианским. Кто отличается знаниями, искусствами и разными плодами образованности? Народы христианские. В чьих руках судьба всех прочих нехристианских народов? В руках христиан. Изыскивайте, какие угодно причины сего всемирного явления, вы никогда достаточно не объясните его, не обратившись к христианской вере и Евангелию. Здесь главный источник могущества, величия и гораздо большего (сравнительно) благоденствия народов христианских!

При всем том, как замечено выше, мы первые признаем и оплакиваем что христианство не произвело еще всего того, что предлежало и предлежит ему сделать для человечества, даже в земном отношении; что христиане доселе ниже того благоустройства, не достигли того благоденствия, к которому они предназначены. Но, что виною сего? Вера ли? Ее можно бы винить в этом тогда, если бы в ней не содержалось несомненных начал и твердых залогов к желаемому благоденствию обществ человеческих. Но кто может утверждать сие? Самые хладные к христианству признают, что оно заключает в себе все, что нужно к усовершению обществ человеческих. Но это признание остается без приложения к

делу, ибо покажите мне хотя одно общество человеческое, которое было бы устроено вполне по духу Евангелия. Увы, в сем роде доселе еще не сделано ни единого опыта. А после сего, можно ли упрекать христианство в том, что настоящее положение обществ человеческих так далеко от своего совершенства? Это все равно, как если бы кто, оставляя добрые семена лежать в своей житнице и сея вместо них на поле плевых, сетовал бы и жаловался, что его поле не покрывается доброй пшеницей, и что виною сему семена, коих он же не употребил в дело.

Что касается, в частности, взаимных распрей и браней между народами христианскими, то стоит только взять в руки Евангелие, чтобы видеть, как христианство осуждает все это, и как оно противоположно всякой зависти и вражде человеческой. Вообразим, что высокие и святые правила Евангелия соделались правилом поведения не только частных людей, но и целых царств; тогда все брани между ними прекратились бы и истребились сами собою, и точно, по выражению пророка, язык на язык никогда не восставал бы ратью.

Но, для чего воображать, когда можно обратиться за свидетельством к опыту и действительности? Вспомним первые века христианства, когда святая вера была не одним предметом внешнего уважения, а действительным правилом жизни и действий для последователей своих; когда Крест Христов возвышался и блистал не столько в храмах и алтарях, сколько в душах и сердцах истинно верующих; тогда на самом деле было то, чего мы желаем теперь от христианства. Весь древний мир с обьюродевшим владыкою своим – Римом непрестанно колебался из края в край от междоусобий и браней, то внутренних, то внешних; а христиане жили между собою в глубоком мире, не участвуя в общественных треволнениях. Между язычниками господствовали взаимное недоверие и ненависть: сын восставал на отца, дочь изменяла матери, брат строил ковы брату; а между христианами царствовали любовь и взаимное согласие: они все и по всему свету составляли как бы единое семейство. Кто принимал, например, крещение в Индии, тот, вместе с тем, становился родным и близким христианину,

живущему в Испании и Британии. Что всего примечательнее, самая лютость гонений, воздвигаемых на христиан язычниками, не могла заставить христиан обратиться к защите себя оружием: они терпели самые ужасные муки за Христа и умирали тысячами; могли, наполняя собою все области империи, самый Рим и сенат, – противопоставить насилию язычников свою собственную силу; могли даже потрясти и разрушить ветшающий колосс Римской империи; но, следуя правилам своей веры, ни разу не обнажили меча против своих гонителей, и до конца оставались послушными и мирными гражданами. Вот что производило христианство: до того удаляло оно своих последователей от всякого вида вражды и мщения!

Ныне, как сами видите, другое! Ныне христиане спокойно соединяют знамена свои со знаменем Магомета и несут сокровища и жизнь свою на жертву в поддержание падающего магометанства; но почему? Потому что вера христианская, оставаясь у многих на языке, исчезла из души и сердца; потому что, вместо Божественных правил Евангелия обыкли предаваться водительству одной земной мудрости и расчетам житейским; потому что многие решились жить и действовать, как бы не было на земле другого Бога, кроме разума человеческого, другого спасения, кроме преобладания и корысти.

Скажите, что при сем делать вере и откровению, когда им не внемлют и не хотят следовать их указаниям и руководству? Что делать Самому Промыслу Божию? Связать безумный произвол человеческий? Заставить людей невольно идти путем любви и смирения? Но Царство благодати есть царство свободы; в нем нет места насилию и необходимости; иначе и оно походило бы на царства человеческие.

«Все это, – подумает еще кто-либо, – справедливо; и однако же, к чести веры христианской, яко Божественной, желалось бы, чтобы она, в ознаменование своего Божественного достоинства, и в земном отношении оказала, хотя против воли людей, то благо роду человеческому, чтобы умирила людей между собою, и поселила между ними более любви и взаимного уважения».

Что же? Разве уже вовсе не оправдалось это желание? Разве не произошло никакой перемены во взаимных отношениях царств и народов, в их распрях и бранях между собою с тех пор, как христианство сделалось, хотя большей частью по одному имени, господствующей религией?

Сравните древние войны народов языческих с бранями народов христианских, и вы тотчас увидите великую разность между теми и другими и воздадите честь вере христианской, между прочим, и за то, что она самые войны умела и возмогла сделать человеколюбивее и, так сказать, мирнее. Укажем на один в этом отношении пример: кто из христианских полководцев и завоевателей позволил бы себе, подобно Тамерлану, воздвигнуть в память о себе пирамиду из ста тысяч голов, для сего именно нарочно убитых, – уже побежденных и обезоруженных неприятелей?..

Но, зачем всегда углубляться в древность? Довольно обратить внимание на брань настоящую. Конечно, она служит, и будет служить, ко всегдашнему стыду христианства, представляя противоестественное сочетание Креста с луною Магометовою, в пользу мусульманства и во вред восточных христиан; но, при всем безрассудстве объюродевших в гордости и корысти западных противников наших, кто может сказать, что эта брань не была бы соединена еще с большими свирепостями, если бы она велась с нами только поклонниками Магомета? Первые шаги их на землю нашу в пределах Иверии и внезапно захваченное ими укрепление святого Николая достаточно показали, чего надлежало ожидать от их изуверства, если бы оно не было удерживаемо и смягчаемо их христианскими союзниками.

Соображая все сие, дадим, братие, славу Богу! Христианство, хотя ведет людей на небо, но и для земли сделало более, нежели сколько могли сделать вся мудрость и все искусство человеческое. О вере христианской можно сказать словами святого Иоанна, что это "свет, который светит и во тьме» (Ин. 1:4). Ибо, на что гуще и непроницаемее тьмы, коей покрыто человечество, и по его растленной природе, и по множеству страстей человеческих, из коих каждая образует

вокруг себя облако тьмы? Но свет Евангелия, как солнце, проникает с благотворной теплотой своей во все концы вселенной, ко всем народам, во все степени и, так сказать, изгибы человечества; и всюду, где ни появляется, оживляет души и сердца не только для неба и жизни вечной, но даже для земного благоустройства.

А что было бы, если бы люди дали сиять над собою свету Евангельскому во всей его Божественной силе? Тогда небо с его миром и радостью сошло бы на землю, и «скиния Божия вселилась бы между человеки» (Откр. 21:3).

Будем же усердно молить почивающего в яслях Спасителя мира, да проникнет Своею благодатью хладные и косные сердца человеческие, да обратит их к свету Евангелия и расположит к тому, чтобы, оставив стропотные пути лжеименного разума, начали искать не только вечного, но и временного благоденствия своего в Его святых уставах. Аминь.

Слово пятое на Рождество Христово

«Велия есть благочестия тайна: Бог явися во плоти» (1Тим. 3:16)

И сию-то велию тайну мы должны возвещать вам, братие! И сие-то явление Бога во плоти должно составлять предмет нашей проповеди к вам!.. Не удивляйтесь после сего, если мысль наша иногда оскудевает, и язык наш немеет пред вами. Кто в состоянии исповедать неисповедимое, изглаголать неизглаголанное? Если бы вместо нас пред вами стали пророки и апостолы, то и они не в состоянии были бы раскрыть всю глубину и обнять всю высоту сей тайны. «Велия благочестия тайна: Бог явися во плоти!»

Впрочем, это отнюдь не значит того, чтобы сия тайна состояла из одних непонятных вещей, или чтобы в ней находилось что-либо противное разуму человеческому. Нет, эта тайна – как солнце; на нее нельзя только взирать прямо и видеть существо ее, но действительность и благотворное влияние, так же как солнце, может ощущать всякий: и самый великий мудрец и самый последний простолюдин. Посему-то, как бы в чувственное изображение сей истины, мы видим у яслей Спасителя и мудрецов восточных с их дарами, и пастырей Вифлеемских, с их простотой и смирением.

И как астрономы, не имея возможности прояснить существо солнца, при его же свете определяют все перемены, с ним и от него происходящие, так и мы, не имея возможности прояснить тайны явления Бога во плоти, можем, при ее же свете в Евангелии, узнать ее важность, основание и благотворные последствия.

Входить в рассуждение о сем со всех сторон было бы не по краткости настоящего времени; посему изберем, для примера, одну, самую, по-видимому, малодоступную, а именно: покажем основание сей тайны в самой природе человеческой.

Итак, существо велией тайны Вифлеемской состоит в том, что Бог явился во плоти. Понять образ сего явления превыше нашего разума, но не превыше разума – видеть, что явление

Бога во плоти, хотя не в такой полноте, служит основанием самого бытия каждого из нас, яко человека.

В самом деле, взойдем мыслью к происхождению рода человеческого. Как создается человек? Персть берется от земли, а душа вдыхается непосредственно Самим Богом. И какая душа? Подобная Богу. Посему-то человек есть образ Божий, или, так сказать, малый бог. Итак, вот первое явление Бога во плоти человеческой. Конечно, сие явление гораздо слабее того явления во плоти, которое узрелось в лице Спасителя нашего. Но оно видимо содержит в себе нечто подобное и служит знаком больших явлений.

Обратимся к самому существу души. Несмотря на ее униженное состояние, в ней разительно отпечатлевается явление Бога во плоти. Какого совершенства Божественного не найдем в ней – в малом виде? Сочтем самые большие, по видимому не сообщимые...

(Не закончено).

Слово шестое в день Рождества Христова

Великое и поучительное зрелище представляют Вифлеем и Иерусалим во время явления на свет обетованного Испытателя мира. Кто не прославит с благоговением Предвечное Отроча, грядущее доставить благо всем и каждому, и несмотря на Свою безвестность и смирение, подвергающееся гонениям Ирода? Кто не изумится радостно при виде восточных мудрецов, воззванных явлением небесным и грядущих поклониться Царю, Коего они не ведают ни имени, ни места рождения? Кто не поболит сердечно о Иерусалиме, мнящемся от вести о своем спасении? Наконец, кто не почувствует ужаса и отвращения к Ироду, представляющемуся лисом, дабы потом явиться, каков есть, тигром? Сколько предметов для размышления, поучения, удивления и безграничного благоговения пред судьбами Промысла!..

Но, братие мои, мы сознали бы только половину дела, если бы в настоящие дни занялись только размышлением о том, что во дни Спасителя нашего было в Вифлееме и Иерусалиме, а не обратили внимания на собственное сердце. Ибо если мы не все носим имя христиан, то в нашем сердце должно происходить подобное тому, что было в Вифлееме и Иерусалиме, потому что Иисус Христос для того и родился в Вифлееме единожды, дабы присно рождаться в душах и сердцах верующих в Него. Это – истина, разлитая во всех книгах Нового Завета; это, можно сказать, сущность нравственного учения апостолов. По единодушному свидетельству их, каждый истинный христианин есть христоносец, так что Иисус Христос живет в нем и действует.

Думаете ли же, что рождение Его в нас совершается без всяких действий противных со стороны врага нашего? Ах, здесь нередко бывает более смущений, потрясений, насилия и злобы, нежели было в Вифлееме и Иерусалиме. Если есть здесь волхвы мудрые и пастыри смиренные, то есть и книжники неверные, и Ироды неистовые.

И на сие-то мы должны обращать все наше внимание. Ибо Ирод Иерусалимский не мог погубить Отроча в Вифлееме; а Ирод наш внутренний может погубить Его в сердце нашем. Кто сей Ирод? Это – наш ветхий, плотской человек; это – наше греховное нечистое самолюбие; это – наша злая воля! В самом деле, сколько есть людей, кои чувствовали внутри себя благодатное присутствие Спасителя своего, а потом, по небрежению, лишились сей благодати, соделались, якоже Вифлеем, после исшествия из него Спасителя.

Войдем же размышлением внутрь сердца нашего, и посмотрим, что там происходит при благодатном рождении Спасителя.

Тайна возрождения нашего во Христе, или, что то же, рождение Его в нас совершается, как и тайна Вифлеемская, в безвестности от нашего разума, ибо совершается непосредственно Самим Богом. «Дух, идеже хочет, дышет, и глас его слышиши, но не веши, откуда приходит и камо идет: тако есть всяк (человек) рожденный от Духа» (Ин. 3:8).

Но нельзя же ей не прийти в известность: ум, подобно волхвам, является на поклонение, самые низшие способности, подобно пастырям, спешат на сретение чуда.

При сих движениях сил душевных, достигает весть до Ирода. Иерусалим ветхий – плоть и кровь смущаются...

(Не закончено).

Слово первое в навечерие нового года

Настоящий вечер, братие, служит последним пределом прошедшего года: завтра мы пробудимся уже в новом лете. Но пробудимся ли? Все ли пробудимся? И сего не ведаем заподлинно: тем паче не знаем, что ожидает каждого из нас в наступающем лете. Продлится ли счастье тех, коим не остается ничего искать, кроме продолжения своих радостей? Осушатся ли слезы того, коему не остается ничего желать, кроме конца страданий? Принесет ли земля плод утружденному делателю, или погребет невозвратно в недрах своих семена, ей вверенные? Починут ли народы в мире, или новый вихрь брани возмнет лицо земли? Последует ли благорастворение воздуха, или какой-либо Ангел смерти придет паки одесятствовать грады и веси? Все это: и великое и малое, и касающееся и целых народов и нас с тобою, слушатель, – покрыто непроницаемой завесой, запечатано семью печатями.

Почему запечатано? Ужели невозможно было, чтобы человек и будущее знал так же ясно, как настоящее и прошедшее? Но пример многих святых мужей, кои, обладая даром прозорливости, видели будущее, самое отдаленное и случайное, показывает противное. Человек мог вместить способность провидеть будущее, но в настоящем состоянии своем не мог вместить ее без вреда для себя; потому и лишен ее на время.

В самом деле, братие, какая радость отцу семейства, окруженному веселящимися домочадцами, провидеть, что предмет его любви обречен в следующем году гробу? Какое утешение проповеднику слова Божия заранее знать, что все слова его останутся без действия над сердцами его слушателей? Какая польза любителю наук предвидеть, что он не окончит великого открытия, им начатого? Явно, что во всех сих и подобных случаях гораздо лучше не знать будущего.

«Но знание будущего, – скажешь, – полезно было бы для нравственности людей и спасало бы от страстей и грехов, не давая выходить из памяти концу нашей жизни». Но, что для

этой цели нужно знать из будущего, то нам все открыто, то мы все давно знаем. Нам особенно нужна для сего известность о нашей смерти. И что известнее сего? Не знаем только, когда умрем; но это еще более должно производить в нас спасительный страх и держать на узде наши страсти. Нам нужно еще знать, что будет с нами по смерти; и кто может сказать, чтобы это было неизвестно? Рай и ад, суд и награда, открыты в Евангелии для всех и каждого. Не знаем только того, что служит предметом для любопытства: как, например, когда последует кончина мира, где именно будет суд, как будут жить праведники. Но знание сих вещей ничего не прибавило бы к нашему спасению: а потому и не дано нам.

Но, посмотрите, что взамен того дано всем! Дано все настоящее. Явно, что оно важнее и прошедшего и будущего; ибо от него зависит то и другое; и вот, что есть самого важного во времени, то Господь времен предоставил каждому из нас. Действуй, как хочешь, распоряжайся, чем можешь, как угодно: исполняй закон или слушай страстей, признавай над собою Творца или отвергай Его Промысл, иди на небо или в ад – все это в твоей воле, от тебя зависит, тебе предоставлено. Тут само всемогущество Божие остается как бы без действия и нисколько не препятствует. Любовь Божия зовет постоянно к себе, действует в нашем разуме и совести, учит внешними событиями жизни, вразумляет гласом Пророков и Апостолов; но свобода наша пребывает ненарушимой – каждую минуту можем обратиться, куда хотим: к Отцу Небесному – или врагу нашего спасения. И, что еще важнее, пользуясь хорошо настоящим, мы можем благотворно действовать и на будущее, ибо что сеется, то будет и пожато; даже на прошедшее воздействует, ибо если хорошо проводится настоящее, то этим изглаждается худое прошедшее.

Познаем же, братие, милость Божию к нам и наше преимущество; оставим покушение прозревать в будущее и мучить себя догадками: будем пользоваться тем, что нам предоставлено, употребляя настоящее время как должно. В награду за это мы спокойно будем идти навстречу всякому будущему. Принесет ли оно нам счастье с добродетелью, – мы

не ослепимся блеском его. Принесет ли несчастье, при добродетели и чистой совести – мы равнодушно перенесем его и обратим к вечному благу нашей души. Придет ли за нами самый ангел смерти, – и он найдет нас с горящим светильником веры и любви. Аминь.

Слово второе в навечерие нового года, на всенощном бдении

И еще нет одного года, возлюбленные братие! Вероятно, он казался медлен и долгод для некоторых, но теперь, что бы вы ни делали, не можете уже продолжить его и единою минутой. Таково время! В настоящем мы можем располагать днями и часами своими, как угодно: но коль скоро какой-либо из них прошел, то уже не возвратится никогда. Как посему надобно быть всем нам осмотнительными в поступках своих, когда все, что ни делается нами, остается на всю вечность! Ибо при таком порядке вещей как хороший поступок наш останется хорошим навсегда и будет служить в украшение нашей душе, так и худой поступок останется худым навсегда же, будучи вечным пятном на нашей совести. Теперь приходит этому несчастью на помощь иногда забвение: худой поступок, забытый, перестает как бы существовать для нас и не тяготит уже собою души; но это забвение только на время. И в этой жизни, по временам, живо припоминается многое из забытого, а с переходом в вечность душа вспомнит все прошедшее: ей, как в зеркале, представится вся ее жизнь и все поступки. Как же тяжело и мучительно будет вдруг увидеть на себе все прошедшие грехи и преступления! Увидеть это в продолжение всей вечности!

А между тем, братие мои, сколько грехов у каждого! Возьмем один прошедший год: что увидит в нем каждый из нас? Увидит, что он весьма много не исполнил из того, что мог, и должен был исполнить. Ко многим добрым и прекрасным делам представлялись случаи самые удобные; собственное сердце наше побуждало нас сделать их, но мы не сделали: потеря великая! Это будет пустой промежуток в нравственном бытии нашем на целую вечность.

Но мы в прошедшем году не только не делали всего возможного для нас добра, а часто делали прямое зло, и притом не легкое только, которое представлялось само собою, а даже трудное, коего надлежало искать и как бы творить из ничего. Чем извинить себя в сем? У всех была возможность не

делать зла; и каждый, не потерявший своей совести, не может не скорбеть теперь о грехах своих, коими раздражена правда Божия, нарушена святость закона, очернены душа и сердце. Но сколько ни скорби и не сетуй: что сделано, то – не возвратно! Можете не делать впредь худого, но прежнее останется и вечно будет приносить плоды по виду своему.

Вообще, взор на прошедший год, если смотреть на него по-христиански, должен исполнить каждого из нас унынием и печалью, стыдом и сокрушением. Одна надежда, – и это удел только истинно верующих, – на Спасителя и Господа нашего, Иисуса Христа. Для Него, для Всемогущего и Вечного, нет ни прошедшего, ни будущего, а единое настоящее. Посему для Него совершенно возможно то, что недоступно для нас: Он может загладить зло, нами допущенное, может восполнить добро, нами опущенное, и вообще может переделать и исправить, что сделано не так, как должно. К Нему, убо, прибежем, братие мои, в конце настоящего года со грехами и неправдами нашими, яко единому, могущему изгладить их силою Креста Своего. Но прибежем не с холодной только молитвою и прошением, а как осужденный на смерть преступник прибег бы к тому, кто может спасти его от казни.

Между тем, прибегая к милосердию Спасителя, сделаем и со своей стороны, что можем, ко изглаждению – не грехов, – они невозвратны для нас, – а их последствий. Учинена ли какая-либо неправда ближнему, – постараемся вознаградить ее оказанием ему должного. Подан ли какой-либо соблазн поведением нашим, – поспешим обессилить его примером противного.

Между тем, несчастное наше прошедшее да послужит нам уроком на будущее. Если прошедшее не возвратно, то настоящее всегда в полной нашей власти. Итак, постараемся обезопасить себя от тех грехов, коим мы подвергались в прошедшем году; вникнем в причины их и поспешим заградить навсегда все входы злу. А чтобы нам, и приняв благое намерение: быть добрыми, – не облениться на страже своей души и совести, будем памятовать, что время жизни нашей (и без того краткое) сократилось ныне еще на один год, что мы

ближе подошли к концу бытия нашего на земле, и что нам предстоит смерть и суд, за коими вечность: или блаженная для праведных, или злополучная – для грешных. Аминь.

Слово первое на новый год

«...Господи, упование мое от юности моя. В Тебе утвердился от утробы, от чрева матери моей Ты еси мой покровитель: о Тебе пение мое выну» (Пс. 70:5–6)

Святой Давид находился некогда в одном из тех злополучных состояний, за кои удостоился быть не только вдохновенным провозвестником, но и одушевленным прообразом Божественного Страдальца – Господа Иисуса. Лютые враги (так он сам описывает свои бедствия) окружили его, как пчелы сот; стрелы бедствий проникли до души его; он сделался предметом поношения для всех знаемых; силы его истощились; Сам Господь, благодеевший Давиду, удалился от него: состояние ужасное!

Но праведник не изнемогает! Не находя утешения в настоящем, он обращается к прошедшему; приводит себе на память многообразные события, с ним случившиеся; проходит мыслью все возрасты своей жизни; восходит к ее началу; ищет Господа, от него удалившегося, по всем следам бытия своего.

И вот, мрак рассеивается! Промысл, незримый в настоящем, открывается в прошедшем; верующий страдалец видит, что Господь не раз подвергал его великим и лютым бедам, но всегда спасал от них; что чем горше бывала чаша искушений, тем большей всегда вознаграждалась сладостью; видит, – и, прошедшей помощью уверяясь в будущем избавлении, восклицает: «Господи, упование мое от юности моя; в Тебе утвердился от утробы, от чрева матери моей Ты еси мой покровитель: о Тебе пение мое выну!» (Пс. 70:5–6)

Бог Давидов, братие, есть вместе наш Бог и Господь. И естественная вера научает нас, что Промысл управляет жизнью каждого человека; а Евангелие уверяет, что без воли Отца Небесного не может упасть с главы нашей ни одного волоса (Лк. 12:7). Но много ли людей, кои, будучи принуждены подобно Давиду обратиться к прошедшей жизни своей, подобно ему, могли бы находить в ней утешительные следы Промысла, им благодеевшего? Напротив, между христианами есть немалое

число даже таких, для коих собственная жизнь служит источником сомнений о Провидении. Почему же не находят многие в своей жизни Промысла Божия, когда Он, по неложному учению веры и разума, управляет жизнью каждого?

Предмет сей, братие, стоит, как сами видите, самого внимательного исследования, ибо, не умея находить в своей жизни следов Промысла, мы через это самое лишаем себя величайшего утешения среди страданий, и произвольно подвергаемся унынию, а иногда и отчаянию. Итак, посвятим настоящие минуты размышлению о путях Промысла Божия в жизни человеческой.

Пути Божий, братие, вообще таинственны: ибо отстоят от путей наших, «якоже отстоит небо от земли» (Ис. 55:9); но особенно непостижимы пути Промысла о роде человеческом. Поскольку человек создан свободным, предназначен действовать сам по себе, то Творец премудрый, чтоб не нарушить сего преимущества, управляет судьбою нашей невидимо и неприметно. С нами в этом отношении происходит то же, что с малыми детьми, от которых воспитатели скрывают иногда свое присутствие, дабы дать им полную свободу действовать по своей воле.

Свойство нашей жизни весьма много благоприятствует такой сокровенности Промысла. Ибо что есть жизнь наша? Это непрестанно развивающийся свиток, наполненный множеством писмен, коего одна часть всегда сокрыта. Мы часто не в состоянии понимать хорошо смысла букв, нами же начертанных; тем менее способны замечать те, так сказать, поправки, кои делаются в ней невидимой рукой Промысла.

Что есть жизнь наша? Это непрестанно увеличивающаяся ткань, в состав коей входит бесчисленное множество разнородных нитей, коей поверхность видна всякому, а основание – никому. Для нас трудно определить, каким образом эти нити, при всей их разнородности, сочетаются в один состав; тем труднее указать, как невидимый перст всемирного Художника производит в этой ткани новые изображения и виды. Что есть жизнь наша? Это совокупность бесчисленных и разнородных явлений, кои, подобно одушевленным теням,

движутся вокруг нашего сознания, поражают чувства, занимают воображение, питают рассудок, радуют или печалят сердце, и вскоре исчезают, оставляя слабый след в памяти. Все мы – зрители и участники сего зрелища, но еще ни один мудрец не открыл, как оно происходит.

При таковой таинственности собственной нашей жизни, чего требуется от тех, кои желают видеть в своей жизни следы Промысла? Требуется, во-первых, постоянного и строгого внимания к своей жизни и Промыслу Божию, во-вторых, – верного и чистого взгляда на жизнь и на Промысл. Это главные и необходимые условия, ибо и тот, кто мало смотрит, и тот, кто худо смотрит, – равно или ничего не видят, или видят весьма мало, или превратно. Эти-то необходимые условия чаще всего и остаются без исполнения.

В самом деле, сколько людей, которые совершенно невнимательны к своей жизни! Подобно беспечным плователям, они довольны, что корабль их жизни плывет по бурному потоку времени, не утруждаясь узнать, как он меняет свое направление, какими пользуется ветрами, в какие должен заходить гавани, не угрожает ли ему опасность, нет ли где повреждения. Можно было бы подумать, что эти люди во всем положились на Промысл, как плователи полагаются на опытного кормчего, и оттого так беспечны. Нет, они нимало не думают о Боге, не думают даже и о самих себе; механическое исполнение известных дел, увеселения, связи, игры – вот их занятие! Пример, привычка, пристрастие, своеобразие – вот их правила! Знание понаслышке некоторых истин веры, присутствие, по случаю или необходимости, при совершении небольшого числа священных обрядов – вот их религия! Судите сами, можно ли ожидать, чтобы такие люди находили в своей жизни следы Промысла?

Дабы видеть, что может произвести подобная невнимательность, стоит только вспомнить о язычниках. Перед ними, так же как и перед нами, был весь великолепный мир Божий, в коем все возвещает о премудрости Творца. Кроме того, премудрость сия употребляла, по свидетельству Апостола, особенные многоразличные средства для их вразумления о

себе. Однако же язычники не уразумели, в творении – Творца, преклонили колена перед идолами, рекли древу: «отец мой... ты: и камени: ты мя родил еси» (Иер. 2:27). Если же язычники от невнимательности своей не обрели Бога в целом мире, то удивительно ли, когда многие по той же языческой невнимательности не находят Его в своей жизни; ибо что наша жизнь пред жизнью целой вселенной?

В некоторых людях происходит, по-видимому, противное; но в самом деле то же: то есть, в них примечается великая внимательность к своей жизни, но зато недостает внимания к Промыслу. Для таких людей размышление о собственной жизни служит любимым предметом занятия; они не оставляют без внимания ни одного случая; вникают в начала и последствия всех перемен, с ними происходящих; из всего извлекают правила для своего поведения; знают искусство жить во всех его тайнах; могут рассказать и изъяснить историю свою от самого младенчества: это их совершенства! Но вот и недостатки: они никогда не рассматривали этой истории в отношении к Промыслу Божию, и удивились бы, услышав, что без Него столь же мало можно изъяснить жизнь каждого человека, как и бытие мира. По мнению этих людей, все происходящее с ними есть или плод их благоразумия, или игра страстей, или дело внезапности и случая; признание невозможности изъяснить что-либо причинами для них кажется постыдной слабостью ума. Судите сами, можно ли ожидать, чтобы и эти люди, недоверчивые и боящиеся Промысла, находили Его в своей жизни?

Дабы видеть, что может производить и эта, так сказать, внимательная невнимательность к своей жизни, обратимся опять к язычникам, но уже не простым, а философам. Каких трудов не поднимали они в исследовании природы? Некоторых из них можно назвать мучениками их науки. И, однако же, были философы (жаль, что для сего нет другого имени), кои во всем мире видели один случай. Отчего? Оттого, что не хотели видеть Провидения, желали обойтись без Творца, воображали сами, так сказать, создать вселенную. Если же древние философы по невнимательности к Промыслу не находили Его в целом мире,

то удивительно ли, что потомки их (нравственные) по той же причине не находят Его в своей жизни? Ибо опять скажем: что жизнь наша перед жизнью вселенной?

Нет, не так поступали святые Божии человеки! Мы удивляемся, как они на всех путях жизни своей видели Господа, и думаем изъяснить это тем, что Промысл Божий особенным образом участвовал в приключениях их жизни. Не отвергая и сего, – ибо Сам Господь называет их Своими «присными и другими» (Ин. 15:14–15; Иак. 2:23), – должно сказать, что святые человеки все были чрезвычайно внимательны к путям Божиим. Посмотрим на одного Давида. Как у царя, сколько у него забот, предприятий, трудов, огорчений! Однако же о чем размышляет он на царственном ложе своем, в ту пору, когда весь Израиль и вся природа безмолвствует и покоится? Он размышляет о судьбах правды Божией, о том, как Господь вознес его от стада на престол Израильский. В «полунощи востах, – говорит он к Богу, – исповедатися Тебе о судьбах правды Твоя» (Пс. 118:62). И встает в "полунощи» тогда, когда, по его же словам, уже «седмерицею днем хвалих» Господа! (Пс. 118:164). Вот пример, коему подражать, вот правило, коему последовать должно! Надобно возлюбить пути Господни, и они соделаются для нас приметными. «Дай любящего, – говорит блаженный Августин, – и откроется любимый». Если бы мы постоянно наблюдали за своей жизнью, имели детское доверие к той спасительной истине, что без воли Божией действительно не падает с головы нашей ни одного волоса, то столько раз при размышлении о нашей судьбе тот же самый рассудок наш, который теперь недоразумеваает, теряется в догадках, не знает, что делать, – сколько бы раз он сам остановил ваше внимание, говоря: «Смотри, это рука Божия! Это она, всемогущая, отклонила от тебя то или другое бедствие, низложила перед тобою ту или другую преграду, спасла от тех зол, кои отяготели над тысячами подобных тебе! Это она, премудрая, провела тебя невредимым сквозь столько опасностей и затруднений, поставила в таком месте, где можешь не только сам быть покоен и счастлив, но и назидать счастье других! Это она, всеблагая, низпослала тебе столько неожиданных радостей, столько незаслуженных даров,

вознаградила столько, по-видимому, невознаградимых потерь, согревала и питала твое младенчество, обуздывала и исправляла юность, благословляла и осеняла мужество».

«Но есть, – скажет кто-либо, – люди весьма внимательные, кои со всем усердием детей желали бы видеть и лобызать отеческую десницу Промысла; однако же лишены сего счастья». Действительно, братие, есть такие люди; но в отношении к ним существуют и другие причины; можно сказать утвердительно, что в таких людях недостает благовременного, верного и чистого взгляда на Провидение.

И, во-первых, когда большей частью обращаются к путям Промысла, и ищут в них утешения? Когда поражены каким-либо бедствием; когда ни в ком и ни в чем на земле не находят отрады; когда ум смущен, чувства помрачены, сердце подавлено скорбью. То есть, те минуты, в которые нередко забывают самих себя, которые почитаются неспособными к размышлению о вещах обыкновенных, те самые минуты избирают для размышления о путях Промысла! Справедливо, что во время скорби для нас нужнее, нежели когда-либо, утешительная уверенность в Провидении; но столько же несомненно и то, что мы тогда бываем менее всего способны идти по следам Провидения. Много ли Давидов, кои, находясь среди огня искушений, сохранили бы всю веру, могли бы оставаться спокойными созерцателями отеческой любви Божией и тогда, когда она скрывается под видом гнева и вражды? Святое искусство сие есть плод долговременной опытности; мы не имеем его и, между тем, отваживаемся на то, что возможно и полезно для одних опытных.

Нет! Заблаговременно должно приучить себя находить утешение в Промысле. Когда ум светел, чувства легки, сердце мирно, тогда надобно размышлять о своей жизни и научиться из нее судьбам правды Божией. Таковые минуты, большей частью, следуют за усердной молитвой, посему молитва должна служить, так сказать, приступом к сим размышлениям. Кто приобретет в этом святом деле навык, тот, подобно Давиду, не падет и среди искушений. А без этого во время бедствий лучше

искать утешения от других, нежели полагаться на собственное размышление о Боге и Его Промысле.

Каким еще желают видеть действие Промысла в своей жизни? Обыкновенно более или менее чудесным; все естественное, простое, всеобщее, предварительно исключают из круга сих действий. Как будто бы область Провидения небесного состояла из одних чудес и чрезвычайностей! Как будто бы то, что для нас кажется необыкновенным и редким, было таковым же и для Самого Бога! В сем случае мы не походим сами на себя: обыкновенно мы любим все изъяснять, а здесь хотим видеть неизъяснимое; мы огорчаемся, если не видим причины чего-нибудь, а здесь недовольны, что видим оную! И что за нужда выяснить, каким образом оказана нам помощь: послан ли с неба Ангел, или благотворительный человек? Довольно, того, что мы спасены. Израильтяне, умиравшие от жажды, ужели бы не должны были благодарить Бога, если бы Он, не изводя из камени воду, указал им на оную среди камней? В птицах небесных, в лилиях полевых все естественно, однако же Спаситель представляет их разительным примером отеческого попечения Божия о тварях и человеке (Мф. 6:25–34).

Нет, желая видеть в своей жизни следы сего попечения, мы должны предварительно освободить себя от пристрастия к чудесному, иначе и о нас может быть сказано: «род лукав... знамения ищет, и знамение не дастся ему» (Мф. 12:39). Подобно оным Израильским старцам (Исх. 24:10), будем довольны, если нам дано будет увидеть в приключениях нашей жизни хотя малые следы Бога, нам благодееющего; а беседовать с Ним лицом к лицу предоставим Моисеям и Давидам. Господь и так сотворил для всех нас много чудес: извлек нас из ничтожества, искупил Кровью Сына Своего, освятил Духом Святым; и за сии чудеса мы еще ничем не заплатили. Одного только чуда, коего мы должны ожидать в жизни от Господа, и коего Он ожидает, возможно, от нас, – это исправления нашего сердца, обновления нашей жизни, духовного воскресения. Вот сего чуда, если не найдет кто в своей жизни, то горе ему, горе!

В каких еще приключениях наиболее ищут следов Промысла? В счастливых или несчастных? Но что и спрашивать? Несчастья вообще представляют чем-то мрачным и ужасным, о чем всего лучше не говорить и не мыслить. Много уже, если почитают их действием правосудия Божия, наказующего наши неправды; а чтобы они (несчастья) могли составлять дар любви Божией, это не приходит и на ум. Правда, что Отцу Небесному, Который есть самая благодать, всего приличнее было бы открывать Промысл Свой одними благодеяниями. Но что делать, когда мы все поражены лютым недугом? Милосердый Врач, по самой любви Своей, употребляет горькие вещества. Что делать, когда мы своевольны, стремимся часто на собственную погибель? Мудрый Пестун, по самому усердию к нашему благу, запиная стопы безрассудных детей, дабы не пали в бездну. Посмотрим на вселенную: в ней не только солнце, луна и звезды поведуют славу Божию; но и голод и холод, и "огнь» и «дух бурен» (Пс. 148:8), по замечанию святого Давида, прославляют имя Божие. То же и в нашей жизни: что нам кажется тяжким, прискорбным, то самое может быть прямым действием Промысла Божия о нас, орудием славы Его в нас и нашего благоденствия. Ах, братие, прошло то время, когда мы все были созданы на одни радости, введены для обитания в рай сладости, засеяв сами тернами путь к блаженству, мы не должны роптать, если Промысл ведет нас сим путем; слава Ему и благо нам, если, по крайней мере, мы не совращаемся с него. Пусть стопы наши обливаются кровью – это путь нашего Спасителя, он ведет к небесному отечеству. Сердце наше столь огрубело, что на нем не иначе может быть снова начертан закон истины и правды, как среди бурь и громов (Исх. 19:16–18).

Будем внимательны к сим грозным гласам – и мы, подобно древним Израильтянам, уразумеем в них глас Господа Бога нашего, Бога отцов наших, наказующего нас в мале, дабы помиловать милостью великою; увидим, что несчастные случаи, от коих некогда стонало сердце наше, обратились потом к величайшему благу для нас и для ближних наших; что исполнение многих желаний, кои мы всеми силами, но без

успеха, старались привести в действие, было бы для нас злом и повлекло бы за собою пагубные следствия; что то самое, о чем мы молились, чего просили, над чем трудились напрасно, содержало в себе для нас гибель, а то, от чего мы отвращались, на что смотрели, как на вред и наказание, было истинным благословением, сказавшимся в перемене нашего образа мыслей и в исправлении нашего поведения; увидим – и возблагодарим Пред Промыслом, нам благодетелем!

Каким еще недостаткам подвергаются ищущие в своей жизни следов Промысла? Большей частью ограничивают действия его только собою, а в себе – временными выгодами, телесной жизнью. Какая нужда, что известное бедствие наше было весьма поучительно для других, и некоторые, воспользовавшись нашим опытом, обратились на путь правый? Если мы сами не ощутили от него значительной пользы, то сего достаточно уже, чтобы в нем не усматривать Промысла. Какое дело, что некоторые горестные случаи были для души нашей истинным врачевством, раздражи перед очами нашими завесу, за которой скрывалась наша душевная погибель, возвратили нам добродетель, давно потерянную? Если от них расстроилось наше внешнее состояние, если урок, ими преподанный, сопряжен с ущербом нашего здоровья или чести, то случаи сии не от Бога, они постигли нас без Промысла. Таковы правила суждения у нашего самолюбия, у нашего невнимания ко благу ближних и к собственному благу души нашей! Ужели и Промысл Божий должен сообразоваться с ними? Ужели потому, что "око наше лукаво» (Мф. 20:15), и ему (Промыслу) надобно престать быть благим? Нет, довольно того, что мы все ограничиваем собою, не смотрим на нужды и пользу других, хотели бы себя поставить средоточием и концом всего рода человеческого и всех событий в мире: любовь Божия выше всех нас, и потому объемлет собою всех братьев наших, через бедствия одного научает других, счастьем некоторых назидает всех, дабы таким образом снова соединить всех нас, кои непрестанно разрываем союз единства. Довольно того, что мы сами печемся более о теле, нежели о душе, прилепляемся без ума к временному и не помышляем о вечном. Промысл вечен и свят; и потому во всех

Своих судьбах о нас имеет в виду не столько блаженство временное, сколько вечное, не столько благоденствие по телу, сколько благосостояние по духу. Пусть поражается наш внешний человек, пусть страдает плоть хотя бы так, как она страдала у Иова: если дух возмогает, если внутренний, «потаенный сердца человек» (1Пет. 3:4) цел и растет, то мы – благоденствуем. Вот образ суждения о нас Промысла! Как бы многое, если не все, представилось нам в жизни нашей совершенно иным, если бы мы постоянно прилагали к ней сей святой образ суждения! Сколько бы раз, рассматривая жизнь нашу, мы принуждены были сказать самим себе: «Так этому надлежало быть, ибо мы созданы не для земли, а для неба! Так, премудрость Божия не должна была попустить сего, ибо она печется не о мне только, но и о всех!»

При столь многих причинах, препятствующих нам видеть в своей жизни следы Промысла Божия, удивительно ли, братие, что многие не видят его? Не видят, ибо не знают хорошо своей жизни, не внимательны к самим себе; не видят, ибо останавливаются на поверхности событий, не проникают до основания их, где сокрыта рука Промысла; не видят, ибо хотят видеть тогда, когда взор помрачен, не там, где должно, не в том виде, в каком Промысл являет Себя; – не видят наконец, ибо суждением о путях Промысла управляет самолюбие и страсти. Освободим себя, братие, от сих недостатков, будем в суждении о путях Божиих неуклонно следовать правилам противоположным – и мы вскоре опытно узнаем, что Господь "не далеко от каждого из нас» (Деян. 17:27).

И как Ему быть далеким? Разве Он не вездесущ? Разве премудрость и всемогущество Его могут где-либо оставаться без действия? Только языческие боги были праздными зрителями судьбы человеческой: наш Отец Небесный непрестанно делает (Ин. 5:17). Только Ваалы и Веельфогоры могли спать: наш Промыслитель. «не воздремлет, ниже уснет, храняй Израиля!» (Пс. 120:4). Как Ему быть далеким от нас? Разве не Он наш Творец? Не Он наш Отец? Так ли мы помним Творца, что забываем Того, о Коем «живем и движемся и есмы?» (Деян. 17:28). Так ли знаем Отца, что сомневаемся в

Его попечениях о детях? Земные отцы, как человеки, "зли суще», не дают, однако же, чадам вместо хлеба камени (Лк. 11:11–13). Отец ли Небесный сделает сие, Тот, Который из камня может воздвигнута Себе чад? (Мф. 3:9). Как Ему быть далеким от нас, когда Он иждил и иждивает на нас столько благ! Чего не дал Он нам в залог Своего попечения о нас? Земли? Человек сначала еще поставлен царем ее. Неба?

Оно давно обещано в наследие верным чадам. Ангелов? Они служат нашему спасению. Будем требовать, чего угодно – все получим! Нужно ли, чтобы для уверения нас сошел Он Сам с неба, жил с нами, даже умер за нас? И это сделано! Сын Божий сходил с неба, обитал между человеками и из любви к нам положил за всех нас душу Свою. После сего кто может сомневаться в попечении о себе Промысла?

С этой верою в Промысл Божий, и с этим расположением видеть Его в приключениях своей жизни желаем, братие, вступить вам во врата Нового года, твердо веруя, что Господь Сам не замедлит явить следы Своего отеческого Промысла тем из вас, кои, не смежая очей своих сомнениями, будут всегда готовы лобызать с благоговением мудрую десницу Его, как бы она ни обнаруживала своего присутствия: явно или тайно, сообразно ожиданию, или против оногo, дарами любви и милости, или лишением и ударами вразумляющими. Аминь.

Слово второе на новый год

«Сие убо глаголю, братие, яко время прекращено есть прочее... преходит бо образ мира сего» (1Кор. 7:29, 31)

Может быть, некоторые из нас и не желали бы слышать ныне о сокращении своей жизни и суете земных дел, – ныне, когда сердце человеческое, а более язык, следуя принятому обыкновению, истощаются, желая всем и каждому долгих лет, счастливой будущности. Но что делать? Лучше выслушать истину по видимому печальную, а в самом деле весьма полезную, нежели, забывая оную, подвергаться действительному бедствию. Что же, братие, может быть истиннее той мысли, что все нынешние благожелания не могут прибавить к жизни нашей ни одного часа, и что настоящий Новый год, подобно всем предшествовавшим, не столько продолжит, сколько сократит оную? Равным образом, что может быть нужнее для нас, странников и пришельцев земли, как твердо знать, что краткое время, данное нам на приготовление себя к вечности, еще более сократилось ныне, что мы все еще ближе подошли к той решительной минуте, в которую потребуют строгого отчета во всей нашей жизни? Прилагая сии истины к собственному сердцу, «сие убо глаголю, братие, яко время прекращено есть прочее... преходит бо образ мира сего!» (1Кор.7:29, 31).

Впрочем, братие, когда апостол Павел возвещал коринфским ученикам своим о сокращении их земной жизни, то не только не мыслил привести их через то в какую-либо скорбь, напротив, объявлял им сию истину в виде утешительной новости, вместо сильнейшего побуждения к подвигам и терпению. Так и должно быть! Для христианина, который не имеет здесь пребывающего града, и постоянно взыскует грядущего, который непрестанно ожидает пришествия своего Господа и в сем ожидании поставляет свою радость, свой покой и славу; для истинного христианина, – говорю, – весьма утешительно, когда он слышит, что время его пришествия на земле сократилось, что славный день Господень приблизился.

Печален же сей предмет может быть только для тех, кои, предав себя миру и прилепившись к земле, забыли небо, не помнят своего вечного отечества. В таком случае избранные нами слова апостола сугубо полезны для нас и приличны настоящему собранию, ибо они доставят истинное утешение тем из нас, кои одни, собственно, и достойны оно, и могут произвести печаль по Бозе в тех, коим и должно сетовать, чтобы соделать себя достойными истинной радости. Прилагая сии истины к вечной судьбе каждого из нас, «сие убо глаголю, братие, яко время прекращено есть прочее... преходит бо образ мира сего!» (1Кор.7:29, 31).

И, во-первых, да возвестится сия утешительная истина вам, святые Божий человеки, кои в прошедшем лете не преставали не только за себя, но и за нас, ленивых рабов, трудиться в вертограде Господнем, и сеяли, как должно полагать, судя по развращению века сего, не терпящего истины и правды, сеяли большей частью собственными слезами: утешьтесь и восклоните главы ваши; время подвигов ваших сократилось; число искушений, вас ожидающих, умалилось; вы ближе подошли к месту своего успокоения, и некоторые из вас, может быть, в наступающем же лете, будут навсегда разрешены от уз плоти, и явятся небесному Мздовоздателя для принятия венца победного. О, братие святая! Что может тогда сравниться с блаженством вашим? Какое слово, чей язык изобразит то, что вы узрите, сколько примете, где будете поставлены? Чем покажутся вам тогда все прошедшие труды ваши, все огорчения и подвиги, вся многострадальная земная жизнь ваша?

Кратким сном, в коем являлись привидения, устрашали опасности, нападали враги, и который, чем был страшнее, тем более доставил приятности после пробуждения. Тогда вы опытно познаете великую истину, изреченную апостолом, что все нынешние временные страдания наши суть ничто в сравнении с той славой, которая нам предназначена (Рим. 8:18).

Посему-то, братие, без сомнения, примут с радостью из руки Господней продолжение земного жребия своего и те из вас, коим еще суждено бороться с искушениями и напастьми века сего, кои предназначаются Промыслом к совершению новых

подвигов веры и самоотвержения, к произведению новых чудес любви и смирения. Так, вы все с новой ревностью потечете тем путем, коим поведет вас рука Вседержителя; хотя бы она повела вас путем мрака и сени смертной, хотя бы вы ничего не видели на сем пути, кроме болезней и уничтожения. Вы единожды и навсегда посвятили себя Господу, всецело предали Ему судьбу свою временную и вечную, сочетали неразрывно жребий свой с жребием своего Спасителя: после сего для вас неважно, что ни последует с вами в будущем; только бы вам следовать неуклонно за Господом, только бы вам всегда творить волю Его, Премудрого и Всеблагого. Неудивительно, если сей любвеобильный Отец, для большего совершенства чад Своих, для очищения вас от последних нечистот плоти и крови, попустит вам подвергнуться новым искушениям, потребует от вас новых жертв, чистейших, совершеннейших, а посему и тягчайших: это будет новый, вернейший залог мудрой любви Его к вам, новый благодетельный опыт врачебной десницы, исцеляющей недуги ваши, окончательное приготовление вас к вечной свободе и торжеству чад Божиих. Вы не можете быть лучше, – что я сказал? – вы никак не можете сравнивать себя со своим Спасителем; а Он, Он Сам чего не претерпел за истину, каким путем, как не страданиями, возшел на престол вечной славы? Вы не поставите себя выше своих предшественников, достигших небесного отечества: а они все, более или менее, тем или другим образом, терпели, страдали, несли крест своего Господа.

Не удивительно, братие, когда и вы, будучи последователями Распятого, преемниками мучеников и исповедников, не имеете иногда где подклонить главу, не находите на земле, ни в ком и ни в чем, отрады. Если бы вы были от мира, сообразовались с его духом, то мир любил бы вас, как чад своих; но поскольку вы не от мира, поскольку ваши правила совершенно противоречат его нечистым правилам, вашими благими деяниями обличаются его лукавые дела, вашими чаяниями постыждаются его нелепые надежды; поскольку вы своей жизнью непрестанно унижаете, побеждаете мир, то что удивительного, если и вас ненавидит мир? Эта

ненависть составляет необходимость и для него и для вас: для него – бесчестную и гибельную, для вас – славную и спасительную. По сей-то постоянной борьбе между вами и миром и познается, что мир, преследующий вас, лежит весь во зле, есть враг Бога и всякого добра, а вы, преследуемые миром, свободны от греха, принадлежите к области чад Божиих, составляете царство Иисуса Христа.

Что еще сказать вам, братие? Трудно идти против бурных порывов тлетворного духа времени, тяжело быть предметом подозрений, клевет и презрения, больно видеть торжество неправды, и невинность, лишенную последнего утешения. Но, сыны света, чада упования! Дерзайте, мужайтесь, стойте! Еще мало, и Господь приидет, не закоснит; ей, Он не закоснит для вас; еще несколько лет, может быть, месяцев, дней терпения, – и ангел смерти восхитит вас от среды лукавствия и преставит туда, где живет одна правда. "Сие убо глаголю, братие» (1Кор.7:29).

Но кому я дерзаю говорить это? Вам ли, избранные Божий, кто бы вы ни были, вам ли слышать советы из уст нечистых! Как бы мы были все утешены, если бы кто-либо из вас ныне преподавал нам наставление; если бы, руководясь собственным опытом, указал нам тот царский путь, коим вы шествуете на небо! Какого бы действия не произвели над нами слова ваши, растворенные благодатью Святаго Духа? Но вы известны только единому Богу, мы не зрим и не слышим вас; только веруем в бытие ваше среди нас: веруем, ибо вас избранных ради сохраняется мир сей; ради нас грешных он давно бы погиб с шумом.

Обратимся, братие, к самим себе и приложим поучительные слова Апостола, во-первых, к тем из нас, коих можно назвать христианами сомнительными, и кои суть действительно таковы; поскольку доселе не произвели над собою, в отношении к вечному спасению, ничего решительного, доселе не утвердились ни в добре, ни в зле; иногда обращались к небу, но чаще увлекались соблазнами мира; нередко принимали, но ни разу не сохранили решимости жить свято; падали, по-видимому, с тем, чтобы восстать, но и восставали как бы для того только,

чтобы пасть. Не нужно, братие, доказывать, как велико между нами число таковых полудобрых людей; вы сами знаете, что к нему принадлежит большая часть христиан, а посему тем нужнее указать, сколь опасно это нерешительное состояние, сколь недостойна христианина сия полухудая жизнь.

Итак, во имя Господа, Коему все мы желали бы служить, хотя не служим постоянно, во имя Господа глаголю вам, слабые и колеблющиеся братие, яко время нужное нам для утверждения себя в вере и добродетели, «прекращено есть прочее» (1Кор.7:29). Вы часто находили занятие в благочестии весьма скучным; часы, посвящаемые набожности и человеколюбию, слишком продолжительными; не знали, на что употребить праздное время, и проводили оное в рассеянии, в забавах, часто предосудительных и вредных. Вот, смотрите, эти скучные часы теперь прошли, это праздное, тяготившее вас время, улетело – праздно, без добрых дел!.. Как бы хорошо было, если бы прошедший год весь проведен был как должно, во славу Божию, во благо ближних и в собственное спасение! С каким светлым и радостным лицом явились бы вы теперь пред алтарь Вездесущего принести жертву хвалы за Его благодеяния! Как утешительно было бы для сердца вспомнить теперь об искушениях ко греху, вами препобежденных, о подвигах добродетели, вами совершенных, о гонимой невинности, вами защищенной, о неопытной юности, исторгнутой из пропасти греха, о слезах вдовицы, вашей рукою отертых, как бы, – говорю, – отрадно было для духа вспомнить о всяком благодеянии ближнему! Между тем как теперь многие из нас без трепета не могут и помыслить о прошедшем; не могут обратить взора назад, без того, чтобы не встретиться или с жертвами, или соучастниками, или свидетелями своих слабостей, своей неверности Богу и добродетели. Вы сами, братие, чувствуете сию печальную истину и, без сомнения, многие из вас желали бы возратить случаи к добру, ими упущенные, желали бы снова начать прошедший год, чтобы провести оный в истинной любви к Богу и ближнему. Но, братие, прошедшего лета уже не будет (Откр. 10:6); что бы мы ни делали, не можем возратить оно; Сам Бог не может сделать сего для нас. Свиток времени

непрестанно разгибается перед каждым, листы вращаются один за другим; пиши, что угодно и как угодно, но нельзя перевернуть ни одного листа назад; нельзя переставить, переменить или уничтожить ни одной буквы: как написано, худо ли, хорошо ли, так и останется вечно, так и будет читано некогда Суциею в слух Ангелов и человеков. Как же, братие, должны быть мрачны и отвратительны черты, кои пишутся или коварством и клеветою, или жестокостью и бесчеловечием, или корыстолюбием и бесчестным прибытком, или сладострастием и низкой похотью, и как тяжело будет слышать, что написано такими чертами!..

Но прошедшее неозвратно! Все, что мы можем сделать с нашими грехами, состоит в том, чтобы в духе истинного покаяния и живой веры предоставить изглаждение их всемогуществу нашего Икупителя, для Коего нет ни прошедшего, ни будущего, и Который, по тому самому, Своею преизбыточествующей правдой всегда может покрывать неправды наши. По крайней мере, братие, сделаем то, что можем, воспользуемся настоящим и будущим; не будем более злоупотреблять долготерпением Божиим; поспешим окончить несчастную борьбу над нами света со тьмою, отторгнем сердце наше от мира и посвятим оное Господу. О братие, поспешим сделать это! Не попустим более обольщать нас той лукавой и губительной мысли, что слабости наши невелики, что грехи наши не тяжки, что мы недалеко уклонились от пути правды, что, делая угождение страстям и обычаям мира, мы не теряем из вида и нашего спасения. Ах, что нужды до того, от чего мы можем погибнуть, от малого или от великого, тяжкого или легкого: довольно того, что гибнем. Важно ли, каким орудием отнята у человека жизнь, большим или малым? Важно, если отнята, важно, что отнята жизнь у человека. Но, братие, всякий грех, какого бы рода он ни был, отнимает жизнь у нашего духа; всякий грешник мертв пред Богом. Не имеют, без сомнения, духовной жизни и все те из нас, кои не стараются об утверждении себя в добродетели, коих жизнь, при некоторых похвальных деяниях, исполнена изменой и неверностями закону Божию, коих вся добродетель состоит в том, что они не грешат непрестанно, коих все христианство ограничено тем, что

они – почитают себя грешными, желали бы сделаться праведными, и, однако же, продолжают жить, как жили. Если можно признать в этих людях некоторый остаток духовной жизни; то не должно ли состояние их уподобить состоянию больного, борющегося со смертью, который то подает некоторые признаки жизни, то повергается в бесчувствие? Боже мой, какое состояние! И на нем-то, однако же, на протяжении этой смертельной борьбы духа с плотью, основывается беспечность большей части людей в деле собственного спасения! Малое число добрых мыслей, добрых желаний, добрых дел, служит для них доказательством, что они не совершенно умерли для Бога и добродетели!

Несчастные, а того не ведают, что этот малый остаток добра, что сей сомнительный признак духовной жизни, есть, может быть, не более, как румянец, остающийся иногда в продолжение времени на лице мертвого. Но, пусть он будет действительно тем, чем хотят его видеть – признаком продолжающейся еще борьбы духовной жизни с духовной смертью: что за признак? Какая надежда?.. И, прежде всего, может ли быть продолжительно смертельное борение духа с плотью? Не может; таков закон природы и благодати! Малое число добрых дел может оставаться, подобно как румянец остается на лице мертвого; но духовной жизни уже не будет. Таков, повторяю, закон природы и благодати, что борение жизни со смертью – в теле ли, в душе ли – не может быть продолжительно; и те, кои на основании некоторых похвальных поступков своих думают, что они еще живы для Бога, находятся в жалком самообольщении. В них нет жизни, они мертвы; и если не делаются людьми совершенно развратными, то их удерживает от того уже не вера, живущая в сердце, не совесть, а внешние побуждения: иных слабость здоровья, других опасения бесчестия, иных приличия, место, время, случай... Но прочна ли сия узда? Крепка ли эта опора? Надежен ли сей вид честности? Долго ли может заменять недостаток истинной духовной жизни в сердце это случайное, так сказать, воодушевление внешними средствами – ветром страстей, дуновением приличий, стечением обстоятельств? Припомните,

братие, что бывает с теми людьми, кои принуждены долго идти над бездною, и обращать лицо то на ту, то на другую сторону: у них наконец смущается зрение, помрачается рассудок, теряется чувство; и они, если не спасет чья-либо рука, падают в бездну. То же самое происходит и с миролюбцами, кои долго колеблются между небом и землею, долго скользят над бездною греха; с продолжением времени они теряют нравственное чувство, обымаются неким духом кружения и, в гибельном самозабвении, предаются, наконец, всякому разврату. И не этим ли путем постепенного охлаждения к вере и добродетели, путем безрассудного небрежения о своих мнимомаловажных пороках, низринутись в бездну преступлений все исполины греха, коих одно имя приводит в трепет друзей человечества?

Не так ли образуются и творятся все сосуды нечестия, не так ли растут все сыны погибельные? Без сомнения, и они когда-либо не были тем, чем соделались впоследствии, не вдруг устремились на всякое зло; сначала предались малым и благовидным грехам, и пошли путем нечестия, обманутые той же обольстительной мыслью, что будет время исправить свои недостатки, возвратиться назад; но пренебреженное вначале зло усилилось в сердце, искра страсти превратилась в пламень, чувство добра иссякло, совесть умолкла, природа огрубела, благодать отступила; и они, как бы влекомые некой тайною силою зла, устремились на творение дел неподобных и всякой нечистоты. Да сохранит нас Бог от такового ожесточения во грехе, от низпадения в эту глубину зол! Но, братие, ужасные примеры зла не напрасно попускаются Промыслом; они попутаются для того, да, видя их, блюдемся от закоснения во грехах. Зная это, поспешим искоренить в нашем сердце семя погибели, доколе оно не возросло, не проникло нашу природу, не заняло воображения, не наполнило сердца, не подавило совести; поспешим оставить путь неправды, доколе слабые стопы наши не отреклись служить нам. Оставим, если то неизбежно, все прочие дела, только бы совершить это одно великое дело; не пожалеем для сего никаких жертв, хотя бы надлежало расторгнуть самые приятные связи, подвергнуться

поношению, бесчестию, гонению. Решимся на все для славы Божией и нашего спасения. В сей-то решимости и состоит наиболее тайна истинного обращения; на сию-то решимость и нисходит благодать Божия. Для нас трудно было постоянно идти путем закона, потому что на нас лежали узы земных пристрастий; потому что мы несли на раменах своих целый мир: разорвем сии узы, сбросим это проклятое бремя, – и мы скоро на опыте узнаем, что закон Божий благ, пути Господни добры, иго Спасителя легко.

«Сие убо глаголю, братие» (1Кор.7:29). Вы можете и должны следовать тому, что возвещается вам во имя Господа; и благо вам, если последуете и употребите новый год на то, чтобы очистить себя от всякой скверны плоти и духа, утвердиться решительно в добре и навсегда оставить все худые привычки, нечистые наклонности, порочные деяния, – все, чего не одобряет совесть и что осуждает вера. Можете, ко вреду своему, и остаться в прежней нерешимости, – продолжать свое колебание между небом и землею, между добродетелью и пороком: но знайте, что вы никогда не успеете соединить в себе того и другого, не возможете примирить света с тьмою; знайте, что время, нужное вам для очищения себя от зла, сократилось, и образ мира, с коим вы не хотите расстаться, по необходимости преходит и исчезает. «Сие убо глаголю, братие, яко время прекращено есть прочее... преходит бо образ мира сего!» (1Кор.7:29, 31).

Теперь да внимают слову апостола и те из нас, кои в прошедшем лете совершенно не мыслили о своем спасении, вляялись всяким ветрам страстей, позволяли себе все роды и виды пороков, жили так, как бы не было Бога и вечности, и, что всего преступнее, не только сами гибли во грехах, но и служили соблазном и пагубою для многих других.

Но, разве есть такие люди? Между христианами? Народом избранным, святым, очищенным кровью Сына Божия? – Увы, граде Божий, граде святой, Церковь Христова! – «Преславная глаголашася о тебе» (Пс. 86:3); но что совершается в недрах твоих? – Мало было, что безумный меч кесарей пожинал молодые леторасли твои; мало было, что святотатственная рука

врагов истины посягала на святыню алтарей твоих: надлежало, наконец, чтобы собственные сыны твои соделались для тебя поношением, чтобы ты лишена была последнего утешения – видеть их ходящих в чистоте и истине. Где те блаженные времена, когда христиане сияли, «якоже светила в мире» (Флп. 2:15), и отличались от всех более своими добродетелями, нежели обрядами веры, когда можно было сказать, что во Христе Иисусе «несть бо разнствия иудееви же и еллину» (Рим. 10:12): ибо все «нова тварь!» (Гал. 6:15). И ныне, кажется, несть разнствия ни христианину, ни неверному; но потому, что все – ветха тварь, грешники!

Впрочем, Церковь, как чадолюбивая мать, никогда не оставляет надежды, что между самыми строптивыми и недостойными сынами ее находится много таких, в коих не угасло еще чувство всякого добра; кои, среди всех соблазнов и преступлений, сохранили в себе, хотя хладное и слабое, желание – исправить свою жизнь и обратиться к Богу. И кто знает? Может быть, в числе великих грешников есть люди, кои со временем не только познают свое плачевное состояние, возненавидят грех, но и соделаются образцом истинного покаяния для подобных себе грешников. Разве благодать не соделывала из гонителей – Апостолов, из людей невоздержных – постников и целомудренных, из гонителей истины -мучеников за истину? Что соделано прежде, то может быть и теперь; рука Господня никогда не сокращается, всемогущество Спасителя нашего всегда одинаково: та же благодать, та же любовь ко всем грешникам.

Итак, кто бы вы ни были, недугующие грехами, братие, как бы далеко ни блуждали от пути истины, как бы жестоко ни было сердце ваше, как бы тяжек ни казался вам голос, зовущий к покаянию, – слышите слово Апостола, "яко время и для вас, поработенных временному и тленному, сокращено есть прочее; и для вас, совершенно преданных миру, преходит образ мира сего"(1Кор.7:29, 31). Так, сей лукавый мир, коему вы работаете душою и телом, непрестанно преходит и изменяется; обольстительный образ его, коему вы поклоняетесь, как божеству, постоянно темнеет и становится отвратительнее. Вы

не примечаете сего, но как можно вам и приметить что-либо подобное, когда «бог века сего ослепил» очи ваши (2Кор. 4:4) суетою?

Всмотритесь, однако ж, пристальнее в образ жизни вашей, – и вы увидите, что он весь состоит из суеты и ничтожества. Чего не делаете вы для продолжения ваших удовольствий? Но много ли успеваете? Они бегут, как тень, – и в вашем сердце остается одна пустота. Где теперь бесчинные собрания, роскошные пиршества, соблазнительные зрелища, срамные телодвижения, преступные восторги, буйные порывы страстей, нечистые взгляды, адские мысли, чувства, где все то, чем вы занимались, что составляло бытие ваше в прошедшем году? Где оно? Сами видите, что все это обратилось теперь в ничто. Но то же самое последует и со всеми будущими вашими летами, если вы не перемените своей жизни, не обратитесь к Богу, закону и совести; после каждого года, проведенного во грехах, будет оставаться одна суета; наконец, после всей жизни останется одна суета сует... А с вами, злосчастные, что будет тогда? Чем будет питаться бессмертный дух ваш, когда мир перейдет для вас со всеми похотями? Что заменит для вас нечистые плотские наслаждения? На что обратятся тогда ваши необузданные страсти? Не находя нигде сродной себе пищи, не станут ли они терзать собственное ваше сердце? Это, бывшееся только для мира и греха, сердце не составит ли тогда само из себя ада?

Так, ожесточенные во грехах миролюбцы, незаконные наслаждения ваши достойны порицания и отвращения не только потому, что они преходят, как тень, и исчезают, но и потому, что, исчезая, оставляют за собою неизгладимые следы разрушения и бедствий. Не думайте, что грехи ваши не существуют, потому что вы не ощущаете уже от них преступного удовольствия; нет, они все существуют для того, чтобы некогда терзать и мучить вас. Грех кратковременен только по суетному удовольствию, им доставляемому; но он вечен по тому безобразию и разрушению, которое вносит в нашу природу. Не спрашивайте, в чем состоит это разрушение. Оно – в извращении вашей природы, в истощении вашего духа, в

растлении сердца, в потере совести, в наклонности ко злу, в отвращении от всего доброго и святого, в непрестанной борьбе мыслей и чувств, уподобляющих вас духам отверженным. Если вы теперь не чувствуете всей разрушительной силы зла, в вас живущего, не узнаете опытом, что незаконная жизнь есть сама себе наказание, то потому, что земное бытие наше так устроено Промыслом, что грех не оказывает здесь большей части губительных действий своих, дабы служение добродетели было тем свободнее и бескорыстнее; потому, что дух ваш, непрестанно упиваясь из чаши плотских удовольствий, всегда кружась в вихре забав и мечтаний, находится в состоянии нечувствия; потому, наконец, что телесный состав, подобно пеплу, скрывает в себе адский огонь греха, тлеющий в душе вашей, и препятствует ему обратиться в пламень всепоедающий. Как много, впрочем, миролюбцы, страдаете вы и теперь! Как несчастна жизнь ваша уже и здесь! Несмотря на суетные наслаждения, не тяготит ли вас непрестанно чувство скуки, побуждающее вас, подобно ветру, переноситься из одного места в другое? Не слышится ли, по временам, внутри вас тайный голос, что лучше было бы вам не родиться, нежели жить так, как вы живете: на погибель себе и другим? Не бывает ли минут, что вы стыдитесь сами себя, даже неодушевленных вещей, вас окружающих? Не случается ли, что вы завидуете (не словами только, как в изнеженных стихотворениях, а на самом деле) бессловесным животным? Не обнимает ли вас иногда проникающий душу и сердце трепет при встрече с тем, что напоминает человеку о его вечном предназначении? Не пробуждается ли, по временам, ужасное чувство того, что в вас обезображено человечество, что вы где-то ниже, нежели прочие люди, в какой-то бездне, что вы принадлежите к числу отверженных, что в вас живет как бы некий дух злобы, что вами движет какая-то враждебная сила зла? Все сие не отравляет ли ваших удовольствий, не составляет ли того «крушения духа» (Еккл. 1:14), коим слово Божие угрожает миролюбцам? Плоть, виновница беззаконий, седалище нечистоты, не страдает ли подобно духу? От чего искусство и неусыпность врачей не успевают следовать за бесчисленным полчищем болезней,

непрестанно возрастающим, всегда изменяющимся, более и более свирепеющим? Спросите у них, кто родитель сих болезней? И все единогласно скажут вам: грехи и развратная жизнь. Вопросите и духовных врачей, что большей частью видят они, находясь при одре умирающих грешников? Не лютые ли мучения тела, давно растленного ядом греха? Что слышат? Не проклятия ли прежней беззаконной жизни? Если же, братие, и на сей греховной земле, в этом плотском мире, грех уже так злобно изменяет вам: в цветах скрывает жало, в сладости растворяет яд; если вы и здесь несчастны по духу и телу, то что будет с вами там, где живет одна правда и чистота? Чего не должны вы будете терпеть в стране воздаяния и суда? В каких ужасных видах не разрайтся там гибельная сила греха, не воспящаемая (не отвлекаемая) более узами милосердия Божия? Одна противоположность грубости, нечистоты, растленности вашего духа, и духовности, святости и чистоты мира бесплотного, не составит ли для вас вечный неиссякаемый источник мучений и страха? Как для больного зрения несносен свет дневной; так для недугующего грехами ума будет нестерпимо сияние небесного; как нечистым насекомым противны места благорастворенные и чистые, так для погрязшего в похотях сердца тяжела будет чистота мира бесплотного; как тем, у коих повреждены органы дыхания, убийствен самый воздух, коим живем и дышим, так для растленного нечестием духа будет смертельна та святая стихия, в коей живут и блаженствуют бессмертные Ангелы. Душа каждого грешника, разрешившись от тела, сама собою примет вид отверженного духа, будет искать мрака, стремиться в бездну, алкать ужасов и разрушения...

Вот к чему, братие, ведет вас развращенная жизнь, ведет непременно. Пути беззакония гладки и приятны, но окончание их зрит прямо во дно адово. Перед каждым грехом смертным, по выражению пророка, является рай сладости, но позади его поле пагубы. Что же, братие, побуждает вас оставаться на сем пути к аду? Почему не поспешите вы удалиться с поля пагубы? Время сокращается, а вы простираетесь в беззакониях! Лукавый мир преходит, а вы неподвижны во зле! Смерть жертву за

жертвой похищает из среды нас, а вы мните основать здесь вечное жилище суеты! Боже мой! кто мог так ослепить вас? И что будет с вами, если какой-либо Ангел Господень насильно не изведет вас из погибающего Содома?

Припомним, братие, начало прошедшего года, сколько людей, кои, подобно нам, вступая в Новый год, предавались надеждам на будущее? И где они теперь? Где тот бесчестный клевет, с коим ты делил безумные беседы, губил драгоценное время, продавал совесть и добродетель? Где тот низкий друг, от коего ты принимал зловерные советы, перед коим раскрывал тайну твоих страстей и преступлений? Чего бы они не согласились теперь дать за то, чтоб им позволено было возвратиться на землю для исправления своей жизни! Что для них сделалось совершенно невозможным, то самое для нас еще возможно и легко. Ангел смерти, склонясь, может быть, на молитвы какого-либо праведника, пощадил нас; но надолго ли? Перенесемся мыслию в будущее, вообразим, что и этот новый год окончился: опять будет в сем храме священное собрание, опять произнесется поучение с сего священного места; но будем ли мы тогда в живых? Известно, что смерть ежегодно похищает четырехдесятую часть жителей сего пространного града; значит, четырехдесятой части нас, здесь теперь находящихся, не будет в следующем году; значит, между нами есть немалое число людей, кои в последний раз вступают в новый год и, может быть, в последний раз слышат теперь слово покаяния. В последний раз!.. Я содрогаюсь, братие, от сей мысли; трепещу, представляя, что должен быть последним вестником спасения для сих душ, имеющих вскоре предстать на суд. Господи! Ты Сам глаголи в сердцах людей сих Твоею всемошною благодатью! Сам внуши им, что число лет их сократилось в последний раз, что они уже на пороге вечности, ибо, что значат все наши слова и убеждения, если Ты, о Боже, не даруешь силы благовествующему и благодати слышащим!

Так, братие, нет ни малейшего сомнения в том, что между нами, теперь, в этом собрании, есть люди, коим не суждено увидеть окончания наступившего года. И этим-то, уже обреченным жертвам смерти, надлежало бы наипаче внять

словам Апостола, мною возвещаемым, и употребить малый остаток жизни на приготовление себя к вечности. Но, кто сии жертвы? Мы не знаем их; знаем только, что от смерти ничто не защищает: ни крепость сил, ни юность возраста, ни богатство, ни искусство, — знаем только, что каждый из нас всякую минуту может сделаться жертвою смерти. А посему всем нам должно быть бдительными на страже своего спасения; каждый обязан ныне рассмотреть жизнь свою, начать и продолжать новый год так, чтобы не страшно было, если угодно будет Господу, окончить его в вечности. Наипаче же да поразятся спасительным страхом смерти те из нас, кои доселе небрегли о своем спасении, и, увлекшись соблазнами мира, поработившись плоти, проводили жизнь в нечистоте и грехах. О братие, что будет с вами, если смерть внезапно восхитит вас из среды живых! Как явитесь вы пред Судиею? Что представите из своих дел? Куда обратитесь за помощью? Где скроете свои преступления?.. Знаю, что подобные слова для некоторых грешников, присоединяющих к разврату сердца буйство ума, могут показаться недействительными; знаю, что нечестивая жизнь между многими ужасными последствиями влечет за собою неверие в самые священные предметы, и особенно, неверие в наказания, ожидающие грешников за гробом; и, возможно, в сем храме, между нами есть люди, кои поставляют безумную славу в том, чтобы сомневаться в обетованиях и угрозах Евангельских, Но мое слово не к тем исполинам греха (кои, впрочем, являются малодушнее детей на одре смерти): для возбуждения этих людей нужны громы гнева небесного, а не кроткий глас убеждения. Я говорю к душам грешным, но кои не дошли до того безумия и отчаяния, чтобы обречь себя на погибель и ничтожество. Их-то желал я остановить на пути к аду. И почему не иметь мне сей надежды? Почему и вам, братие, как бы ни были велики грехи ваши, отчаиваться в своем спасении? Дверь покаяния еще не затворена — может приходить всякий. Пусть зло проникло природу вашу, пусть пагубные привычки одолели рассудок и совесть вашу; пусть грех соделался для вас как бы некой необходимостью — все это обратится в ничто, если вы того восхотите. Как! Дьявол успел сделать из вас сынов

нечестия и гибели, а Бог, а всемогущая благодать Его не сильны сотворить вас паки сынами спасения? Кто может утверждать сие? Веруйте токмо в Спасителя и будьте мужественны – и вы возникнете от дьявольской сети. Господь не оставлял вас, когда вы жили во грехах; оставит ли, когда вы обратитесь к Нему? Но будьте, говорю, мужественны. Если для спасения жизни телесной решаются переносить самые жестокие меры врачебного искусства, то для спасения души, для истребления в ней злых навыков, для претворения растленной грехами природы, тем паче нужно решиться на лишения и пожертвования. Чем далее будете вы отходить от ужасной пропасти греха, тем более она будет терять силу привлекать вас; наконец, когда перейдете, так сказать, черту, отделяющую область нечестия от Царства Света, то некая невидимая сила повлечет вас к небу. Только не медлите, братие, в пропасти греха, доколе она не сомкнулась над вами и не заключила вас в себе навеки; начните теперь же соделывать свое спасение. Лучше сего места, приличнее настоящего времени не может быть для начатия сего святого дела. Кто искренно будет стараться о том, чтобы соделаться добрым, того Сам Бог научит всему.

«Сие убо глаголю, братие». Служитель слова может только возвещать волю Божию, указывать пути живота; но он не может дать сил к исполнению возвещаемого, он сам принадлежит к числу людей, требующих вразумления и помощи свыше. Един Бог может укоренять и возвращать в сердце вашем слово спасения, следовательно, к Нему, как можно чаще, должны мы все возводить взоры и сердце; у Престола благодати должно быть общее и всегдашнее наше прибежище. Но, братие, Сам Бог не возможет спасти нас, если мы будем коснеть во грехах, нерадеть о своей душе, стремиться к гибели. Спаситель сделал и делает все для грешников; после сего наше спасение или гибель зависит от нас. Аминь.

Слово третье на новый год

Святая Церковь нередко имеет утешение видеть у себя стечение празднеств, усугубляющее светлость дней, ею торжествуемых. Но нынешний день, братие, как начало и венец нового лета, постоянно украшается стечением трех великих празднеств. Торжествуем, во-первых, в память обрезания Господа нашего Иисуса Христа, во-вторых, – в честь нового лета, в-третьих, – в честь и память святителя Христова Василия Великого. Празднества весьма различные по своему предмету, но сходные по духу, имеющие одну и ту же цель главную. Ибо всякое новое лето дается нам не для другого чего, как для совершения над собою духовного обрезания; с другой стороны, только одно духовное обрезание может соделать для нас настоящее лето истинно новым; а жизнь святого Василия представляет разительный пример и духовного обрезания, и духовного обновления, им даруемого. Раскроем для нового лета сии истины в наше назидание.

Всякое новое лето, как мы сказали, дается человеку для духовного обрезания. Должна быть, братие, какая-либо цель, и притом немалая, времени, нам даруемого. Ибо премудрость Божия не может без намерения и напрасно иждивать столько своего Промысла на содержание нас в сем мире и сего мира для нас. Какая же цель времени и жизни нашей? Та ли, чтобы мы рождались, возрастали, питались, состаревались и умирали? Но так мыслить, значило бы низводить человека ниже круга бессловесных, ибо и они имеют цель высшую. Или та, чтобы мы в продолжение жизни нашей обогащались познаниями различных вещей, достигали почестей, снискивали богатства, пользовались различными удобствами жизни, веселились, наслаждались? Но все это: и науки, и почести, и сокровища, и удовольствия – невозвратно оставляют нас у нашего гроба. Может ли же быть целью времени то, что оканчивается вместе со временем? И стоило ли бы трудиться целый век над достижением того, что исчезает по совершенном окончании

труда? Нет, жизнь земная должна иметь целью то, что превыше земли; время дается для вечности.

Чего же требуют от нас небо и вечность? И на что потому самому должно быть употребляемо все земное и временное? Небо и вечность, в кои всем нам должно вступить, требуют, братие, от всех нас – нашего исправления, очищения, обновления, усовершеня, то есть духовного обрезания. Нет нужды искать далеко причин сего требования; стоит только взглянуть на нас самих и нашу природу, – и тотчас видишь, как оно справедливо и необходимо. В самом деле, мы все явно зачинаемся в беззакониях и рождаемся во грехах; ужели с сей наследственной порчей перейти нам и в вечность? Но, она и там составила бы для нас вечную тяжесть, вечный источник недугов и горестей, посему должна быть исправлена здесь.

Мы в продолжение жизни нашей впадаем в различные пороки, увлекаемся многими страстями; ужели с ними явиться нам и в сожительство чистых Ангелов, пред лице нашего Создателя? Но это покрыло бы нас вечным стыдом там, осквернило бы небесное жилище наше, навсегда отвратило бы от нас светлое Лице Отца Небесного; посему все наши пороки должны быть искоренены здесь, страсти подавлены здесь, зло и растление греховное очищено здесь. Но сие исправление и очищение природы нашей, совершаемое через самоотвержение и потому соединенное с принуждением, лишениями, болезнями, и есть то самое, что Священное Писание называет духовным обрезанием. По тому самому обрезание сие и составляет главную цель нынешней нашей жизни на земле, всей нашей деятельности, всех наших познаний и приобретений, трудов и наслаждений, званий и отношений. Кто забудет сию цель, тот будет жить без цели, станет идти, сам не зная куда, строить, сам не зная что, будет трудиться и страдать напрасно. Надобно же будет оставить когда-либо землю и пойти на небо, надобно же будет переменить время на вечность; но другого неба нет, кроме Божия – чистого, святого; и другой блаженной вечности нет, кроме Божией, совершенно не терпящей нечистоты и зла. Посему, доколе есть время, надобно попещись о своем исправлении, очищать себя от всякой скверны плоти и духа,

отвергнуть все, недостойное неба и вечности. Действие болезненное, занятие трудное, работа продолжительная; для сего нужно сражаться с миром и с собою, отречься того, что наиболее влечет к себе, делать насилие своему уму, воле и сердцу; но как быть? По падении нашем – это единственное средство достигнуть цели бытия нашего, необходимый путь к блаженной вечности и самый надежный способ к обновлению нашего существа, ко вступлению в новое и никогда некончаемое лето благодати, мира и единства с Богом.

В самом деле, братие, в новом лете произойдет вокруг нас и с нами много нового; но все и в нас и вне нас новое нисколько не обновит нас, не приблизит к цели бытия, не доставит истинного совершенства без исправления нашего сердца, без обновления нашего духа, без очищения нашей совести, без духовного обрезания. Ты получишь новое достоинство, звание, власть; но если на сей высоте не отложишь прежней низости чувств, высокомерия и презорства, то все скажут о тебе: он тот же -так же надменен, жесток, притеснителен, низок. Ты вступишь в новые связи, в новую приязнь, родство; но если не отложишь прежней холодности, строптивости, небрежности о благе ближних, то самые друзья и кровные будут говорить: он тот же – та же нелюбовность, то же лукавство, то же самолюбие, раздражительность, беспокойный дух. Ты поселишься на новом месте, перейдешь в новый дом; но если с тобою перейдут и худые привычки, ежели новые стены будут видеть прежние измены долгу и совести; то это переселение прежнего зла – новоселье греха. Все сии и подобные новости не обновят нас, если сердце останется ветхим, если ты пребудешь во грехе. Напротив, если через истинное покаяние отложим дела темные; обрежем, как сухие и бесплодные ветви, наши преступные связи и привычки; возобновим и утвердим в себе решимость жить богоугодно и праведно, то хотя бы во внешних отношениях наших не произошло никакой перемены, и мы не приобрели ничего нового; все будет для нас ново потому, что мы сами будем новы. Каждый, знавший наши слабости, нашу нечистоту и грехи, и не видя их в нас, скажет: нет, он совершенно не тот, что прежде! Но, что важнее всего, так скажут

о нас самые Ангелы, Сам Бог, – Он Сам скажет: «сын Мой сей мертв бе, и оживе: и изгibl бе, и обретется!» (Лк. 15:24). Такова сила духовного обрезания! Оно, и только оно одно, доставляет нам истинное обновление и новое лето; посему и время, как мы сказали, дается нам для совершения над нами сего обрезания.

Жизнь святого Василия, ублажаемого ныне Церковью, служит разительным примером сих истин, ибо вся она была непрерывным подвигом обрезания и самоотвержения духовного, и вместе с тем – благодатного обновления во Христе. На это употреблял он все время и все силы, к сему обращал знания и мудрость, к сему – богатство и достоинства, к сему – приязнь и вражду. Крест Христов был для него все: первое и последнее занятие ума и сердца, первое и последнее украшение и награда. Ни нежность сложения, ни слабость здоровья, ни высокий сан, ни пребывание в Афинах – ничто не могло отвлечь его от нищеты Христовой и подвигов духовных и телесных. Каждый день видел какую-либо его победу над собою, каждый день он слагал с себя что-либо, отрекался от чего-либо. Посему, когда надменный властелин желал однажды утратить его лишениями, то не мог сделать сего: Василию нечем было грозить, ибо у него нечего было отнять. Он весь принадлежал небу, вечности, Богу. Посему и Бог явил Себя в нем особеннейшим образом. Все еще при жизни признавали в нем с благоговением человека Божия, сосуд благодати, храм Духа Святаго. А по кончине Церковь немедленно начала ублажать память его, в пример и подражание всем чадам своим.

Редкие из людей, братие, могут вместить столько совершенств, сколько их было в сем святителе; но все мы призваны к одному с ним наследию, к одному и тому же блаженству в Боге. И нам время дается на то же самое, на что употребил его он: на очищение своего сердца, на обновление духа, на покаяние и добродетель. Не будем же выпускать сей истины из нашей памяти, и с началом Нового года начнем усерднее пещись об исправлении нашего существа, ибо нужнее и полезнее сего дела для нас нет и быть не может ничего.

Господи и Владыко живота нашего! Ты ввел нас в новое лето, нечистых, недостойных благодати Твоей; содейлай, да не пройдет и оно без очищения нас! Дай нам, молитвами святителя и угодника Твоего, узреть в самих себе то приятное лето благодати и обновления, которое нареци на земле пришел с неба Ты Сам, о Всеблагий и Премудрый! Аминь.

Слово четвертое на новый год

«Сие... глаголю, братие, яко время сокращено есть прочее... преходит бо образ мира сего» (1Кор. 7:29, 31)

Печальная обязанность проповедников! В то время, как вы со всех сторон окружены благожеланиями и приветствиями, когда и сердце и слух ваш ничего не желали бы видеть и слышать кроме одного приятного; в то самое время, мы, последуя примеру апостола, должны сказать вам другое, должны напомнить, что время жизни нашей сократилось; что все мы ближе подошли к тому грозному пределу, от которого нет возврата, за коим – или вечная награда, или потеря бесконечная. Сие глаголю, братие, яко время сокращено есть прочее!..

Впрочем, если подумать хорошо, то чем бы сей вести быть печальной для христианина? Печалится ли любимый, находящийся в дальней стороне, сын, когда ему напоминают о возврате в дом отеческий? Сетует ли узник, когда узнает, что время заключения его сократилось? Досадует ли больной, когда видит, что час его выздоровления приближается? Что же, братие, все мы здесь на сей земле, как не пришельцы в земле чуждой, как не узники плоти и крови, коим подлежит изыти на свободу духа, как не тяжелобольные, коих ожидает выздоровление? Значит, если возвещаемая нами весть о сокращении времени и жизни прискорбна для кого-либо, то для тех, кои забыли о своем отечестве, не помнят своих уз, пристрастились к своей болезни.

Что является причиной такого превращения вещей? Мир с его благами, земная жизнь с ее чувственными радостями, кровь и плоть с их прелестями... Так, образ мира, жизни, плотских удовольствий прелестен для тех, коих очи ослеплены самолюбием и суетою. Но подойдите к сему образу поближе, рассмотрите его повнимательнее: что увидите? Это истукан Навуходоносоров, у коего глава золотая, грудь, руки и перси серебряные, чрево и стегна медяны, голени железны, а ноги – скудельны! Является, по выражению пророка, камень без рук,

приходит какой-либо внезапный противный случай, – и истукан падает; золото, серебро, медь и железо – стираются в прах. "Видех, – говорит Псалмопевец, – нечестивого превозносящаяся и высящаяся, яко кедр Ливанский: и мимо идох, и се не бе, взысках его, и не обретеса место его» (Пс. 36:35–36). Вот история сынов счастья! И как часто повторяется она! – Соломон не поверил было некогда бренности и пустоте благ земных, и думал, вопреки всеобщему опыту, найти в них покой душе своей. К чему не обращался он за сим? Обращался к богатству и стяжаниям; строил дома, насаждал вертограды, отправлял на край света торговые флоты. Корабли привозили без счета золото и серебро, но ни разу не могли привезти Соломону спокойствия. Обращался к чувственным удовольствиям; забывал среди их и величие царя и достоинство человека, но не мог забыть своей совести. Плоть дремала на роскошном ложе, а сердце бдело и болело; вокруг него все цвело весельем и радостью, а в нем была суета и крушение духа. Обращался, наконец, к мудрости; ум Соломона обнимал все: от кедра до иссопа, от бега светил небесных до незаметного следа змеи на камне. Что же принесла Соломону и мудрость земная? То же, что и прочие блага. «Уразумех аз, – говорит он, – яко и сие, то есть мудрость, есть суета и крушение духа... и приложивый разум, приложит болезнь» (Еккл. 1:17–18). После сего, не вправе ли мы, братие, весь обольщающий нас мир сравнить с оною храминою Сарданапаловою, в коей внезапно явившаяся рука написала на стене оные страшные слова: «мани, фекел, фарес!» (Дан. 5:25). Там нужен был пророк, чтобы изъяснить написанное; а здесь указание так ясно, что его может видеть и понимать малое дитя. В самом деле, как ни измеряйте величие и блага мира, всегда найдете, что они кратки и скоропреходящи: "мани!" Как ни взвешивайте их, они всегда окажутся легки и пусты: "фекел!" И как ни помножайте их, всегда выйдет в конце, что они должны рассеяться и прейти из рук ваших к другим: "фарес!" Другими словами: все, что в мире, есть суета сует, и всяческая суета.

«Сынове человечести, – восклицал некогда пророк, имея в виду сию бренность благ земных, – сынове человечести, доколе... убо любите суету и ищите лжи!» (Пс. 4:3–4). Суета

крушит дух, томит сердце ваше; а вы любите ее! Ложь итак отвсюду окружает, преследует вас, а вы ищете ее! «Сынове человечести, доколе... любите суету и ищете лжи!»

Если бы, впрочем, мир и не был так бременен с его наслаждениями, и своим непрестанным коловращением не препровождал нас к исканию единого на потребу, то собственная наша жизнь своей бренностью должна удерживать нас от пристрастия к земному и заставить вздыхать о вечном. Пророк не напрасно сравнивал жизнь человеческую с паутиною: «дни лет наших... яко паучина!» (Пс. 89:10). Посмотрите на работу паука! Сколько труда, терпения, узоров, соображений! Но приходит дуновение ветра, и работа лежит вместе с художником долу. Не так ли разрушаются и планы многих честолюбцев и замыслы многих любостяжателей? Даже если продлить жизнь нашу до последних пределов ее, то далеко ли море, в которое неминуемо должен впасть сей проток? Моисей сделал некогда, по повелению Божию, перепись народа, изведенного им из Египта, и вот нашлось около шестисот тысяч, одних способных носить оружие. По прошествии тридцати осьми (тридцати восьми) лет ему велено было повторить перепись. Что же оказалось? Что все, вошедшие в состав прежней переписи, уже умерли; остались один Иисус Навин и Халев; сам Моисей, производивший перепись, скончался в том же году, не достигнув земли Обетованной. Перенесемся, братие, и мы своей мыслью на сорок лет в будущее: сколько, вы думаете, останется тогда в живых из всех нас, теперь здесь присутствующих? Останется ли хотя столько, чтобы могли совершить священнодействие о поминовении нас, тогда уже покоящихся в недрах земли?..

«Сие убо глаголю, братие!» – Для чего глаголю? – «Да требующий мира, яко не требующе» будут: – чтобы те, кои благословены здесь дарами счастья, не забывали, что все это дано на время, с условием, с отчетом; и потому, пользуясь благами мира, старались бы о снискании благ высших - вечных. Для чего глаголю? «Да плачущийся, якоже не плачущий будут»; дабы те, коим суждено идти здесь по жесткому и тернистому пути, не унывали под тяжестью искушений, памятуя, что и

печали здешние, так же как и радости, не только на время, но и на пользу нам и, перенося их в терпении, устремляли чаще взоры туда, где нет ни печали, ни вздыхания. Для чего, наконец, глаголю? Дабы все мы провождали жизнь так, как прилично странникам и пришельцам, взыскующим горнего града, «ему же художник и содетель Бог» (Евр. 11:10). Аминь.

Слово пятое на новый год

Одного мудреца древности спросили: что бы, по его мнению, было драгоценнее всего для человека? Время, – отвечал он, – ибо посредством времени можно приобрести все; а самого времени нельзя купить ни за что. В самом деле, попытайся кто продлить для себя день хотя на одну минуту: что бы ни делал для сего, не прибавит к уреченному числу их ни одного мгновения. Попробуй кто также возвратить для себя назад, хотя одну минуту: никогда не возвратит ни единой. Время непродолжимо и невозвратимо! Посему оно драгоценнее всего для человека, ибо посредством его можно приобрести все: самое небо и блаженную вечность, – а времени невозможно приобрести ни за что.

Возблагодарим же, братие мои, Владыку времен и лет, десница Коего отверзла ныне пред нами врата нового лета! Сим даровано нам то, что есть нужнейшего и драгоценнейшего для всех нас, даровано время! И как свойство даров Божиих есть всеобщность и беспристрастие в их разделении, то все мы равно прияли новый дар из рук Божиих, не более первый из владык земных, не менее последний из рабов земных.

Разность будет зависеть уже не от Господа дарствующего, а от нас, приимших дар; и будет состоять в том, как употребит каждый из нас принятое. Если самый первый из владык земных употребит время не как должно, то под конец времени окажется яко ничтоже приявый и «еже мнится имея, взято будет от него» (Мф. 25:29). И напротив, если последний из рабов употребит дар Божий, то есть время, как должно; то в конец времен явится, яко имеяй вся, и будет вознагражден сторицею за то, что терпел и от чего страдал в продолжение своей жизни.

После сего для всех, и великих и малых, и сильных и бессильных, первой важности вопрос: кто употребляет время, как должно, и кто злоупотребляет им?

Употребляет время, как должно, тот, кто употребляет его для приготовления себя к вечности, и что ни делает, всегда и во всем простирает взор свой далее временного и земного. Ибо не

для сего ли самого, то есть для приготовления себя к вечности, и дано всем нам время? Не для того ли именно поставляется каждый из нас на краткий срок на этой земле, дабы путем смерти перейти навсегда на небо?

Употребляет время, как должно, тот, кто в продолжение его старается делать добро как можно более, а зла как можно менее. Ибо в делании добра состоит самое наше предназначение; а допущение зла вредит нам навсегда, и во времени и в вечности. Делание добра приближает нас к цели бытия нашего и составляет неотъемлемое стяжание, прекрасный запас для неба; а допущение зла завсегда отъемлет у нас часть совершенства, удаляет нас от цели нашего бытия, ставит в злополучное противоречие с Богом, со всеми существами сотворенными, и с самими собою.

Употребляет время, как должно, тот, кто употребляет его на изглаждение в себе и жизни своей всего нечистого и греховного. Ибо на что лучше употреблять время больному и прокаженному, каковы все мы духом и совестью, как не прежде всего на исцеление себя от болезни? И может ли быть болезнь хуже и опаснее греха и беззакония? Посему время ни на что не может быть употреблено лучше, как на уврачевание язв нашей души и совести.

После сего само собою видно, кто злоупотребляет временем. Тот, во-первых, у кого протекает оно в бездействии и праздности. Можно ли пренебрегать так сим драгоценным сокровищем? Можно ли губить в бездействии время, когда от него зависит вечность? Когда его вообще так немного и когда из напрасно упущенного времени нельзя возвратить ни минуты?

Злоупотребляет временем тот, кто хотя не попускает ему протекать праздно, но все занятия свои ограничивает одним видимым, земным, чувственным и скоропреходящим. Ибо в таком случае из всего того, что ни делается, из всех занятий, трудов, скорбей и лишений не выйдет, наконец, ничего; и мы, протрудясь и проработав всю жизнь, под конец ее, когда все видимое и временное исчезает для нас, явимся яко ничто-же имущие.

Еще более злоупотребляет временем тот, кто употребляет его на дела, противные закону Божию, на обман, похоть плотскую, гордость житейскую, на преследования ближних и тому подобное. Ибо, так действуя, человек сильно портит богоподобную природу свою, идет безумно против всемогущей воли Творца, не приметно приближается к состоянию духов злобы, а тем самым готовит для себя в вечности участь самую злополучную.

Довольно и этих немногих указаний, дабы каждому из нас, кто захочет, можно было без труда узнать, как поступал он доселе со своим временем: употреблял его, как должно, или злоупотреблял им неразумно? Нам остается только сказать, что это предмет чрезвычайной важности для каждого. Теперь никто не требует от нас отчета в нашем времени: оно каждый день, с утра до вечера, предоставлено нашему произволу. Употребляй его и действуй, как хочешь; делай или не делай; извлекай из него пользу или злоупотребляй им: все это, по-видимому, равно для Того, Кто дарует нам время; но так не будет всегда! Наступит, наконец, для всех и каждого последний час времени, когда мы должны будем предстать на суд Господа веков и времен, и дать отчет во всех днях и часах наших, следствием коего будут уже не новые годы, а вечность, блаженная для тех, кои употребляли время свое, как должно, и злополучная для тех, кои употребляли его всуе.

Будем ли в беспечности ожидать сего часа грозного? Но что может быть безрассуднее подобной беспечности? Это значило бы обречь себя на явную погибель. А если так, то, по выходе из сего храма, обрета уединенное место, размыслим прилежно о том, как проводили мы доселе свое время, и как нам проводить его отселе. Такое размышление послужит для каждого вместо самого назидательного поучения, и не на один нынешний день, а на целый наступающий год, на всю жизнь. Аминь.

Слово шестое на второй день нового года

С Новым летом благодати, благородные воспитанницы! С новым летом благодати и новым счастьем, ибо где благодать Божия, там и счастье. В самом деле, не счастье ли, что с Новым годом все мы, великие и малые, можем опять делать много доброго? Не счастье ли опять, что с Новым годом все мы, и малые и великие, можем вознаграждать и исправлять, если прежде сделано было что-либо злого и недоброго? Эта двойная возможность – продолжать делать добро и продолжать изглаждать зло, есть уже великое счастье, и его-то всем нам равно приносит Новое лето благодати Божией!

«Но велик ли круг добра, которое мы можем делать в нашем возрасте и состоянии?» – подумает какая-либо из вас. Тем неизвинительнее, возлюбленные, если не возмеем наполнить и этого малого круга действий добром чистым; а такое несчастье, пожалуй, легко может постигнуть нас, если, под предлогом малости нашего круга действий, предадимся лени и небрежению, и что еще хуже, гордости и величанию. Но думать, что круг деятельности вашей слишком мал и тесен, была бы сущая несправедливость. Мало ли всем вам можно делать доброго? Прежде всего, вы можете в новом лете быть усердными к храму Божию, к домашней молитве и к занятию законом Божиим: это добро великое и на всю жизнь вашу! Вы можете в новом лете быть внимательными к наукам и искусствам, вам преподаваемым, развивать правильно способности души и сердца, обогащать свой ум полезными знаниями – это также добро великое и на всю жизнь вашу! Вы можете в новом лете постоянно оказывать преданность и послушание своим начальникам и наставникам, выполнять со всей точностью их распоряжения и уроки, следовать во всех действиях правилам благоразумия, приучать себя к чистоте души и тела, к порядку, скромности и простоте – это добро великое и на всю жизнь вашу! Можете, не будучи родными, жить все как родные, разделять между собою благие мысли и чувствования, научиться помогать друг другу и исправлять друг

друга от недостатков – это также добро великое и на всю жизнь вашу. Наконец, хотя ваша жизнь здесь, сколько возможно, освобождена от нужд и защищена от неприятностей; но как жизнь человеческая необходимо подлежит по временам некоторым лишениям и даже скорбям, посему вы можете заранее навекать терпению, великодушию, умению быть выше неприятных обстоятельств – это также добро немалое и на всю жизнь вашу, в коей, после святой веры и добродетели, ничего так не нужно для каждого из нас, как терпение и смирение.

Видите, сколько добра можно сделать вам, благородные воспитанницы, в настоящем возрасте и состоянии вашем! Кто осмелится сказать, чтобы этот круг добра был мал и тесен? Скорее надобно молить Господа, чтобы Он подал силы наполнить его одним чистым добром. Ибо, предоставленные самим себе, без помощи благодати Божией, мы, как учит слово Божие и опыт, и одной добродетели не можем исполнить, как должно, даже не можем помыслить о чем-либо истинно добром, как уверяет апостол, сами по себе, но вся способность на это бывает в нас от Бога.

Все сие представится еще важнее, если мы на то, что можно вам в Новом году делать доброго, будем смотреть по отношению не к одному настоящему, а и будущему вашему состоянию. Ибо ваше пребывание здесь временное и приуготовительное к тому, чтобы со временем вступить в круг жизни, который для многих из вас будет и обширен, и разнообразен: там должны раскрыться вполне ваши способности и дарования; там должны принести плоды ваши познания, и ваши добрые качества. Какого блага нельзя ожидать для ваших семейств, даже для всего общества, если вы, выйдя из-под благословенной сени дома сего, явитесь приуготовленными на все доброе и святое, приученными ко всяким видам добродетелей, умеющими побеждать зло, в каком бы обольстительном призраке ни явилось оно перед вами. Но чтобы быть таковыми, чтобы иметь эту драгоценную способность, для сего надобно предварительно воспитать себя в духе веры и благих нравов, надобно свыкнуться с добром и утвердить в себе навсегда нераскаянное отвращение от всякого

вида греха. Без сего, хотя бы вам, по вступлении вашем отсюда в круг жизни общественной, и пришло желание быть добрыми, мы встретим к тому немало препятствий в себе самих, от собственного нечистого сердца, ибо к добру надобно приучать себя постоянным упражнением, чтобы оно сделалось уже неотъемлемой нашей собственностью.

С этой стороны новое лето, как сами можете видеть, есть опять драгоценный дар Божий, ибо с продолжением его мы можем приобрести, столь необходимый для всех нас, навык в добре. Воспользуемся же сей благодатью; не злоупотребим даром небесным, то есть временем, поспешим украсить душу свою верою и благими нравами, ибо только одни эти украшения никогда не стареют, всегда новы и всегда привлекают на нас не только взоры людей, а и благословение Самого Бога. Говорим все это для того, что можно в новом лете пойти и противным путем, можно вознерадеть о науках и искусствах, можно оказывать дух упрямства и неповиновения начальству, можно предаться своенравию, рассеянию, скрытности, лукавству, нечистым мыслям и предосудительным поступкам. Увы, в падшей природе нашей есть несчастная возможность, и даже склонность ко всему этому! Но что будет с той из вас, которая, забыв страх Божий, забыв цель воспитания своего, пошла бы сим путем злополучным? Таковая потеряла бы спокойствие своей совести и сердца, причинила бы печаль своим родителям и благодетелям, горесть своим начальникам и наставникам; таковая возмутила бы светлый и чистый круг ваш; удалила бы от себя своего Ангела Хранителя; лишилась бы благодати и благословения Божия; подпала бы добровольной ужасной зависимости от духа злобы, – того общего врага нашего, который, по свидетельству апостола, ходит невидимо всюду, яко лев, «иский кого поглотити» (1Пет. 5:8).

Новый год, таким образом проведенный, был бы источником не успеха и счастья, а величайших печалей и бедствий. Жить таким образом - значит не жить, а ежедневно умирать духом. Да сохранит вас Господь от сей смерти духовной! А чтобы она не приближалась к нам, дадим перед сим престолом Бога Живаго и всевидящего, дадим от всего

сердца обет делать в продолжение наступившего года одно доброе и убегать всякого вида зла; а если бы, по несчастию, оно как-либо вторглось в душу нашу, тотчас изгонять его искренним раскаянием и обращением с молитвою ко Господу. При таком расположении духа, мыслей и поступков наших, что бы ни случилось с нами, будьте уверены, все, при помощи Божией, обратится нам во благо. Аминь.

Слово первое в день Сретения Господня

Четыредесятъ дней протекло уже с тех пор, как мы торжествовали пришествие на землю Сына Божия. Кто был не праздным зрителем празднеств, совершаемых Церковью, тот мог в это время научиться многому; кто следовал за Спасителем своим бодрственною и чистою мыслью, тот знает уже, куда ведет путь Христов: на Голгофу, а потом на небо! – Ныне Иисус во храме, не как Господь храма, ибо Он пришел послужить и дать душу Свою во избавление за всех, а как жертва Богу Израилеву, как Первенец Матери, или паче всего рода человеческого. То же глубокое смирение и в храме, какое видимо было в Вифлееме, но и та же Божественная слава. Как в Вифлееме нашлись люди, кои достойным образом приветствовали Божественное Отроча, так и здесь род человеческий успел выслать на Сретение Его двух Ангелов во плоти: Симеона и Анну, престарелых летами, но юных духом, – образец жизни, проведенной в служении Господу!

Но не укосним, братие, перенестись мыслью в самый храм Иерусалимский, дабы видеть, как все это происходило на самом деле.

«И егда исполнишася дние очищения ею, по закону Моисееву, вознесоста Его во Иерусалим, поставити Его пред Господем, якоже есть писано в законе Господни: яко всяк младенец мужеска полу, разверзая ложесна, свято Господеву наречется» (Лк. 2:22–23).

Итак, причина, почему čtyредесятодневное Отроча принесено во храм, заключалась в законе Моисеевом о первенцах. Посему настоящий праздник, равно как и праздник обрезания, можно назвать праздником исполнения закона.

Закон повелевал ставить пред Господом первенцев спустя сорок дней по рождении, в память чудесного изшествия Израильян из Египта, коему, как известно, предшествовало чудесное избиение первенцев Египетских (Исх. 13:1–3). Чтобы увековечить в народе Еврейском память сего благодеяния, Господь повелел являться пред лице Свое каждому первенцу

Израильскому. Такая причина и цель закона о первенцах явно нисколько не касалась великого Первенца Марии. Как Сын Божий, Он был свободен от закона сынов человеческих. И однако же исполнил его со всей точностью! Для чего? Дабы дать всем нам пример повиновения существующим законам. Так поступал Он и во всю жизнь Свою, – исполнял предписания закона не только нравственного, который был необходим и для Него, но и обрядового, хотя последний, как пришедший к своему концу, долженствовал быть Им уничтожен. Господь и отменил его потом – через Своих апостолов, а Сам – исполнял! Пример для всех, кои призваны быть законодателями и вождями других! Они должны нередко исполнять более, нежели сколько требуют от других, дабы других заставить исполнять не менее того, сколько требуется.

При исполнении закона о первенцах, надлежало приносить и жертвы. «И еже дати жертву, по реченному в законе Господни, два горличища, или два птенца голубина» (Лк. 2:24). Жертва в сем случае должна была состоять в агнце и горлицах. Только бедные, у коих не было агнцев, могли приносить одних горлиц, или птенцов голубиных. Евангелист, имея, вероятно, в виду бедность Матери Иисусовой, умолчал об агнце.

В таком состоянии, братие, был Господь и Спаситель наш, что Он не мог, по причине бедности, выполнить даже закона, как его выполняли другие – богатые! Не утешение ли это вам, кои находитесь в подобных обстоятельствах, желали бы жертвовать Богу, чем жертвуют другие, но не можете сделать сего? Святое намерение ваше, братие, есть уже приятная жертва Господу, Который благих наших не требует, и взирает не на дары, а на сердце наше.

Доселе смирение Божественного Отрочати; теперь узрим Его славу. Дух Святой давно образовал громких провозвестников Его явления, кои ждут токмо манования свыше, чтобы изыти в сретение «Утехи Израилевы» (Лк.2:25).

Грядите, людие Божий, и станите пред Ним с вашими добродетелями!

«И се, бе человек во Иерусалиме, емуже имя Симеон» (Лк.2:25).

Кто и что был Симеон по плоти, евангелист не рассказывает; зато образ души его изображен им со всей подробностью. В Симеоне был весь собор добродетелей: «бе человек сей праведен – вот любовь к ближним, благочестив – вот любовь к Богу, чая Утехи Израилевы – вот вера в обетованного Искупителя! Больших совершенств от члена Церкви Ветхозаветной нельзя было и требовать. Но в Симеоне было более! – «Дух бе Свят в нем!»

Такому-то человеку – у Бога нет лицемерия! – обещано бе «Духом, не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня» (Лк.2:26). Для чего обещано? Надлежало, во-первых, чтобы Господь храма, пришед в храм, не остался без достойного сретения. Увы, руки священников Иудейских уже не способны были благословить Благословенного! С другой стороны, для святого старца это было величайшей наградой, предвкушением на земле радостей небесных. Мы привыкли за ничто считать зрение благодатных тайн Божиих, а ветхозаветные праведники с радостью готовы были жертвовать жизнью, дабы видеть то, что всегда видят наши недостойные очи.

Можно судить, братие, чем, после такого обетования, сделалась для Симеона вся его жизнь! Без сомнения, с каждым восходом солнца старец ожидал Востока свыше, с каждым западом воспоминал о своем западе. Обетование, как бы с намерением, было неопределенно. Обещано видеть; но как, когда и где? – сего не сказано, дабы вера и упование с каждым днем находили для себя новую пищу.

И вот, в один день, Дух говорит Симеону, чтобы он шел в церковь: дело привычное, но непривычное воззвание! Можно было уже предчувствовать, что в храме есть теперь нечто более храма. Приходит, и видит: самое обыкновенное – Мать с Младенцем, но, Боже Израилев, Кто Сей Младенец! – Мессия, Христос Господень! Глубокая простота и бедность окружают Его, но для Симеона Он тем святее и драгоценнее. Воскрыленный восторгом, старец приемлет Отроча в свои объятия, взирает на Него и не смеет взирать, благословляет и просит

благословения, молится о Нем и Его молит о себе. Наконец, от полноты сердца разверзаются уста, и язык вещает слово благо.

«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром: яко видесте очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей: свет во откровение языком, и славу людей Твоих Израиля» (Лк.2:29–32). То есть как бы так говорил святой старец: мне нечего теперь делать на земле; ибо я видел все, самое Спасение!

От себя и Израиля обращает потом Симеон взор на хранителей и служителей Утехи Израиля: приветствует их с необыкновенным жребием, и благословляет на великий подвиг. «И благослови я Симеон» (Лк.2:34). Но вместе с тем духовному взору его предстает будущее: он видит, к Светом языков не просвещаются, а омрачаются очи Израиля; как синагога не узнает великого «времени посещения» (Лк. 19:44) своего, как Краеугольный Камень, несмотря на свою многоценность, отвергается зиждущими (Мф. 21:42); как о Него претыкаются и сокрушаются многие, – как и в новом Израиле, между самыми христианами, являются «враги креста Христова» (Флп. 3:18), имя Иисуса служит то знамение вражды и гонений, то покровом лицемерия, то возглавием духовной праздности, видит, – и в сокрушении духа восклицает: «се, лежит Сей на падение и на востание многим во Израили, и в знамение пререкаемо... яко да откроются от многих сердец помышления!» (Лк. 2:34–35). – «И Тебе же Самой, – продолжает старец, обратясь к Матери Мессии и не имея возможности удержать действий дара пророчесственного, – и Тебе Самой душу пройдет оружие» (Лк. 2:35): до того, то есть, Ты будешь подлежать напастьм и скорбям!

Такое пророчество о Сыне и Его Матери не могло, братие, радовать сердце Марии. И его-то внушено произнести теперь святому старцу! В тот день, когда, по-видимому, прилично было только радоваться, благословлять и словословить! Так тщательно Промысл берег смирение Марии! Будучи предназначена к беспримерному величию, – быть Матерью Сына Божия, Она, подобно Своему Сыну, не имела на земле где успокоить главу, увенчанную тернами, доколе не нашла

успокоения в объятиях Сына – на небе. В самом деле, подумайте: во время плодоношения быть предметом ужасного подозрения для самого хранителя Своего девства, во время рождения – не иметь места в обители и положить Младенца в яслях, в храме принять, вместе с благословением, оружие в сердце, потом бежать в Египет, возвратясь оттуда, жить в бедности и нищете в Назарете, потом быть свидетельницей клевет и гонений на Сына, потом – стоять на Голгофе: не крестная ли это лествица, достигающая небес? И удивительно ли, если, идя по ней верно и непрестанно, Мариам прошла далее Херувимов и Серафимов? У них – океан света и пламени Божественного, но нет – своего – креста!

Мария умела идти сей лествицей. Когда Архангел поднес Ей ветвь райскую и приветствовал Ее Матерью Сына Божия, Она сказала: «се, раба Господня!» (Лк.1:38). Когда Симеон указал на оружие в сердце, Она приняла и его: и слагаше «глаголы сия в сердцах Своих!» (Лк. 2:19). Кто предал себя истинно Богу, тот не разбирает даров Божиих, из чего ни состоят они, ибо знает, что Отец Небесный не подает вместо хлеба камней! (Лк. 11:11)

Торжественно-печальным пророчеством Симеона удобно могло заключиться все священнодействие. Чего более – старец разрешен от уз жизни, Благословенный благословен, Свет языков возведен, падение и восстание многих предсказано, указано оружие Самой Матери: чего более? Но Промыслу угодно было при сем ввести в действие и показать всему миру еще одно лицо, могущее служить примером для жен, подобно как Симеон – пример для мужей. Это Анна пророчица, «дщи Фануилева, от колена Асирова» (Лк.2:36).

Смерть похитила у ней супруга на седьмом году брака. Но Анна умела найти нового, вечного Жениха для своего сердца, посвятив себя навсегда Богу Израилеву. С тех пор жизнь ее сделалась непрерывным служением Господу. «Не отхождаше, – говорит евангелист, – от церкви, постом и молитвами служащи день и ночь» (Лк. 2:37). И такой святой жизнью прожито было – с лишком шестьдесят лет! Нетрудно заключить после сего, как высоко стояла сия святая жена! С такой высоты нельзя было не

увидеть Солнца правды, и святая старица узрела Его. «И та... приставши, исповедашеся Господеву и глаголаше о Нем всем чающим избавления во Иерусалиме» (Лк. 2:38). «Приставши», то есть как бы случайно и не нарочно; а между тем это случайное и не намеренное событие возвещено всему миру, и, без сомнения, предопределено Промыслом со всей точностью. Таковы в жизни святых Божиих человек самых случайности! Между тем, как Симеон пойдет свидетельствовать о Утехе Израиля, чающим избавление от нее, в другом мире, Анна останется на земле, и повествование ее о том, что происходило ныне в храме, будет для недостойного Иерусалима вместо гласа ангельского.

«И яко скончашася вся по закону Господню, – заключает евангелист описание свое, – возвратишася в Галилею, во град свой Назарет» (Лк. 2:39). То есть, как бы так сказал евангелист: все, что было теперь с Иисусом во храме, было данью от Него закону Моисееву. Посему-то мы и называли настоящий праздник праздником исполнения закона.

Взглянем еще раз на все в совокупности. Юная Мать с Предвечным Младенцем, – о страну Ее старец Иосиф, хранитель Ее девства, – пред ними еще два старца: Симеон и Анна, – и какой-либо священник Иудейский: вот весь собор храма Иерусалимского, вся нынешняя свита Царя славы! Где же царь Израилев, который хотел поклониться Отрочати? Он подписывает смертный приговор младенцам Вифлеемским! Куда девались первосвященники и книжники? Они почивают на законах и справляются в книгах: «где Христос рождается» (Мф. 2:4), и приходит ли «пророк от Галилеи?» (Ин. 7:52). Почему нет здесь, по крайней мере, «чающих избавления во Иерусалиме?» (Лк. 2:28). Одному, может быть, не сказал Дух, чтобы идти теперь в храм; другому, может быть, и было сказано, но он не пошел; а иной, может быть, и пошел, но возвратился вспять. Как бы то ни было, только Господь храма пришел ныне в храм, принес за Себя жертву; а Иерусалим узнает о том уже после – из уст восьмидесятичетырехлетней старицы! И когда узнает о сем, то Узнанный уже будет в Египте, – там, откуда Он самый

неблагодарный народ вывел некогда «рукою высокою!» (Втор.3:24).

Так скоро, братие, начинается падение многих, предсказанное Симеоном! Почему и отчего начинается? От недостатка ли света и откровений? Но его будет достаточно к просвещению самых язычников. От восток и запад приидут возлечь со Авраамом, Исааком и Иаковом, а Израиль не уразумеет «времени посещения своего» (Лк. 19:44) и после, как не уразумел теперь! Не уразумеет потому, что «не восхоте разумети»¹, потому что одевале и умом и сердцем, смежил очи, чтоб, «видя, не видеть», затворил слух, чтобы, «слыша, не слышать»! (Ин. 12:40. Мф. 13:13).

Будем, братие, и мы блюстись сего «духа нечувствия» (Рим. 11:8) и ожесточения, который погубил древнего Израиля, но сам не погиб с ним. Мы не можем уже, подобно Иудеям, не узнать Спасителя своего, ибо каждый из нас, с самого младенчества, посвящается Ему во храме так же, как Он Сам посвящен ныне Господу: но можем, подобно им, отвергать Его нашим неверием, оскорблять нашей нечистотой, распинать нашими грехами. А это, братие, стократ хуже того, что было с Иудеями; ибо если отвержение Неузнанного есть великий грех, то что сказать об отвержении Познанного!

Апостол видел некогда в духе участь тех, кои, познав Сына Божия, изменяют Ему своей жизнью, – и в ужасе воскликнул: «страшно (есть) еже впасти в руце Бога живаго!» (Евр. 10:31).

Будем же, – говорю, – подобно Симеону и Анне, не дремля стоять на страже спасения своего, принимать Господа, доколе Он приходит к нам в благодатных посещениях Своих, – не устами льстивыми и велеречивыми, а душою чистою и сердцем сокрушенным и смиренным. Таким образом Он будет и для нас в славу и спасение. А без того – страшимся, – Он положен и доселе лежит, не на восстание только, но и на падение многих, многих! Аминь.

Слово второе в день Сретения Господня

Из многих вопросов, кои можно предложить себе касательно жизни нашей на земле, едва ли, братие, не самый важный вопрос о том, как лучше умереть? Некоторые, даже из языческих мудрецов, поставляли в этом всю мудрость человеческую, и не иначе называли ее, как наукою смерти. Кто же научит нас сей, великой и необходимой для всех, науке? Всего лучше, удобнее и скорее могут научить те, кои сами прошли уже дверями гроба, и прошли безмятежно, в мире, с радостью. Один из таковых – подлинно счастливец, есть праведный Симеон. Послушайте, что говорит он к Богу, оканчивая жизнь свою: «ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром!» (Лк. 2:29). Можно подумать, что святой старец был доселе в изгнании, и теперь только возвращается под родной кров; находился доселе в узах, и теперь только исходит на свободу! Что сдружило его так тесно с ужасным для всех нас образом смерти? Почему гроб кажется ему приятным ложем? Отчего с такой радостью спешит он туда, куда другие не могут и заглянуть без страха?

Часть этой тайны рассказывает сам Симеон: «яко видесте, – взывает он ко Господу, – очи мои спасение Твое!» (Лк. 2:30). То есть, как бы так говорил праведник: мне нечего уже делать на земле, ибо я видел все – Спасителя и самое спасение; увидев Его, мне нечего страшиться и за пределами земли, ибо с Ним – всемогущим Спасителем моим, – «аще бо и пойду посреде сени смертных, неубоюся зла» (Пс. 22:4).

Но тут, братие, как я сказал, только часть тайны Симеоновой, а не вся тайна. Спасение, виденное Симеоном, видели очами своими многие из современников Симеона, видели гораздо более и долее Симеона, однако же мы не видим в Евангелии, чтобы кто другой, кроме Симеона, сказал: «ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко... с миром!» Было нечто в Симеоне, что спасение, виденное им наравне с другими, усвояло ему несравненно перед другими. Это важное нечто, умолчанное Симеоном по смирению, открывает евангелист,

когда изображает лицо Симеона. «И человек сей, – говорит он о Симеоне, – бе праведен и благочестив, чая Утехи Израилевы: и Дух бе Свят в нем. И бе ему обещанно Духом Святым, не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня» (Лк. 2:25–26), то есть в Симеоне был целый собор добродетелей: любовь к ближним питала в нем любовь к Богу и страх Божий; страх и любовь укрепляли веру в Искупителя; вера привлекла Духа Святаго; Дух удостоил откровений и дал возможность увидеть Спасителя; лицезрение Спасителя изгнало страх смерти, – и Симеон отходит с миром туда, куда другие не могут и воззреть без трепета!

Таким образом, вот святая тайна Симеона! Вот как дошел он до драгоценной возможности – умереть в мире! Кто хочет смерти Симеоновой, тот иди путем Симеоновым: будь праведен и благочестив, веруй в Искупителя, старайся соделаться жилищем Духа Святаго, – и удостоишься лицезрения своего Спасителя!

И, во-первых, для мирной смерти потребна, братие, правда и непорочность. И в продолжение жизни тяжело бывает, когда совесть живо представляет какую-либо обиду, нанесенную ближнему, но стократ это должно быть при смерти, когда совесть сама делается несравненно живее и чище. Угасающий взор, по необходимости, ищет тогда, на чем бы успокоиться: судите же, каково должно быть это успокоение, когда ему представится целый ряд жертв собственной жестокости или лукавства! И не это ли те ужасные призраки, кои нередко мучат умирающих явлением своим? Мы привыкли изъяснять их мучения страданиями тела, но тело ли всему виною? Ах, как иное, совершенно иное услышали бы мы от многих умирающих, если бы языку их, связанному узами смерти, дано было разрешиться и проглаголать нам ужасную истину! Страдания тела бывали и у людей праведных, но душа их отходила ко Господу в мире. Почему? Не потому ли, что жила с Господом в мире? Не оттого ли, что совесть у них, будучи совершенно мирна, умиротворяла и тело, а душа, будучи свободна от тяжестей греховных, по тому самому удобно возносилась над землею и парила к небу? Какова жизнь, такова и смерть!

Второе надежнейшее средство против ужасов смерти, по указанию святого Симеона, есть любовь к Богу, или благочестие. Нетрудно угадать, как действует это средство, и в чем его сила. Посмотрите на сына, любящего отца и долго бывшего в разлуке с ним! Он готов перенести все, чтобы возвратиться в дом отеческий; не взирает притом ни на ярость волн морских, ни на высоту гор, ни на другие опасности. Так и человек, любящий своего Господа, с радостью спешит в двери гроба, несмотря на тесноту и мрачность их, ибо знает, что это – единственный путь к возврату в дом отеческий. А без этой любви к Отцу Небесному, без этой детской привязанности к горному отечеству, переход в другой мир, по необходимости, должен быть тяжел и неприятен. Как с миром идти туда, куда не хотели бы идти вечно? Как явиться пред Того Бога, Который всю жизнь был или забываем, или оскорбляем? В таком случае умирающий грешник подобен тому рабу, который пойман в бегстве, и насильно возвращается своему владыке. Можно ли тут не трепетать и не мучиться душою?

Третье средство против ужасов смерти, по указанию праведного Симеона, есть живая вера в Искупителя. Худо, братие, очень худо без веры в продолжение жизни, но стократ хуже при смерти. Во время жизни многое, по-видимому, может заменять веру, и, к сожалению, заменяет для многих; но при смерти, увы, ничто не заменит! Минуты смерти явно суть самые важные и решительные: можно ли положиться тогда на самих себя, на свое мужество, на свою мудрость, даже на самую добродетель? Тут мы исчезаем для мира и мир для нас; тут преставление света для каждого, Страшный суд для каждого! Посему нужна и помощь высшая, всемогущая; нужен не ходатай, не Ангел, но Сам Господь. Только Его имени слушает небо и земля, только пред Ним трепещет ад и все духи злобы; посему только с живою верой в Него мы можем пройти в мире ужасную бездну тления и непреткновенно изыти в свободу чад Божиих.

Эту необходимость веры в Искупителя при смерти прекрасно выражает Святая Церковь, влагая в руки каждому умершему крест. Но, братие, чтобы сей крест имел силу

действовать за нас при смерти, надобно, чтобы он прежде воздействовал во время жизни и истребил грехи наши. Крест, влагаемый в руки умершему, остается в гробе и истлевает с телом; с душою идет тот крест, который она сама для себя соорудила, в продолжение своей жизни. Желаете знать, как сооружается сей нетленный крест? Двояким образом: во-первых, великодушным перенесением о имени Господа Иисуса тех бедствий и искушений, коими Промысл посещает каждого из нас для нашего очищения; во-вторых, упражнением себя в различных произвольных лишениях ради Его же пресвятого имени. Такой крест не истлеет в земле; с ним душа предстанет и на всемирный суд; он будет служить украшением ее на всю вечность!

Четвертая причина, почему для праведного Симеона смерть была мирной, состояла в том, что он был исполнен Святого Духа. Нетрудно понять действие и этой причины. Как ангелу смерти отягчить руку свою над тем, в ком зрит Духа Божия? И веяние прохладного воздуха облегчает страдания болящего; и дыхание уст матери или друга услаждает томления лежащего на одре смерти: какого же облегчения не может произвести благодатное веяние Духа Божия? И может ли Он не осенять, в минуты смерти, душу, которая была верна Ему в продолжение своей жизни? О, блаженны, стократ блаженны «мертвии, умирающие таким образом «о Господе.... Сам Дух глаголет, что они починут от трудов своих» (Откр. 14:13).

И такое блаженство, братие, можно сказать, без всякого с нашей стороны усилия доставалось бы каждому из нас, если бы мы сами не лишали себя оно. Ибо, при всей важности даров Святого Духа, благодать Его низводится в душу каждого из нас при самом начале жизни нашей – в Таинстве Крещения. В то же время, в Таинстве Миропомазания, мы видимо печатлемся печатью Святого Духа. И в продолжение жизни, во всех прочих Таинствах, молитвами Церкви и пастырей ее, приемлем благодать Духа. Таким образом, мы христиане все от рождения Духоносцы, и посему самому имеем в себе великое средство против страхов смерти. Отчего же большей частью трепещем ее? Оттого, что без ея благих мыслей и дел огонь Святого Духа

скоро угасает в нас от дуновения страстей, а печать избавления меркнет и изглаживается в душе от приражения к ней волн житейского моря; оттого что мы преисполнены духом мира, который и в продолжение жизни нашей часто обращается в вихрь и мятет нас, как прах и стеблие, а при смерти тем паче не может не раздражаться бурным дыханием, сотрясающим весь бранный состав наш. О горе, братие, великое горе тому из нас, кто до конца жизни позволит себе вляяться (волноваться бурею) сим тлетворным духом! Адское дыхание его охладит душу на одре смерти, истлит сердце и возмнет все исходища жизни!

Последним напутием для Симеона во время смерти было то, что он увидел очами своими Спасителя мира. «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко ... с миром, яко видесте очи мои спасение Твое!» Это напутие таково, что я и не знаю, указывать ли его вам, как на всеобщее напутие к мирной кончине: так оно далеко от наших мыслей, от наших нравов, от нашей жизни! Но, братие, так ли бы должно быть на самом деле, если бы мы были христианами не по имени?

Симеону обещано было Духом Святым не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня; а нам разве не дано сего обещания? Послушайте, что говорит Сам Тот, Кого ныне носит на руках своих Симеон. «Любая Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам» (Ин. 14:21). Что может быть яснее, определеннее и решительнее сего обетования? Люби Господа – и увидишь Господа! Каким образом является Он любящим Его, этого ни я не могу сказать, ни тебе не нужно знать заранее: это тайна Являющегося, которую открывает Он Сам при посещении Своем. Но то несомненно, что узрев Его, ты забудешь все красоты мира, с радостью поспешишь к Нему, в обитель Отца Его, хотя бы тебе досталось идти туда путем крестным. О, Господь умеет влечь за Собою! (Песн. 1:3). Свидетели, все святые Божий человеки, кои, узрев в своей душе Господа, шли на смерть, как жених идет на брак.

Чтобы для одних – достойных – ознаменовать, а для других – менее способных – заменить это невидимое явление Свое,

Господь является у одра почти каждого болящего и видимо – в Теле и Крови Своей. Хотя бы сим Богоявлением мы умели пользоваться! Хотя бы здесь спешили принимать Господа и озариться светом лица Его, прежде нежели померкнет свет в очах, – отверзали для Него уста и сердце, прежде нежели они заключатся навсегда болезнью! А то что бывает? Смотрят на священника, несущего чашу жизни, как на ангела смерти, и потому стараются, как можно долее не видеть его! Приемлют Тело и Кровь Господа, когда уже не могут принимать ничего, и таким образом не сходят (не идут навстречу), а, можно сказать, претыкаются о своего Спасителя! О Господи, не здесь ли Ты посему самому лежишь наипаче на «падение многих... во Израили, и в знамение пререкаемо!» (Лк. 2:34). В такое знамение, о коем никак нельзя с уверенностью сказать, во что служит оно приемлющим его: в жизнь вечную, или в суд и осуждение. Подлинно, тут открываются «от многих сердец помышления» (Лк. 2:35); видно бывает, какова была жизнь, и чего надобно ожидать по смерти!..

Но я, вместо освобождения вас от страха смерти, неприметно сам навожу на себя и на вас страх. Что делать, братие, когда мы и наша жизнь таковы, что о каких утешительных истинах ни заговоришь с сего святого места, неприметно и невольно дойдешь до того, что ужасает! Но сей страх во спасение, между тем как наш ложный мир и наши суетные радости губят нас.

Заклучим, чем начали. Кто хочет кончины Симеоновой, тот иди путем Симеона: будь праведен, благочестив, веруй в Искупителя, не угавай; а если погубил, – стяжи Духа, и старайся удостоиться лицезрения Спасителя. Аминь.

Слово третье на день Сретения Господня

Что совершилось ныне над Господом и Спасителем нашим во храме Иерусалимском, подобное тому совершено было, братие мои, некогда и над каждым из нас. И мы, подобно Ему, были принесены во храм, поставлены пред Господом, воцерковлены и посвящены Ему на вечное служение. Все это сделано над нами в таком возрасте, когда у нас, яко младенцев, не было еще понятия о самих себе, и потому мы не знали, что с нами происходит. Но Святая Церковь не могла ни сама заниматься, ни занимать нас обрядами праздными; совершенное над нами имело важный смысл; вместе с принесением нас во храм и воцерковлением, мы прияли многие права и обетования; равно как вместе с тем возлегли на нас важные и священные обязанности. Не исполняя последних, мы лишимся первых, и не только лишимся, но и будем судимы, яко напрасно являвшиеся пред лице Божие, и вотще приявшие благодать Духа. Посему, с пришествием в возраст, нам должно, как можно чаще, возобновлять в памяти нашей то, что совершено над нами Церковью в младенчестве, вникать в дух и силу совершенного, дабы, сообразуясь с ним в своем поседении и нравах, действительно соделаться тем, чем быть обещали, и приять то, что нам за сие предоставлено. Настоящий день, яко день принесения во храм Господа нашего, по образу Коего совершено было и принесение нас во храм, есть потому самый приличный день для подобных воспоминаний и размышлений. Итак, перенесемся, братие мои, мыслью к нашему младенчеству и посмотрим, что происходило с нами в четырехдесятый день бытия нашего.

Что это за жена, которая с младенцем у груди трепещущей стопою подходит к порогу церковному, видимо спешит для какого-то святого дела в церковь, но, подойдя к дверям церковным, останавливается, и как бы воспященная (отведенная) какою силою невидимою, не смеет идти далее? Что это за жена и кто этот младенец? Это твоя мать, возлюбленный слушатель! А ее младенец – ты сам! Настал

четыредесятый день по твоём рождении, – и вот, по закону Святой Церкви, мать несет тебя во храм для воцерковления. Зачем же медлит она у порога церковного и не входит во храм? Кто остановил ее? Этот же самый закон Церкви, воспрещающий жене родившей, до четыредесяти дней по рождении, входить в дом Божий. Для чего это запрещение? Да разумеем, что все мы зачинаемся во грехах и рождаемся в беззакониях, и через то самое становимся недостойными того, чтобы явиться лицу Божию, яко неприступному для грешников святостью Своею.

Но не будем смущаться: нас не долго заставят стоять вне храма, потому что, благодаря любви Божественной, у всех нас есть Заступник и Ходатай всемогущий. Покрытые Его заслугами, очищенные Его благодатью, украшенные Его именем, мы, несмотря на прирожденную порчу и несовершенство наше, будем приняты в дом Божий, представлены самому Лицу Цареву, приобщены даже к лику друзей и присных Ему.

В самом деле, является слуга алтаря, приемлет на свои руки, подобно Симеону, младенца, то есть нас с тобою, возлюбленный слушатель, подымлет его пред вратами церкви горе, образует из него на воздухе крест, и восклицает: «воцерковляется раб Божий, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» (Чин воцерковления) Когда вслед за сим двери храма, как бы уступив крестному знамению, разверзаются, священнослужитель входит с младенцем, вещая от лица его словами святого Давида: «вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему!» (Пс. 5:8)

Дошед до середины храма, он останавливается, паки подымлет младенца горе и, образуя им крест, возглашает: «воцерковляется раб Божий, во имя Отца и Сына и Святаго Духа»; и затем присовокупляет: «посреде церкви воспою Тя!» (Евр. 2:12)

Приходит потом к царским вратам алтаря, снова подымлет отроча во образе креста, и в третий раз вещает: «воцерковляется раб Божий, во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

Таким образом, рожденное уже посвящено Богу, уже введено в дом Царев. Сим могло бы окончиться

священнодействие. Но христианину, яко сонаследнику Христа, предоставлены большие права; ему, яко «царскому священнику», дано входить во внутреннейшие завесы (Евр. 10:19); и вот священнослужитель, по тому же Уставу Церкви, несет младенца -сквозь южные двери – в самое святилище, обходит с ним вокруг престола и, исходя из алтаря противоположным путем, то есть, дверьми северными, полагает его на земле пред вратами Царскими, откуда мать уже сама должна воспринять его, как бы от лица Господня.

Что может быть знаменательнее, и вместе трогательнее, сих священнодействий! Это троекратное образование креста из младенца, это внесение его во святилище и обхождение с ним вокруг престола, это положение его на земле пред вратами царскими и приятие его отсюда самой матерью: сколько здесь уроков и для приносимого, и для приносящей, и для детей и для самых родителей.

Крест! Им видимо означается, что если мы имеем теперь доступ и в земной храм, и в небесный Эдем, – то страданиями за нас на Кресте Сына Божия, коими отверст для всех нас рай, заключенный для всех же преступлением нашего прародителя и собственными грехами. А между тем, сим же крестом на всю жизнь дается знать рожденному, что он, яко христианин, должен быть крестоносец, что его доля на земле не служение миру, а борьба с ним, не угождение чувствам, а распинание плоти с ее страстями и похотями.

Внесение младенца во святилище, не матерью или отцом, а иереем, показывает, что силы природы достаточны только для дарования ему одной жизни естественной, но не довлеют для введения его в жизнь духовную и благодатную; а обхождением вокруг престола видимо указывается на высокое предназначение христианина – откровенным лицом созерцать славу Божию, быть причастником еще на земле тайн жизни вечной, уготовлять себя в блаженное сожитие с Архангелами и Ангелами, окружающими престол Божий, – в место селения самой славы Божией. В частности, обхождением вокруг престола, напоминающим собою чин посвящения и бракосочетания, младенец как бы посвящается во иереи Богу, а душа его

уневещается Духу Святому. Наконец, положение младенца на землю пред дверями царскими дает разуметь, что, несмотря на множество прав духовных, ему теперь усвоенных, он, яко христианин, должен всю жизнь пребывать во смирении духа и сердца, вменять себя, яко ничто же пред Господом; взирать на себя, яко на жертву, которая единожды и навсегда посвящена Господу, да отныне не ктому себе живет и не ктому себе умирает, но умершему и воскресшему для него Спасителю.

А мать, подъемлющая от царских врат плод чрева своего, должна памятовать, что отселе он ей паки поручается Самим Господом, да болезнует о нем прочее духом, как прежде болела телом, «дондеже вообразится в нем Христос» (Гал. 4:19).

Как, наконец, выразительно самое название сего священнодействия! – «Воцерковляется раб Божий!» То есть вводится в Церковь, вставляется, как часть, в свое великое и святое целое и, вместе с тем, сам делается церковью, живым храмом Бога живого. Мать принесла его как плод природы; приемлет назад как дар благодати.

Помни же, принесенный и взятый, чем ты принесен и каковым взят! Помни, где ты был, Кому и для чего представлен! Помни, какое знамение отверзло тебе врата дома Божия! Помни престол, вокруг коего тебя носили и который тебе предназначен, и землю, на коей был положен, и в которую пойдешь! Помни, что ты опять, и также чуждыми руками, будешь принесен некогда в церковь со крестом в руках! О, если бы ты тогда мог усвоить себе слова праведного Симеона: «ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром. Яко видесте очи мои спасение Твое!» (Лк. 2:29–30) Но они усвоятся тебе и ты почиешь с миром до дня всеобщего воскресения, если в продолжение своей жизни не будешь забывать своего воцерковления. Аминь.

Слово четвертое в день Сретения Господня

«Сие бо вам глаголем словом Господним... яко Сам Господь в повелении, во гласе Архангелове и в трубе Божии снидет с небесе, и мертвии о Христе воскреснут первее: потом же мы живущии вставши купно с ними восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздухе, и тако всегда с Господем будем» (1Фес. 4:15–17)

Слыша и, можно сказать, видя ныне в Евангелии, как праведные Симеон и Анна сретают во храме Иерусалимском обетованного Избавителя мира, какою при сем исполняются они радостью и блаженством, вероятно, не один из нас готов позавидовать их редкой и счастливой участи, и почел бы для себя за верх желаний и наград, если бы ему дано было, уже не говорим – стать на их месте (это слишком высоко и свято!), а по крайней мере находиться острани их (возле них) в храме Иерусалимском, дабы вместе с ними насладиться лицезрением дражайшего Спасителя.

Да утешится же и да возрадуется всяк, кому придет ныне на сердце подобное благочестивое желание, ибо оно будет исполнено! Второго рождения Спасителя по плоти уже не будет; не будет второго крещения от Иоанна; не будет ни второго воскресения, ни вознесения на небо; а второе сретение Господа будет, и последует притом в таком виде, что во сретение Его должны изыти уже не один Симеон и Анна, а все мы, кои носим на себе имя христиан.

Когда, где и как имеет быть это новое всемирное сретение? На все сии вопросы дается ответ в вышеприведенных словах святого Павла: «сие бо вам глаголем словом Господним... яко Сам Господь в повелении, во гласе Архангелове и в трубе Божий снидет с небесе, и мертвии о Христе воскреснут первее: потом же мы живущии оставши купно с ними восхищени будем на облацех, в сретение Господне на воздухе, и тако всегда с Господем будем».

Видите теперь, где совершается это второе сретение? Не в храме Иерусалимском или другом каком-либо месте, а превыше

земли, на воздухе: «в сретение Господне на воздухе». Видите, когда последует оно? В конце мира, когда паки явится Господь и Спаситель наш с небесе, для произведения последнего Суда над всем родом человеческим: «яко Сам Господь... снидет с небесе». Видите, чем будет сопровождаться второе сретение Господа? Не принесением двух горлиц, или птенцов голубиных, как ныне во храме Иерусалимском, а гласами Архангелов и Ангелов, звуком труб и громов Божиих, как на Синае: "во гласе» Ангелов «и в трубе Божии». Видите, кому принадлежит честь сретить паки грядущего Господа? Всем – живым и мертвым, кои тогда уже престанут быть мертвыми, ибо воскреснут: «купно с ними восхищени будем на облацех». Видите, наконец, что имеет последовать за сим всемирным сретением? Уже не разлучение со Сретенным, как разлучились с Ним, хотя не на долгое время, Симеон и Анна, а вечное сопребывание во Царствии Его: «и тако всегда с Господом будем».

О, как радостен и величествен должен быть этот день второго и всемирного сретения Господня, если судить о нем даже по одному внешнему его виду! Ибо вообразите: нынешней земли и нынешнего неба, всего настоящего порядка лиц и вещей уже не будет тогда... непроницаемая завеса, отделяющая теперь мир невидимый от видимого, отнята навсегда и уничтожена... неисчислимые сонмы спавших во утробе земной мертвецов восстали и облеклись плотью... оставшиеся в живых, измененные во всем существе их, яко во мгновении ока, совокупились вместе с ними и составили единое семейство Адамово... после различных знамений, в предшествии Архангелов и Ангелов, является, наконец, с небеси Господь во всей славе всемогущества... и весь род человеческий, обновленный, преображенный, яко сонм бесплотных, подымается во сретение Его на воздух!.. Скажите, что может быть величественнее и святее сего зрелища, даже по одному внешнему виду его?

Вообразим же, братие мои, что уже наступил час сего преславного события, что мы восхищены уже на воздух во сретение Господа и ожидаем токмо, что речет о нас явившийся Господь; какое чувство должно быть тогда в сердце нашем?

Чувство величайшей радости, если хотя мало будем достойны того, чтобы непостыдно встретить грядущего Искупителя и Судию. Ибо с Ним грядет всецелое исполнение всех наших явных надежд и тайных упований; грядет вечный покой душ и нескончаемое блаженство сердец.

Но, если мы, и восхищенные от земли и стоя на воздухе, узрим себя окруженными мрачными и злыми деяниями, если совесть наша, не дожидаясь судии, начнет вопиять против нас за наши прежние грехи, а еще более, за нашу нераскаянность в них, то, увы, сладчайший час сретения Господня будет для нас не в покой и радость, а в стыд и сокрушение: мы явимся, яко преступники, кои, и будучи приведены в чертог царский, тем не менее смущаются и трепещут от самой близости лица царева. Ибо с чем явиться грешнику пред лице будущего Судии своего? Что рещи во оправдание своих злых деяний и своей нераскаянности? Сказать, что мы не знали путей истины и стезей правды? Но у нас, кроме совести, было в руках Евангелие и Крест Христов. Сказать, что страсти наши и соблазны мира были сильны, а мы слабы и плотяны? Но при нас были вседействующие Таинства Церкви и всемогущая благодать Духа Святаго. Сказать, что у нас не было средств к изглаждению грехов наших, к восстановлению потерянного образа Божия? Но перед нами всегда была исповедь с Телом и Кровию Христовой; пред коими не может стоять никакой грех и никакое беззаконие. Нет ответа, нет извинения! Нет более и надежды, ибо время долготерпения и милосердия кончилось – наступило время суда и воздаяния!

Теперь убо, братие мои, в продолжение земной жизни, надобно уготовлять себя к тому, что последует с нами по смерти. Каковы мы ляжем во гроб, таковы предстанем и во сретение Господа на воздухе.

Да сопровождает же сия мысль нас на всех путях нашей жизни! Будем памятовать, что и нас всех, подобно Симеону и Анне, ожидает сретение Господа, что за сим сретением последует или вечное соединение с Ним и блаженство нескончаемое: «и тако всегда с Господом будем»; или вечное удаление от Господа и бедствие непрестанное: «идите от

Мене... во огонь вечный!» (Мф. 25:41). Будем, говорю, памятовать сие и, празднуя в честь первого сретения Господня, рассмотрим внимательно, что было бы с нами, если бы сретение второе, о коем беседовали мы, последовало ныне или завтра. Аминь.

Слово пятое на день Сретения Господня

При каждом великом событии в жизни Господа нашего мы находим острани Его некие лица, кои представляют собою как бы все человечество: при рождении по плоти у яслей вертепных являются мудрецы восточные и пастыри Вифлеемские; на Иордане, во время Крещения, служит Таинству Иоанн; на Фаворе присутствуют, яко свидетели славы, три верховных апостола; на Голгофе, у Креста, предстоят Мать и ученик-девственник. Ныне, во храме Иерусалимском, исходят во сретение Господу Симеон и Анна.

Кроме сего, ни одно из великих событий в жизни Господа не происходит безмолвно, а всегда присоединяется какое-либо слово и как бы проповедь в пояснение того, что совершается. На Иордане и на Фаворе возглашает это слово Сам Отец: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный... Того послушайте!» (Мф. 17:5). В Вифлееме проповедует хор Ангелов, явившихся с неба: «слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!» (Лк. 2:14). При входе в Иерусалим учителями и наставниками для всех сретавших Господа становятся отроки, певшие осанна Сыну Давидову; на Голгофе, кроме безгласных свидетельств, данных землею, небом и храмом, провозглашает Божество Распятого сотник римский. Ныне во храме Иерусалимском, великий долг проповедника Иисусова возложен на праведного Симеона. Хотя вы все слышали проповедь его, в нынешнем Евангелии, но поскольку нельзя найти большего назидания для настоящего дня, как в том, что возвещает нам сей святой старец, то обратим снова на слова его все наше внимание.

Проповедь Симеонова видимо состоит из трех, особенных частей: первую можно назвать благодарственной, в коей содержатся собственные чувства его по случаю всерадостного исполнения древних чаяний его – узреть обетованного Мессию и приять вместе с тем разрешение от уз плоти; последнюю часть должно назвать пророческой, ибо в ней предсказывается будущая судьба Матери Иисусовой, с великими искушениями и скорбями, Ее ожидавшими. Третья – средняя часть – состоит из

всемирного вразумления касательно Лица Самого Иисуса и предостережения всех тех, кои должны обрести в Нем свое спасение. Как ни отрадны благодарные чувства Симеона, как ни поучительно предсказание, сделанное им о Матери Иисусовой; но поскольку то и другое касается более их собственных лиц, то, по краткости времени, может быть оставлено теперь без особенного рассмотрения. К нам более и ближе идет средняя часть проповеди Симеоновой, состоящая из вразумления и предостережения.

Итак, остановим внимание наше на сей части.

«И благослови я Симеон, и рече к Марии Матери Его: се, лежит Сей на падение и на востание многим во Израили, и в знамение пререкаемо» (Лк. 2:34).

Вот та часть проповеди Симеоновой, которая, как мы сказали, касается всех нас! Видите сами, что в ней содержится важное вразумление и важное предостережение.

Когда явился на земле Спаситель мира, явился для спасения всего мира, трудно было и подумать, что Он Сам Сей Спаситель мира послужит не во спасение всех, что о Него Самого, Который должен «возглавить» Собою «всяческая» (Еф. 1:23), будут многие претыкаться и падать еще глубже, нежели прежде. Но печальный опыт имел показать противное. Итак, надлежало открыть грозную истину, указать опасность, предостеречь от ложной надежды; и все сие сделано через Симеона в самом начале. "Се, – возглашает он, – се, лежит Сей на падение и на востание многим во Израили!" Не мните, – как бы так говорил Симеон, – что если явился обетованный Спаситель мира, то уже все будут спасены, хотя бы и не хотели сего. Не мните, что если с явлением Его на земле открылись каждому все средства выйти из злополучного состояния греха и смерти, то уже не останется ни одного грешника. Нет, Спаситель мира будет во спасение не для всех; для некоторых явление Его послужит еще к большему осуждению. «Се, лежит Сей на падение многим во Израили... в знамение пререкаемо!» Несмотря на Божественное величие Его Лица, на святость Его жизни, на чистоту Его учения, на благотворность Его действий, на самые чудеса и знамения, коими Он будет окружен, – на Него

будут смотреть различно, о Нем будут говорить, Его будут принимать не одинаково. Когда они будут, исполненные восторга, восклицать: »...к кому идем? глаголы живота вечного имаши» (Ин. 6:68), – другие будут в ожесточении твердить: «беса иматъ и неистов есть: что Его послушаете?» (Ин. 10:20). И так будет не при начале токмо Его явления и проповеди, но и при конце; не при жизни Его токмо на земле, но и по вознесении на небо; не тогда токмо, как царствие Его начнет распространяться между народами языческими, но и тогда, когда весь мир исполнится имени и славы Его, в недрах самой Церкви; не в продолжение токмо известного времени, а во все века до скончания мира и Второго пришествия Его: «се, лежит... на падение и востание многим во Израили... в знамение пререкаемо!»

Если из Иудеев находились, как вероятно, некоторые и во храме в то время, как грозные слова сии исходили из уст Симеона; то они должны были прийти присем не только в недоумение, но и в ужас, ибо то, что говорил он о явившемся Мессии, было в совершенной противоположности с их мечтательными чаяниями о временах Мессии. По ложному понятию некоторых выражений пророческих, а более по самолюбию и гордости народной, сыны плотского Израиля воображали, что спасение в лице обетованного Искупителя неотъемлемо принадлежало каждому из них, что между отверженными от лица Его будут одни, не ведущие истинного Бога, язычники. И вот, от Лица Сего Самого Мессии, возвещается теперь, что сия надежда суетна, что и во Израиле, между обрезанными по плоти, есть немалое число людей, коим явление Его не послужит нисколько во спасение. «Се, лежит Сей на падение... многим во Израили!» Такое вразумление долженствовало раскрыть глаза Иудеям, заставить их подумать о своем состоянии, и спросить самих себя: к какому классу людей принадлежит каждый из них – к тем ли, для коих обетованный Искупитель лежит на восстание, или к тем, для коих Он послужит на падение?

Не знаем, многие ли из Иудеев воспользовались вразумлением Симеоновым. Но то несомненно, что и по

окончании земного поприща Иисусова, на Голгофе, и на самом Елеоне можно было со всей силою повторить то же, что сказано ныне во храме: «се, лежит Сей на падение... многим во Израили!» И что говорить о тех временах? Грозные слова сии не потеряли нисколько силы над этим Израилем в продолжение осьмнадцати веков, доселе истекших. И доселе для большей части сынов Израиля обетованный Избавитель его, видимо, продолжает лежать на падение.

Уже сие достойно слез, но еще более то, когда подумаешь, что дражайший Спаситель наш доселе лежит на падение многих и во Израиле духовном, в Церкви Христовой. Казалось бы, что с окончанием Его земной жизни, с рассеянием мечтаний и предрассудков Иудейских о земном царстве Мессии, с распространением Церкви христианской, с утверждением владычества Христова по всему миру, все, что соблазняло Иудеев в лице Спасителя, должно было исчезнуть невозвратно; что условия спасения, принесенного Им роду человеческому, придя в известность, изгонят все недоумения; что последователи Иисусовы, поняв, что для них сделано и что им самим остается делать, начнут каждый содевать свое спасение, как учит Евангелие и совесть; но, увы, не только дух ложного упования, но и дух гордого противления, коим ослеплены были древние Иудеи, всегда продолжал обуевать и многих из христиан. Если бы Симеон являлся в каждом веке и стране, в каждом храме и доме, то всегда и везде, при взгляде на Того, Кого держал некогда на руках своих, должен бы провещать то же, что сказано им ныне в храме Иерусалимском: «се, лежит Сей на падение и на востание многим во Израили, и в знамение пререкаемо!»

В самом деле, посмотрите на сего обуюнного ложной мудростью книжника, который, не довольствуясь тем, что сам ставит ни во что веру в Евангелие, находит адское удовольствие в том, чтобы заставить и других отвергать оное, употребляет для сего все средства, – самую ложь и клевету. Не явно ли, что Спаситель мира лежит для него на падение? Он уже не составляет для него и знамения пререкания; нет, ложный мудрец давно решил в уме своем, что совершенство

христианское – мечта, что спасения не надобно искать нигде, как токмо в собственном уме и силе. Если бы свет Христов не был пред очами сего лжеумудреца, если бы он родился в языческом Риме или Греции, то его противоборство вере было бы сколько-нибудь понятно и извинительно. Но, теперь, слепотствуя среди полудня, идя против всеобщего убеждения, попирая то, чем освящен сам от юности, действие чего не раз испытывал даже, вероятно, в своей душе и сердце, он подлежит страшному ответу за хулу на Духа Святаго...

Посмотрите на сего ложного христианина, который по имени принадлежит Христу и Церкви, а на деле и в жизни не знает другого Бога, кроме мамоны неправды, ведет жизнь, коей устыдился бы честный Иудей и язычник, который, ежедневно утопая в новых грехах и беззакониях, никогда и не думал о том, чтобы возвратиться назад и принести покаяние. Не явно ли, что Спаситель мира лежит для него на падение? Ибо что ожидает такового лжехристианина по смерти за его беззаконную жизнь и нераскаянность? Ожидают муки ада, тем сугубейшие, чем большими он, как христианин, пользовался средствами к своему вразумлению, чем спасение было к нему ближе и легче для него.

Посмотрите и на сего высокомерного лжеправедника, который, подобно Евангельскому фарисею, засмотревшись на свою красивую внешность, на отсутствие в своей жизни грубых пороков, на некоторые дела набожности, им постоянно совершаемые, не знает уже цены и меры своей мнимой добродетели, готов выставлять заслуги свои пред самым Судом Божиим. Тяжело, но нельзя не сказать, что и для сего мнимого праведника Спаситель мира лежит еще не на восстание. Ибо он, в мечтании о своем вседозволенстве, не старается нисколько усвоить себе заслуг Христовых, думает обойтись сам собою, без Ходатая и Посредника на Суде правды Божией; таким образом, унижает и отрывает от себя единственное средство ко спасению – Крест Христов. Сия гордость фарисейская была бы еще не так преступна, если бы во свете благодати и истины Евангельской не было видно, что вся честность и правда наша есть яко мрак и нечистота пред лицом Божиим.

Таким-то образом, братие мои, сладчайший Иисус доселе продолжает лежать не на восстание токмо, а и на падение многих; не потому, чтобы на это была воля Его и таково было свойство служения Его – свойство служения и воля Его быть Спасителем для всех, а потому, что те, коим возвещается и от коих приемлется Он, взирают на Него не одинаково и приемлют Его различно; ибо хотя сказано о Нем, что Он «веровася в мире» (1Тим. 3:16), то есть как бы нашел Себе веру во всех; но как различна эта вера! Одни видят в Нем не более, как необыкновенного Учителя добродетели; другие не выше, как Пророка и Посланника Божия, подобного прежним Пророкам; иные признают в Нем Сына Божия, но отнюдь не единосущного и равного Отцу. Из тех даже, кои чтут в Нем Христа, Божию силу и Божию премудрость, кои поклоняются Кресту Его, яко единственному орудию всемирного спасения, коль многие претыкаются о Него, яко о камень падения! Грешник нераскаянный претывается о Него по излишней надежде на Его заслуги и Крест; а гордый лжеправедник – по излишней надежде на собственные заслуги и добродетели.

Время спросить: чем убо является Христос для нас? Во что доселе лежал и лежит Он – на падение или на восстание наше? О, что если на падение! Тогда горе нам! Тогда и нынешний и все прочие праздники Христовы должны располагать нас не к радости, а к плачу и слезам! Ибо, как радоваться тем, для коих самое спасение обращается и служит – страшно сказать – в погибель вечную!

Хочешь ли убо, возлюбленный слушатель, узнать наверное, участвуешь ли ты во спасении Христовом? Внемли.

Если ты веруешь твердо и несомненно во Христа и Евангелие Его так, как научили веровать пророки и апостолы, и как внушает Святая Церковь, то Спаситель мира лежит на твое восстание.

Если ты, содержа правую веру, стараешься быть проникнут и духом любви Христовой, приносить плоды веры в делах своих, блюсти себя свободным от страстей, чистым от скверн мирских, то Спаситель мира лежит на твое восстание.

Если ты, яко человек, – вопреки своей воле и намерениям, – претыкаясь о соблазны мира, не медлишь восставать от падений через покаяние и стараешься изглаждать, сколько возможно, следы твоих грехопадений, то Спаситель мира лежит на твое восстание.

Вот три главных признака того, что Иисус лежит на восстание наше! Если недостает в ком-либо хотя единого из них, то таковые в очевидной опасности потерять свое спасение. Осмотримся же, братие мои, все и каждый, не угрожает ли нам сия опасность? Осмотримся, пока есть на то время и удобность, пока от нас самих зависит, изменив себя и свою жизнь, соделать, что Спаситель, лежащий доселе на падение, соделается виною нашего восстания. Аминь.

Слово первое в навечерие Богоявления Господня. Пред освящением воды

Сейчас, из уст Святой Церкви, вы услышите, братие, глас Господень на водах, призывающий всех и каждого к принятию «духа премудрости, духа разума, духа страха Божия, явившегося Христа»². поскольку глас сей гремит не для одного приличия, и, к чему так торжественно все призываются, то, без сомнения, и подается неоскудно каждому, кто благорасположен к принятию, то надлежало бы ожидать, что мы, исполняясь духа разума и страха Божия, не будем иметь нужды в указании, как вести себя при наступающем священнодействии и как употреблять освященную воду. Но печальный глас опыта говорит другое: ни в какой день в году не происходит столько неприличного замешательства в наших храмах, как ныне. Посему, прежде нежели изыдем для освящения воды, мы почли за долг изыти пред вас для показания ее важности и для защищения ее от злоупотребления.

Что же мы сделаем для сего? Укажем, во-первых, на происхождение предстоящего священнодействия. Кто учредил его? Люди ли какие-либо обыкновенные? Нет, мы прияли его от мужей великих и святых, от апостолов и их преемников. Над сей водою богословствовал в свое время святой Григорий Богослов; о чрезвычайных действиях сей воды простирал некогда златое слово святой Златоуст; освящением сей воды занимался Василий Великий. А первый, высочайший пример к тому, подан Самим Господом, когда Он погружением Своего Пречистого тела во Иордане освятил все естество вод. После сего возмущать каким-либо беспорядком столь важное, по самому происхождению, священнодействие, значит не иметь уважения к тому, пред чем благоговели мужи самые великие и святые, что в продолжение стольких веков служило к освящению целых стран и народов.

Если многие из нас не знают сего, то, по крайней мере, у каждого есть очи и слух, дабы видеть и слышать, что творится и произносится ныне над освящаемой водой; а этого одного уже

достаточно, чтобы заставить обращаться с нею со всяким уважением. Ибо как освящается вода? – Обыкновенным ли каким-либо благословением? – Хотя и всякое благословение, когда оно преподается во имя Отца и Сына и Святого Духа, важно для христианина, но здесь большее благословение и большее священнодействие. Здесь не один человек, а вся Церковь изливает теплые молитвы о том, чтобы существо воды освящено было «силою и наитием Святого Духа, очистительным действием» всей Пресвятой Троицы»³, и чтобы ей сообщено было благословение Иорданово. Тут самым торжественным образом призывается над освященною водою страшное и достопоклоняемое Имя Того, пред Кем трепещет вся тварь. Тут, наконец, совершается троекратное погружение в освящаемую воду самого Креста Христова, Креста, пред коим благоговеют все силы небесные, и от коего убегают все силы преисподние. Скажите, что еще больше можно бы употребить для освящения и, следовательно, для внушения уважения к тому, что освящается?

И для чего освящается вода? Для малых ли каких-либо и обыкновенных целей? Нет, для самых важных. «Во еже», – как возглашает диакон, – «быти воде сей освящения дару, грехов избавлению, во исцеление души и тела, к отгнанию всякого навета видимых и невидимых враг, – приводящей нас в самую жизнь вечную»⁴. Можно ли испрашивать больших даров? И можно ли после того не благоговеть к орудию толиких даров?

Как, наконец, употребляет освященную ныне воду сама Святая Церковь? – Употребляет с крайним уважением к ней, в случаях весьма важных; например, вода сия употребляется при освящении святого мира для Таинства Миропомазания, при освящении для церквей святых антиминсов, на коих совершается бескровная жертва; сия же вода дается вместо причастия тем, кои по суду Церкви признаны недостойными приступать к Святым Тайнам. Так высоко ценит нынешнюю святую воду сама Церковь!

Как после сего и нам надлежало бы приступать ныне к сей воде? Не с верою ли и благоговением, как к великой святыне? Не с духом ли разума и страха Божия, к принятию коих по тому

самому, при самом начале священнодействия, призывает всех и каждого Святая Церковь? Так действительно и приступают к святой воде те, кои понимают, где находятся и к чему приступают: они причащаются ей, как великой святыне, и приготовившись к тому постом и молитвами, хранят ее в самых почетных местах своих домов, вблизи святых икон и Креста Христова; употребляют ее в важных случаях, именно во исцеление души и тела, во освящение себя и своей собственности. Но что сказать о других, каковых большая часть? Как назвать то, что бывает ныне в храмах по освящении воды? Можно подумать, что в храме вдруг произошел пожар, или что он окружен внезапно со всех сторон каким-либо ужасным неприятелем: такое поднимается волнение между стоящими в храме, такой шум, такое толкание друг друга! И так поступают не одни малые, неразумные дети, а юноши, даже отцы и матери, даже старцы!..

Так ли вспоминают Крещение своего Господа? Так ли ищут освящения души и телу? И для чего все это бесчиние? Чтобы скорее других почерпнуть святой воды. Как будто почерпаемая после менее священна! Или, как будто для кого-либо не достанет ее! Если бы и не получил ныне, почерпнешь завтра; освящение ныне и завтра одно и то же. Но недостатка и ныне никогда не было бы, если б мы успели делить по надлежащему то, за чем приходим: не являлись за священной водой с теми же сосудами, с коими исходят на реки за водой простой, и не проливали нередко на помост храма более того, нежели сколько уносим с собою в дома. Помыслите сами, прилично ли такое неблагочиние такому священному месту, такому святому дню, такому святому предмету? Что подумают о нас Иудеи, в таком множестве находящиеся в наших странах, узнав (да трудно ли узнать?) о таком нашем поведении в храмах?

Да прекратится же беспорядок! Да войдет все в надлежащие пределы! – Мы освятим воду благодатью Святого Духа; а вы не рассвящайте ее духом неразумия и нестроения. Священнослужители, для соблюдения благочиния, будут раздавать всем ее, как раздают священный хлеб: а вы приходите для принятия в тишине и порядке, с кротостью и

благоговением, довольствуясь малым; потому что сила святой воды зависит не от количества ее, а от веры, с коей употребляется. Таким образом у нас и в настоящий день, подобно как в прочие, все, по завещанию апостола, будет происходить благообразно и по чину. Аминь.

Слово второе в день Крещения Господня

Крещение есть одно из важнейших событий в жизни нашего Спасителя и в жизни нашей. Для Спасителя оно служило вместо торжественного посвящения Его на великую должность всемирного Ходатая и Наставника, ибо крещением окончилась Его частная жизнь в Назарете и началось общественное служение роду человеческому. Для нас – Таинство Крещения служит дверью в общество верующих; через него мы приемлем благодать Святаго Духа и становимся христианами. А посему в настоящие минуты, братие, мы ничего не можем сделать лучше, как возобновить в памяти своей обстоятельства Крещения Господня, а потом коснуться размышлением и нашего Крещения.

Со времени Крещения, как мы сказали, должно было начаться общественное служение Иисуса Христа роду человеческому. Посему надлежало ожидать, что оно произойдет как можно ранее, дабы Он мог учить долее и более, и более совершить дел. Между тем, Спаситель принял Крещение, когда Ему, по сказанию евангелиста Луки, было «яко лет тридцать» (Лк. 3:23): а до того времени Он постоянно оставался в бедном Назарете, в доме Своего воспитателя Иосифа, разделяя с ним, по всей вероятности, труды древоделия. Столь долговременное пребывание Сына Божия в неизвестности допущено Промыслом, без сомнения, по самым важным причинам: надлежало народу Иудейскому, возбужденному слухом о рождении Мессии, дать как можно более времени приготовить себя к сретению своего Спасителя. И самому Начальнику спасения надлежало прежде возрасти совершенно «премудростию... и благодатию у Бога и человек» (Лк. 2:52), а потом уже явиться для поднятия на рамена Свои грехов всего мира. Но для нас в этом деле важнее всего уроки смирения и преданности. Сын Божий большую часть земной жизни проводит в совершенной неизвестности, в трудах самых обыкновенных: кто после сего имеет право роптать на малость своего жребия? Почитать труды предосудительными? Жаловаться на неизвестность? Спаситель всего мира до

тридцати лет смиренно ожидает манования свыше, начать Свое неизмеримое поприще; как постыждаются сим те нетерпеливые люди, кои, чувствуя в себе какие-либо способности, сетуют, если не имеют возможности вдруг обнаруживать всего доброго, в них заключающегося и, по нетерпеливости предваряя пути Промысла, нередко, вместо добра, причиняют вред себе и ближним! Есть «всем время и время всяцей вещи и, конечно, всякому лицу под небесем» (Еккл. 3:1): придет время – вы явите себя тем, чем суждено вам быть; не придет – так угодно Тому, Кто лучше нас знает, чему быть должно.

Но вот, начинает раздаваться – «глас вопиющего в пустыни!» (Мк. 1:3). Иоанн исходит на Иордан, и в слух всей Иудее проповедует, что времена Мессии настали, Царство Божие приблизилось, Сам Царь стоит посреди Своих подданных, хотя еще не знаемый никем из них (Ин. 1:26). Можно представить, что произвела проповедь сия в народе Иудейском, со дня на день ожидавшем своего Мессии! Все устремилось к Иордану за крещением. Даже фарисеи и саддукеи начали исповедовать грехи свои; сам синедрион отправил посольство в пустыню Иоаннову с вопросом: не он ли Мессия? – Как бы не поспешить туда и Тому, Кого все ожидают с таким нетерпением? Но Иисуса нет! Всеми ожидаемый Царь остается в Назарете! Мессия продолжает разделять с Иосифом труды древоделения! Почему так? Потому, что для Него нет еще воззвания свыше. О, кто по сей одной черте не узнает второго Адама, Который самоотвержением хочет уврачевать, что погублено самонадеянностью Адама первого!

Наконец, настало время взойти и Солнцу правды: Иисус идет к Иордану. Принять почесть от Своего Предтечи? Явиться с торжеством народу?.. Нет, просит Крещения, которое преподавалось во очищение грехов (коих в Нем не было!), которое служило приготовлением к Царству Божию, коего Он Сам был Царь и Глава! Что недальновидный народ подумает, яко бы и Он, подобно другим, имеет надобность в очищении от грехов, что во всяком случае крещением дается преимущество крещающему перед Крещаемым, – до сего Сыну Человеческому нет никакой нужды. Он видит, что крещение Иоанново есть

учреждение весьма благодетельное для нравственности, и хочет Своим примером усилить его действие. Знает, что при сем случае должна обнаружиться воля Божия касательно собственного Его предназначения, – и спешит исполнить сию волю. Если бы Иордан теперь тек не водами, а огнем, Иисус и тогда явился бы для крещения. Так действуют те, в коих действует Бог: они не взирают на то, что выйдет из их действия для них самих. Для них все равно, в животе ли или смерти их, – только бы совершилась воля Того, Кому они предали навсегда и живот и смерть свою.

Но что с Иоанном? Несмотря на близкое родство с Сыном Марии по плоти, и на ближайшее отношение к Нему по духу и цели своего служения, Иоанн не знал еще решительно, что Иисус есть Мессия. Ибо Пославший крестить Иоанна сказал ему, что Тот, на Которого он увидит при Крещении сходящим Духа Святаго, есть истинный Мессия, а Кто именно сей Агнец Божий, этого ему не было открыто (Ин. 1:33). (Так неразлучен священный мрак веры с самыми великими откровениями! Так сильно испытано смирение и Самого Большого из Пророков!) Впрочем, Иоанн знал великого Сродника своего столько, что ставил Его гораздо выше себя по дарам благодати. Беседа, хотя непродолжительная, с Иисусом, пред совершением Крещения над Ним, еще более могла усилить в прозорливой душе Иоанна мысль, что Просящий Крещения есть Тот Самый, Который его самого и всех будет крестить Духом Святым. После сего могла ли подняться рука Крестителя? «Аз требую Тобою креститься, и Ты ли грядеши ко мне?» (Мф. 3:14), – воскликнул он, проникнутый чувством собственного недостойнства и Божественного величия Иисусова.

Для Иисуса, Который Сам был кроток и смирен сердцем, глас смирения Иоаннова не мог быть неприятен. Но теперь надлежало творить правду Божию, а не выказывать, или сокрывать свою праведность. «Остави ныне, – сказал Он уже гласом Мессии, – тако бо подобает нам исполните, всяку правду» (Мф. 3:15), то есть, всякое определение правды Божией.

Иоанн оставляет, Иисус нисходит во Иордан, погружается в водах.

Произнесено ли что-либо при сем Крестителем? – Вероятнее, ничего. Где взять слов для совершения Крещения над Сыном Божиим? Тут было время не говорить, а благоговеть и поучаться.

Но Иисус во время Своего Крещения беседовал – с Богом – молился (Лк. 3:21). Действие крайне поучительное! В Иордане Он молится, на Фаворе молится (Лк. 9:28), на Голгофе (Лк. 23:34) и Елеоне (Лк. 24:50) молится. Все важное в жизни Спасителя совершилось среди молитвы: молитва крестила Его; молитва предала Дух Его Богу; молитва вознесла Его на небо. О чем Он молился во Иордане? – это тайна. Довольно знать, что Он молился, без сомнения, и о грешниках; следовательно и о нас с тобою, слушатель.

Доселе все происходило естественно: смотрите, какие чудеса произойдут от молитвы! И абие восходя от воды, видя разводящася небеса, «и сниде Дух Святый... яко голубь Нань: и глас с небесе бысть... Ты еси Сын Мой Возлюбленный, о Тебе благоволих» (Лк. 3:22).

Это значит, что после крещения водою над Спасителем началось и совершилось новое, высшее Крещение – Духом Святым, совершилось самым торжественным образом. И, во-первых, «разверзлись небеса», то есть, свод небесный над главою Иисуса представился раздвоенным, наподобие того, как это бывает во время сильного и продолжительного блеска молнии из облаков. В то же время из разверстых небес явился Дух Святый в «телесном виде» (Лк. 3:22) наподобие голубя. Изшествие из глубины небес, тотчас по разверстии их, и прямое устремление на главу Иисуса, внушали каждому видевшему, что это не простое пернатое, а Дух Божий, принявший телесный образ. Вид голубя принят был, без сомнения, потому, что голубь всегда почитался символом чистоты, кротости и незлобия, кои составляли главные качества души Иисусовой.

Разверстие небес и низшествие Духа сами по себе были уже разительным свидетельством о Божественном достоинстве Крещаемого, ибо кому когда разверзались небеса? На кого

сходил таким образом Дух? Но чтобы не осталось ни малейшего места сомнению, чтобы еще полнее засвидетельствовать, как велико участие неба в том, что происходило теперь на земле – «глас быст: сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Немже благоволих» (Мф. 3:17).

Для кого сей глас? Для Иоанна, если только он мог слышать, после того, что видел; для учеников Иоанновых, из коих некоторые могли находиться вблизи; для всех Иудеев, кои имели услышать потом о чудесах, случившихся при крещении Иисуса; наконец, для всех нас, кои, последуя сему гласу, признаем и исповедуем в Сыне Марии Единородного от Отца, нашего Спасителя, Господа и Судию.

Не мог ли быть нужен сей глас в каком-либо отношении и для Самого Крещаемого? Разве для Его беспредельного смирения, которое всегда готово было отказаться, если можно, от самой славы Своего великого предназначения (Флп. 2:6, 17; Мф. 26:39).

Глас с неба и все прочее было непродолжительно. После сего Иисус, исполненный Духа без меры (Ин. 3:34), уже не возвращался в Назарет, а прямо пошел в пустыню, прилегающую к Иордану, где в посте и молитве, как известно, провел сорок дней, препобеждая искушения духа тьмы и приготавливая Себя на великое дело спасения рода человеческого. Иоанн оставался при своем Иордане, продолжая возглашать глас покаяния и указуя всем, чающим спасения, на Мессию, уже не на грядущего, а на пришедшего; доколе сластолюбивый Ирод, обличаемый праведником, не принес его священной главы в жертву беззастенчивой Иродиаде.

Так, братие, совершилось Крещение Спасителя нашего! Остановимся в духе над Иорданом и размыслим о виденном. Много веков протекло после того, как совершились сии чудеса. И однако они всегда важны, потому что на них утверждается вера наша и спасение; без них мы не были бы христианами и не имели бы обетования жизни вечной. Кроме того, у всех нас есть, так сказать, ближайшее средство с чудесами Иорданскими. И нас принимал Иордан, и на нас сходил Дух, и мы наречены возлюбленными чадами Божиими; ибо что значит крещение

каждого из нас, как не повторение над нами событий Иорданских – Крещения Иисусова?

Итак, спросим самих себя, сохраняется ли нами великий обет благой совести и святой жизни, данный при крещении? Цел ли залог Духа, нами тогда полученный? Ходим ли достойно высокого звания чад Божиих? Как нужны и важны сии вопросы, видно уже из того, что Самому Спасителю нашему по крещении дерзнул предстать искушитель. Быть не может, чтобы он в разных видах не являлся и пред каждым из нас. Чем же отвечаем мы на предложения духа тьмы? Ах, если вместо того, чтобы, при помощи благодати Божией, отражать соблазны, мы падаем и покланяемся богу века сего, то где тогда благодать, где Дух? И что мы сами тогда, кто бы мы ни были, как не предатели веры, ругатели святыни?

Вспомним, что мы все крещаемся «в смерть Христову» (Рим. 6:3), что наши души очищаются не водою, а Кровью Иисуса Христа, в ней сокрытою. После сего какой страшный отчет лежит на тех, кои не воспользуются средством, столь много стоившим? Цари земные имеют способы преследовать не соблюдавших обета верности: у Царя ли Небесного не останется средств воздать по делом тем, кои своей жизнью изменяют званию чад Его?

Подобные мысли могут теперь казаться не так важными, но придет для каждого время, когда одно дело спасения останется важным, а все прочее, прежде обольщавшее, исчезнет как сон.

Теперь есть возможность вознаградить потерю благодати крещения: есть другая купель – покаяния; можно снова креститься – слезами. Но горе тому, кто, погубив силу первого крещения, не воспользуется вторым! Таковой подвергнется третьему – ужасному, нескончаемому крещению – огнем вечным!

Изволивый креститься во Иордане нашего ради спасения, Христос истинный Бог наш, да сохранит благодатью Своею всех нас от сего последнего крещения! Аминь.

Слово третье в день Богоявления Господня

Слышали ль, братие, слово на нынешний день? Слово, не на земле сложенное, а с небес гремящее? Из уст не Ангела или Архангела, а Самого Бога Отца? Дважды только, во все пребывание на земле Сына Божия, слышан был глас к Нему Отца: при Иордане и на Фаворе; и в том и другом случае – един и тот же. Как после сего должен быть важен глас сей! И для кого он, если не для нас? Для Самого Сына? Но Он, будучи Сыном «любве Отчей» (1Ин. 2:15), и без того знает совершенно, как Его любит Отец. Для Иоанна? И он же «возбраняше Ему, глаголя: аз требую Тобою креститься, и Ты ли грядеши ко мне?» (Мф. 3:14) Следовательно, знал, Кого крестил. Для учеников Иисусовых? Их еще не было при Учителе. Для народа Иудейского? И его нисколько не видно при Крещении Иисусовом. После сего, что значит глас с неба, как не слово и проповедь ко всему миру! Что же вещает Отец? «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Немже благоволих!» (Мф. 3:17) О любезного и сладчайшего гласа! Итак, чего ожидали праотцы, о чем предвозвещали пророки, что прообразовал закон и обряды, чего чаяла и о чем воздыхала вся тварь, то самое исполнилось во всей силе: Бог, Сам Бог и Господь явился нам! И как явился? Облеченный нашей плотью, приняв на Себя наши грехи, принеся нам всю Свою премудрость и правду, всю жизнь и все благословения. О радости и торжества истинно всемирного! Злополучные праотцы рода человеческого, восстаньте из персти и поклонитесь Тому, Который, будучи Сыном Божиим, благоволил соделаться и вашим сыном, дабы стереть главу змия, вас прельстившего! Законодатель Синая, спеши на Иордан узреть уже не следы славы Божией, а самое лицо Божие, которое так пламенно желал ты видеть, и не видел: ибо теперь, "видевый... Сына, виде Отца» (Ин. 14:9). Мудрец Израилев, перестань и ты вопрошать: «аще истинно вселится Бог с человеки на земли!» (3Цар. 8:27). Он вселился истинно, приобщился крови нашей так, что теперь ничто не разлучит плоти и в ней нашего человечества от Его Божества.

Но что за сила Божественного гласа? Для чего свидетельствует так о Возлюбленном Сыне Отец? Для того, дабы мы не могли не узнать, что нам даровано Его безпредельной любовью, дабы познали Сына, прияли Его, как должно, и приняли от Него все, что Он принес нам от Отца Его и нашего, Его по естеству, нашего – по благодати. «Вы, – как бы так вещает нам с неба Отец, – удалившись от Меня, находитесь во тьме и сени смертной; никакие усилия вашего разума не могут вывести вас из сей тьмы; вот вам Свет и Источник всякого света, Наставник, в Коем все сокровища премудрости и разума: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный!» – Вы, увлекшись змиевым советом, сделались неоплатными должниками пред Моим правосудием, впали в тяжкий плен греха и страстей, так что самая добрая воля наша, при всех усилиях, не в состоянии расторгнуть сих уз, исторгнуть корень прирожденной порчи; вот вам Решитель всех долгов и уз, Целитель душ и сердец, Который возьмет от вас все ваши неправды и подаст вам всю Свою правду: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный!» (Мф. 3:17) Вкушение плода запрещенного внесло в вашу природу семена тли и разрушения; вооруженная жалом греха смерть поражает вас на каждом шагу вашей жизни, и нет избавляющего; вот вам Владыка жизни и смерти, Который, имея «живот в Самом Себе» (Ин. 5:26), подобно Мне, всех, «ихже хочет, живит: Сей есть Сын Мой Возлюбленный!» (Ин. 5:21, Мф. 3:14) Над вами носится темная власть «имущего державу смерти» (Евр. 2:14), духа злобы поднебесной, который, погубив праотца, силится погубить и всех вас, его потомком; для сражения с ним, для низложения его потребны оружия не плотские, коих нет у вас; вот вам Давид, Который может низложить сего гордого Голиафа: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный!» Он со всею верностью приведет в действие все Мои благие советы о вас и вашем спасении; Он исправит все, что в вас и природе вашей есть нечистого, богопротивного и смертоносного. Он откроет вам все пути к достижению цели бытия вашего, к возвращению на путь правды и блаженства, к соединению со Мною.

Итак, оставив все недоумения, всякую болезнь и всякую гордость, примите всем сердцем, всем существом вашим

Возлюбленного Сына Моего, к вам ниспосланного: «Того послушайте!» Идите за Ним всюду, куда Он ни поведет вас, делайте все, что ни повелит вам; скажет: любите врагов, – любите; скажет: возьмите крест, – берите; велит распять на нем плоть, – распинайте! Он знает, что повелевает, и на все, что повелено, подаст вам силы. «Сей есть Сын Мой Возлюбленный: Того послушайте!»

Что может, братие, прибавить к сему Божественному гласу слово человеческое? Итак, вместо всех наставлений от себя, и мы с благоговением повторим вам: «Того послушайте!» В послушании Спасителю нашему теперь все наше спасение. Но верный признак истинного послушания Ему состоит не в другом чем, как в жизни по Его святым заповедям. Сим только одним мы можем возблагодарить любви Отца, ниспославшего к нам Своего Возлюбленного Сына, явившегося для спасения нашего; сим удостоимся благодати Святаго Духа, Который для того нисходит теперь на Ходатая нашего, дабы чрез Него пролиться в дарах Своих на всех нас. Аминь.

Слово в неделю по просвещении

Настоящий день недельный содержит немалое поучение для нас в самом названии своем, ибо называется «Неделю по просвещении». Наименование весьма поучительное происшедшее от того, что праздник Богоявления, за коим следует настоящая неделя, назывался в древности днем Просвещения, или светов; а назывался так потому, что в навечерии его просвещались верою и крестились оглашенные, в знамение чего возжигалось множество светильников. Нося в продолжение семи дней после Крещения белую одежду, новокрещенные в настоящий день недельный в последний раз являлись в сей одежде в церковь; и она в последний раз имела утешение видеть их облеченными знамением чистоты и непорочности, сообщенной им через Таинство и ожидаемой от них в их нравах и жизни.

Ныне, братие, день Богоявления служит временем крещения разве в странах отдаленных, где при обращении диких народов нередко повторяются не только обычаи, даже чудеса времен апостольских. Мы же все приемлем крещение вскоре после нашего рождения и тогда же облакаемся в белую одежду. Несмотря на сие, Неделя по просвещении не должна потерять своего значения и для нас. Ибо и в древности, без сомнения, не новокрещенные сообщали свет прошедшему празднику, а праздник просвещал своим светом крещаемых: но праздник всегда один и тот же. Напротив, если для новокрещенных прошедшие дни были днями просвещения; то для нас, яко давно крещеных и потому возраставших в вере и любви, тем паче прошедшим празднествам надлежало быть светоносными. Чем же они, братие, в самом деле были для нас?

«Рождество Твое, Христе Боже наш, – воспевала Церковь, – возсия миру свет разума»⁵. И подлинно, светом звезды Вифлеемской озарен весь мир; им прогнана ужасная тьма идолопоклонства, имя Бога истинного, неведомое прежде мудрецам, явлено самым младенцам. Но, братие, коснулся ли

сей животворный свет и нашего ума? Не преломляется ли бесплодно в одном воображении и памяти? Не меркнет ли он, как в нечистом стекле, в нашем сердце? Мы видели волхвов, путеводимых звездою, с отдаленного востока грядущих в бедный Вифлеем для поклонения Младенцу в яслях: узнали ли мы в сем пути волхвов путь истинного ведения, которое в правильном шествии своем всегда должно приводить в Вифлеем, к поклонению Спасителю мира? Научились ли, подобно волхвам, читать волю Божию в явлениях видимой природы, слышать глас неба и, в так называемых, естественных событиях? Научились ли идти, куда зовет сей глас? Обращать в жертву Богу все приобретения мудрости и искусства, наше золото, ливан и смирну? И, сподобившись откровения истины, не предавать ее Ироду – похотям и страстям? Мы видели пастырей, по гласу Ангела, переходящих ночью до Вифлеема: узнали ли в них путь нагой веры, которая, будучи далека от познаний, одной простотой сердца и чистотой жизни и привлекает, и приемлет, и хранит откровения небесные? Научились ли, подобно сим пастырям, бдеть на своей страже, проходить правильно то звание, в коем поставила нас рука Промысла? Но, паче всего, мы зрели Божественного Младенца, лежаща повитым в яслях. Что же занято нами от Него? Пала ли пред Его яслями наша гордость и величание? Усрамилась ли Его пелен наша роскошь? Поняли ли мы, что для достижения Царствия Небесного необходима младенческая простота, смирение и нищета духовная, указанные нам Господом при самом появлении Его в мире?

В ком со днем рождения Спасителя возродилось твердое желание быть самому отрожденным благодатью, ходить во свете веры, жить на земле, как прилично чадам Божиим, для того воссиял «свет разума»: а кто при сем празднестве переменил только одну пищу на другую (если и ту нужно было переменять), тихие занятия поста на шумные увеселения праздника, тот остался в прежней тьме «и не весть камо идет, яко тма ослепи очи ему!» (1Ин. 2:11).

После Рождества Христова мы праздновали, братие, день Нового лета и Обрезания Господня. Уразумели ли внутреннюю

связь сего поучительного стечения празднеств? Понято ли нами, что новое лето дается каждому из нас для духовного обрезания, для очищения себя от всего греховного и тленного? И что без сего обрезания, без обуздания страстей и умерщвления плоти, нет и не может быть нового лета; ибо ветхий греховный человек с продолжением времени только ветшает и дряхлеет? Уразумев это, обозрел ли каждый из нас свою прошедшую жизнь, заметил ли, что следует во внутреннем вертограде его к отреблению и посечению? И решился ли совершить его немедленно?

И дерево каждый год имеет нужду в обрезании, и чем тщательнее обрезаются, тем бывает крепче и плодоноснее. Быть не может, чтобы душа наша, столь плодотворная в худых помыслах, в сухих пожеланиях, не имела нужды в обрезании. Итак, обратил ли каждый из нас на сие, хотя столько внимания, сколько обращаем одного ежегодно на растения в садах наших? Приходило ли на мысль, что, может быть, душа наша есть та несчастная смоковница (Лк. 13:5–9), которая осуждена уже на посечение и оставлена в новом лете единственно по милосердию Небесного Вертоградаря?

Кто понял, для чего вступил в Новый год, и что ему должно делать со временем и с вертоградом души своей, что первое должно по-христиански употреблять, а последний по-христиански отреблять (очищать), для того день Нового года был «днем просвещения». А кто удовлетворился изъявлением и принятием одних бездушных благожеланий, не думая о перемене своего нрава и жизни, об обновлении ума и сердца, для того нет ни нового лета, ни нового света; тот в прежней, ветхой тьме, «и не весть, камо идет, яко тма ослепи очи ему!»

Наконец, братие, мы по гласу Церкви исходили на Иордан, Тут еще более тайн и света! Чего нельзя увидеть в «разверстых небесах!» (Мф. 3:16). Чему нельзя научиться у Отца, свидетельствующего о Возлюбленном Сыне? У Духа, сходящего на сего Сына в виде голубя? У Самого Сына, приемлющего крещение от раба? Здесь все богословие и вся нравственность, вся вера и все упование! Глас Отца должен был научить нас, что нет, ни на земле, ни на небе, другого Учителя для нас, кроме Его Возлюбленного Сына. Сошествие Святого Духа на

Сына, для приуготовления Его ко вступлению в великую должность Ходатая, долженствовало вразумить нас, что без благодати сего Духа не может быть сделано ничего, истинно благого и богоугодного. Наконец, смирение Сына, наряду с грешниками приемлющего крещение от раба, долженствовало убедить нас, что нет другого средства войти паки в рай, потерянный гордостью и своеволием, кроме смирения и повиновения. Так долженствовало быть! Но как было? Питие святой воды погасило ли в ком-либо из нас жажду чувственных удовольствий? Пойдя на реку для освящения, возвратились ли мы очищенными, хотя от одного какого-либо греха?

Совесть каждого, братие, должна отвечать на сии вопросы. Она только может и должна сказать каждому из нас, какая ныне для него неделя: по просвещении, или после сугубой тьмы? Говорю сугубой: ибо кто среди величайшего света не просветился нисколько, тот по тому самому сделался мрачнее: великий свет, если не просвещает, то мрачит и ослепляет.

И вещественная тьма ужасна, братие, тем ужаснее духовная! Теперь у нас много светов, заменяющих, по видимому, свет Христов: есть свет ума и наук, свет опыта и благоразумия, свет солнца и луны; самые насекомые трудолюбием своим доставляют нам средства к освещению; самые грубые животные туком своим просвещают нашу тьму. Но что будет, когда все сии светы, и великие и малые, и чувственные и духовные, вдруг будут погашены рукою смерти? Кто просветит нас, когда закроются навсегда очи наши, и мы пойдем мраком и сенью смертною? Что будет тогда с тем, в ком нет света Христова?

"Востани же, каждый спяй» (Еф. 5:14), и воскресни благодатью Христовою от мертвых; и тогда, – и только тогда, осветит тя Христос. Аминь.

Слово первое в навечерии Преображения Господня

«Приидите ныне лучшим изменимся изменением, себе наутрие добре уготовим на гору предвзыти Божию святую, неизменно Христову славу блистающую узревши, ясно паче солнца, и Троичным озаряеми светом, о сем прославим того схождение»⁶

Итак, Церковь святая не хочет, братие, чтоб мы были только слушателями о Преображении возлюбленного Жениха ее; желает, напротив, всем нам самим взойти на гору святую, и быть самовидцами Божественного величия Спасителя нашего. И подлинно, если в каком случае нужно присоединить к слуху видение, то здесь. Преображение Господа есть одно из самых восхитительных для духа и сердца зрелищ: свидетель тому Петр, хотевший навсегда остаться на Фаворе. Кроме того, происходящее на Фаворе со Спасителем, при всем величии своем, не чуждо всем нам, ибо и каждого христианина, по слову апостола, ожидает преобразование «от славы в славу» (2Кор. 3:18). поскольку же преобразование наше должно совершиться не по другому какому-либо образцу, как по образу Преображения Господня, то как не желать увидеть в лице преобразующегося Господа образ будущего собственного преобразования? Итак, «приидите... уготовим» себе взйти «на гору... Божию святую».

«Но, как взойти на гору, находящуюся от нас в таком отдалении? Как увидеть то, чего теперь там уже нет? Ибо хотя бы мы пришли в Обетованную землю и взошли на Фавор, то не нашли бы там теперь никаких следов Преображения Господня». Так! Но по сему самому уже явно, братие, что Церковь отнюдь не разумеет чувственного видения, когда приглашает нас зреть славу Преображения Господня. Дух человека может переноситься всюду, и во все времена, – быть с тем, что давно минуло, видеть многое, что сокрыто от очей телесных; и такое видение может быть для внутреннего человека нашего еще действительнее и благодетельнее, нежели видение очами телесными. К подобному-то духовному восходу на Фавор, для

созерцания там Преображения Господня, приглашает нас ныне Святая Церковь!

Но такой восход и такое видение, по самому существу своему, требуют духа чистого и возвышенного, мысли легкой и парящей, сердца, свободного от земных уз. Чей дух подавлен плотью, кто в плену у страстей, омрачен похотями, покрыт прахом сует, тот часто не видит и того, что находится пред очами телесными, не слышит, что говорят ему в уши, забывает все окружающее, даже самого себя. Такому ли человеку возноситься духом на Фаворе? Такому ли видеть Моисея и Илию? Слышать глас Отца, свидетельствующего о Сыне? Фавор место святое, святее купины Моисеевой и Синая; чтобы взойти на него, надобно иззуть «сапоги от ног» (Исх. 3:5), оставить у подошвы его все, не говорю греховное, даже земное; тут место одной вере Петра, одной любви Иоанна, одному упованию и терпению Иакова.

Но «сим кто доволен?» (2Кор. 2:16). Где искать таковых добродетелей? Церковь знает сие, ведает нечистоту и тяжесть нашу, видит крайнюю неспособность многих перенестись чистой мыслью на Фавор и быть в духе самовидцами Божественной славы преобразующегося Господа, посему и советует с таким усердием всем предуготовить «себя добре наутрие» к сему подвигу, и «измениться лучшим изменением». Изменение сие должно состоять не в перемене одежд и украшений, не в омовениях и прикрасах, не в одном отложении трудов и занятий, ибо после такого изменения дух и сердце могут оставаться со всем прежним безобразием, а в перемене чувств, чтобы сердце, сколько можно более, освободить от привязанности к видимым, тленным благам, и обратить к ощущению радости духовной и блаженства небесного, являющегося в лице Спасителя; в перемене мыслей, чтобы ум, занимавшийся понятием вещей дольних, суждением о делах житейских, обратился к созерцанию тайн веры и надежды, открывающихся на Фаворе; в перемене воли, чтобы она, оставив все нечистые и богопротивные правила, коими руководствуется в действиях, обратилась к воле Божией, решилась, последуя гласу свыше: «Того послушайте» (Мф.

17:5), слушаться во всем закона и Евангелия, а не своих предрассудков и похотей. Только такое изменение есть поистине лучшее; а все прочие изменения, делаемые для праздника, как бы они ни казались и ни были благовидными, суть -худшие. Изменившийся таковым изменением, и только он один, способен взойти на Фавор и видеть славу Преображения.

«Но можно ли в такое краткое время, какое остается до утрия, произвести в себе столь великую перемену?» Нам самим, братие, невозможно произвести сие чудо, не только в краткое время, но и в целую вечность. Это может соделать одна благодать Святаго Духа. Но она всегда при нас и в нас, коль скоро мы начинаем, хотя думать о Боге. Тем паче она поможет нам, когда мы решимся обратиться всецело к Богу. С нею, с благодатью Божиею, в самое краткое время можно «измениться» самым «лучшим изменением», требуемым Церковью. Чтобы глубже укоренить в себе сию необходимую для нас (грешников) уверенность, послушаем святого Златоуста, который так же приглашал некогда своих слушателей к подобному изменению на лучшее.

«Пусть никто мне не говорит, – вещал он, – что не много времени до будущего собрания. Ибо можно переменить все житие не токмо в пять дней, но и в одно мгновение. Что, например, хуже разбойника и человекоубийцы? Не крайнее ли это зло? Однако он не потребовал ни целых дней, ни даже половины дня, но в одно мгновение и на верх добродетелей востек, и в рай вселился. Посему можно вдруг перемениться, и сделаться златым вместо бренного.

Поелику добродетель и порок не от природы, то пременение, будучи свободно от всякой необходимости, удобно. «Аще хотите и послушаете Мене, – говорит Бог, – благая земли снесите» (Ис. 1:19). Видишь, потребно одно хотение: только хотение не простое и какое имеют многие, а деятельное!»

«Знаю я, – продолжал святой вития, – что вы желаете возлететь на небо; (о, если бы можно было сказать это самое и о всех нас, теперь беседующих!), но должно желание сие показать на деле. Ибо купец, желая обогатиться, не останавливается на том, чтобы иметь хотение сие только в

душе, но уготовляет корабль, собирает матросов, приглашает кормчего, и другими потребностями снабжает судно, берет золото взаймы, переплывает море, отходит в чужую землю, подвергается многим опасностям и всем другим невыгодам, какие известны мореплавателям; так и нам должно показать желание! Ибо плывем и мы, только не из земли в землю, но от земли на небо.

Итак, сделаем мы нашу мысль способной к успешному управлению плаванием, которое бы возвело нас горе; приготовим слугителей покорных ей, и корабль твердый, который как не погружался бы от несчастий и печали житейской, так и не возносился бы высоко духом гордости, но был бы удобен и легок. Ежели такой будем иметь корабль и таких кормчего и слугителей, то будем плыть благополучно, и Сына Божия, истинного Кормчего, привлечем к себе, Который не попустит потонуть кораблю нашему, но ежели и бесчисленные возвеют ветры, запретит ветрам и морю, и вместо бури произведет великую тишину».

«Приготовив себя таким образом, – заключает святой Златоуст, -придите в следующее собрание, если желательно вам услышать и сохранить в душе вашей что-нибудь полезное»⁷.

Тем же самым заключим теперь, братие, и мы, приглашая вас к завтрашнему собеседованию. Между тем – «благословение Господне на вас Того благодатию и человеколюбием»⁸преобразившегося Господа! Аминь.

Слово второе в день Преображения Господня

«Приидите взыдем на гору Господню и в дом Бога нашего, и узрим славу Преображения Его, славу яко Единородного от Отца: светом приимем свет, и возвышени бывше духом, Троицу Единосущную воспоим во веки!»⁹

После того, как вчера от лица Святой Церкви приглашал я вас, братие, предпочиститься и приуготовить себя к Божественному восходу на гору Божию святую, дабы там быть самовидцами Преображения Господа, после сего некоторые, вероятно, уже предварили нас сим святым делом, и были мыслью и духом на горе святой; а некоторые, может быть, не только были там, но и сами причастились славы Преображения Господня, которое, по уверению апостола (2Кор. 3:18), есть событие, долженствующее повториться над всеми истинными последователями Христовыми. Но тем не менее все, и бывшие и не бывшие, «приидите, взыдем на гору Господню!» Бывшие на ней не удивятся, что их паки приглашают туда, где верховный из апостолов хотел остаться навсегда; а не бывшие тем паче должны поспешить в то место, где воистину – «добро есть... быти!» (Мф. 17:4).

Но кто будет нашим руководителем в сем, как называет его Церковь, "Божественном восходе"? Будут руководителями три святые евангелиста: Матфей, Марк и Лука, кои, хотя сами не созерцали славы Преображения очами телесными, но тем не менее удостоены от Духа Святаго не только созерцать славу сию очами духовными, но и возвестить о ней всему миру в своих писаниях. А чтобы нам по слабости и неопытности своей не отстать и от сих великих руководителей, то будем чаще, среди сего духовного шествия и созерцания, советоваться с теми, кои многократно и весьма успешно совершали оное: я разумею святых отцов, оставивших нам множество прекрасных размышлений о Преображении Господа нашего.

В надежде на таких руководителей и наставников, перенесемся, братие, духом на гору Фаворскую.

«Быст же по словесех сих яко дний осм» (Лк. 9:28), – так начинается повествование о Преображении. Не без важной причины евангелисты, кои большей частью не обозначают подробно времени событий, в сем случае все указывают на него. Между событием, на которое они указывают, и Преображением Господа должна быть тесная, внутренняя связь. Что же произошло за восемь дней?

За восемь дней произошли две важные вещи: одна весьма приятная, а другая весьма неприятная.

Приятно было, что Петр на вопрос Иисуса Христа апостолам, «вы же кого Мя глаголете быти!» (Мф. 16:15) – вопрос, предложенный по случаю разногласия о Нем народных мнений, – отвечал со всей твердостью: «Ты еси Христос, Сын Бога Живаго!» (Мф. 16:16). Богочеловек в награду за такое торжественное исповедание Его Божественного достоинства, еще никому из учеников до толе явно Им не открытого, – пророчественно назвал Петра камнем Своея Церкви, обещал даровать ему ключи Своего Царствия, и с сего времени начал открытее вести Себя в кругу учеников, как обетованный Мессия; но вместе с тем начал и часто предсказывать о Своей крестной смерти.

Весьма неприятным было то, что сей же самый Петр, услышав в первый раз о кресте, и думая, что такая ужасная участь вовсе несовместна с достоинством Сына Божия, им исповеданного, почел за долг любви пререкать Ему в сем, говоря: «не имат быти Тебе сие!» (Мф. 16:22). Пререкание и сострадание сие были так безвременны, так противны планам премудрости Божией о спасении рода человеческого, но вместе и так искусительны для слабой природы человеческой, всегда отвращающейся страданий, что Спаситель, дабы одним разом исторгнуть с корнем опасную мысль, принужден был сказать Петру: «иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси!» (Мф. 16:23).

Вот что произошло за восемь дней до Преображения! Ученикам в первый раз были совершенно ясно открыты и Божественное достоинство Учителя, и Его будущий крест: первое принято единодушно, а последний нашел сильное противоречие.

Соображая с сим, что происходит теперь на Фаворе, нетрудно, братие, видеть внутреннюю связь между тем и другим событием. Петр, вопреки мнению народа, почитавшего Иисуса за Илию, или за единого от Пророк, исповедал Его Сыном Божиим; и вот, на Фаворе Сам Отец подтверждает то же самое, а Моисей и Илия являются пред Ним, яко слуги. Но тот же Петр, последуя всеобщему ошибочному мнению своих единоплеменников, полагал, что Крест совершенно несовместим с достоинством Мессии; и вот, Моисей и Илия среди самой славы Фаворской говорят не о чем другом, как о Кресте; да ведают все соблазнявшиеся Крестом, что основание его не на земле, а на небе, что он неразлучен со славою Сына Божия, и есть плод Его собственного произволения и любви к людям ¹⁰.

Такова связь Преображения Господня с предшествовавшими ему событиями, и таково его внутреннее значение и цель! Святая Церковь весьма ясно и сильно выражает сие самое, когда поет: «на горе преобразился еси, да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное.» ¹¹

Последуем теперь за сказанием евангелистов.

«И по днех шестых поят Иисус Петра и Иакова и Иоанна... возведе их на гору высокоу едины» (Мф. 17:1).

Величайшее чудо требовало не одного свидетеля; посему их поемлется трое; в свидетелях требовалось особенной способности к духовному созерцанию; посему поемлются избраннейшие: Петр – первый из апостолов по вере (Мф. 16:16–18), Иоанн – первый по любви (Ин. 21:20), Иаков – первый по терпению и венцу мученическому (Деян. 12:2). Прочие ученики, вероятно, еще не способны были (Ин. 16:12) перенести славу Преображения своего Учителя и Господа. Я говорю: перенести. Ибо, хотя на Фаворе было весьма добро быти; но при гласе из облака и избраннейшие упадут ниц и будут вне себя от страха. Для других такое явление могло быть сопряжено с крайней опасностью; тем паче для предателя лучи пренебесной славы могли быть нестерпимы, а его нельзя было оставить одного, не подав повода к подозрениям и жалобе на пренебрежение.

Местом Преображения избрана «высокая гора» (Мф. 17:1), – по древнейшему преданию ¹² Фавор, прославленный еще победою Варака (Суд. 4:14–16). Великая высота невольно возвышает дух и отрешает, более или менее, от всего земного; а уединенное безмолвие, не возмущаемое присутствием тварей, располагает к собеседованию с Творцом. Посему-то издревле большая часть Богоявлений – Аврааму, Моисею, Илии – последовали на горе. Фавор для того как бы и создан, ибо и ныне еще, по свидетельству путешественников, есть лучшее место в целой Палестине. Творческая десница Бога Отца нарочито предукрасила место будущего Преображения возлюбленного Сына.

Сон (Лк. 9:32), в коем находились апостолы при начале Преображения, дает разуместь, что они возведены были на гору во время, располагающее ко сну, и что им не была открыта предварительно чрезвычайная цель возшествия. Иначе можно ли было предаться сну? Учитель имел обыкновение удаляться в горы для молитвы (Лк. 6:12), и теперь "взыде», -замечает евангелист Лука, – «на гору помолиться» (Лк. 9:28). Что произойдет среди сей и от сей молитвы – о том ведал, разве только Сам – "Он».

Как ни легко было совершать молитву на вершине Фавора, в безмолвии всего окружающего, вблизи Божественного Учителя, но ученики не могли разделять ее с Ним до конца, и уступили над собою власть сну, который, как справедливо замечают, с наибольшей силою нападает на человека во время молитвы, и тогда наипаче овладевает им, когда почему-либо наиболее нужно бдеть.

Богочеловек продолжал молиться один. Можете представить, или лучше сказать, невозможно и представить, как молился Отцу – Сын Единородный, Возлюбленный, в минуты столь важные! Евангелисты не сказывают нам, что именно было предметом Его молитвы. Но это отчасти видно само собою. Как для нас в деле спасения нет ничего, так и для Богочеловека в деле служения сему спасению, не было ничего важнее Креста (Лк. 9:22–24). Мог ли посему самому Крест сей быть забыт в молитве на Фаворе? Моисей и Илия, конечно, не столько сами

начали, сколько продолжали начатую в молитве беседу Богочеловека с Отцом, но они – «глаголаста исход Его!» (Лк. 9:31).

Но что бы ни было предметом Фаворской молитвы Иисусовой, только молитва сия была из самых необыкновенных даже между Его молитвами, ибо, «егда моляшеся, видение лица Его ино» (Лк. 9:29): оно «просветися яко солнце, ризы же Его быша белы яко свет» (Мф. 17:2), «блещашася» (Мк. 9:3). То есть, – сколько можно изъяснять подобные явления слабым словом человеческим, – молитва до того возбудила и подвигла сокрытую в человечестве Иисусовом полноту Божества, что она, преисполнив душу Богочеловека светом своим, проникла сквозь тело и просияла в лице; не вмещаясь здесь, осияла и преобразила самую одежду. Если вы, братие, читывали жизнеописания святых, то, без сомнения, припомните теперь, что, при всей Божественности настоящего чуда, нечто подобное происходило и в жизни святых. И они иногда, во время молитвы, от внутреннего восторга души, распаленной любовью к Богу, казались окруженными светом небесным и принимали вид прославленный – например, Арсений Великий (Четий Минеи, 8 мая), Феодор Едесский (9 июля), Григорий Омиритский (19 декабря). Тем естественнее было это в молитве Богочеловека, в Коем Божество, как ни скрывалось под завесою человеческой плоти, при всяком особенном случае обнаруживало свое присутствие, и "блистало», по выражению Церкви, как молния (служба на Преображение Господне).

Фаворская слава требовала неукоснительных свидетелей; но избранные на земли свидетели «бяху отягчени сном»! (Лк. 9:32). Посему явились другие, из другого мира, привлеченные силою, может быть, той же необыкновенной молитвы, среди коей и от коей последовало самое Преображение. «Явистася им Моисей и Илия, с Ним глаголюща» (Мф. 17:3).

Моисей является, как ходатай и учредитель Ветхого Завета, пред Начальником и Совершителем Завета Нового; Илия – как главнейший из пророков, по своей ревности и действиям, пред Тем, в Коем получали теперь исполнение все пророчества. Являются оба – "во славе», подобной славе Богочеловека, и от

Него видимо заимствуемой, – показуя сим на себе, что и все последователи Его «просветятся», чрез Него, некогда «яко солнце в Царствии Отца» Небесного (Мф. 13:43). К таковому, раннему в сравнении с другими праведниками, просветлению славою небесною, в Илии положено было начало беспримерным взятием его на небо с телом (4Цар. 2:11), а в Моисее – чудесным отсветом славы на лице его от собеседования с Богом (Исх. 34:29–35), вследствие коего и во время смерти, как замечает святой историк, «не отемнесте очи его, не истлеста устне его» (Втор. 34:7). А между тем, предварить видением во плоти Того, Кого все праведники и пророки ветхозаветные желали видеть и не видели, – было новой наградой и для законодателя Синайского и для пустынножителя Кармильского. На Фаворе исполнилось наконец желание их: видеть Бога лицом к лицу (Исх. 33:13. 3Цар. 19:13), ибо они узрели здесь Того, Который есть «сияние славы и образ ипостаси Его» (Евр. 1:3), и сподобились беседовать с Ним лицом к лицу. И для Сына Человеческого первое свидание во славе с величайшими из предшественников и провозвестников Своих служило, без сомнения, неким утешением среди Его земного многострадального поприща.

Но предмет Фаворского собеседования был нерадостен! «Явльшася во славе, глаголаста же исход Его, егоже хотяше скончати во Иерусалиме» (Лк. 9:31). Почему и небожители глаголаста исход, то есть беседовали о последних днях и смерти Богочеловека, а не о другом чем-либо, радостном и приятном; побуждения к сему мы уже коснулись несколько нашим размышлением. То есть Крест, как должно полагать, был уже, еще до явления небожителей земнородных, предметом молитвенного собеседования Иисусова со Отцем, и они не сами начали, а только продолжали уже начатое Самим Крестоносцем слово крестное. Как продолжали? Благоговейным углублением в причины и цель страданий и смерти Сына Божия, приведением на память древних пророчеств и событий, ее прообразовавших, подробнейшим изображением обстоятельств будущего жертвоприношения Голгофского. Такое собеседование с Учителем о Кресте двух величайших лиц Ветхого Завета всего

более могло служить в уме апостолов к удалению соблазна от Креста.

Не было ли какой-либо потребности в сем собеседовании для Самого Богочеловека? Если и была, то она доведена Ему единому.

Когда два свидетеля мира горнего вновь довершали таким образом на земле древнее Богослужение свое, три свидетеля мира дольного едва не проспали свою великую стражбу: бяху отягчены сном! Такова природа человеческая! На Фаворе и в Гефсимании равна самой себе: дремлет, когда нужно бодрствовать, и, напротив, бдит иногда назло, когда нужно почивать.

Наконец, избыток пренебесного света проник и в сомкнутые сном очи. Пред окончанием беседы, когда Моисей и Илия уже готовились отойти паки на небо (Лк. 9:33), ученики пробудились от сна, чтобы погрузиться в восторг! Пред ними – их Учитель, но какой? и с чем? – Все исполнено света, величия, блаженства! Не было нужды спрашивать, кто беседующие с Ним? Если бы прославленный вид Моисея и Илии и внутренний характер их, отражавшийся в самой внешности, не говорил о них, то сердце давало знать, что это «они» – первейшие из небожителей! Смятенные, притрепетные, ученики не знали после сего от восторга, что сказать и что делать (Мк. 9:5–6). У одного Петра разверзлись, по обычаю, уста; но говорил ими не ум, а сердце, по первому впечатлению чувств. Заметив (Лк. 9:33), что Моисей и Илия хотят отойти, и не желая так скоро расстаться с Фаворским блаженством, он невольно воскликнул: «Господи, добро есть нам zde быти: аще хочеши, сотворим zde три сени, Тебе единому, и Моисеови единому, и единому Илии» (Мф. 17:4). То есть, – как изъясняет сии слова святой Златоуст, – зачем оставлять такое прекрасное место, чтобы идти во Иерусалим, на Крест? – Лучше устроить здесь жилище для всех, и в уединении, сколько можно долее, наслаждаться блаженством.

«Не ведый, еже глаголаше» (Лк. 9:33) – замечает о сем восклицании Петровом евангелист Лука.

В самом деле, им предполагалось, что Преображение и слава Учителя не суть явления временные, а продолжатся

навсегда; что Моисей и Илия с прославленными телами могут остаться жить на нашей бренной земле – предположения несбыточные! Что за образ жизни был бы на Фаворе? Как совершилось бы спасение рода человеческого? Как пришли бы в исполнение пророчества? Как сам Петр получил бы там ключи Царствия? (Мф. 16:19). Но человек, водящийся чувствами, каковым на этот раз был сын Ионин, не хочет знать ничего подобного, и часто изъявляет желания, дает советы, вовсе несбыточные: «не ведый, еже глаголаше!»

При таком неведении, которое брало верх над умом Петра не на одном Фаворе, одно всегда твердо знал и крепко содержал сын Ионин – свою любовь к Учителю. «Не сие бо взыскуп, – замечает Златоуст, – яко не зело бе изряден утешения образ, но како тепл бе, како распаляшеся ко Христу»¹³. В самом деле, почему особенно добро быть на Фаворе? Потому, что там нет креста для Учителя. – И говоря о создании трех сеней, Петр забывает при сем самого себя и соучеников.

Как бы в доказательство, что Петр напрасно среди нерукотворенного зрелища заботится о рукотворенных сенях, и к делу Божию хочет примешать человеческие усилия, – «еще (же) ему глаголющу, се, облак светел осени их» (Мф. 17:5); то есть Господа Иисуса с Моисеем и Илиею, которые по тому самому отделились теперь от учеников и представились заключенными в облаке, как в некоем святилище¹⁴.

Осенение облаком еще более долженствовало усилить в учениках мысль о непосредственном присутствии теперь на Фаворе Самого Бога, ибо «такое, – говоря словами Златоуста, – присно являшеся Бог»: во облаке являлся Он и на Синае (Исх. 20:21), и в скинии (Исх. 40:34), и при храме (3Цар. 8:10). А мысль о непосредственном присутствии Божиим исполнила сердце новым, сильнейшим трепетом. Особенно же "убояшася" – сами – «вшедше во облак» (Лк. 9:34), то есть когда облако осенило потом и учеников. "Убояшася", ибо Сам Бог говорил некогда Моисею и другим: «не бо узрит человек лице Мое и жив будет» (Исх. 33:20); а здесь лицо сие так явно обнаруживалось в просветленном образе Богочеловека! Вера долженствовала внушать теперь другое – успокоить учеников от ветхозаветного

страха: но Фаворские свидетели еще не совсем вошли в дух Нового Завета, и как сами готовы были за несколько пред тем низвести, по примеру Илии, огонь на непокоривых (Лк. 9:54), так и в Фаворском Богоявлении страшились увидеть Бога Илиина.

К довершению торжественного зрелища, но вместе и страха в учениках, «глас бысть из облака, глаголющ: сей есть Сын Мой Возлюбленный, Того послушайте!» (Мк. 9:7).

Сим окончательно возвещалось все достоинство и вся тайна Божественного Лица Иисусова: большего свидетельства нельзя было ни дать, ни принять на земле. Ибо сам Моисей, законодатель Ветхого Завета, успел заслужить токмо титул «верного раба» (Евр. 3:5) в дому Божиим, а Сын Марии называется теперь Сыном Единородным, Возлюбленным. Его повелевается слушать, а не книжников, не князей Иудейских, кои влекли к себе бедный народ, – слушать во всем, ибо Он, как Сам утверждал о Себе, всегда творит волю не Свою, а «пославшего Его Отца» (Ин. 6:38), проповедует и говорит «токмо то, что слышал» от Отца (Ин. 8:26), ибо «Он и Отец – одно!» (Ин. 10:30). «Послушайте», а посему не пререкайте Ему, и когда Сам пойдет, и когда вас будет звать на Крест.

Как бы для того, чтобы сила и значительность сего свидетельства нераздельнее и видимее могли сосредоточиться на лице Свидетельствуемого ¹⁵, – «егда бысть глас, обретется Иисус один» (Лк. 9:36), – без Моисея и Илии, кои сокрылись внезапно, дав место славе Его – единого.

Ничего не могло быть для учеников радостнее гласа, коим Возлюбленный Учитель их нарицался Возлюбленным Сыном Отца Небесного. Но, только один Сын мог слышать бестрепетно подобные гласы Отца. "Чадца» (Ин. 13:33), – как называл Спаситель учеников по их детскому чувству), – при слышании сего гласа – «падоша ницы и убояшася зело» (Мф. 17:6). Верх славы Божественной Учителя казался им их последней минутой на земле!

«Востаните и не бойтесь», – сказал Господь, приблизившись к падшим. Но одного гласа было недовольно на восстание, хотя достаточно было на повержение. Посему «приступль Иисус, прикоснуся их» (Мф. 17:7), – без сомнения,

тем всевосставляющим прикосновением, от коего слепые прозирали, мертвые восставали из гробов (Дан. 10:8–10. Откр. 1:17).

Ободренные гласом, уврачеванные прикосновением, ученики начали спокойно все видеть; но Божественное видение уже кончилось: «возведшее же очи свои, никогоже видеша, токмо Иисуса единого» (Мф. 17:8), – как бы в видимое знамение того, что времена Моисеева закона и Илиинной строгости уже прошли, уступив место благодати и истине (Ин. 1:17).

Господь ничего не сказал ученикам в объяснение Своего Преображения. Виденное и слышанное говорило само за себя. Напротив, при сошествии с горы (последовавшем непосредственно за Преображением), Он запретил ученикам даже сказывать кому-либо о происшедшем, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. «И сходящим им с горы, заповеда им Иисус, глаголя: ни комуже поведите видения, дондеже Сын Человеческий из мертвых воскреснет» (Мф. 17:9). Запрещение, по видимому противное гласу небесному: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Того послушайте» (Мф. 17:5), – а в самом деле весьма нужное. Слух о необыкновенном прославлении Иисуса на Фаворе и о явлении Моисея и Илии пред Ним, мог привести в волнение всю Иудею и довести народ Иудейский, и без того склонный к возмущениям, до отпадения от Римлян; а это было совершенно несообразно с духом служения Иисусова, Коего Царство не было «от мира сего» (Ин. 18:36). И для прочих учеников Иисусовых, еще не очищенных Крестом и Духом, еще мечтавших о венцах и первенствах (Мф. 20:20–24), известие о Фаворском событии, происшедшем без них, могло служить поводом к жалобам, соперничеству и взаимным подозрениям. По воскресении, когда земная жизнь Богочеловека кончилась, и то, что в ней было самого таинственного и непостижимого уму, разрешилось Крестом, когда апостолы перестали «разуметь Учителя своего по плоти» (2Кор. 5:16), и расстались с мечтательной мыслью о земном царстве Мессии, – глас Отца, свидетельствующего о Сыне, уже беспрепятственно мог быть услышан всеми и потому начал греметь, через трубы Евангельские, во все концы вселенной.

Таким образом, на земле немалое время знали о преславном событии Фаворском только три ученика! Так мало дорожил земной славой Сын Человеческий!

Мы теперь, братие, знаем о Нем все, – от мала до велика. Знаем столько, что подобно тому, как Павел говорил некогда Галатам, желая выразить ясность их понятий о Кресте Христовом: среди "вас Он распят» (Гал. 3:1), нам можно сказать: «среди вас Он преобразился!» Знаем даже и то, что Преображение Господа есть образ нашего преобразования, что и нам всем, взирая «откровенным лицом... на славу Господа нашего, должно преобразоваться Духом Божиим в тойже образ... от славы в славу» (2Кор. 3:18). Что же производит в нас все это знание? Располагает ли сколько-нибудь к тому, чтобы достигать Преображения, нам предназначенного? Слушаем ли Того, Кого глас из облака повелевает слушать? Его ли единого слушаем? Не избираем ли себе других учителей? Не ищем ли других спасителей? Кто слушает Возлюбленного Сына, тот, как Он Сам говорит, "по Нем» всегда ходит (Ин. 10:4), на все зрит в Его свете, желает только угодного Ему, творит только Его волю, услаждается Его обетованиями и любовью, – для того Иисус есть все: «путь и истина и живот» (Ин. 14:6), – «премудрость... и правда... и избавление» (1Кор. 1:30).

То ли Господь наш для нас? И то ли мы для Него? Глас не напрасно гремит из облака: Он "судит нам в последний день» (Ин. 12:48), если мы не будем уметь найти нашего спасения в Том, Кто есть Спаситель для всех и каждого! И чувственный человек наш видит, что с Иисусом добро быть. Где столько жизни, света и блаженства, как у Него? И Он Сам, Спаситель наш, хочет, чтобы нам было добро: для сего Он оставил небо, жил на земле, страдал и умер, чтобы нам добро было. На самое небо взошел Он для того, чтобы «уготовати» обители (Ин. 14:2), не для Себя, а для нас, бескровных странников земли. Что же, говорю, производит в нас вера во все это? Готовимся ли к обитанию на небе? К вечному преобразению с Иисусом? – Не творим ли, напротив, вечных сеней на земли? Не думаем ли быть неподвижными «во обилии своем во век!» (Пс. 29:7).

Но, братие, сколько бы мы ни воздвигали сеней здесь, сколько бы мы ни прилагали сердец своих к земле, мы не избежим определения небесного: рано или поздно, нас ожидает исход (Лк. 9:31). Благо нам, если он будет в Иерусалим Небесный, хотя бы на пути надлежало креститься огненным крещением (Мф. 3:11). А что, если мы прейдем туда, откуда не исходят, «дондеже не воздадут последнего кодранта!» (Мф. 5:26). А прейдем, если не престанем быть христианами по одному имени, не воспрянем от сна греховного. Что мешает нам сделать это? Не все ли требуют того? Как? Моисей и Илия, закон и пророки над главою нашею, а мы – спим! Господь преображается во славе Промысла пред нами, то ущедряя нас внезапной милостью, то поражая внезапными лишениями, то вещая уму, то трогая сердце, а мы – спим! О, час, «час уже нам от сего губительного сна востати!» (Рим. 13:11). – "Довлеет» нам «мимошедшее время жития волю языческую творившим, хождшим» во всех «нечистотах» греховных! Пора, истинно пора «не ктому человеческим похотем, но воли Божией прочее во плоти жити время!» (1Пет. 4:3, 2). Аминь.

Слово третье на Преображение Господне. По благословении плодов

Настоящее празднество, братие, как сами видите, имеет, между прочим, и ту особенность, что ныне приносятся в храм и освящаются плоды вертоградов наших. Обычай являться пред лице Господне с начатками плодов так древен, что мы находим первые следы его еще в семействе первого человека. В Церкви подзаконной, сообразно духу Ветхого Завета, даже строгим законом предписано было всему народу Израильскому посвящать Богу начатки всех плодов земных, кои, принесенные ко храму, поступали потом в удел священнослужителей его. В Новом Завете нет подобной заповеди, но чувство сыновней любви и благодарности пред Богом Благодетелем, столь свойственное чадам Нового Закона благодати, само собою располагает не прежде посягать на употребление плодов нового лета, как освятив их принесением в храм Господень и призыванием над ними всеосвящающего имени Божия; посему-то обычай приносить в храм новые плоды для освящения принадлежит к древнейшим христианским обычаям. В православной Греции, откуда вместе с верою и богослужением перешли к нам и все священные обыкновения, к настоящему дню поспевают уже гроздие виноградное, почему в молитве и испрашивается благословение преимущественно для гроздия, коим особенно изобилуют страны восточные. В большей части нашего Отечества нет сего плода по причине северного положения страны нашей, но взамен сего, Провидение Божие, разделяющее Свои дары всем неоскудно, благословило страну нашу многими другими плодами, кои, по тому самому, вместо гроздия приносятся ныне в храм для освящения. Зрелище приятное и вместе поучительное!

Да, братие, и поучительное: принося в дар Господу плоды полей и вертоградов наших, не забудем, что мы все должны быть самыми плодоносными деревьями в вертограде Господнем, который есть Церковь Божия.

Святой Давид не напрасно благочестивого человека уподобляет «древу, насажденному при исходящих вод, еже и плод свой даст во время свое» (Пс. 1:3). Не напрасно и Сам Спаситель истинных учеников Своих сравнивает с гроздиями или ветвями виноградными, кои, заема от Него, яко Божественной лозы, сок жизни, должны приносить плод мног. В противном случае, то есть непринесения надлежащих плодов, каждой душе грешной угрожается извержением из вертограда и повержением в огонь, подобно как то делают и вертоградари с бесплодными древами. Так и должно быть непременно, ибо если для вертоградаря земного крайне неприятно, когда его многолетние труды над деревом не приносят ему плода подобающего; то стократ огорчительнее для Вертоградаря Небесного, когда душа человеческая, стоившая Ему толикого попечения, остается бесплодною. Ибо что делают земные вертоградари для своих вертоградов? Иждивают на них только свое имущество и тратят свои попечения, а Небесный Вертоградарь положил за вертоград Самую Свою душу. После сего, как дорого для Него должно быть всякое древо, – каждая душа верующая! Как приятен плод от вертограда и как горько бесплодие дерев худых!

Какой же плод принесем мы ныне, братие, Господу от вертограда душ и сердец наших? Плод сей есть наше духовное Преображение. Не думайте, чтобы я употреблял сие выражение по одному приспособлению к настоящему дню: нет, того требует самое дело. Разогните книги Священного Писания – и вы увидите, что падение рода человеческого состояло не в другом чем, как в том, что он через грех лишился образа Божия, его во время невинности украшавшего и бывшего источником всех прочих совершенств; увидите также, что спасение наше, совершаемоею силою заслуг Христовых и благодатью Святаго Духа, состоит по тому самому не в другом чем, как в восстановлении в нас первобытного образа Божия, то есть, говоря другими словами, в нашем преображении из чад греха, проклятия и гнева, в чада святости, любви и благословения. Такое Преображение есть главный предмет веры, нашей деятельности, нашей жизни; и оно-то по тому самому должно

быть первым и последним от нас плодом небесному Вертоградарю, стяжавшему нас кровью Своею.

Взирая убо ныне с благоговением на лице Господа, сияющее на Фаворе яко солнце, помыслим, братие, что подобная слава предстоит и нам: «ибо праведницы, сказано, просветятся яко солнце» (Мф. 13:43) в Царствии Отца Небесного; и помыслив о сем, обратим внимание на свое сердце и свою жизнь, дабы видеть, есть ли в них, хотя начатки той чистоты и того совершенства, кои потребны для сего славного Преображения. Те, кои обретут в себе некий залог сего будущего блаженства, да поспешат принести его в дар Господу и Спасителю своему, яко плод не столько собственных усилий, сколько Его всемошной благодати. А те, кои, проникая к лицу бытия своего, обретут образ души своей темным и неблаголепным, да не замедлят просветиться светом от лица преобразившегося Господа. Аминь.

Слово первое в день Нерукотворенного Образа

Христианские праздники таковы, что каждый из них содержит сам в себе поучение; но в иных празднествах это поучение сокрыто в глубине празднуемого события, а в иных оно лежит, так сказать, на его поверхности. Так, настоящий праздник в честь Нерукотворенного Образа поучает многому и важному уже самым названием своим. Известно, почему он называется таким образом: потому что Господь Иисус благоволил отпечатлеть чудесно на убрусе образ Свой для Авгаря, Едесского владельца, тогда как посланный от Авгаря для снятия сего образа живописец никак не мог сделать того своим искусством. Событие само по себе частное, касающееся одного Авгаря и его художника; но истина, в нем выраженная, важна и поучительна для всех. В самом деле, одному ли Авгарю нужно иметь у себя образ Христов? Это необходимость для всех и каждого. С тех пор, как мы лишились через грех, в лице наших прародителей, образа Божия, первой и последней обязанностью каждого человека, желающего достигнуть цели бытия своего, есть восстановление в себе сего потерянного образа. Кто же возвратит нам сей драгоценный образ? Кто в состоянии отпечатлеть его в душе и во всем существе нашем? Никто, кроме Самого Бога, Его Единородного Сына и Духа Всесвятого.

Истинный образ Божий, как поставляемый в невинном человеке, так и восстанавливаемый в человеке падшем, всегда был и есть нерукотворен. Сомневаться в сем может только тот, кто никогда искренно не приступал к великому делу восстановления в себе образа Божия, и водится в суждении о сем не опытом, а одними своими мыслями и воображением. В сем обманчивом зеркале точно может представляться возможным для человека совершенно исправить себя и достигнуть богоподобия собственными силами: иначе — умствует разум — что будет значить свобода человеческая? К чему естественное стремление к совершенству? Для чего закон, требующий от человека чистоты и богоподобия? Все это

прекрасные по виду мысли, но начни не умствовать, а действовать, стань образовывать себя по образу Божию не в мыслях только и на бумаге, а на самом деле и в жизни, тогда увидишь, что значит свобода наша – это теперь способность уже не вставать и идти, а дать поднять себя и вести; узнаешь, много ли может произойти из твоего естественного стремления к совершенству. Может произойти следующее: благое намерение и повременная решимость достигать совершенства, повременное же усердие и верность в употреблении средств, тому служащих, внешнее благоустройство своей жизни и некие начатки исправления внутреннего, а отнюдь не самое совершенство, не та чистота мыслей и сердца, не то благолепие духовное, не та твердость в добре, кои необходимо требуются от существа, созданного по образу Божию и предназначенного для вечного блаженного общения с Существом всесовершенным. Поймешь тогда, к чему служит и закон, непрестанно напоминающий тебе о совершенстве; хотя ты и не можешь достигнуть его собственными силами, он служит к тому, чтобы, не находя средств достигнуть сей цели в самом себе, обратился всем существом своим к Тому, Кто один может дать тебе на то способность и силы, то есть, к Господу и Спасителю Твоему, Который, будучи единственным и совершенным образом ипостаси Отчей, для того и сошел на землю, чтобы отпечатлеть самим Собою сей образ во всех тех, кои представляют Ему для сего души свои, как чистый убрис.

Чтобы еще более пояснить ту важную истину, что человек, потеряв через грех образ Божий, не может сам собою восстановить его в себе, то есть совершенно очистить и исправить сердце и природу свою, для сего употребим простое сравнение, взятое от настоящего празднества. Что нужно бывает, дабы отпечатлеть на чем-либо снова образ, изгладившийся или поврежденный? Нужно, во-первых, размягчить то вещество, на котором хотят сделать отпечаток; во-вторых, необходима верная и прочная печать с изображением; и наконец, должно известным образом приложить сию печать на веществе приготовленном. Теперь смотрите, в состоянии ли человек проникнуть волей своею до

глубины природы своей, очистить все силы и способности свои от всего постороннего и нечистого, размягчить их и довести до той степени совершенства, чтобы они могли принять на себя и сохранить в себе святейшие черты образа Божия? Явно, что для сего размягчения, сего расплавления грубой натуры нашей мало теплохладного дыхания уст наших, мало слабого огня любви нашей к Богу. Для сего потребно всесильное дуновение Духа Божия, всепроницающий огонь любви Иисусовой – они только могут проникнуть до разделения души и духа нашего, изгнать из сердца все чуждое и богопротивное, умягчить твердое, открыть заглохшее, оживить обмершее; кратко: соделать душу и сердце способными вообразиться первой добротой, по образу Создавшего.

Даже если бы человек имел в себе столько силы, чтобы приготовить существо свое для отпечатления в нем образа Божия, то это приготовление есть только приступ к делу, а не самое дело. Для отпечатления в себе образа Божия необходима, как мы заметили, печать с сим образом. Но где сия печать? Печати, равнообразной лицу Божию, нет нигде, кроме Самого Сына Божия. Он, и Он один есть отпечатленный образ существа Отчего. Кто же в состоянии действовать ею, (печатью) кроме ее самой?

Правда, что Сын Божий, по беспредельной любви Своей к нам, всегда готов дать Себя нам, дабы мы посредством Его отпечатлевали в себе образ Отца Его и нашего; но кто может действовать Им без Него Самого! Мы и к Нему Самому не можем приблизиться, если не Отец, «пославши Его, привлечет» (Ин. 6:44) нас, а приблизившись, ничего другого не можем сделать более, как предать Ему себя, как вещество, для воссоздания нас по образу Его.

Имея в виду все сие, будем, братие, употреблять со своей стороны все силы на то, чтобы, сколько можно более, очищать себя от всего греховного и богопротивного, чтобы день ото дня преуспевать в добродетели и приближаться в духе к Творцу и Господу нашему. Но перестанем и думать, чтобы мы собственными силами могли достигнуть цели бытия своего; чтобы своими усилиями успели восстановить в себе образ

Божий: это дело всемогущей благодати Божией. Истинный образ Божий всегда нерукотворен. Аминь.

Слово второе в день Нерукотворенного Образа и при начале академического учения

В заключении Евангелия от Иоанна читаем: «Суть же и ина многа, яже сотвори Иисус (Евангелиях); не суть писана в книгах сих; яже еще бы, – продолжает евангелист в изъяснение краткости Евангелия, – еще бы по единому писана быша, ни самому мню (всему) миру вместити пишемых книг» (Ин. 21:25).

Одно из таковых, не описанных в Евангелии, чудесных действий Иисуса Христа служит, братие, основанием настоящего празднества. До Авгаря, Едесского владельца, – как говорит древнее предание, – страдавшего неисцельной болезнью, дошел слух, что в Иудее явился необыкновенный Муж, называемый Иисусом, Который одним словом исцеляет всякие болезни. Движимый желанием здоровья Авгарь немедленно отправляет одного из своих слуг, по имени Анания, сведущего в искусстве живописи, с письмом к великому Чудотворцу, в коем содержалось приглашение прийти в Едессу для подания исцеления ее владельцу и для разделения с ним, в награду за сие, всех выгод царственной жизни. Вместе с тем дано было повеление Анании снять, неведомо от Чудотворца, изображение лица Его. Анания успешно исполнил одну часть своего поручения: вручил письмо своего владельца и получил сам в ответ письмо, в коем было сказано, что Божественному Чудотворцу надлежит оставаться неисходно в Иудее, до дня вознесения Своего на небо, но что после сего события к Авгарю послан будет один из Его апостолов со спасением не только телесным, но и душевным. Но другую часть поручения – снять изображение лица Иисусова – Анания никак не мог исполнить: Божественный образ оставался превыше всех усилий искусства, и художник никак не находил желанного сходства в своем изображении с великим Подлинником. Сердцеведец видел все сие и не восхотел, чтобы труд Анании и усердие его владыки остались без награды. Омыв нарочно в присутствии его лице Свое водою, Он утер его убрусом, – и вдруг на сем убрусе со всей точностью отпечатлелся Его Божественный образ, который

составил драгоценнейший дар для Едесского владельца. По вознесении Спасителя на небо, исполнено было обещание и касательно послания Авгарю апостола. Фаддей, один из семидесяти, достигнув Едессы, преподал ему исцеление от недуга телесного и, вместе с тем, доставил ему и его подданным спасение вечное, окрестив их во имя Господа Иисуса. А Нерукотворенный Образ Спасителя и по кончине Авгаря долго составлял неодолимую стену для Едессы от врагов видимых и невидимых, доколе не приобретен, как драгоценное сокровище, Романом, царем Греческим, и не перенесен в Константинополь в шестнадцатый день месяца августа, – по какому случаю и получило начало нынешнее празднество.

Из сего же празднества – в честь Нерукотворенного Образа Христова, положено быть ежегодно началу нашего учения; и сей же самый образ избран в знак отличия для тех, кои среди образования своего показали особенные успехи в науках духовных!

Сближение вещей может быть ненамеренным у людей, но, конечно, не без намерения у Того, Который не только Сам все сотворил с целью, но без цели не попускает в подобных случаях ничего творить и другим. Настоящее празднество весьма внятно дает нам уразуметь, в чем сущность и главная цель нашего образования: от Кого оно преимущественно зависит и каким путем приобретается.

Не без причины, братие, всякое учение мы привыкли называть образованием, а людей, знакомых с просвещением, – образованными. Что же значит это? Ужели человек есть существо без образа? Какое образование может быть еще нужным тому, кто именуется и является образом Божиим?

Человек был некогда нерукотворенным образом Божиим, и доколе был им, не требовал, «да кто учит» его (1Ин. 2:27); ибо сам образ Божий учил его всему, наставляя его на всякую истину. Но сын персти не удовольствовался образом Божиим, вознебег Его наставлением, открыл слух чуждому совету, принял вместе с тем образ новый, ужасный – образ змия-губителя. «Отверзошася очи» его (Быт. 3:7), чтобы видеть

собственную наготу, но внутреннее око закрылось. Человек начал рождать подобных себе уже не по образу Божию (ибо не мог сообщать другим того, чего сам лишился), а «по виду своему» (Быт. 5:3), по виду Адама перстного, мрачного, безобразного. Но и на сем зло не остановилось: более и более помрачая в себе останки образа Божия, обезображенный человек дошел до того, что, вместо уподобления Творцу, стал прилагаться «скотом несмысленным и уподобляться им» (Пс. 48:13); а наконец и славу нетленного Бога, своего первообраза, начал изменять «в подобие... тленна человека, даже птиц и четвероног и гад» (Рим. 1:23). То есть не только совершенно повредился список, но и утрачен был подлинник, по коему можно было бы, хотя не восстановить список испорченный (ибо для сего требовалась рука первого художника – Бога), по крайней мере видеть, каков он был вначале.

Напрасно «невидимая... Божия твореньми помышляема, была видима... и присносущная сила Его и Божество» (Рим. 1:20): «суетни... человецы естественне... от видимых благ не возмогоша уразумети сущаго, ни делом внемлюще познаша хитреца» (Прем. 13:1). Напрасно и многие мудрецы, подобно Анании, покушались, то с видимой вселенной и красоте ее, то с внутреннего мира духа человеческого, снять изображение Божества и представить его для подражания человеку, который искал своего подлинника; но могли быть восстановлен подлинник по спискам поврежденным? Божественный образ постоянно оставался превыше усилий мудрости человеческой; все рукотворные идеалы Божества неизбежно разрешались в понятие «неведомого Бога» (Деян. 17:23). Наконец весь древний мир пришел сам собою к горестному убеждению, что, дабы видеть Бога – свой первообраз, для сего надобно человеку расстаться с жизнью (Исх. 33:20); и самые первые из мудрецов провозгласили, что Отца природы найти трудно, и если бы кто нашел, то об Нем нельзя беседовать ко всем (Платон). То есть человек так удалился от своего первообраза, что увидел уже в себе невозможность приблизиться к нему собственными силами; осудил сам себя на вечное безобразие!

Но сего-то сознания своея немощи и ожидало Провидение, чтобы открыть во всей полноте, давно начатое Им великое дело восстановления в человеке образа Божия. – «Многочастне и многообразие древле Бог глаголавши для сего во пророцех, впоследствии возглаголал нам в Сыне... Иже сый сияние славы и образ ипостаси Его» (Евр. 1:1–3), – «Себе умалил для нас, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретесе якоже человек» (Флп. 2:7). И чтобы мы узнали в Нем не только свой первообраз, но и путь к восстановлению его в себе, состоявший в смирении и самоумерщвлении, – Он «смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя» (Флп. 2:8), и таким образом «Собою очищение сотворив грехов наших, седе одесную престола величества на высоких» (Евр. 1:3).

Теперь, когда «Слово плоть бысть и вселися в ны, и мы видехом славу Его, славу яко едиnorodного от Отца, исполнь благодати и истины» (Ин. 1:14); когда "живот, нами потерянный и бывший у Отца и явися паки нам» (1Ин. 1:2); теперь, когда вместе с явлением нам нашего Божественного первообраза, поданы и все силы, потребные «для жизни и благочестия» (2Пет. 1:3), или, что то же, к сообразованию себя с Ним, – теперь мы не можем уже говорить: «кто явит нам благая!» (Пс. 4:7). Кто взойдет на небо, чтобы "Христа – первообраз наш – свести» (Рим. 10:6) для подражания нам? Или кто даст силы «снити во ад» (Пс. 138:8), дабы «Христа от мертвых возвести» (Рим. 10:7), чтобы восстановить из глубины падения образ Божий в нас? «Глагол веры близ» (Рим. 10:8) – слушай и поучайся! Христос на земли – возносится! Крыле даны – стремись к вечному Солнцу! Теперь нашему уму нет причин истощаться в бесплодных усилиях – обнять непостижимое, исследовать неисследимое, рассуждать о Боге без Бога, творить для себя, так сказать, своего Творца, – теперь всему человечеству и порознь каждому человеку остается одно – взирать неуклонно на образ Божий, перед нами явившийся, и черта за чертою перенося его – через размышление и деяния в свою душу, самому постепенно преобразоваться – сначала в то

же смирение, кротость, любовь, а потом и в ту же славу, то же величие.

Я говорю, что это долг всего человечества. Так, братие, не должно думать, что мы одни, занимающиеся науками, учимся и приемлем образование. Есть всеобщее училище для всего человечества – это мир Божий и Церковь Божия! Есть уроки, понятные и слышимые на всех языках – это опыты жизни и благодати. Есть всемирные и неумолкающие наставники, которые вразумляют каждого, грядущего в мире – это Промысл Божий и Дух Святой! Ах, что было бы с человечеством, если бы оно предоставлено было только попечениям одних земных наставников!

И образец для всех образуемых один: его нет и не может быть на земле, ибо человек здесь сам выше всего; он на небе, в Боге, в Его Единородном Сыне и Слове. И поскольку человек не мог восходить за Ним на сию высоту, то Он низшел на землю и, низшед, «оставил нам образ, да последуем стопам Его» (1Пет. 2:21). После сего искать других каких-либо образцов для своего образования, значит идти явно против беспредельной любви Божией и против собственного совершенства. Человеку суждено быть образованным, носить образ единого Бога, Который будет в нем только тогда, когда он облечется в образ Христов: ибо у Самого Бога нет другого образа ипостаси Его (Евр. 1:3), кроме Единородного Сына Его.

Ежели же успех всякого истинного человеческого образования зависит от наибольшего сходства образуемых с Образцом всякого совершенства, с воплощенной Премудростью, с Тем, в Ком «обитает телесне вся полнота Божества» (Кол. 2:9), то наше образование, кои предназначены быть наставниками веры и нравов, идти по следам красных ног апостольских, продолжать великое дело воспитания и образования человечества, начатое Самим Иисусом Христом, – наше образование, говорю, должно всецело состоять в уподоблении себя нашему великому первообразу. Как мы будем стараться о том, чтобы воображать Христа в других, если Он не будет воображен в нас? Как будем призывать к покорению помышлений гордого разума человеческого уму Христову, не

имея сами простоты Евангельской? В состоянии ли будем преподавать другим жизнь во Христе, не живя сами Христом? Для нас посему первым и последним успехом, главным предметом всех занятий и всех усилий, должно быть не другое что, как сообразование себя со Христом, Который должен быть для нас все: и «путь и истина и живот» (Ин. 14:6), и «премудрость... и правда... и освящение и избавление» (1Кор. 1:30). Кто успел в сем, тот достиг цели образования, имеет все, что должно, способен к прохождению служения в дому Божию, хотя бы и не обладал множеством земных познаний. А кто не окажет успеха в сем великом деле, тот хотя бы исчерпал все кладенцы мудрости земной, знал все, что на земле, тот потерял время, погубил талант, есть ничто для Царствия Божия (1Кор. 13:2).

Но да не обольщает себя никто праздной надеждой, якобы успех сей зависит единственно от нас самих. Мы можем и должны стараться о сообразовании себя с нашим Божественным Образцом, Господом Иисусом, но не можем сами собою отпечатлеть в себе Его образа. Это дело Его всемогущества и любви. Истинный образ Его как был в человеке невинном, так бывает в человеке оправданном, – всегда нерукотворенным. Цель наших усилий, занятий, наук должна состоять только в том, чтобы представлять Ему наши души, как чистый убрус, способный принять Божественное изображение. А произвести сие изображение может один Дух Божий, Который претворяет грешника из врага Божия в сына любви, по образу Единородного. Очищение духа, души и тела его посему наша всегдашняя обязанность. Нужна и вода для омовения; вместо нее всего лучше могут служить слезы покаяния и любви.

Но хорошо ли я делаю, упоминая о слезах, как необходимой вещи, при самом начале вашего нового поприща? Не охлаждаю ли сим вашего рвения к наукам и не произведу ли уныния? Нет, возлюбленные, не бойтесь сих слез: они приятнее всех радостей мирских. "Сеющие таковыми слезами» (Пс. 125:5) пожинают вечную радость. "Плачущие таким образом блаженны» (Мф. 5:4), ибо носят в самих себе залог вечного утешения. Если образ царя земного составляет высокую

награду, и те, кои удостаиваются носить его, не помнят, за радость, прошедших трудов, опасностей и жертв, то образ Царя Небесного, отпечатленный в душе, чего не вознаградит собою? Какой из счастливых мира не скучал своим состоянием и не желал переменить его на лучшее? А был ли хотя один из тех, в коих сиял образ Христов, который бы пожелал променять свое состояние на самый венец царский?

Итак, «терпением да течем на подлежащий нам подвиг!» (Евр. 12:1). Образ Господа Иисуса да будет всегда пред очами ума нашего, доколе не отпечатлется в самом сердце нашем. Будем очищать ум наш, доколе он не сделается «умом Христовым» (1Кор. 2:16); будем усовершенствовать волю, доколе она не облечется волею Христовою; будем более и более приближаться к Спасителю нашему всей жизнью и всем существом своим, доколе не в состоянии будем с Павлом сказать: живем "не ктому мы, но живет в нас Христос» (Гал. 2:20). Это главная цель, и вместе награда трудов и наших и ваших. К сему стремиться увещеваем теперь, и не престанем увещевать вас всегда, – «благовремение и даже, по выражению апостола, безвременне» (2Тим. 4:2).

Господи, призри с небесе и просвети лице Твое на всех нас рабов Твоих, и Сам научи нас оправданиям Твоим! Ибо, что можем сделать мы все, насаждающие и напояющие, если не послешь благословения и не возрастишь насажденного Ты и благодать Твоя! Аминь.

Слово третье на день Нерукотворенного Образа Христова

«Яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Тя» (Исх. 33:13), говорил некогда ко Господу Моисей. Все предшествовавшие откровения Божий были для него неудовлетворительны; и он желал видеть Бога лицом к лицу, то есть насладиться зрением самого существа Божия. Что же в ответ? «Не бо узрит человек лице Мое, и жив будет» (Исх. 33:20). Я готов, – как бы так ответствовал Господь, – удовлетворить желанию верного раба Моего и явиться пред ним якоже есмь: но человеческая природа твоя не может перенести сего Богоявления: это будет стоить тебе жизни... «не бо узрит человек лице Мое будет». Законодателю синайскому дано, однако же, потом в утешение видеть – не лицо, а задняя Божия (Исх. 33:23), то есть, как бы некий образ и тень существа Божественного: «и виде и возрадовася!» (Ин.8:56).

Моисей в сем случае изображал, братие мои, в себе все человечество, всех нас. Видеть лице Божие, познать самое существо Божественное, до сего желания, рано или поздно, нельзя не дойти тому, кто создан по образу Божию. Но, пребывая на земле, каждый из людей находится в той же невозможности удовлетворить сему желанию, в какой находился Моисей. Бренность земной природы нашей такова, что полное явление пред нею существа Божия истнило бы ее своим величием. «Не бо узрит человек лице Мое и жив будет». Посему для самих избранных, подобно Моисею, остается одно утешение, – сподобиться созерцать хотя задняя Божия, то есть, видеть существо Божественное не Само в Себе, во всей полноте Его совершенств, а поколику может отразиться оно в природе видимой, и в самой душе человеческой, которая есть, хотя и омраченный, образ Божий.

В таком положении, или паче сказать, в таком отчуждении от лицезрения Божия навсегда осталось бы все падшее человечество, если бы любовь Божия, взыскующая и не ищущих ее, тем паче не пренебрегающая вождеlevающих лица ее, не

нашла в бездне премудрости Своей, средства явить Себя не только пред очами тех, кои, подобно Моисею, успели отрясти тину очесе умного, но и для самых недостойных.

«И Слово плоть бысть и вселися в ны, и видехом славу Его, славу яко Единородного от Отца, исполн благодати и истины» (Ин. 1:14). После сего нельзя уже сказать: «покажи нам Отца» (Ин. 14:8), как говорил один из апостолов; ибо всегда будет на сей вопрос тот же ответ, который сделан ему: «видевый Мене виде Отца: и како ты глаголеши: покажи нам Отца; не веруеши ли, яко Аз во Отце, и Отец во Мне есть!» (Ин. 14:9–10). Действительно, в Спасителе нашем, как поучает апостол Павел, обитает «вся полнота Божества телесне» (Кол. 2:9). В лице Его посему самыми даже простыми очами можно было видеть Бога, как Он невидим нигде.

Но Богочеловек имел оставаться на земле между людьми непродолжительное время, а потом должен был вознестись на небо и там пребыть до последнего Второго пришествия Его на землю. Чтобы в сей промежуток времени не оставались мы без утешения видеть образ Его, се, Он ныне отпечатлевает Божественный лик Свой на убрусе и препосылает его не столько в Едес к Авгарю, сколько через него всему роду человеческому, да видит каждый из нас лице Того, Иже есть сияние славы и «образ ипостаси» Отчей (Евр. 1:3). Вот до чего простерлось самооткровение для нас существа Божия! Мы можем теперь вместе с Иоанном говорить: «еже видехом очима нашими, еже узрехом, и руки наша осязаша, о словеси животнем: и живот явися, и видехом и свидетельствуем... бе у Отца и явися нам» (1Ин. 1:1–2).

Толь великое снисхождение к нам не без великой цели для нас. Если Господь являет нам образ Свой, то не для того, чтобы удовлетворить любопытству и дать нам, так сказать, предмет для развлечения наших чувств. Нет, Он является нам потому, что мы сами все есмы образ Его, хотя сей образ в нас помрачен и изглажен; является со Своим нерукотворенным ликом для того, дабы, имея пред собою высочайший подлинник, мы улучили через то возможность восстановить сей образ в нас самих. Се цель всех Богоявлений небесных! Се цель и

нынешнего чудесе! Со стороны Господа убо сделано все, дабы мы не оставались более без восстановления в нас истинного образа Божия; остается нам употребить все усилия и средства к тому же. Без сего образ Спасителя нашего, находящийся теперь выну пред очами нашими, вместо пользы обратится нам в обличение и укоризну.

Познаем же, братие, дух и цель события, ныне празднуемого. Нерукотворенный Образ, как мы сказали, послан не к одному Авгарю, а к каждому из нас; послан не для того, чтоб мы только украшали его серебром и златом, а чтобы сами украсили им души и сердца наши; не с тем, чтобы ему оставаться на холодном убрусе, а чтобы перейти на все существо наше и преобразить его по виду Своему. Прежде мы говорили ко Господу: «яви нам лице Твое, да разумно видим Тя». Теперь Господь возглаголет к нам: явите Мне лицо ваше, да и Аз разумно вижду вас. Не при самом ли еще сотворении вас почтены и возвеличены вы от Мене образом Моим? Не пользуетесь ли доселе многими преимуществами, с ним соединенными, господствуя над всею землею и ее обитателями? Но когда Я взираю на вас, то не нахожу в вас сего образа. Вместо света и истины вижу тьму и ложь; вместо чистоты и правды обретаю похоть и лукавство; вместо любви и мира являются предо Мною ненависть, злоба и вражда; вместо жизни и бессмертия нахожу гроб и тление. Я не создал вас таковыми: это не Мой образ! Это черты врага Моего и вашего! И кто виною сего бедствия и унижения вашего? Вы сами, – вы предались отцу лжи и захотели творить вместо воли Моей его похоти; вы отвратили лицо и сердце свое от Бога жива и потекли во след истуканов мертвых; вы, творя непрестанно грех и уязвляемые смертоносным жалом его, подпали смерти и тлению. За все сие Я мог бы навсегда отказаться от вас, яко недостойных, и предоставить вас в жертву собственным страстям вашим; сего требовала самая правда и святость существа Моего. Но Мне жаль Моего образа: любовь Моя не могла снести вашей гибели. Чтобы дать вам возможность «вообразиться первою добротою», се пред вами Сын Мой, образ ипостаси Моей, Тот Самый, к Кому Я вещал: «сотворим

человека по образу Нашему!» (Быт. 1:26). Взирая на Него, каждый может узнать, чем он был, и чем быть должен. Последуя Его примеру и повелению, каждый обретет все средства к восстановлению в себе прежнего богоподобия. Явите убо теперь Мне лицо ваше, «да разумно вижду вас», да вижду такими, какими вам быть должно: явите в уме вашем истину, в воле святость, в сердце чистоту, во всех действиях правду и верность. Тогда только Я увижу в вас истинных детей Своих, создания разумные, а не подобные бессловесным, наследников Моего вечного Царствия, а не клеветов врага Моего. Увижду и возрадуюсь: ибо для Меня нет большей радости на земле вашей, как видеть вас подобными Себе. Аминь.

Слово на день празднества в честь иконы Всемиловитого Спаса

«И будет егда возглаголют вам сынове ваши: что есть служение сие; и рцыте им: жертва пасха спя Господу, Иже покры дома сынов Израилевых во Египте, егда поби Египтяны, дома же наша избави» (Исх. 12:26–27)

Издалека привожу вам слова сии, но привожу потому, что они весьма близко идут к настоящему дню и месту. Сказаны они Моисеем, и содержат, как видите, заповедь касательно праздника Пасхи. Учредив его в память чудесного избавления первенцев Израильских во Египте от смертоносного Ангела, поразившего первенцев Египетских, Моисей предвидел, что для новых, грядущих поколений подробности давно прошедшего благодеяния Божия соделаются не так известными, и самые обряды праздника не так вразумительными. Посему и предписывает в приведенных словах, чтобы во время праздника Пасхи, совершавшегося по домам, каждый отец семейства делался его истолкователем и, так сказать, проповедником для своих домочадцев, дабы таким образом все, от велика до мала, знали, за что именно, кому и для чего празднуют. «И будет егда возглаголют вам сынове ваши: что есть служение сие; и рцыте им: жертва пасха сия Господу, Иже покры дома сынов Израилевых во Египте, егда поби Египтяны, дома же наша избави» (Исх. 12:26–27).

Как ни велико расстояние мест и времен, но наше празднество настоящее видимо походит на древнее празднество Израильское. Ибо и мы празднуем ныне в память освобождения некогда града и страны нашей от смертоносного Ангела, их поражавшего. Продолжительность времени, с тех пор протекшего, легко может привести в забвение у новых поколений не только подробности, самую сущность благодеяния Божия, оказанного предкам нашим. поскольку же прилежная память о сем крепко нужна для всех потомков, то и мы почли долгом повторить в слух ваш заповедь Моисееву, с прошением исполнять ее, как можно прилежнее.

Итак, отцы и матери, если во время настоящего праздника дети ваши спросят вас, что значит служение сие? Приимите труд сказать им, что это благодарственная жертва Господу за то, что Он покрыл некогда милосердием Своим град и страну нашу от смертоносной язвы, в них свирепствовавшей. А если бы и не было со стороны детей подобного вопроса, то начинет сами беседу о сем и спросите их: знают ли они, почему ныне весь город наш празднует так светло?

Как бы хорошо было, если бы даже вошло в постоянное обыкновение семейное подобной беседе посвящать трапезу настоящего дня! Таким образом трапеза сия приняла бы характер священной; благодеяния Божии не приходили бы в забвение, и, живя в памяти новых поколений, располагали бы их к принятию новых благодеяний Божиих; самые празднества по случаю сих благодеяний перестали бы походить на те из надгробных памятников, кои, потеряв бывшую на них надпись, не могут указывать, над кем они воздвигнуты.

А чтобы облегчить для всех вас святое дело, мною вам предлагаемое, и через оживление памяти о благодеянии Божиим усилить во всех и каждом чувство благодарности и духовную радость настоящего дня, мы соберем из летописи сказания о самом событии и предложим вашему вниманию.

За два почти века перед тем, в царствование благочестивейшего царя Алексея Михайловича, Отечество наше посещено было одним из тех ужасных бичей, кои праведное небо в гневе своем посылает иногда на землю для пробуждения от сна греховного целых стран и народов. Явилась язва. Как все подобные бичи, она пришла с востока, двигалась медленно; но там, где прошла, долго некому было умирать. Град наш, защищаемый самою отдаленностью, был одной из последних жертв, но язва показала над ним, что для нее все равно: первая или последняя жертва. Никакая крепость сил и возраста не защищала; никакая предосторожность не помогала; никакое искусство не спасало. К смертности присовокупилась ужасная внезапность: шел ли кто, стоял ли, сидел ли – вдруг падал и умирал в муках. Страх смерти разорвал, наконец, все самые крепкие и нежные узы, подавил все прочие чувства: дети

убегали от отца, мать бросала зараженного младенца; дома и стогны (улицы, площади) наполнены были мертвецами непогребенными.

В таком ужасном положении протекло четыредесять дней. Вдруг, как молния из тучи, блеснула по граду светлая мысль: воздвигнуть для отражения язвы одним днем храм Богу Спасителю. Летописи не сказывают, в чьем уме или сердце родилась сия мысль святая, но самое последствие показало, что она пришла свыше. Все ялись за сию мысль, как утопающие за вервь с берега. Святой подвиг немедленно соображен во всех подробностях; взвешены средства и препятствия; назначены трудящиеся и распорядители труда; настоящий день избран к совершению дела великого.

И вот, с наступлением ночи открывается умилительное зрелище! Вместо того, чтобы предаться сну и покою, целый город приходит в движение; все, еще живущее, стремится к одному месту. Одни спешат трудиться, другие быть, по крайней мере, свидетелями труда; более крепкие несут на раменах своих то, что должно составить крепость здания и лечь в основание; слабейшие и малолетние то, что необходимо для его украшения; у каждого – великого и малого – в руках знак усердия Богу Спасителю. И вот весь град, при озарении светильников, собран на месте, где теперь стоим мы. Все готово; ожидается только наступление минуты священной... Наконец, бьет полночь, одновременно раздается первый звук жиждущих. Здание растет столь быстро, как бы само выходит готовое из земли; первые лучи восходящего солнца уже освещают собою храм Богу Спасителю, а перед последними лучами солнца заходящего уже совершена в нем бескровная жертва за спасение живых и упокоение умерших.

Такой подвиг веры и любви не мог остаться без действия и ответа с неба. Ужасная язва с самого сего дня потеряла силу и вскоре совершенно исчезла, оставив по себе одну память – гнева и милости Божией!

Не давайте же, возлюбленные, ослабевать и исчезать сей святой памяти! Да не престают сыны сынов ваших знать, что десница Божия была некогда видимо простерта над градом сим,

грозная и милующая, карающая и спасающая, – и да научатся ходить в страхе Божиим, по стопам благочестивых предков. Ах, если бы сохранялась живо память древней казни небесной, то она сохранила бы нас от дальнейшего раствления нравов, и мы не были бы подвергнуты новому бичу небесному, который в недавние времена прошел по стране нашей с древним опустошением и ужасами. Ибо для чего посылаются язвы от Господа? Ужели для того только, чтобы убивать и истреблять? Нет, они посылаются для того, чтобы пробуждать, вразумлять и спасать страхом тех, кои невнимательны к гласам кротким. Почему посетила нас и последняя ужасная язва? Без сомнения, потому, что мы забыли прежние наказания, возомнили, что можем жить и грешить ненаказанно. Воспользуемся же самым наказанием нашим, и живою памятью о том, что было, предохраним себя от того, что, в случае духовного нечувствия нашего, опять быть может.

А между тем, заботясь о сохранении временной жизни от всякого рода язв телесных, не забудем, что есть ужасные язвы духовные, от коих гибнут тысячи душ и сердец. Язвам сего рода как будто суждено проходить с противной стороны – от запада. Одна из них особенно свирепствует в наши времена и похищает у Церкви Божией множество чад. Вы знаете, в чем состоит она? Человек, ею пораженный, остается, по видимому, тот же, но теряет веру и совесть, перестает быть чувствительным к слову Божию и Таинствам, оставляет упование жизни вечной и ставит себя произвольно в ряд тварей гибнущих. О, блюдите, братие, души и сердца ваши от сей ужасной язвы; храните, «всецем хранением» (Притч. 4:23) храните от нее детей и домочадцев ваших; и когда будете притекать с молением к сей иконе Бога Спасителя, первее всего молитесь и просите, да покроет Он благодатью Своею дома ваши от сего душетленного недуга. Аминь.

Часть 2

Слово первое в неделю Ваий, на всенощном бдении

Итак, воскресение мертвеца четырехдневного не осталось без действия – дочь Сионова пробудилась! И смотрите, с каким торжеством сретается Тот, Кто доселе не имел, где главы поклонить! Сретается так, как никогда не сретали ни Давида, ни Соломона. Взирая на знаки усердия, Ему теперь оказываемые, вероятно, не один добрый Израилътянин благодарил в душе своей Бога, и думал, что колебание умов и совестей, произведенное во всей Иудее учением и чудесами великого Пророка Галилейского, кончилось наконец, что отныне Он, признанный от всех за давно ожидаемого Мессию и Спасителя, вступит во все права Свои над народом Иудейским и начнет в мире и тишине совершать дело спасения дочери Сионовой.

И однако же, братие мои, все это сретение и вся эта торжественность и усердие были только минутным зрелищем. Пройдет несколько дней, – и тот же народ, который теперь, не помня себя от радости, восклицает: «осанна Сыну Давидову» (Мф. 21:9), – он же, не меньшей толпой, окружит преторию Пилата, и будет преизлиха вопиять: «возьми, возьми, распни Его!» (Ин. 19:15)

Судя по сему, можно бы даже подумать, что знаки радости и усердия, в таком обилии ныне расточаемые при сретении грядущего в Иерусалим Господа, были следствием не истинного чувства, а плодом лицемерия и желанием усыпить свою жертву, дабы тем вернее привести ее на место заклания.

Между тем, Иерусалим радуется ныне действительно от всей души; лицемерие кроется только в сердце некоторых, неисправимых и бесчувственных фарисеев.

Откуда же имеющая вскоре последовать необыкновенная превратность мыслей и чувств, умов и сердец? От пагубного легкомыслия, – от того, что дочь Сионова, как заметил Сам Спаситель, не уразумела «времени посещения» (Лк. 19:44) своего, не приняла труда подумать, что требуется от нее, дабы святая радость, ныне ею овладевшая, осталась за нею

навсегда. Как пришли в восторг случайно, увлекшись видимостью, так, случайно же, придут в ярость ожесточения, положившись на то, что внушит злоба и клевета.

Много можно было бы сказать против сего преступного легкомыслия Иудейского, но к чему послужили бы для нас в этом случае подобные обвинения? Дщерь Сионова уже суждена и осуждена Тем, Кто избрал ее некогда из всех дочерей человеческих. Довольно посмотреть на каждого из потомков древнего Израиля, чтобы с ужасом признать на нем печать гнева Божия.

Вместо осуждения Иерусалимлян гораздо полезнее обратиться к себе самим и посмотреть, не происходит ли и с нами подобного? Наше ежегодное, во время Великого поста, говение, наше покаяние и исповедь, наше причащение Святых Тайн, что все это, как не торжественное сретение Господа и Спасителя, грядущего к душе нашей подобно тому, как шел Он ныне в Иерусалим погибающий? Кто из нас не является притом, якоже един от усердных Иерусалимлян? Как они вопияли: «Осанна Сыну Давидову!», – так и каждый из нас говорит: «Верую, Господи, и исповедаю!»¹⁶ Каждый именует себя первым из грешников; каждый клянется не давать лобызания якоже Иуда; каждый не ризы только свои, но и самого себя повергает на землю пред чашею Завета. Можно ли, казалось бы, усомниться в искренности и твердости таковых чувств и обещаний? – И Господь каждый раз полагается на слова наши, верит нашим устам и сердцу, – и предает нам Тело и Кровь Свою!

Но что выходит из всего этого? Долго ли остаемся мы верны обетам нашим? Проходит несколько дней, – и мы те же, что были прежде: опять прежние грехи, прежние страсти, то же нерадение о своей душе и совести, та же жестокость к ближним, та же безумная приверженность к утехам чувственным.

Судя по сему, и о нас надлежало бы подумать, что мы каемся, исповедуемся, причащаемся не от расположения сердечного, а лицемерно. Но в нас не бывает сего. Мы воистину хотели бы своего спасения; и каждый раз, приступая к исповеди и причащению, надеемся сделаться лучшими. Что же мешает

тому? Помилование принято, благодать освящения преподана, на душе и совести легче и светлее; откуда же опять возникает зло и нечистота? Кто паки повергает нас в бездну греха и погибели? Наше легкомыслие...

Мы не принимаем труда упрочить святое дело покаяния, не берем мер против прежних наклонностей греховных, удовлетворяясь несколькими днями говения, останавливаемся на одной наружности Таинства, – и доброе, в нас начавшееся, не поддержанное, не питаемое, подавляемое, – слабеет, вянет, исчезает.

И сколько раз в жизни повторяется над нами это злополучное приключение! Израильтяне раз только, в день Входа Господа в Иерусалим, оказались пред Ним столь легкомысленными и клятвопреступными; мы делаем то же самое каждый год; и многие, вероятно, будут делать то же до конца жизни своей... Увы, может ли быть что-либо злополучнее?

Обратим же, братие мои, обратим внимание на столь бедственное состояние души нашей. Вот, и еще оканчивается один из Великих постов.

Да не будет и он, подобно прежним, повторением наших неверностей пред Господом!

Да соделается он постом истинно Великим для нас тем, что мы, в продолжение его, оставили навсегда путь греха и погибели и начали жизнь чистую и святую! Аминь.

Слово второе в неделю Ваий

Днесь благодать Святаго Духа нас собра, и вси взявше Крест Твой, глаголем: «благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!» (Мф. 21:9) (Так воспевают ныне Святая Церковь)

Но кто же из нас брал крест? Мы все брали ваий, а креста никто не брал, кроме разве священнодействующих. И однако же, братие, Церковь не смотрит на наши ваий, а говорит о кресте; оставляет видимое и обращается к невидимому!

Так и должно быть при настоящем празднестве; иначе нас далеко превзойдут древние Иудеи. У них, по видимости, было гораздо более, нежели теперь у нас, ибо ваий у них были от фиников и пальм, с коими наши бедные ветви никак не могут идти в сравнение; притом некоторые из Иудеев постилали на пути Христовом самые ризы свои, чего у нас никто никогда не делал. Чем же после сего нам превзойти Иудеев, если не будет у нас невидимого? У них все было, недоставало одного креста; старейшины их только еще делали в это время крест, но и, сделав его, возложили потом не на себя, а на Иисуса. Таким образом, крест весь остался на долю христиан. И вот почему Церковь с такой радостью приглашает всех к принятию его: «вси взявше крест» ¹⁷, – забытый и отверженный Иудеями!

Но, братие, Церковь всегда по праву может так возглашать о кресте, ибо она и основана на кресте, и возрастает под крестом, и крестом побеждает и венчается. Но, по праву ли возглашаем таким образом с Церковью мы? Ах, если бы действительно все мы взяли крест Христов, то мир давно бы соделался раем, и с лица земли исчезли бы бедствия, от коих так тяжко страдаем все мы! Правда, в Крещении все мы принимаем Крест Христов, но у многих это крестоношение продолжается не далее того, пока они придут в возраст, и начнут понимать себя и действовать!

У некоторых едва ли не первое действие, так называемого, совершеннолетнего разума состоит в том, что они навсегда слагают с себя крест, возложенный при Крещении: начинают

поступать и действовать, как бы на них не было никогда никакого креста! Все мы являемся с крестом в руках и во гробе, но вы сами знаете, братие, каково это явление! Многие ли из лежащих во гробе со крестом берут крест сей сами? Большой части он влагается в руки уже во гробе, без их согласия, может быть, даже против их воли!.. Есть люди, кои в продолжение жизни вызываются на особенное несение Креста Христова, и в знамение того, а равно и в укрепление своих обетов, приемлют его торжественно из рук Церкви. Но много ли и из сих Симонов Киринейских, задевших (на плечи возложивших) «понести крест» (Мф. 27:32), доносят его до места лобного, до своей кончины? Увы, некоторые, не успев сойти с Синая высоких обетов, уже повергают взятый крест и разбивают его, как Моисей скрижали, только не по святой ревности Моисеевой, а по гласу и требованию страстей и обаяний мирских! Таким образом, не знаю, братие, многие ли из нас могут по праву воспевать с Церковью: «вземше крест глаголем»? Глаголовать и воспевать можем все, а взять крест на самом деле, тем паче, взять и держать всегда, взять и нести постоянно, – о, коль немногие, немногие!

Что же делать? Переменить песнь Церкви? Поставить вместо креста ваий? Но, если бы мы вознебрегли крестом, то Церковь не расстанется с ним. Без креста Церковь – не Церковь, равно как и христианин – не христианин. Лучше, братие, воздвигнемся и мы от расслабления духовного и поревнуем идти, куда ведет, – взять то, что дает Церковь.

В самом деле, если когда христианину крест необходим, то в настоящие дни. Царедворец облачается во все знамения служения своего, когда ему нужно предстать лицу цареву; воин прилежно осматривает все оружие свое, когда ему предстоит смотр воинский от его полководца; ученик повторяет все уроки и упражняет себя во всех опытах науки, когда готовится к испытанию. Скоро, братие, и мы должны будем предстать своему Царю; как предстанем, если не будет на нас знамения царского служения – Креста? Скоро и нам – духовным воинам, произведен будет духовный смотр на Голгофе; как явиться пред лице Вождя, без главного оружия – Креста? Скоро откроется у

подножия гроба Христова испытание и нашей веры и любви; можно ли ожидать успеха, если в руках наших не будет единственного орудия небесной мудрости – Креста? И пусть бы наш Царь принимал нас на Голгофе с престола; а то Он будет принимать – с Креста! Пусть бы наш Военачальник восседал на трофеях; а то Он восседает – на Кресте! Пусть бы наш Учитель преподавал Свою мудрость с какой-либо великолепной кафедры; а то Он преподает ее – со Креста! Как же после сего к такому Царю, такому Вождю, такому Наставнику явиться – без Креста? Посему-то Церковь заранее ныне напоминает всем нам о кресте, советует взять его заблаговременно, дабы в продолжение наступающих дней научиться, хотя сколько-нибудь, им действовать. Ибо, по непривычке иметь крест в руках и нести его, – легко может случиться, что у некоторых он, и взятый, выпадет из рук, как выпадает оружие у воина неопытного.

Итак, надобно взять крест, взять заранее и всем, то есть, братие, что сделать? Во-первых, отвергнуть мудрования ума и пленить его в послушание веры; пусть научится мудрствовать не «по стихиям мира, а... по Христе» (Кол. 2:8) – это будет крест для ума, по падении естественно взимающегося «на разум Божий» (2Кор. 10:5). Должно отрешиться своей воли и заключить ее в воле Божией и в законе Господни, начать искать не своей славы, или богатства, или удовольствия, а славы Божией, спасения своего и ближнего: это будет крест для самолюбивой нашей воли, которая стремится соделать себя средоточием всего. Должно приучить сердце свое к тому, чтобы оно умело ощущать горечь мирских радостей и сладость лишения христианского, умело радоваться в страдании, почитать приобретением лишения – это составит крест для греховного сердца, которое теперь не может без содрогания и слышать о скорбях и кресте. Должно, наконец, все существо свое наклонить, сколько возможно, под крест и расположить всю земную жизнь свою так, чтобы она служила к совлечению ветхого человека, к умерщвлению страстей, к обузданию гордости и сластей житейских.

Когда мы, братие, сделаем все это или, по крайней мере, начнем делать, тогда не напрасно будем воспевать: «всеи взявше крест»; а до того времени, как хотите, песнь сия – не наша, и служит нам в обличение! Аминь.

Слово третье в неделю Ваий

«И яко приближися, видеv град, плакася о нем» (Лк. 19:41)

На три случая указывается нам в Евангелии, когда плакал Господь наш: плакал Он вчера, при гробе друга Своего Лазаря; будет плакать в саду Гефсиманском, во время молитвы к Отцу, да мимо идет чаша страданий (Лк.22:41–42); и плачет ныне – при взгляде на Иерусалим погибающий. Слезы Гефсиманские так высоки и таинственны, что о них дерзновенно было бы беседовать ко всем; и слезы Вифанские не без таинства, ибо, для чего, по-видимому, плакать у гроба того, кто в эту же минуту имел быть вызван из гроба? Слезы нынешние Иерусалимские – просты ясны: Господь плачет о Иерусалиме, потому что Иерусалим не понимает времени своего посещения, не плачет сам о грехах своих.

Итак, это наши слезы, возлюбленный слушатель; ибо они пролиты Господом, без сомнения, не об одном Иерусалиме, а и о нас с тобою, грешниках сущих! Это слезы о тебе, непослушный сын Церкви, который, свергнув святое иго веры, возложенное на тебя еще благочестивыми родителями, предался вольнодумству и глумлению над предметами священными! Это слезы о тебе, жестокий властелин, который, забыв общую всем нам природу и общее всем нам упование жизни вечной, томишь подручных своих, как бы они созданы были не для славы Божией и не для их вечного спасения, а для тяжелой работы на удовлетворение твоим прихотям! Это слезы о тебе, бесчувственный богач, который поработил душу свою бездушному металлу, погреб сердце и все святые чувства его в неправедных счетах и расчетах! Это слезы о тебе, недостойный пастырь Церкви, который вместо того, чтобы быть устами Божиими для народа, предстателем пред Богом о людских невежествах, стоишь между алтарем и собранием верных, яко стена повапленна (покрашена), на ней же написана не милость Божия, а твой собственный суд и осуждение! Господь плачет и доселе о каждом грешнике. Ибо как не плакать, когда он идет видимо в бездну, из коей нет возврата, и, имея в руках своих

жизнь вечную, безумно меняет ее на суету и тление? Как не плакать о грешнике, когда столько средств, употребленных для примирения его с Богом, для возвращения ему прав на рай потерянный, к стяжанию для него Царствия Небесного, остаются туне и без плода? «И яко приближися, видев град, плакася о нем» (Лк. 19:41) .

Не помогли слезы Господа Иерусалиму! Не уразумел он тайны благодатного входа в него и слез, над ним пролианных, и за то предан доселе на поправление языком! Не помогут слезы Господа и нам с тобою, возлюбленный слушатель, если мы, подобно Иерусалимлянам, останемся бесчувственны во грехах наших. Для того, чтобы сими безценными слезами омыты были грехи наши, надобно, чтобы к ним примешались собственные наши слезы о грехах наших, чтобы печаль, исполнявшая сердце Господа, перешла в нашу душу, и изгнала из нее все нечистые и зловердные радости греховные. Посему не удивляйтесь, если мы, вместо веселия, пригласим вас к слезам. Пусть пророк восклицает: «радуйся..., дщи Сионя!» (Зах. 9:9) – Этот глас к душам чистым; они могут и должны, по апостолу, радоваться не ныне только, а и всегда (Флп. 4:4). А нам должно более плакать, нежели радоваться, ибо мы доселе во грехах и нераскаянии; грешникам же несть радоваться, – глаголет Сам Господь.

Сия святая печаль по Бозе не помешает, впрочем, и радости истинной, которая у грешника, каковы мы, и может произрасти только из слез. В самом деле, посмотрите, как будет радостен для нас праздник Воскресения Господня, если мы наступающую неделю проведем в слезах покаяния! Он так будет светел, как никогда не был доселе, чего да сподобит нас всех Господь Своею всемошною благодатью! Аминь.

Слово четвертое в неделю Ваий

«И яко приближися, виде град, плакася о нем» (Лк. 19:41)

О каком это граде в такой радостный день плачет возлюбленный Спаситель наш? О Тире, Сидоне, Египте, Вавилоне? То есть о каком-либо из градов, не ведавших Бога истинного, и потому гибнувших в бездне разврата и нечестия? Нет, Воскреситель Лазаря плачет над тем градом, который из всех градов земных избран Самим Богом в особенное жилище Себе, к которому послано было столько пророков, где возвышался единственный в целом мире храм Бога Живаго, – плачет о том граде, среди коего имела теперь совершиться на Голгофе тайна всемирного искупления, дабы потом из него же быть провозглашенною в слух и спасение всего мира!..

И в какой день льются над Иерусалимом сии горькие слезы из очей Господа? В тот день, когда едва не весь град исходит во сретение Ему; когда постилают по пути пред Ним не только ветви, но и «ризы своя» (Лк. 19:36) ; когда торжественно провозглашают Его Сыном Давидовым, от души и сердца поют Ему осанна в вышних и приемлют Его так, как никогда не принимали ни единого из владык своих!

Что убо извлекает из очей Господа в такой день слезы о Иерусалиме? Неразумие и нераскаянность его жителей. Настоящий день был для них днем особенного посещения Божия, днем решительного испытания на жизнь или смерть; а они, в ослеплении ума и сердца, помраченного страстями, не видят всей важности сего посещения; несмотря на внешние знаки усердия к Сыну Марии, являются неспособными к принятию от Него Царствия Небесного, которое Он, вместе с Собою, свел на землю; совершенно близки к тому, чтобы решительно отвергнуть Его и в Нем – свое спасение. «И яко приближися, виде град, плакася о нем», и рече: «аще бы разумел... еси» время «посещения твоего!» Обаче сокрыся «от очию твоею!» (Лк. 19:41–42, 44). Вот что исторгает у Господа слезы, и превращает для Него день всеобщей радости в день скорби и сетования.

Чтобы еще более уразуметь силу сих слез Спасителя над Иерусалимом, припомним, что Ему оставалось пробыть на земле токмо несколько дней, и что, несмотря на трехлетнее странствие Его по земле Иудейской, на неоднократное посещение Иерусалима, на множество бесед, в нем произнесенных, на множество чудес, там совершенных, Иерусалим еще доселе ни разу не обнаружил решительно мнения своего о Нем. Настоящий вход в Иерусалим, сообразно пророчеству, долженствовал служить для сей цели; ныне должно было решиться – будет ли новый пророк и Учитель принят за то, чем Он был действительно, то есть за обетованного Мессию и Сына Божия, или будет не признан и отвергнут. Следствия того и другого были неисчислимы для Иерусалима и всего народа Иудейского. Мессия, принятый с верою и любовью, имел облагодетельствовать сей народ во времени и в вечности; Мессия, отвергнутый, вел за собою отвержение для него во времени и в вечности. Чтобы предохранить Иерусалим от сего несчастья, для сего в настоящий день, яко день последнего и решительного опыта, сделано было все, что можно. К довершению прежних чудес, сотворено новое, величайшее чудо – вызван из гроба четверодневный мертвец. При самом входе в Иерусалим, не забыто даже и то обстоятельство, что обетованному Мессии, сообразно предречению пророка, надлежало явиться перед Иерусалимом, между прочим, в виде кроткого Царя, сидящего на жребяти осли.

И дочь Сионя, по-видимому, возбудилась от своего нечувствия: толпы народа, одна другой многочисленнее, текут на встречу Воскресителя Лазарева; клики, одни других громче, несутся со всех сторон в честь Его. Но все это только следствие минутного, невольного восторга; под всеми этими знаками скоропреходящего усердия скрывается привычная холодность душ и сердец. Толпы рассеются так же скоро, как образовались; клики замолкнут, – и Сын Давидов останется паки с одними учениками Своими! – Мало сего: из сих же людей, кои оказывают теперь столько знаков усердия к Иисусу, не один

явится через несколько дней у претории Пилата с диким воплем: «распни, распни Его!» (Лк. 23:21)

Спаситель провидит все это; пред Ним совершенно открыто как тайное неверие и жестокосердие Иудеев, так и его ужасные последствия для сего народа, – и любвеобильное сердце Его исполняется скорбью до того, что самая всеобщая радость вокруг Его не может остановить слез Его: и, «видев град, плакался о нем» (Лк. 19:41) , и рече: «аще бы разумел... еси» (Лк. 19:42) время «посещения твоего!» (Лк. 19:44) Если бы ты понял и разумел, что значит и как важен для тебя день настоящий, – что теперь, то есть единожды и навсегда, должна решиться судьба твоя! Обаче сокрыся от очию твою; но ты смежил очи, чтобы не видеть чудес и знамений, для тебя в таком числе совершенных; закрыл слух, чтобы не слышать истины, столько раз тебе возвещенной; и должен будешь посему пожать горькие плоды твоего ослепления и упорства: «яко приидут дние на тя, и обложат врази твои острог о тебе, и обыдут тя, и обимут тя отвсюду, и разбьют тя и чада твоя в тебе, и не оставят камень на камени в тебе: понеже не разумел еси време посещения твоего» (Лк. 19:43–44).

Что было, братие мои, в нынешний день с Иерусалимом, подобное тому бывает и со всяким из нас. Каждая душа должна для спасения своего принять внутрь себя Спасителя человеков, должна усвоиться Ему верою и любовью в удел вечный, соединиться с Ним в духе и блаженствовать, или, отвергнув Его, подобно Иерусалиму, остаться в состоянии греха и отчуждении от жизни вечной. Для того, чтобы душа грешная познала Спасителя своего, обратилась к Нему с верою и предалась Ему всецело, для сего Промысл Божий постоянно употребляет множество средств, равно действующих на всех и каждого. Но кроме сего, бывают в жизни человека, как теперь с Иерусалимом, дни особенных посещений Божиих, когда зов к покаянию становится громче и прямо звучит в уши грешника; когда благодать спасения предстает ему, так сказать, лицом к лицу, и как бы говорит: одно из двух, или покаяние и милость, или нераскаяние и гибель! В это время посещения свыше душа грешная сама, подобно как ныне жители Иерусалима,

чувствует важность происходящего с нею, и с радостью исходит во сретение грядущему Господу, то есть начинает изъявлять желание познать путь истины, воспламеняется чувством добра, доходит даже, по-видимому, до святого восторга, в коем готова бывает не только резать ветви, но и постилать ризы своя, то есть, отказаться от того, что есть самого близкого и драгоценного. Благо той душе, которая, взыскав таким образом Господа, или паче будучи взыскана Им, не ограничивает своего обращения к Нему одним внешним и скоропреходящим выражением любви и усердия, чтобы совершить, например, какое-либо дело внешней набожности, или помочь в чем-либо ближнему, а предавшись Ему, яко вечному Царю и Господу, начинает все прочее время жизни ходить по стопам Его, и исполнять святую волю Его! Господь приемлет таковую душу под Свой покров и в особенное содружество с Собою, соделывается для нее наставником и пастырем, питателем и хранителем, врачом и утешителем, и не оставляет ее ни в каком случае, доколе, очистив, укрепив, освятив и усовершенствовав, не введет ее в светлый чертог Свой. Но горе душе, которая, подобно Иерусалиму, не уразумев дня посещения своего, удовлетворяется одной внешностью обращения ко Господу, ее взыскующему, и не показывает достойных плодов обращения! Следствием сего непостоянства и сей неверности бывает потом еще больший мрак в уме, тягчайшее ожесточение в сердце, глубочайшее ниспадение в чувственность, совершенное забвение Бога и совести, с конечным оскудением благодати Божией, без коей человек есть сын гнева и погибели.

Какие это дни посещения? Когда и как они бывают? Трудно дать на все сие ответы, совершенно определенные, ибо, во-первых, каждый человек ведется от Промысла Божия по своему пути; с другой стороны, у благодати Божией все может служить средством к возбуждению нас от сна греховного. Довольно посему приметить, что душа в это время посещения сама чувствует необыкновенность своего положения, видит себя между небом и адом, как бы на середине, слышит глас, повелевающий оставить путь беззакония; и готова бывает на все, чего требует вера и совесть.

Если бы, впрочем, необходимо было в руководство кому-либо сделать несколько указаний частных, то мы, не обинуясь, можем сказать, что к числу таковых дней посещения Божия грешнику принадлежит, во-первых, день исповеди и Причащения Святых Тайн. В исповеди мы каждый раз предстаем, еще до смерти нашей, на суд Самого Бога и слышим из уст служителя алтаря такой приговор, коим решается наша судьба и коего сила признается и утверждается на небе. Какой посему важный и священный час для нас есть час нашей исповеди! А в Таинстве Причащения каждый раз является пред нас, под видом хлеба и вина, Само Ипостасное Слово, входит внутрь нас и соединяется с нами для нашего освящения. Можно ли иметь больший знак благодати и близости к нам Спасителя и, следовательно, можно ли желать лучшей минуты для перемены своей жизни?

К дням особенного посещения Божия должно отнести тяжкие болезни, когда грешник, низшедший до врат смерти, а для него то же, что до врат адových, можно сказать, уже собственными очами видит пропасть адскую, которая ожидает его за его грехи и нераскаянность. Восстав с одра таковой болезни, многие совершенно изменяют свою жизнь, обращаются к Богу и Церкви, становятся истинными христианами; а иные, увы, и обещав Господу свое исправление, возвращаются потом вспять и погрязают еще в большем плотоугодии и нечестии.

За дни особенного посещения Божия должно почестъ и другие случаи, в коих подвергаются очевидной опасности или наша жизнь, или честь, или имущество, подвергаются до того, что мы теряем надежду на спасение. В таком случае самые чувственные и закоренелые грешники обращаются с молитвою к Богу, произносят обеты покаяния, – и Промысл нередко отклоняет опасность, притом так, что сам спасенный чувствует это, и признает над собою перст Божий. Но увы, это чувство, это признание не всегда производят над грешником то спасительное действие, которого ожидать надлежало, так что с продолжением времени многие забывают и опасность, и обеты свои, и устремляются к прежним грехам и беззакониям!

Днем особенного посещения Божия бывает также кончина, особенно внезапная, людей, с коими, тем или другим образом, тесно связано было самое бытие наше. Тут, встретившись со смертью, видя раскрытую могилу брата или друга, супруга или дочери, опять самый закоснелый грешник чувствует в себе пробуждение совести, сознает, что все думает он обрести и утвердить счастье свое на земле, что надобно готовиться к миру другому. Все это оканчивается у некоторых твердой решимостью на совершенную перемену своих нравов и поведения.

На особенно радостные события в жизни также должно указать, как на дни особенных посещений благодати. Когда сердце распространяется от радости, то взор невольно подымается горе – к небу, исполненный самодовольства, человек чувствует вокруг себя как бы некое веяние духа благодати и щедрот, а совесть, более или менее внятно, но всегда напоминает при сем человеку о необходимости быть добрым, дабы сохранить милость Божию.

Во всех сих и подобных случаях со всей справедливостью можно обратиться к грешнику слова Спасителя к Иерусалиму: о если бы уразумел ты время посещения твоего!

Ты, который, несмотря на множество грехов и на всю нечистоту предшествовавшей жизни твоей, удостоился вчера причащения Тела и Крови Господней, если бы уразумел ты силу сего Таинства и великость снисхождения Божия, тебе при сем оказанного! Ты увидел бы тогда, что это самый лучший случай изменить свою жизнь, прервать преступную связь, тебя гнетущую, примириться с братом, на тебя враждующим, прекратить мотовство и роскошь безумную, перестать кривить весами истины и правды. Господь, преподавший тебе Тело и Кровь Свою, явно хочет усвоить тебя Себе и быть с тобою едино, у Него ли неостанет сил на освобождение тебя из плена греховного, на уврачевание твоих язв душевных? Итак, восстань, укрепись, поражай силою благодати зло, в тебе живущее, – и ты перестанешь быть рабом страстей и жертвою врага Божия!

Восставший с одра тяжкой болезни и начинающий жить как бы снова, если бы ты уразумел время прошедшего посещения твоего! Ты увидел бы, что теперь именно подобает начать жизнь снова не телом только, а и духом, что самая лютость прошедшей болезни уже освободила тебя от большей части уз, коими ты был привязан к миру, и коими враг влек тебя во ад. Не оставляй же души и совести в недуге смертельном, когда выздоровело тело! Да будешь здоров и цел весь, а не вполовину!

Плачущий над могилой супруги или сына и среди скорби предающийся бесплодному ропоту и отчаянию, о, если бы ты уразумел время посещения твоего! Тогда не напрасно разверзались бы пред тобою врата вечности, в кои пошло лицо, тобою любимое: ты узрел бы в них жизнь вечную, и для тебя там уготованную, перестал бы гоняться за суетою и тлением и жертвовать для них всем. Вместо того, чтобы влечь бесплодным сожалением душ отшедших вспять, в эту юдоль лишения и слез, ты сам устремился бы духом вослед их, и в сем сладком стремлении давно нашел бы успокоение своему растерзанному сердцу.

Радующийся о внезапно посетившем тебя счастья и не помнящий себя от избытка веселия душевного, если бы и ты уразумел время посещения твоего! Ты бы увидел, что радость земная сама для полноты своей требует мира с Богом и совестью, что с умножением твоего благосостояния умножилось для тебя число средств к деланию добра без всякого труда для тебя, и что ты ничего лучшего не можешь сделать в эту минуту, как дать обет быть верным Господу, тебе благодетелю.

И еще немало можно бы сделать подобных воззваний, ибо в деснице Промысла, как мы заметили, все события нашей жизни, и каждое из них направляется к нашему спасению. Но из указанных случаев, если не все, то верно не один придется на долю каждого из нас. Да обратит же каждый внимание на себя и на то, что происходило с ним в его жизни; да приложит к себе и слезы и слова Спасителя к Иерусалиму; и да научится не пренебрегать днями посещения Божия, памятуя, что в противном случае и каждого из нас ожидает за нераскаянность то же самое, что последовало с Иерусалимом неверным, то

есть он будет оставлен благодатью Божией и предан на жертву собственных страстей.

Да сохранит нас Господь от сего ужасного бедствия! Аминь.

Слово пятое в неделю Ваий

«Во утрий (же) день народ мног пришедый в праздник, слышавше, яко Иисус грядет во Иерусалим, прияха ваиа от финик и изыдоша во сретение Ему, и зваху (глаголюще): осанна, благословен грядый во имя Господне, Царь Израилев!» (Ин. 12:12–13)

Откуда такая перемена в поступках нашего Спасителя?.. Тот, Который запрещал духам нечистым, да не поведуют Его Сына Божия быти (Мк. 3:12), ныне с благоволением слышит от детей еврейских Божественное осанна: Тот, Который уклонился от народа, «хотевшего восхитить Его, да сотворит себе царя» (Ин. 6:15), ныне свободно позволяет Себя именовать Царем Израилевым; Тот, Который торжественно признал, что царство Его несть от мира сего (Ин. 18:36), ныне является окруженным всем блеском земного царя. Что сие значит? Или вечное предопределение, яко «подобаше пострадати Христу и внити в славу Свою» (Лк. 24:26), изменилось, и Он, подобно как на небесах в ненарушимом мире седит на престоле Отца, и на земли, без сражения со врагами, идет воссесть на «престол Давидов» (Лк. 1:32)? Но первосвященник Иудейский в непонятном для него самого вдохновении изрек уже приговор, «яко уне есть нам, да един... умрет за люди» (Ин. 11:50), но сатана простер уже руку свою, дабы вложить «в сердце Иуде... да... предаст» (Ин. 13:2), своего учителя; но Отец Небесный растворил уже чашу гнева, которую Сын любви Его должен испить до дна; но древо креста уже возросло, гвоздие изострено, копие направлено, смерть веет над главою Его, и гроб, из которого Он вызвал друга Своего, кажется для того разверз недра свои, дабы принять Самого Иисуса. И под тучею сих бедствий, которая готова разразиться над главою Иисуса, Он совершает царственное вшествие в Иерусалим – в место Своего осуждения, Своей смерти, Своего гроба? Дражайший Спасителю наш! Мы не дерзаем пререкать славе, которая подобает Тебе во веки веков; мы желали бы, если возможно, умножить ее нашими хвалениями; но мы желали бы научиться

от Тебя, для чего Ты, идя на Крест, одеваешься сею славою, тем паче, что и нам должно последовать за Тобою на Крест Твой, приобщиться Твоей смерти. Не для того ли, дабы лучами сея славы озарить мрак, окружающий Крест Твой? Или паче, для того, что Крест Твой, столь ужасный в очах наших, есть для Тебя Престол, на который Ты идешь воссесть со славою Царя? Если же для Тебя Крест Твой есть Престол, то и для нас, коим Ты завещаешь Царство Свое, нет другого престола, кроме Креста. Но сколь мало разумеет сию славную тайну Твоего и вместе нашего Креста! Да озарит она, хоть ныне, при наступлении страданий Твоих, умы и сердца наши! Беседа о Кресте не чужда славы, коею Ты ныне одеваешься, тем паче, что и на Фаворе, представшие Тебе Моисей и Илия глаголали исход Твой (Лк. 9:31). Крест Христов, будучи водружен посреди всея земли и для спасения всея земли, равно открыт для зрения всех; но не все видят в нем одно. Взирает на него мир – и, видя лютые болезни Висящего на нем, бежит, вопия: «не знаю Человека» Сего (Мф. 26:74). Взирает закон – и, видя в нем исполнение правосудия Божия, покивая головою, гласит: «проклят всяк висящий на древе» (Гал. 3:13). Взирает разум – и, видя крайнее уничтожение, окружающее Крест, гордо вопрошает: «еда... от репия» сего собирают "смоквы?» (Мф. 7:16). Наконец взирает на Крест вера – и, видя на нем «Божью силу и Божью премудрость» (1Кор. 1:24), течет сама на Крест, вопия: «помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии» Твоем (Лк. 23:42). Что сия за сила, столь крепкая, что привлекает человека на крест? Что сия за премудрость столь тайная, что заключена во гробе. Се сила Креста, умерщвляющая все порожденное в нас грехом. Се премудрость слова крестного, указующая новую, Божественную жизнь в сем умерщвлении! Если мы боимся Креста, то сие оттого, что мы не видим, что бы в нас распять должно; а если нам и указывают в нас что-либо такое, говоря, сие да пропято будет, мы гордо отвечаем: еда мы слепы есьмы? «ни единыя вины обретаю в человеце сем» (Лк. 23:14). Но если бы мы, оставив предубеждение к самим себе, решились искренне рассмотреть самих себя, подвергнуть испытанию то, что мы находим в себе добрым, судить внутреннего человека

нашего, не говорю, по закону Божию, пред светом Коего вся правда наша есть токмо мрак, но хотя «по закону нашему» (Ин. 19:7), то есть по закону нашей совести; мы увидели бы, что, несмотря на то, что стерлись в нем многие слова, еще не изгладилось сие определение: «должен есть умереть» (Ин. 19:7). Усомнится о сем плотский человек? Прииди и виждь. Не должен ли ты признаться, что разум твой, сей незаконный владыка беззаконного царства, «яже на земли, егда разумеваает, и яже в руках, обретаает со трудом, а яже на небесех» ни познать, ни приять не может? (Прем. 9:16). «Убо должен он умереть» (Ин. 19:7). Что воля твоя, сия рабыня рабов своих, не еже хочет доброе, сие творит, но еже ненавидит злое, сие содевает? (Рим. 7:15). Убо должна есть умереть. Что внутри тебя есть закон, непрестанно воюющий противу закона ума твоего и пленяющий тебя законом греховным? (Рим. 7:23). Убо должен умереть. Что внутри тебя живет похоть злая, которая, непрестанно искушая и прельщая тебя, непрестанно зачинает грех, а сей рождает смерть? (Иак. 1:15). Должна есть умереть.

Наконец, убеждаясь собственным своим и всех окружающих тебя растлением греховным, которое, без сомнения, не может быть делом рук Божиих, не должен ли ты признаться и в том, что ты, подобно как и все, в Адаме покушался на похищение Божественной славы и в знамение сего покушения вкусил устами отца человеков от плода запрещенного? Если же так, то все благие помыслы, оставшиеся в сердце, возопиют: «по закону нашему должен есть умереть, яко Себе Сына Божия сотвори», равен Ся творя Богу (Ин. 19:7). Сколько взоров на самого себя, столько признаний; сколько признаний, столько осуждений на смерть, столько крестов. «Но что пользы от крестов сих?» – вопрошает пригвождаемый ветхий человек. «Умри, – ответствует вера. – Для тебя нет рая. Он есть наследие грядущего по тебе, коему и ты «несм достоин сапоги понести»" (Мф. 3:11).

Кто же сей грядущий?.. По имени – се, новый человек, нисходящий со креста, и созданный крестом «по Богу в правде и в преподобии истины» (Еф. 4:24). Се, «потаенный сердца человек», изведенный крестом из темницы (1Пет. 3:4) плоти, в

коей он был связан узами похотей прелестных. Се, «сын Божий» (Ин. 1:12), рожденный не от крови жены, но из крови Агнца, закланного на кресте.

По свойствам – се воин Христов, носящий язвы Вождя своего на теле своем и побеждающий сими язвами весь мир. Се ученик Христов, который не желает казаться знающим что-либо, «точно Иисуса Христа, и сего распята» (1Кор. 2:2). Се «новая тварь» (Гал. 6:15), одушевленная «не живою душою Адама перстного», но проникнутая «животворящим духом Адама небесного» (1Кор. 15:45, 49).

По назначению – се священник, который, принеся, по чину Иисусову, самого себя в жертву на кресте, идет все обратить в жертву Господа. Се пророк, который, запечатлев кровью своею учение своего Господа, идет благовестить премудрость слова крестного. Се царь, который, победив крестом Спасителя врагов царства своего, идет принять небесное наследие. Се распявшийся Христу и воскресший с Ним.

Воскреснуть со Христом! Вот единственная надежда, которая одушевляла подвижников веры среди самых жесточайших гонений и заставляла их радоваться в страданиях своих. «Оставьте, – вопиял один из них, – оставьте меня быть пищею зверей жестоких, дабы они, сокрушая бренное тело мое во устах своих, соделали его сладким хлебом на трапезу Господню. Я не хочу иметь другого гроба, кроме их чрева. Если они против желания своего сомкнут уста свои, я буду раздражать, дабы они растерзали меня. Если вы ощущаете, – продолжал он, – в себе присутствие Христова, то вам легко понять, чего я алчу: «желаю разрешиться и со Христом быть» (Флп. 1:23)".

Если бы и мы, слушатели, ощущали в себе присутствие Христова, то не только не удалялись бы от Креста Христова, но, может быть, сами стали бы искать его, умолять других, да распнут нас на нем, почитать милостью возлагаемые на нас язвы, и врагом того, кто покусился бы снять нас, прежде смерти нашей, со креста. Но мы, будучи далеки от Христа, не смеем приблизиться ко Кресту Его. Ибо без Христа мы не можем найти в нем ничего, кроме смерти. Счастливы были бы мы, если бы

примечали славное действие Креста над другими. Но тайна воскресения духовного – плод смерти крестной, хотя совершается со всею славою в душе верующих, но сия слава, подобно как слава присутствия Божия в скинии, здесь сокрыта под грубыми кожами – брэнной плотью, и мы, не видя прозябения ни собственного креста, ни креста других, повергая его, яко бесплодное древо, бежим под сень древ мирских, надеясь не только насытить плодами их плоть свою, но и укрыться в них от лица взыскающего нас, Господа.

Остановись, текущая на собственную погибель душа! Взгляни еще раз на Крест, от коего ты убегаешь! Он уже не на земле, но на небесах; не на Голгофе, но на Сионе; не в соблазн Иудеев, но в исцеление языков. «Сии облеченный в ризы белыя», и финицы в руках их, иже окружают престол Агнчий, «кто суть и откуда приидоша? – сии суть, иже приидоша от скорби великия... и убелиша ризы своя в крови Агнчи» (Откр. 7:13–14). Итак, тщетно ты убегаешь креста на земле, он сретит тебя на небесах: ты найдешь его во вратах Иерусалима Небесного, подобно он стоит пред вратами Иерусалима земного. Как же ты войдешь во врата сии? Но положим, что дух злобный, покровитель твой, подобно как сам некогда проник в Едем, какими-либо подземными путями извел тебя на средину града Божия. Как явишься ты в смрадных рубищах греховных среди сонма облеченных в убеленные кровью Агнца ризы? Или подобно оным мужам галаадским речешь к Небесному Вождю: «яко ризы наша... обетшаша от долгаго пути зело!» (Нав. 9:13). Подлинно долог путь твой: путем мира через целую вечность нельзя достигнуть вечного жилища. Но поскольку пред взором небесных духов не может укрыться никакое коварство, то ты, подобно Деннице, свержен будешь в пропасть адскую.

Но почто мы помышляем о вторжении в светлый град Божий? Не очищенные крестом, мы не нашли бы в нем для себя ничего, хотя бы милосердие Божие, как обыкновенно льстит себе наше сердце, дозволило нам войти в него и обитать в нем. Дабы наслаждаться благами небесными, надобно чувствовать цену их; дабы чувствовать, потребны орудия чувствования. Имеем ли мы их? Имеем ли те очеса сердца, кои одни могут

взирать на «богатство славы достояния Божия во святых!» (Еф. 1:18).

Ах! Многие из нас едва ли и знают, что, кроме ока телесного, есть око духовное. Имеем ли те уши, кои одни могли внимать премудрости Спасителя на земли, одни токмо могут слышать ее на небеси? Ах! Мы едва можем верить тем, кои говорят нам о сем слухе. Имеем ли тот вкус, коим верующие вкушают Господа, и без коего мы при самом источнике благ останемся голодными? Ах! В устах наших едва ли что бывало, кроме мяс египетских. Если же духовные чувства наши, коими блага небесные могут быть ощущаемы, заключены, то хотя бы отверст был для нас рай небесный, мы не нашли бы в нем никакого удовольствия, подобно как лишенный чувств телесных не получил бы никакого удовольствия от обитания в раю земном.

Не тем ли должен быть вожделем для нас Крест Христов, который не только отверзает очи видеть, но и дарует блага, кои мы могли бы видеть; не только пробуждает уши слышать, но и содержит в себе тайны, кои должны слышать; не только очищает вкус, но и подает вкушаемое – славу Господа Иисуса? Дивна премудрость Твоя, Господи, нас врачующая! Все болезни наши истекли от единого древа: она все врачевства против них заключает в едином древе.

И если бы слабый взор наш мог проникнуть во внутренность сего древа Божественного, мы увидели бы в нем художественную храмину, в коей Дух Святой, Сей великий Обновитель ветхого человека, сядет «разваряя и очищая все существо его яко серебро и яко злато» (Мал. 3:3), дабы прелиять его паки в чистый образ Божества. Но если мы не можем видеть тайны сея в самих себе, да зрим се в подобострастных нам человеках. Да зрим ее в кротких Авелях, в целомудренных Иосифах, в Иовах, Захариях, Иоаннах, паче же да зрим ее в разбойнике. Провидение, кажется, особенно утвердило крест его при Кресте Спасителя для того, дабы показать, сколь велика сила Креста Христова, сколь краток, удобен, безопасен путь от креста на небо.

Кажется бы, что путь сей, коего окончание столь славно, должен соделаться царственным путем для всех, а путь мира, коего последняя зрят во дно адово, должен быть убегаем, яко опасное распутие; что Голгофа, где распят Спаситель, должна превратиться в державный град всего мира, а Иерусалим, в коем Он осужден, соделается местом преступников; что смерть Христова должна обновиться на языке и в сердце каждого, а жизнь, чуждая Христа, изгладиться из памяти всех. Кажется...

Но что видим мы? Путь мира, сам в себе широкий, расширяется непрестанно; путь Креста, и без того узкий, кажется, исчезает пред широтою его. Умолчим о врагах Креста Христова, кои от нас изыдоша, но не беша от нас: они с плачем некогда принуждены будут взирать на прободенного ими ныне Иисуса. Из тех, кои поклялись при крещении, подобно Петру, не оставлять Иисуса, хотя бы то стоило жизни, сколь часто отрицаются Его из одного страха какой-либо рабыни; из тех, кои сопровождают Его по крестному пути и присутствуют при распятии Его, и даже делают некие приношения веры, сколь многие возвращаются вспять, не получив Божественного усыновления! Из тех даже, кои несут Крест Спасителя, сколь многие слагают его, подобно Симону Киринейскому, не получив никакого плода от своего несения? Есть и такие, кои распинаются вместе со Христом, но поскольку распинаются не за Христа, не воскресают с Ним. Кто же входит в рай, когда столь мало всходит на крест? Ах, дражайший Спаситель наш, напрасно Ты поспешил взойти на небо, дабы уготовать место последователям Твоим; они сами обрели для себя место на земле! Обитая на земле, Ты был другом мытарям и грешникам; едва ли сии мытари и грешники не составляют большей части друзей твоих на небеси.

Христиане – сыны царствия! Да пробудится в сердцах наших священная ревность ко званию нашему! Если мы пустили мытарям и грешникам предварить нас в Царствии, нам завещанном, не допустим, по крайней мере, чтобы они остались единственными оного наследниками. Иисус Христос снова ныне начинает путь от Вифании до Голгофы; последуем за Ним, восприяв в руки не вайи – символ Иудейского

лицемерия, но Крест – знамение любви ко Христу. Имеем ли нужду в кресте? Да взглянет каждый на самого себя, и узрит в себе крест. Крест сей возложен на каждого из нас Самим Богом. В нашей воле состоит соделать его Крестом Христовым или разбойничьим, но не в нашей воле сложить его с себя. Он останется вечным достоянием нашим и составит или вечное блаженство наше, вознося нас с собою на небо, или вечный позор, увлекая нас за собою в ад. Аминь.

Слово шестое в неделю Ваий

Для чего мы ныне берем в руки ветви, или лучше сказать приемлем их из рук Церкви? Очевидно, в память того, что с подобными ветвями в настоящий день был сретаем Господь и Спаситель наш, при Его торжественном входе в Иерусалим. Но символы и обряды Церкви таковы, что они, приводя собою на память прошедшее, всегда содержат в себе поучение и урок для настоящего. Чему же поучают нас ветви нынешние?..

Они, можно сказать, чувственно изображают для нас высокие истины христианства.

Без солнца ветвь гола и как бы мертва, хотя в ней все есть, что явится летом. Есть, но не может обнаружиться во вне, ибо для этого потребна сила тепла. Так и с душою нашею. В ней, так как она есть образ Божий, есть способность ко всему доброму и святому. Но само по себе, в естественном состоянии человека все это мертво и безжизненно. Потребен свет Христов, необходима теплота благодати Духа Божия. При их только действии, под их только осенением человек-грешник оживает от грехов и страстей для новой жизни в Боге.

Но и свет Христов и благодать Духа, хотя действуют на всех людей, но не во всех производят оживление духовное. Почему? Нынешнее явление сие изъясняют нам собою те же ветви. Солнце весеннее подействует на все древа земные, на все, что ни растет на лице земли, но не все оденется зеленью на деревьях, некоторые ветви останутся голы и мертвы. Почему? Потому что в них потеряна способность к принятию жизни от света и теплоты весенней. Таковы именно нераскаянные грешники. В них нет веры, нет покаяния, нет желания спасения, посему для них не действительны ни свет Христов, ни теплота Духа Святаго. Но ветвь иссохшая уже не может возвратит себе жизни, этого не в состоянии сделать самый искусный садовник, а грешник, как бы ни был ожесточен во грехе, доколе живет на земле, может ожить. Ибо ветвь не имеет свободы, а человек имеет ее.

Посему ветвь и нельзя винить за то, что она и среди весны останется голою и сухою. А человека всегда можно винить, ибо в его власти всегда перестать быть сухой ветвью и начать зеленеть и цвести. Но сухие ветви, хотя они и невинны в своей сухости, собирают, однако же, чтобы не портили собою вида дерев и садов, и они служат пищей для огня. Судите же, останется ли навсегда в вертограде Господнем грешник, если будет походить на ветвь сухую? Нет, и это хврастие будет собрано и повергнуто в огонь.

Вторая истина, изображенная нынешними ветвями, есть наше отношение к Спасителю нашему. Помните, с чем сравнивает Он это отношение? Ветви с деревом. Нас, последователей Его, именует ветвями, а Себя корнем и стволом, именует и присовокупляет, что как ветвь не может быть плодоносящей и даже иметь жизни, если не будет на стволе: так и мы, если не пребудем в Нем, то есть не пребудем в таком тесном, живом союзе, в каком бывает ветвь с деревом.

Учение – важное, от приведения коего в действие зависит наша жизнь духовная. И его, повторю, приводят нам на память наши ветви. Посмотрите на любую из них: как скоро она отделена от своего стебля, – уже начала терять жизнь, – и скоро потеряет ее совершенно, ибо жизнь ветви не на стебле – смерть. Поставив в воду, вы можете продлить жизнь в ветви на некоторое время, но не замените стебля; вода может даже содействовать к тому, чтобы ветвь дала небольшие листья. Но все это непрочное, и должно кончиться смертью.

(Не закончено)

Слово первое на день преполовления

«Наста преполовление дней, от спасительного начинаемых восстания, Пятдесятницею Божественною печатлеемое, и светится светлости обоюду имущее, и соединяющее обоя»¹⁸

Проходя святое поприще Великого поста, мы останавливались, братие мои, на середине его и совершали поклонение Кресту Христову, потому что под сенью его устроено Святой Церковью место духовного отдохновения для тех, кои проходят сие поприще, как должно, – в духе веры и покаяния. Подобным образом и теперь, проходя богосветлый круг Пятидесятницы, мы останавливаемся ныне на середине его и празднуем день Преполовления для той же цели, то есть, чтобы, утолив жажду духа водами благодати Христовой, собраться с новыми силами для дальнейшего шествия. Ибо празднества, так же как и пост, составляют своего рода напряженную деятельность для духа и могут истощить силы его самым преизбытком духовной радости.

А с другой стороны, мир никогда так не опасен, как во время празднеств: того и смотри, что он вторгнется в душу со своей суетой, омрачит воображение, очернит сердце, засыпет прахом очи душевные, и из празднующего по Бозе сделает раба плоти и крови. Посему, пройдя половину поприща празднственного, нужно осмотреться каждому, не произошло ли с ним чего-либо подобного, осмотреться и приготовиться к будущему. Ибо нам предстоят еще великие Таинства: надобно быть на Елеоне и принять благословение от возносящегося Господа; надобно взойти в горницу Сионскую и причаститься благодати Духа. Все это требует мысли трезвой, благой, ума нерассеянного, сердца христианского, совести бдящей, то есть таких совершенств, кои приходят не сами собою, а должны быть снискиваемы трудом и испрашиваемы свыше; и о сем-то именно напоминает нам собою настоящее празднество, так называемого, Преполовления.

Как Богосветел и поучителен круг Пятидесятницы, среди коего стоим мы ныне! С одной стороны, Воскресение Господа со

всем его светом, радостями и весельем, с другой – Сошествие с неба Духа Утешителя со всеми Его дарами, позади Ангел, сидящий на камени гроба в ризах блестящих и возглашающий: «нести zde» (Мк. 16:6); впереди огненные языки, почиющие мирно на главах апостолов (Деян. 2:3); там и здесь неверие и клевета у ног веры, ибо, как при гробе Господа злоба дерзнула внушать: «рцыте яко ученицы Его, нощю пришедше, украдоша Его, нам спящым» (Мф. 28:13), так и в Сионской горнице неразумие дерзнет провещать о апостолах, «яко вином исполнены суть» (Деян. 2:13). Но премудрость Божия никогда не посрамится от чад своих: Воскресший «оправдася в Дусе..., как выражается апостол, а Дух оправдася в Нем, и потому Тот и Другой ...веровася в мире» (1Тим. 3:16).

Но не на одних краях круга, в коем находимся, блещет свет: вся середина его так же, как небо звездами, испещрена разными празднествами. Так, обратимся ли к прошедшему: видим – в праздник Антипасхи Фому, уже не с неверием, а с верою не только в воскресенье, но и в самое Божество своего Учителя; видим праздник в честь святых жен мироносиц, достойно венчаемых и ублажаемых за их простую, но неизменную любовь и усердие ко Христу; видим чудесное исцеление расслабленного, долго не имевшего человека, который бы ввергнул его в купель, и дождавшегося Богочеловека, Который и без купели повелел ему взять одр и идти в дом свой.

От каждого празднества и события свой особый свет. Фома своим примером показывает нам, как опасно предаваться сомнениям, и яко «блажени невидевшие и веровавшие» (Ин. 20:29). Святые жены с праведным Иосифом свидетельствуют, что у Господа нашего не забыт никакой дар, ни самый высокий и великий, ни самый малый и простой, коль скоро принесен с верой и любовью. Из урока, изреченного расслабленному: «се, здрав еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет» (Ин. 5:14), познаем, что виною болезней наших суть грехи наши и что, следовательно, первейшее врачевство против них всегда суть не столько капли, предписываемые врачами, сколько те, кои текут из очей от сердца сокрушенна и смиренна. Вот сколько света создади нас! Как отрадно вместе с апостолом

воскликнуть: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20:28). Как сладко из уст святых жен, падающих к стопам Воскресшего, услышать: "Раввуни!» (Ин. 20:16).

Посмотрим ли вперед, к другому последнему пределу Пятидесятницы, тут опять и чудеса и тайны, и свет и жизнь, и радость и поучение. Как душенаставительна беседа Господа с женою самарянской, коей мы будем свидетелями в будущую неделю! Кто не уразумеет из этой беседы, в чем состоит истинное служение Богу, тот пеняй на самого себя. Чудесное исцеление слепого, воспоминанию коего посвящена следующая затем неделя, подобно исцелению расслабленного, являет во всей силе и Божество Спасителя нашего, и слепоту мира, погрязшего во грехах и страстях, который потому, видя не видит и слыша не слышит. Касательно Вознесения Господа каждый сам знает, как светел и отраден для духа Елеон, как дорого для веры и любви благословение Возносящегося на небо. Нужнее указать на память семи Вселенских Соборов, совершаемую в следующий за Вознесением день недельный, нужнее потому, что эта память также весьма питательна для духа и сердца, а между тем, о сем празднестве церковном почти никто не ведает.

Столько ступеней еще до горницы Сионской, до огненных языков, до шума, яко носиму дыханию бурну! Велик круг Пятидесятницы! Есть чем напитать сердце! Есть чем занять самый взор духовный! Мы стоим теперь в середине сего богосветлого круга! Не должно ли посему и нам быть богосветлыми? По крайней мере, не следует быть темными, подобно миру и его служителям. Кто же светел из нас и кто темен? Светел тот, кто с воскресением Господа или воскрес для новой жизни через покаяние, или воскресши прежде, взошел на новую степень жизни в Боге и добродетели; светел, кто, памятуя, что Спаситель и Господь его не остался на земле, а вознесся на небо, и сам не прилепляется ни к чему земному, не собирает сокровищ, или паче собирает, только не здесь, а там, где, по выражению Писания, ни тля не тлит, ни татие не подкапывают и не крадут; светел тот, кто, следуя наставлению, данному жене самарянской, поклоняется Богу духом и истиною; но вследствие служения духом, не забывает,

однако же, выражать свое усердие к вере, подобно женам-мироносицам, и приношениями от честных трудов своих; светел тот, кто ревнует о благодати Святаго Духа и для принятия ее, подобно апостолам, будет уготовлять себя постом и молитвою.

Для таковых людей нынешний день есть воистину день Преполовления: пройдя праздники были для них не то, что версты для путника, показующие одно расстояние времени. Нет, они находили в каждом из них пищу для своего духа, отраду и веселие для своего сердца, услаждение для самых чувств, кои у людей плотских не знают другого возбуждения, кроме вещественного, а у людей неплотских умеют участвовать в восторгах духовных. Таковые и ныне будут пить не простую воду, а вместе с ней и благодать Духа; ибо отверзут для нее не одни уста телесные, а и уста сердца, те уста, о коих святой Песнопевец говорит: «отверзу уста моя, и наполнятся Духа!»¹⁹

Для тех, напротив, кои и прошедшие недели так же, как и всю жизнь свою проводили, нисколько не думав о том, что совершается в церкви, что происходит внутрь их души, для тех и нынешний праздник, подобно как и все другие, если и существует, то только по одному имени. Зато у врага душ, который держит таковых людей в плену, есть свои празднества, свои круги, свои соответствия. У нас праздник Воскресения, у него – смерти духовной; у нас Вознесения на небо, у него – свержения с неба и прилепления к земле; у нас – благодатного воодушевления Духом Святым, у него – тлетворного воодушевления духом мира. Спаситель подымлет и расслабленного и велит взять одр; а сей враг Бога и человеков повергает на одр и здравых и отъемлет у них крепость не только тела, но и духа. Спаситель отверзает очи и слепорожденным; а он слепит и избодает очи и тем, кои были изведены из тьмы во свет, но не захотели оставаться сынами света.

Блюдитесь, братие мои, сих действий духа злобы; ибо горе тому, кто соделается рабом его! Аминь.

Слово второе на день преполовления

И всегда мы выходим пред вас, братие, не со своими мыслями и умствованиями, а с тем, что находим в слове Божием и у святых отцов Церкви приличного дню и месту. Ныне тем паче должно поступить таким образом, ибо на нышений день есть готовая проповедь, произнесенная самим Господом нашим. Простительно ли было бы нам не обратить внимания вашего на сию проповедь?

Вы слышали начало в нынешнем Евангелии, где сказано: «в преполовление праздника взыде Иисус во церковь и учаше» (Ин. 7:14). Ниже Евангелист сказывает, чему именно учил Господь в нынешний день, выслушаем Его:

«Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы» (Ин. 7:37–38).

Чтобы лучше уразуметь связь сей проповеди со временем, в которое, и обстоятельствами, при коих произнесена она, должно припомнить, братие, что в праздник кущей, между другими обрядами был и тот, чтобы брат торжественно воду из источника Силоамского и носить в храм Иерусалимский. Один из главных священников в сопровождении хора левитов исходил для сего из храма, сходил под гору, на коей находился он, черпал золотым сосудом воду из Силоамского источника, приносил его на главе в храм среди гласа труб и органов, и там возливал на алтарь. Священная церемония сия была одна из самых величественных и сопровождалась таким веселием в народе, что у Евреев образовалось присловие: «тот не знает радости, кто не видал радости священной воды в праздник кущей». Вода же самая, носимая таким образом, означала собою частью прошедшее, – те воды, кои Евреи не раз чудесно получали во время странствования по пустыне; частью будущее – дары благодати, имевшие излиться (во время пришествия Мессии) на Его последователей.

Теперь представьте, что во время несения первосвященником воды Силоамской ко храму, когда толпы

народа не помнили себя от веселия и радости, Иисус Христос остановился на одном из возвышенных мест при храме, и величественным гласом взывает: «аще кто жаждет, да придет ко Мне и пьет: веруяй в Мя, яко же рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы» (Ин. 7:37–38).

То есть, как бы так говорил Он Иудеям: вода, за коею исходите вы с таким торжеством, которую пьете с такою радостью, хотя есть самая чистая, но она утоляет жажду только одного тела и только на время, но в вас есть жажда духа, которой не может утолить никакая вода. Хотите ли утолить и сию жажду, утолить навсегда? Обратитесь ко Мне, уверуйте в Меня, предайте себя всецело и навсегда Мне. Я дам такую воду, которую испивший не будет иметь жажды никогда. Напротив, сами сделаетесь живоносным источником для других, непрестающим, неиссякающим. «Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы» (Ин. 7:37–38).

Можно судить, какое внимание должна была обратить на себя такая проповедь, сказанная в таком месте и в такое время. Без сомнения, большая часть шедшего за первосвященником народа остановилась пред Иисусом Христом и начала слушать Его. Из слушавших одни тотчас заговорили: «Сей есть воистинну пророк», другие: «Сей есть Христос!» (Ин. 7:40–41). Когда враги Господа, фарисеи и книжники, не терпя действий столь необыкновенной проповеди, послали тотчас слуг своих взять Проповедника и привести к ним на суд, то посланные сами обратились в слушателей и, возвратившись к пославшим ни с чем, в оправдание свое говорили: «николиже тако есть глаголал человек, яко Сей Человек» (Ин. 7:46).

Но нас должно занимать не столько действие проповеди Господа на Иудеев, сколько ее отношения к нам и нашему спасению. И мы исходим ныне на воду освящать ее и несем с торжеством в церковь, и для нас священный обряд сей составляет источник радости и веселия духовного. И, без сомнения, вода наша столь же выше и святее воды Силоамской, сколько благодать Нового Завета выше буквы закона Иудейского.

Но можно ли о воде и нашей сказать, чтобы она утоляла всю жажду бессмертного духа? Это могли утверждать только незнающие. Посему и при нашем нынешнем священнодействии и прилично и должно возглашать в слух всех проповедь Господню, сказанную Иудеям, по случаю воды Силоамской: «аще кто жаждет», – говорил Спаситель Иудеям, а теперь говорит нам. И кто же не жаждет? И в теле жажда возобновляется иногда на день по несколько раз, а в душе она всегда. Ум жаждет познать, все хочет знать более и более и не может удовлетвориться ничем. Сердце жаждет ощущений, всегда новых и новых, и никогда не скажет – довольно! Желания неутомимы в поиске, и дайте им что угодно и сколько угодно, никогда не остановите их и не наполните.

Разные способы употребляет человек для удовлетворения жажды своего существа. Главные из них следующие четыре:

Познания и мудрость – ими думаем мы угасить жажду ума.

Душевные и чувственные удовольствия – ими надеемся угасить жажду сердца.

Стяжания различные – ими покушаются угасить жажду вожделений и похоть очес.

Чести, достоинства и отличия – они служат к угашению жажды к возвышенности и совершенству.

(Не закончено)

Слово первое в день Вознесения Господня

«Извед же их (Апостолов) вон до Вифании и воздвиг руце Свои, (и) благослови их. И бысть егда благословляше их, отступи от них и возношашеся на небо. И тии поклонишася Ему и возвратишася во Иерусалим с радостию великою» (Лк. 24:50–52)

Так окончилось земное поприще Спасителя нашего и Господа! Много страдал Он, много и прославлен. Не было скорби, как Его скорбь, и нет славы, как Его слава. «Смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповест, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Флп. 2:8–11).

Узрим ли мы когда-либо эту славу Господа нашего? Не только, братие, узрим, но каждый, в своей мере, будет и наслаждаться сей славою, если только не сделает себя того недостойным. Узрим, ибо Господь в последней великой молитве Своей Сам молил о сем Отца Своего: "да видят, – говорил Он, – славу Мою, юже дал еси Мне» (Ин. 17:24). И Ангелы, по вознесении Господа, явившиеся апостолам, свидетельствовали, что Господь приидет ко всем нам в последний день таким же образом, каким апостолы видели Его восходящим на небо (Деян. 1:11). Будем даже участвовать в славе вознесшегося Господа, если только не сделаем себя того недостойными, ибо Он для того и вознесся на небо, дабы приготовить его к принятию всех истинных последователей Своих. "Иду, – говорил Он апостолам, а в лице их всех нам, – иду уготовати место вам: и аще уготовлю место вам, паки прииду и пойму вы к Себе, да идеже есм Аз, и вы будете» (Ин. 14:2–3). Что это милостивое определение касательно нас нисколько не переменилось и по вознесении, свидетель тому святой Павел, который говорит, что в последний день пришествия Господа, верующие "восхищени будут на облацех в сретение Его на воздусе» (1Фес. 4:17). Значит, с нами, даже по видимости,

произойдет нечто подобное тому, что произошло ныне с Самим Господом на горе Елеонской.

О братие, чувствуете ли вы всю важность этого обетования? Все милосердие и всю любовь к нам Господа нашего? Что Он – и что мы? И однако же Ему угодно, чтобы мы были там же, где теперь Он, были с Ним во всю вечность. Господь увенчан славою за то, что возшел на Крест; наша вся заслуга состоит в том, что мы вознесли Его на Крест; и однако же, Он, один понесши Крест, не хочет один наслаждаться славою, хочет разделить ее со всеми нами. Может ли быть любовь более сей любви? Предназначение выше сего предназначения?

Но, братие, в пользу ли нам это беспримерное благоутробие Господа нашего? Высокость предназначения нашего возвышает ли дух наш над землею? Отвращает ли сердце наше от всего низкого и грешного? Отверстое для нас небо делает ли нас самих сколько-нибудь небесными?

Один путь, братие, коим можно достигнуть и нам высоты святой славы, – тот же самый, коим взшел в славу Господь наш; то есть путь креста, путь очищения, самоотвержения, путь внешних и внутренних страданий. Памятуем ли мы это? И, памятуя, идем ли на небо путем Христовым?

Счастливыцы мира, отвечайте первые вы. Окруженные благами мира, твердо ли помните, что есть блага, коих «око не виде, и ухо не слыша, и кои на сердце человеку не взыдоша, но кои уготова Бог всем любящим Его!» (1Кор. 2:9). Стремитесь ли к сим благам? Память о них спасает ли вас от пристрастия к благам тленным, ко всему временному? Готовы ли вы все обладаемое вами, вменить, подобно апостолу Павлу, во "уметы» (памет, навоз) (Флп. 3:8), чтобы приобрести или не потерять Христа? С радостью ли оставите все красоты мира, коль скоро наступит час идти в обители Отца Небесного? Умеете ли, среди наслаждений земного счастья, участвовать в несении Креста Господня? Не говорите, что это невозможно, что нельзя совместить с подвигами самоотвержения величие, власть, богатство, славу и прочие блага земные. Примеры людей, кои соединяли в себе величие земное с небесным,

богатство временное с вечным, славу Божию с человеческой, ясно показывают возможность сего. Итак, осуществляете ли в себе эту драгоценную возможность? Умеете ли пользоваться благами мира по-христиански? Обращать их в средства к стяжанию благ вечных? Делать из них предмет самоотвержения, тем чистейшего, чем оно произвольнее?

Если Фавор земного счастья возвышает вас, братие, над всем земным и приближает к небу, то – оставайтесь на нем! Возносящийся Господь благословляет высоту вашу. Только блюдитесь, чтобы на сем Фаворе не погрузиться в сон, и когда Моисей и Илия будут говорить о кресте, на коем должно распинать ветхого человека, вам не заговорить о создании для сего человека не одной, а трех скиний. Помните, что путь на небо не с Фавора, а с Елеона; а к Елеону надобно идти через Гефсиманию и Голгофу.

Вам, стонущие под тяжестью бедствий и искушений земных, вам нельзя забыть своего креста. Но можно забыть Крест Господень! Чужды ли вы сего забвения? Можно, даже идя вместе со Спасителем на Голгофу, нести крест не Его, а разбойничий. Нет ли в вас сего ужасного недостатка? Если нет, если вы страждете невинно или вину свою, подобно благоразумному разбойнику, изглаждаете силою веры и слезами покаяния, то вы, несмотря на свое мнимонесчастное положение, блаженнее всех счастливых мира. Ибо вы с креста пойдете в рай, а они из рая земных сладостей прейдут во тьму кромешную. Но, братие, чувствуете ли вы преимущество своего положения в отношении к вечному предназначению человеческому? Убеждены ли совершенно в том, что, по причине злосчастного жребия вашего, вы, даже без усилий, без трудов, более других подобны своему Спасителю, ближе к Кресту Его и, следовательно, к небу? Это драгоценное чувство спасает ли вас от уныния и ропота? Вознаграждает ли для вас пагубное самодовольство счастливых мира? Укрепляет ли ваши ослабевающие мысли и руки?

Смотрите, братие, как оканчивается поприще креста! Есть ли слава, подобная славе вознесшегося Господа? Так окончится и ваш путь, только следуйте за Ним неуклонно. Пусть покидают

над вами главами и напаяют вас оцтом: это все происходит и с вами, как с Ним, «да сбудется Писание» (Ин. 19:36), да исполнится воля Отца Небесного. Пусть полагают вас в самый гроб, приставляют стражей, и кладут печати: вы пройдете безвредно "среди самой сени смертной (Пс. 22:4), только верно следуйте за Ним; только помните, что «еще же и постраждет кто, не венчается, еще не законно мучен будет» (2Тим. 2:5), – если не будет растворять своих страданий преданностью Промыслу, не будет освящать своих скорбей верою в Икупителя. Тягостно, братие, служить отребьем мира, быть предметом гонений, жить в нищете; но это – путь Господень! Оставьте ли вы его потому, что он ведет далеко, дальше всех путей мирских – на небо? Помните, что Господь с высоты непрестанно призывает на вас и благословляет ваше терпение. Пройдет несколько лет, может быть, дней испытания, и вы будете с Ним, войдете в Его славу, насладитесь тем, что выше всего мира. "Тецйте же, дбндеже постигнете» (1Кор. 9:24), или паче, будете постигнуты вашим Господом.

Но для чего мы ограничиваем наше собеседование одними счастливыми и несчастными? Путь Господень должен быть путем всех и каждого. За всех нас равно пострадал Господь наш; для всех равно отверзто и небо. Итак, вопрошу всех и каждого: на многое ли в нашей жизни можем указать мы и сказать, что это так сделано или оставлено нами потому, что мы предназначены для неба, что нам должно быть некогда с нашим Господом? Можем ли указать в наших поступках хотя на что-либо подобное? Удержались ли мы, хотя один раз, от греха, сделали ли, хотя одну добродетель, при мысли, что Господь наш взирает на нас с небес?

Ах, братие, как ни мал вопрос сей, но едва ли не найдется между нами людей, кои не могут и на него отвечать утвердительно. Что же значит наша вера в вознесшегося Господа? Верим, или не верим Ему? Если верим, где дела? Если не верим, для чего носить и имя Его? Кто истинно верит в свое небесное предназначение, тот не может быть земным, у того уверенность сия по необходимости бывает началом, одушевляющим весь образ его мыслей и чувств, всю его жизнь

и все отношения. Как предназначенный к наследованию престола, но удаленный от сего предназначения на время обстоятельствами, никогда не забывает, что ему должно быть некогда повелителем, везде, где прилично, обнаруживает высоту своего звания; так истинный христианин во всех обстоятельствах жизни, при всех случаях помнит, что он наследник неба, сонаследник Христу – и действует сообразно сему предназначению. Посмотрев на него пристально, всматриваясь в его жизнь, всякий и неверующий заметит, что он смотрит не столько на видимое, сколько на невидимое, живет не столько настоящим, временным, сколько будущим, вечным, что сердце его где-то далеко, не в этом мире, что живот его сокровен высоко, в Боге. Такими точно и казались некогда христиане язычникам.

Но много ли, братие, такого в нас? Есть ли хотя что-либо неземное, небесное, Христово? Если есть, то мы, подобно апостолам, можем возвратиться в дома свои от горы Елеонской с радостью. Благословие возносящегося Господа в таком случае принадлежит и нам, равно как и обетование Святаго Духа. При сошествии Своем Он не мимоидет тех, кои принадлежат Христу.

В противном случае, нам принадлежит, и еще с большей силою, упрек, сделанный Ангелами при вознесении Господа. С большей, говорю, силою; ибо им сказано было: «что стоите зряще на небо!» (Деян. 1:11), – за то только, что они, по своей любви и усердию, продолжали, долее надлежащего, взирать на небо, приявшее Господа их и Учителя. А нам должно сказать другое, противное: сынове человечести, что стоите, зряще не на небо, а на землю? Для чего прилепляетесь всем сердцем к земле, для чего стремитесь непрестанно за одним временным и тленным? Или думаете, что «земля во век стоит» (Еккл. 1:4), и потому можно основать на ней вечные жилища? Но будет время, когда «небо и земля, вами любимая, мимоидет» (Мф. 24:35). Или мыслите, что Господь оставил навсегда землю, и отдал ее на жертву страстей ваших? Но Он придет так же, как отшел, потребует отчета у приставников земли, взыщет данных талантов, произведет суд над всей землею. Что убо стоите,

зряще на землю? Обратите очи к небу, воззрите на Спасителя вашего, давно на вас взирающего. Вступите на путь к небу, давно пред вами лежащий, для легкости на нем сбросьте все тяжести греха, вас подавляющие, примите в руки ваши крест, и теките к своему Спасителю, пока Он благословляет вас на путь сей, пока не затворилось отверстое небо, пока Ангелы, небесные и земные, приглашают вас в обители Отца Небесного.

Слышим, слышим, блаженные небожители, голос ваш, – и хотим вступить на путь Господень; только подкрепите нас и сопутствуйте нам вашей помощью. Наипаче же Ты Сам, милосердый Спасителю наш и Господи, Ты Сам не остави нас, сирых духом и немощных. Призри с небесе на благое произволение и немощь нашу, виждь и благослови нас на путь Твой, облеки на нем силою свыше и утверди колеблющиеся стопы наши, доколе не прейдем в гору Святую Твою, и не соединимся с Тобою. Аминь.

Слово второе на день Вознесения Господня

Среди домашних собеседований о предметах веры не раз, братие, случалось мне слышать вопрос: почему Господу и Спасителю нашему не благоугодно было по воскресении Своём из мертвых остаться на земле, дабы видимо управлять Своею Церковью? У некоторых вопрос о сем сопровождался видимым сожалением о том, что Господь не пребывает теперь на земле, подобно тому, как пребывал до Своего Вознесения на небо. Если когда уместно сказать что-либо в ответ на подобное недоумение, то в настоящий день, когда оно легко может приходить на мысль и наводить собою печальную тень на светлость настоящего праздника. И почему бы мы усомнились сделать сие, когда причина и цель, по коим Господь наш не благоволил остаться навсегда по Воскресении Своём на земле, так часто указуемы были Им Самим и Его апостолами? После сего предмет сей может подлежать благоговейному размышлению всех и каждого.

Что же мы скажем вам?

Соображая различные места Священного Писания касательно Вознесения Господа на небо, первее всего, братие, видим, что преславное событие сие нимало не зависело от каких-либо причин случайных, так чтобы могло быть и не быть. Нет, Вознесение Господа, подобно смерти и Воскресению Его, точнейшим образом входило в план спасения нашего; а по сему самому было предсказано и воспето во всем величии его еще Пророками. "Взыде, – говорит, например, святой Давид, – Бог в воскликновении, Господь во гласе трубнем» (Пс. 46:6). И он же, приглашая небесные силы путесотворить восходящему на небо Господу, взывает: «возмите врата князи ваша... и внидет Царь славы!» (Пс. 23:7). Посему-то апостол Петр, по Сошествии Святаго Духа, в слух всех Иудеев утверждал, что «подобает небеси ...прияти Христа Иисуса до лет устроения всех» (Деян. 3:21), то есть до скончания мира.

Точно, подобает! Ибо время уничижения Господа навсегда окончилось Его Крестом и гробом; по Воскресении и принятии

Им всякой власти на земле и на небе (Мф. 28:18), естественно наступило для Него время прославления. Но грубая, растленная грехами, тяготеющая под проклятием земля наша, явно есть место не покоя и прославления, а искушений и странствования. Посему-то Спаситель в самый первый день Воскресения Своего объявил Магдалине, что Он уже восходит (Ин. 20:17) к Отцу, хотя и оставался еще потом на земле в продолжение сорока дней. Знак, что пречистое человечество Его, онебесенное Крестом, тотчас по воскресении из мертвых стремилось уже выпрыгнуть, в мир пренебесный, к Отцу; и если Он оставался еще на земле, то по особенной любви к ученикам и по нужде продолжить с ними беседы, яже о Царствии Божием (Деян. 1:3). А когда и сия потребность была удовлетворена, когда и сии святые узы престали иметь силу, то прославляемое за крестный подвиг Человечество Спасителя, подобно благовонному фимиаму, само собою устремилось к Елеона к вечному Солнцу – туда, где сообразно Его чистоте и славе и где Ему надлежит быть до того времени, как, Его же действием и силою, все очистится и просветится и долу, и самая земля, совлекаясь грубости и проклятия, соделается способною быть местом видимого всегдашнего вселения Божия с людьми (Откр. 21:3). Подобаает убо, скажем и мы словами апостола, «небеси... прияти (Христа Иисуса) до лет устроения всех!» (Деян. 3:21)

Сего самого требовало и новое, великое предназначение Сына Человеческого по Его воскресении. Как в состоянии уничижения Он долженствовал быть жертвою за всех, так в состоянии прославления Ему предлежало соделаться распорядителем и главою всяческих. Но где обыкновенно место главе? Не вверху ли всего тела? По сему же самому закону (если закон нужен и для Законодателя) поступлено и теперь: как Глава и Правитель всего мира, Богочеловек посажден "одежду Бога Отца на небесных, превыше всякого Начальства и Власти, и Силы и Господства» (Еф. 1:20–21), дабы, по выражению святого Павла, «возглавити Собою всяческая... яже на небесех и яже на земли» (Еф. 1:10).

Даже, если не брать при сем в расчет другие существа, высшие нас, а иметь в виду одних собратий наших, людей, то и тогда окажется, что Спасителю нашему надлежало избрать местом пребывания по воскресении мир не наш дольний, видимый и чувственный, а горний, невидимый и духовный, ибо где более потомков Адама, в нашем, или в том мире? Без сомнения, стократ более там, нежели здесь. Там все праотцы, пророки, апостолы, мученики, великие подвижники, и бесчисленное множество других людей. Там ныне по сему самому, то есть среди большого числа людей, среди лучших членов человечества, надлежит быть и Тому, Кто Сам есть наилучший из всех.

Все сие справедливо, подумает кто-либо, но для нас нисколько не утешительно: мир ангельский мог бы и без присутствия Господа нашего удерживаться в своем чину и порядке; мир душ усопших также менее имел нужды в Его присутствии, не подлежа, подобно нам, искушениям и борьбе непрестанной. С нами, с нами бедными, бранными, подлежащими всем искушениям и напастям, с нами надлежало бы остаться нашему Спасителю, подобно тому, как искуснейшие врачи остаются с теми из больных, кои наиболее подлежат опасности и наименее подают надежды.

А вы думаете, братие, что мы были забыты Спасителем при Его вознесении на небо? Что ж, если мы скажем вам, что нас-то именно, остающихся на земле, Он преблагий и имел при сем в виду, что для нашего именно блага Он и поспешил на небо?

«Уне есть вам, – так говорил Сам Господь ученикам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще (ли) же иду, пошлю Его к вам» (Ин. 16:7). Не явно ли после сего, что Он пошел на небо для нас и нашего блага?

Спросите: почему же лучше, чтобы теперь пребывал с нами Дух Святой, а не Спаситель наш? Или почему нельзя было Им быть с нами обоим вместе, что казалось бы еще лучше? Для уразумения сего надобно, братие, привести вам на память, что в деле спасения нашего хотя участвуют все лица Святой Троицы, но каждое особенным образом, именно: Богу Отцу Священное Писание усвоет верховное распоряжение сим

делом, послание на землю Бога Сына и Бога Духа Святаго; Богу Сыну принадлежит искупление нас от греха и смерти Его вочеловечением, страданиями и смертью за нас; благодатью Духа Святаго преимущественно совершается очищение, просвещение и освящение искупленного рода человеческого. Сообразно такому плану спасения нашего, как Отец не мог совершить того, что надлежало совершить Сыну, то есть родиться, страдать и умереть за нас; так Сыну не подобало совершать лично того, что принадлежит благодати Духа Святаго, то есть очистить, возродить и освятить нас для новой благодатной жизни. Кроме сего, каждая часть Божественного плана о спасении нашем имела быть приведена в действие в свое время и в своем месте. Сын не прежде пришел во плоти для искупления нас от греха, как Отец устроил все для сего дела и приготовил к принятию Его род человеческий. Дух Святой не прежде начал великое дело освящения людей, как Сын искупил их, примирил с Богом и приуготовил для принятия даров Его. Посему же каждое Лице Пресвятой Троицы, когда совершало Свое дело, то уступало место особенным действиям другого Лица: так, Отец, когда окончил Свои распоряжения касательно рода человеческого и узрел Сына готовым к принятию владычества над всем, то немедленно по воскресении Его предал Ему власть. "Дадется Ми, – говорит Сын, – всяка власть на небеси и на земли» (Мф. 28:18). Так и Сын, по окончании Своего великого дела на земли, то есть по искуплении людей Своею смертью, по сошествии во ад и по воскресении, видимо и торжественно отошел на небо, дабы превознесением Своим открыть путь невидимому благодатному вседействию Духа Утешителя. Сего требовал, как мы сказали, Божественный распорядок нашего спасения, ибо дальнейшее приложение заслуг Икупителя к роду человеческому, благодатное очищение и освящение искупленных, подобало производить уже не Ему, а Пресвятому Духу.

Хотите ли идти благоговейной мыслью далее? Я не усомнюсь повести вас, ведомый сам верою в слова Спасителя. – «Аще Аз не иду, – говорит Он, – Утешитель не приидет» (Ин.16:7). Значит, между восшествием Его и снисшествием

Святого Духа есть, кроме духовной, некая связь пресущественная, по силе коей без первого не могло быть и последнего, на каковую мысль наводят и слова Евангелиста; «не у бо бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен» (Ин. 7:39). Что значит сие? То, что, по своей грубости и плотяности, мы сами не могли непосредственно приять Святого Духа: для сего требовался некий посредствующий орган, через который благодать Духа могла бы излиться на нас. Богоносный и духосообщительный орган сей есть пречистое Человечество Спасителя нашего, от исполнения коего мы имели приять благодать возблагодарить. Но для сего Ему Самому надлежало раскрыться во всей силе, и для сего, оставив землю, не могущую вместить славы Божественной, взойти превыше всех небес, возсесть одесную Отца. Там, на престоле славы, Человечество Икупителя нашего просветлело всей славою Божества, и по теснейшему соединению Своему с одной стороны с Божеством, с другой – с нами, открыло Собою Пресвятому Духу ближайшую удобность пролиять благодать даров Своих на все человечество, на всякую плоть. На сие-то самое, должно думать, указывал Сам Спаситель, когда, говоря ученикам о будущем пришествии Святого Духа, утверждал, что Он от Него примет. Ибо Утешитель всеблагий точно от Него милосердного принял удобность низойти на человечество так, как нисшел в день Пятидесятницы, то есть, во всей полноте благодатных даров Своих.

Как ни скудно, братие, созерцание сие, но и из него видна сила слов Спасителя: «уне... да Аз иду... аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет!» (Ин.16:7). Пришествие Святого Духа для нас было нужнее видимого пребывания с нами Спасителя, ибо дело искупления было совершено Им, а дело благодатного освящения надлежало совершить Святому Духу; между тем, без восшествия Его на небо, не могла бы излиться благодать Духа. Тогда могли бы мы сетовать, если бы пребывание в Церкви Духа Святого не заменило совершенно видимого присутствия в ней Спасителя, но кто может сказать сие? Чего не соделал и не содевает Дух Святый для Церкви и для каждого верующего? Вначале нужно было первее всего образовать апостолов: и они,

кои, столько времени ходя со Спасителем и слыша беседы Его, не могли освободиться от неправых понятий, по сошествии Святого Духа тотчас сделались другими людьми, начали возвещать слово веры всем и каждому, и в первый день один Петр обратил ко Христу целые тысячи. Надобно было для ускорения роста в новом вертограде Христовом сообщить верующим различные дарования необыкновенные, и Дух Святой начал разделять их в таком избытке, что каждому из верующих давалось явление духа на пользу. Требовалось образовать Таинства для видимого освящения верующих; и при действии Духа – Освятителя – немедленно восприяли начало семь Таинств, обнимающих и освящающих собою все главные перемены в жизни человека. Для пастырей Церкви необходимо было руководство при дальнейшем устройении ее благолепия и ограждения ее законами – и на Вселенских Соборах Дух Святой просветил их умы для отражения всех ересей, для утверждения всех догматов, для законоположения на все случаи. А бесчисленные сонмы мучеников? Кто одушевил их твердостью, как не Дух Святой? А многочисленные сонмы пустыножителей? Кто воспитал и совершил их в смирении и любви, как не благодать Духа? А множество светил Церкви, учителей вселенских? Откуда заимствовали озарение, как не от Его света? И теперь, есть ли хотя один человек, который бы мог по праву сказать: для спасения моего недостает того или другого?

Конечно, – скажет кто-либо, – опасение и теперь легко для желающих; но при Самом Спасителе было бы еще легче, и одно слово Его могло бы остановить многих от греха. Так кажется, возлюбленный, но не так было бы на деле. Много ли людей перестали грешить, когда Спаситель Сам проповедовал на земле? Но тогда, скажешь, Он был в состоянии уничижения, потому Его и не так слушали. А теперь, ты думаешь, что Спаситель оставался бы на земле во славе? Но может ли земля наша вместить эту славу? И если бы вместила, то вместе с сим не должно ли уже принять другой вид и все прочее на земле? Тогда уже вовсе не место было бы нынешнему порядку вещей, и надлежало бы произойти тому, что будет сделано по окончании

мира. Но где бы в таком случае было место покаянию, – покаянию, без коего мы все – ничто?..

Итак, вместо сожаления, мы должны благодарить Спасителя нашего за то, что Он вознесся на небо. Ибо, как сходил Он с неба для нашего блага, так и возшел на небо для нашего спасения, для того, чтобы ходатайствовать о нас пред Отцем, чтобы ниспослать нам Духа Святого, чтобы с неба управлять всем, и все направлять во благо наше. А благодаря Спасителя за Его вознесение, мы должны готовиться и сами идти к Нему. Но, вот наша странность и наше несчастье: Его хотели бы свести на землю, а к Нему не хотим идти на небо! Между тем, где лучше? Явно, у Него, нежели у нас. Отчего же мы с такою неохотой идем к нашему Спасителю, когда нам достается идти, то есть, в час смерти? Оттого, что не чувствуем живой любви к Нему: любящий бежит к любимому. Оттого, что мы слишком прилепились к земному и не можем разорвать уз мира и плоти. Престанем быть слишком чувственными и земляными, и мы сами тотчас почувствуем стремление к небесному; а со временем будем, может быть, говорить с Давидом: «увы мне, яко пришествие мое продолжися!» (Пс. 119:5) «Когда прииду и явлюся лицу Божию?» (Пс. 41:3). Аминь.

Слово третье в день Вознесения Господня

Памятуете ли, братие, к чему приглашала нас Церковь, когда мы праздновали Сошествие Господа на землю? «Христос на земли, – взывала она, – возноситеся!»²⁰ Если тогда было уместно и нужно такое приглашение, тем паче теперь, когда Христос возшел на небо. Когда Он сходил на землю, то, по видимому, лучше было оставаться с Ним на земле, можно было даже ради Его сойти с неба, как и сходили многие Ангелы, а теперь явно нет причин оставаться без Христа на земле, лучше идти к Нему, быть на небе. «Христос на небеси, ... возноситеся!»

«И кто бы, – скажете, – не пожелал быть на небе, если бы не препятствовала тому грубая плоть наша?» Но, братие, не наша ли плоть была у Еноха? И, однако же, он «преложен на небо» (Быт. 5:24), не видев смерти, то есть, вознесся туда с плотью. Не наша ли плоть была у Илии? И однако же он восхищен на небо на колеснице огненной (4Цар. 2:11). Не наша ли плоть была у Павла? Но он был на третьем небе и слышал неизреченные глаголы. Не наша ли плоть была у Марии Египетской? Но когда она молилась, то святой Зосима видел ее на локоть от земли. Не наша ли плоть была у всех мучеников, и на что они не шли с сей плотью? У всех подвижников? И каких чудес не показали они в сей плоти?

Плоть подлинно влечет всех к земле, ибо она земная; но привлекает и удерживает только тех, кои сами рады сему влечению, у коих дух столько оземленел, что потерял способность стремиться, сообразно своей природе, на небо. У тех же, кои умеют противостоять требованиям чувственности, сама плоть постепенно отвыкает от земли, принимает горнее направление, становится духовной; и без преувеличения можно сказать, что если бы сии люди не разрешались скоро от уз плоти рукою смерти, то они с продолжением времени возносили бы самую плоть свою на небо.

Но уступим плоти ее тяжесть, не будем оспаривать у персти перстного; предоставим эту честь тем, кои могут вместить оную. Пусть плоть останется на земле: что препятствует духу

возноситься на небо? Не у него ли способность быть – в мыслях – там, где захочет? Что же препятствует употреблять сию драгоценную способность на то, чтобы, как можно чаще, бывать духом и сердцем на небе, у своего Спасителя, среди своих небесных собратий? Трудно ли это дело? И, однако же, как не многие устремляют, даже позволяют устремляться мыслям и желаниям на небо!

Где не бывают мыслями, о чем не думают? Но спросите самых многомыслящих людей, часто ли они мыслями бывают на небе? А без сего удивительно ли, что дух, непрестанно занимаясь земным, житейским, тленным, наконец сам землеенеет, грубеет и исполняется крушения и суетности!

«Но, что пользы из того, что мы будем мыслями возлетать на небо, когда все прочее существо наше остается на земле? Помогает ли бедному, что он мыслями будет жить в чертогах царских?» Бедному это не помогает, а нам поможет – думать о небе. Ибо, чертоги царя не предоставлены бедному, а небо предназначено нам: думая о небе, мы будем думать о своем; а думать о чем-либо часто – не составляет малости. У человека все начинается с мысли. Начните чаще думать о каком угодно предмете: этот предмет будет все ближе и ближе к вам; потом он войдет в вашу душу, наполнит ее собою, вытеснит все прочие предметы, обратится в управляющее начало всех ваших действий. Так бывает и тогда, когда человек часто возносится мыслью на небо; он исполняется чувством презрения к миру, становится возвышенным над всем греховным, и легким на добро, – небесным.

«Но, – скажете, – будет еще время думать о небе, когда мы взойдем на небо, по смерти; теперь довольно забот земных: зачем предварять порядок вещей?» Затем, что настоящий порядок вещей есть беспорядок; затем, что кто не предварит, тот вовсе опоздает; затем, что без добровольного вознесения в духе при жизни невольное вознесение по смерти не только не пользует, но и обратится в источник мучений.

Так, братие, как ни ужасна сия истина, но не подлежит никакому сомнению, ибо весьма ощутительно выражается уже теперь. Что происходит с теми, кои восходят на слишком

высокие горы? Вид прекрасный, но дыхание становится тяжелым, в голове чувствуется боль, чувство тупеет и, наконец, вовсе теряется. Так и с теми, кои без собственного приготовления, рукою смерти насильно преставляются на небо. Горняя стихия, в коей блаженствуют духи чистые, нестерпима для нечистого сердца, оно не может дышать ею, и само собою падает с высоты небесной – в ад!

Посему-то, так часто и так сильно, священные писатели внушают нам заранее отвыкать от земли, возноситься в горняя умом и сердцем. Это нужно не для Творца нашего, – Он и без нас всегда был и будет преблажен, – а для нас, для того, чтобы мы, перейдя без приготовления на небо, не нашли там себе, вместо блаженства, мучения. Ибо небо блаженно не для всех, а только для тех, кои сами сделались небесными.

«Но как приучить ум устремляться на небо? Внешние предметы и нужды непрестанно рассеивают его и обращают к земле». Правда, что у человека много препон к тому, чтоб неуклонно взирать умом на небо, но не менее и побуждений взирать туда. Надобно только однажды и навсегда утвердить в душе своей мысль, что там – на небе – все наше, лучшее: после сего взоры ума, и даже тела, невольно будут обращаться часто к небу. В самом деле, мы без труда помним непрестанно о своем доме, а где наш вечный дом? Там. Для нас не составляет трудности вспоминать о родных и близких сердцу, а где их более: на земле, или на небе? Там. Начальники за нас редко не в мыслях: а где наш Царь и Господь? Там. Таким образом, – говорю, – нужно только пробудить мысль о том, что значит для нас небо, – и думать о нем для нас сделается необходимостью.

Но, любезный собрат, скажу в заключение: думай или не думай о небе, а ты будешь на небе; люби сколько хочешь землю и прилепляйся к ней, но ты оставишь ее навсегда. Твое место не здесь, а – или на небе, или во аде!

Итак, лучше все употребить, перенести все трудности, только явиться на небе способным к небу, нежели увлекаясь соблазнами, или побеждаясь трудностями, быть потом низринуту с неба. Аминь.

Слово четвертое на день Вознесения Господня

Не без особенной причины, возлюбленные о Господе сестры, добрая гора сия, а не другое место, избрано для жительства первыми основательницами обители вашей; не без особенной также цели воздвигнут на горе сей храм не другой какой-либо, а в честь и память Вознесения Господня. Очевидно, что у избравших сию гору на жительство иноческое, у созидавших храм сей для ежедневных молитв в нем, постоянно имелось в виду празднуемое ныне Церковью событие, то есть Вознесение Господа с Елеона на небо. Посему мы не поразногласим с мыслями их, если скажем, что им хотелось, дабы добрая гора ваша уподоблялась Елеону, и чтобы живущие на ней, посредством подвигов жизни иноческой, достигали восхода туда, где теперь Господь и Спаситель наш.

Но святая гора Елеонская была местом не одного Вознесения Господня на небо. Нет, это вознесение с нее, можно сказать, было наградою и венцом за то, что совершаемо было на ней же Господом прежде, во время Его земной жизни. Посему, если хотим, подобно Ему, быть некогда приятными со здешнего Елеона на небо, то должны, доколе будем оставаться на земли, совершать на сей горе подобное тому, что совершал на Елеоне Он.

Что убо совершено Господом на Елеоне?

Здесь Спаситель, во-первых, показал пример кротости и смирения, когда, согласно пророчеству, идя во Иерусалим, воссел на жребяти осли. День, когда сделано сие, был самый торжественный. Ему надлежало явиться пред лицом Иерусалима в виде Сына Давидова, Царя обетованного пророками. Между последователями и почитателями Иисусовыми были, как известно, и князи Иудейские, кои могли окружить появление Его пред Иерусалимом не только всеми удобствами, но и возможным великолепием. Но Сын Давидов и в сей, таинственный для Него и для Иерусалима день, является без всякой роскоши и неги, восседшим на самое простое и бедное животное. Для чего? Да научимся мы из примера Его

пренебрегать пышностью мирскою, да познаем, что истинное отличие наше должно быть не вне, а внутри нас, – в душе и сердце нашем, что чистота, смирение и кротость суть первые и лучшие украшения для последователей Иисусовых.

И всех, – тем паче нас, возлюбленные сестры о Господе, нас, кои имели святую решимость оставить навсегда вся красная мира и вселиться на горе сей для служения единому Господу. Горе нам, если возомним отличаться от других чем-либо из тех вещей, в коих находят себе отличие, честь и славу чада века сего! Сугубое горе, если попустим себе останавливать на нас взоры чьи-либо, кроме Небесного Жениха душ и сердец, – возлюбленного Спасителя нашего! Если и живущим в мире женам христианским подобает украшаться, по апостолу, не внешним плетением "влас, не обложением злата, или одеянием риз... но потаенным сердца человеком, в неистлении кроткого и молчаливаго духа» (1Пет. 3:3–4), то нам, яко торжественно отрекшимся мира, вовсе не довлеет по тому самому и мыслить о противном. Кротость сердца, смирение духа, чистота тела, послушание, пост и молитва: вот наше украшение! Чья душа стяжала его, та имеет все, что нужно, и есть превыше всего, хотя б была последней из служительниц сей обители.

На Елеоне, во-вторых, была та единственная минута, в которую Господь плакал о Иерусалиме. Известно, что было причиною сих слез: это предведение того ужасного неверствия и ожесточения во зле, кои в жителях Иерусалима имели оказаться во время страданий и смерти Господа, и за кои град неверный будет осужден на отвержение и попрание язычниками. "И... видево, – сказано у Евангелиста, – град, плакася о нем, глаголя: яко аще бы уразумел и ты, в день сей твой, еже к миру твоему: ныне же скрыся от очию твоею!» (Лк. 19:41–42).

И с вашей горы, хотя в отдалении, но виден град наш, возлюбленные сестры о Господе! Те из вас, кои могут взирать на него очами, подобными тем, коими взирал с Елеона на Иерусалим Господь наш, вероятно, не удержатся по временам от слез любви христианской. Ибо, если Иерусалим, град избранный и возлюбленный, представлял в себе причину к

печали о нем и слезам, то нашим ли градам хвалиться чистотою нравов и богатством добродетелей христианских? Благое посему и истинно христианское дело сделают таковые, если, взирая по временам отсюда на град наш и представляя, как, по выражению святого Давида, пререkanie обходит его днем и ночью, как на стогнах его господствуют лихва и лесть, как множество душ погибает в нем от соблазнов, а некоторые упадают до такого безумия, что обращают себя в орудие соблазна, – пролиют при сем о граде нашем слезы сострадания и вместе с ним теплую молитву ко Господу, да подаст живущим в нем благодать веры и покаяния, да удалит от них тлетворный дух роскоши, сладострастия и лихоимания. Но это -кто может, а с прочих из вас довольно и того, если, вспоминая слезы и слова Спасителя на Елеоне о Иерусалиме, будут при сем обращаться к собственной своей душе и говорить: о если бы ты, бедная душа моя, восчувствовала, сколько раз Господь призывал тебя к покаянию, и сколько раз ты убегала от Него и паки предавалась греху и страстям! Давно бы в таком случае оставила ты все прочие занятия, и начала плакать день и ночь о грехах своих!

На Елеоне, в-третьих, происходила беседа Господа с учениками о конце мира и Втором пришествии Его; та беседа, в которой указаны Им признаки сего пришествия, скорбь велия, имеющая прийти тогда на всех живущих на земле, и предложены правила, как надобно вести себя тем, кои хотят сретить Жениха с неугасшими светильниками.

Без сомнения, и вы, на вашей горе, собираетесь по временам для взаимных бесед. Что служит предметом их? Не воспрещаем беседовать о всем полезном для души, и даже для тела. Научайте, вразумляйте, подкрепляйте, утешайте друг друга словом веры, любви и упования. Но весьма хорошо сделаете, если, сидя на возвышении горы вашей и взирая на потоки вод, текущие у подножия ее, (как, вероятно, и апостолы взирали с Елеона на струи потока Кедрского) будете вспоминать последнюю беседу Елеонскую Спасителя с учениками и, вспоминая ее, беседовать между собою о последних днях мира. Представляйте, как тогда «померкнет

солнце, луна не даст света, звезды спадут с небесе и силы небесные подвигнутся» (Мк. 13:24, Мф. 24:29); «как потом земля наша, и яже на ней дела, сгорят» (2Пет. 3:10); как вместо нынешних явится «небо новое и земля новая, в них же единая правда живет» (2Пет. 3:13); как затем поставятся престолы, воссядет Судия и разгнутся книги, как соберутся на Суд все племена и языки, как произнесется приговор, и одни – праведные – пойдут в жизнь вечную, а другие – грешные – в муку нескончаемую. От конца мира, который, может быть, наступит еще не скоро, переходите мыслью к последним дням и концу собственной вашей жизни, который во всяком случае недалек от каждого из нас, и представляйте, как померкнет свет в собственных очах ваших, как закроется ваш слух, как оставят вас все чувства, как душа, разлучившись с телом, пойдет к Богу на суд, а тело ляжет в землю, до дня общего воскресения.

Такие беседы самым лучшим образом займут время ваше, и каждый раз будут оставлять в душе новое расположение к подвигам благочестия, новое отвращение ко греху и удовольствиям чувственным, соделают вас смиреннее в духе и терпеливее в перенесении скорбей и искушений. А суетные беседы мирские, хотя, по-видимому, и с приятностью занимают слух, но в сердце оставляют по себе пустоту и сухость, делают человека унылым и неспособным на подвиги. Бегайте сих душевредных бесед, особенно соединенных с праздным любопытством и пересудами ближних. Они и в мире нетерпимы людьми, умеющими понимать свое достоинство; а в монастыре – это истинная язва для души и сердца.

На Елеоне, далее, в вертограде Гефсиманском, принесена была последняя молитва Господом, та дивная молитва, в коей Он троекратно просил Отца, да мимо идет, если возможно, чаша страданий; молил с такой силою, что, по свидетельству Евангелиста, пот Его бысть яко капля крови, каплющей на землю. Гефсиманская молитва сия выну (всегда) должна служить в пример и отраду всем нам. Явно, что минута, в которую принесена она Отцу, была минута чрезвычайная в самой жизни Спасителя, что в эту пору Он, яко Начальник и Вождь нашего спасения, подвергнут был и величайшему

искушению внешнему, и тягчайшему борению внутреннему. Как же вышел победителем из того и другого? Молитвою. Какою? Троекратной, стоившей каплей пота кровавого. Вот где и в чем должно искать отрады и нам в минуты скорбей и искушений – в молитве! Люди немного могут тут сделать для нас, подобно как и апостолы, несмотря на приглашение Учителя бдеть и молиться, скоро предались сну. Истинно действительная, всезаменяющая помощь – от единого Господа. Итак, когда увидишь над собой какое бы ни было искушение: обиду ли от кого, потерю ли какую, нападение ли от страсти, уныние ли и тяжесть души и тела, – спеши во внутреннюю клеть твою и, затворив двери, повергнись пред Отцем Небесным и моли, да мимо идет чаша искушения, а еще более о том, да мимо идет твоя нечистая воля и да заступит ее место воля Его всесвятая. Не унывай, если не последует вскоре услышания твоей молитвы: и Сын Единородный не вдруг был услышан, а обращался к молитве троекратно. Не теряй духа, если искушение и после того не скоро пройдет: Сам Спаситель твой пошел из Гефсимании не на вершину Елеона, а на Голгофу. Довольно, если, вследствие молитвы, воля твоя воссоединится с волею Господнею; если ты предашь и, так сказать, повергнешь судьбу свою в бездну Его премудрости и благодати, кои стократ лучше нас знают, когда и что с нами сделать; могут, например, вопреки наших молитв, нарочно продлить для нас искушение, как это сделано было со святым Павлом, да не превозносимся и научимся ожидать всего не от собственного ума и крепости, а от силы Божией, совершающейся в немощах наших, – но никогда не оставят нас искушиться паче, неже можем понести.

Скажем в заключение, что не только для Божественного Сына, но и для Пречистой Матери Его, Елеон был одним из любимейших мест для посещения. Туда, как говорит Предание, всего чаще уклонялась Она, по вознесении Сына и Господа, на молитву; там получила от Архангела радостную весть о Своем Успении; там погребено Пречистое тело Ее; оттуда же потому взято оно и на небо.

Нет сомнения, что и ваше, сестры о Господе, успение последует на святой горе сей; с сего Елеона должны вы будете предстать пред Жениха Небесного. Старайтесь же, чтобы и ваша кончина была подобна Успению Матери Божией. И она будет таковой, если вы, оставаясь, доколе Господь повелит, на сем Елеоне, проведете дни свои так, как проводила Она, то есть в чистоте и смирении, в терпении и молитве, в делах веры и любви христианской. Для сего устремляйте чаще мысли ваши вослед вознесшегося на небо Господа, памятуя, что, где теперь Он, там вскоре должно быть и всем нам. Видите ли, как Он всеблагий, возносясь, благословляет всех нас? Падем же и поклонимся Ему, яко Спасителю и Господу и, укрепленные Его благословением, изыдем на дело спасения нашего до вечера нашей жизни. Аминь.

Слово пятое на день Вознесения Господня

Памятуете ли, братие и сестры о Господе, о чем в прошедшем году мы беседовали с вами здесь в настоящий день? Мы беседовали о Вознесении Господа и Спасителя нашего на небо. Ныне мы намерены беседовать с вами также о вознесении; но уже не Господнем, а нашем собственном, и надеемся, что сия беседа не только не будет противна духу настоящего празднества, а будет служить естественным заключением нашей беседы прошлогодней. Ибо для чего вознесся на небо Господь наш? Для Себя ли? Нет, Он вознесся для нас, чтобы нам открыть путь на небо. "Иду, – говорил Он ученикам, – иду уготовати место вам: и аще уготовлю место вам, паки прииду и пойму вы к Себе» (Ин. 14:2–3). Когда же приличнее нам размыслить о сем, уготованном для нас, месте, как не в настоящий день? Итак, отложив всякое житейское попечение, устремим, братие, взоры туда, куда всем нам идти должно, устремим для того, чтобы вослед мысли направлять и всю свою деятельность.

Я сказал, что каждому из нас предлежит вознесение на небо. Когда? Не прежде как по смерти. До смерти Своей Сам Господь оставался на земле, хотя земля и была не достойна Его, подчиняясь всей тяжести земного пребывания. Тем паче нам до смерти должно благодушно оставаться на земле и благодушно переносить все, с нами случающееся, все искушения и все скорби, памятуя, что все это горькое и трудное есть необходимое врачевство для очищения нашей души и совести. С намерением замечаем си се, ибо история святых подвижников свидетельствует, что враг не раз искушал простые души обещанием их вознесения на небо до смерти. Это – прелесть!

Есть указания, что и по смерти души не вдруг возносятся на небо. К сим указаниям принадлежит уже сорокадневное пребывание Господа на земле до Вознесения. Не мог ли Он вознестись вскоре по Воскресении? Но Он остается сорок дней. Если Он, Глава и Вождь, столько пребывал,

то очень вероятно, что и последователи Его, никто не предваряет Его в сем отношении взятием на небо, да будет Он, по выражению апостола, во всем первенствуя. К той же мысли, что душа по смерти не вдруг восходит на высоту небес, ведут и молитвы Церкви, продолжающиеся до сорока дней. Молитвы сии очевидно образуют собою некую лестницу; к чему бы служила сия лестница, если бы душе не предстояло восхода, или если бы восход сей оканчивался ранее?

С чем возносится душа по смерти на небо? С телом, или без тела? Явно без тела. Господь вознесся с пречистою плотью. Можно было ожидать, что и последователи Его будут возноситься так же. И это, конечно, было бы, если бы плоть наша могла достигнуть чистоты, потребной для неба. Ибо те, кои достигли сей чистоты, вознеслись на небо с плотью. Так, о Пресвятой Деве свидетельствуется, что после трех дней, гроб Ее оказался праздным; то же повествуется о святом Иоанне Богослове; подобное же сказуется о некоторых других великих подвижниках. Но для других это вознесение с плотью было бы не награда, а наказание. Ибо тело бренное, не будучи совершенно очищено, на небе составило бы тяжесть. Посему и Премудрость Божия устроила, чтобы, когда душа идет на небо, тело обращалось в землю, дабы в недре ее очиститься, перетвориться и сделаться годным для пребывания с душою на небе.

(Не закончено).

Слово шестое на день Вознесения Господня

Памятуете ли, братие, о чем в настоящий день беседовали мы с вами в прошедшем году? Мы беседовали о Вознесении Господа и Спасителя нашего на небо. Ныне мы намерены побеседовать с вами также о вознесении на небо, но уже не Господа, а нашем собственном. Ибо каждому из нас, как учит святая вера, также предстоит вознесение на небо. И Господь Сам, по учению той же веры, не для чего другого вознесся на небо, как для того, чтобы указать и отверзть туда же путь для всех нас. «Аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе» (Ин. 12:32), – говорил Господь пред Своим страданием. «Иду уготовати место вам, – так вещал в навечерии Своей смерти, – и аще уготовлю место вам, паки прииду и пойму вы к Себе» (Ин. 14:2–3). И в последней молитве Своей к Отцу Он говорил: «Отче, ихже дал еси Мне, хочу, да идеже есм Аз, и тии будут со Мною» (Ин. 17:24).

После сего не может быть ни малейшего сомнения в том, что и нам, по примеру Господа, предлежит вознесение на небо.

Когда оно должно совершиться? Тогда же, как совершилось Вознесение Господа – по смерти. До смерти и Он Сам несмотря на чистоту и совершенства свои оставался на земле, подвергаясь всем невыгодам и тяжести земного пребывания; тем паче нам надобно благодушно переносить их, – нам, для коих они служат во очищение.

Господь вознесся через сорок дней по воскресении. Очень вероятно, что и душа христианская достигает predetermined высоты не прежде сего времени, ибо не напрасно богомудрыми отцами, для коих открыты были тайны мира духовного, не напрасно, говорю, установлено до сорока дней особенно творить молитвы и приношения за усопших. Если сии моления образуют лестницу, то, без сомнения, потому, что душе предлежит восшествие на высоту.

С чем идет душа на небо? Господь вознесся с Пречистою плотью. Наша нечистая плоть недостойна неба, посему и остается долу, разрешается на свои составные части, дабы

через сие разрешение очиститься и претвориться в первое благолепие. Впрочем, и здесь все зависит от чистоты. О Пресвятой Деве мы знаем, что после трех дней, когда апостолы открыли гроб, не обрели уже Пречистого тела; то же самое предание усвояет Иоанну Богослову; то же самое скажет и о некоторых других святых.

Таким образом, недерзновенно, а благочестно можно утверждать, что есть святые души, кои, подобно Господу, еще до воскресения мертвых, уже идут на небо, так сказать, не нагими, а облеченные телесами или начатком прославленных телес.

Своею ли силою душа возносится на небо, или чуждою?

В душе чистой есть природное стремление горе, подобно как благоухание естественно стремится вверх, посему душа чистая, разрешившись от уз тела, естественно парит на небо.

Но путь на небо – дело великое. Если где, то на сем пути нужны руководители и помощники. Посему-то о душе Лазаря скажется, что она несена была на лоно Авраамова Ангелами. То же, должно думать, бывает и с другими душами.

(Не закончено).

Слово первое в день Пятидесятницы, на всенощном бдении

Апостол Павел, проходя некогда с благовестием Малую Азию, нашел в Ефесе людей, кои называли себя учениками Иисусовыми, а благодати Духа Святого не имели. На вопрос к ним: «аще Дух Свят прияли есте, – сии полухристиане ответствовали: ниже аще Дух Святой есть, слышахом» (Деян. 19:2). При дальнейшем собеседовании оказалось, что они крещены были крещением только Иоанновым, которое, как известно, совершалось в покаяние, во имя Спасителя, еще только грядущего, и потому Духа Святого, подобно нынешнему Крещению, не имело и не сообщало.

Мы, братие, по благодати Божией, все крещены Христовым Крещением, которое без Духа Святого и быть не может; почему все мы участвовали в Его дарах благодатных, при самом вступлении нашем в сей мир. Притом каждый из нас не только часто слышал о Святом Духе, но и сам многократно взывал к Нему с Церковью: прииди и вселися в ны! Но что, если бы какой-нибудь муж апостольский стал теперь среди нас, и гласом Павловым, во имя Всемогущего Бога, спросил: «Вы, кои празднуете в честь Святого Духа, кои ежедневно с Церковью дерзаете возглашать: «видехом свет истины, прияхом Духа небеснаго!»²¹ – «аще Дух Свят прияли есте»? Что сказали бы мы на подобный вопрос? Увы, оскудение Духа сделалось столь общим между христианами, что престало почитаться недостатком. Повествования о чрезвычайных дарах благодати кажутся ныне сказанием о чем-то происходившем в другом, не нашем мире; многие из самых нехудых христиан удивились бы не менее одного учителя Израилева, когда бы им решительно сказано было, что, дабы видеть Царствие Божие, необходимо каждому родиться от Духа (Ин. 3:3).

Естественно ли, братие, в христианах такое состояние бездушия? И может ли продолжаться без крайнего вреда для нас? Если неестественно и опасно, то как нам выйти из него, и что делать, дабы стяжать и, стяжав, сохранить благодать

Святого Духа? Почему можно быть уверенным, что мы точно в состоянии благодати и имеем в себе Духа Божия? – Вопросы сии так важны, что во всякое время могут и должны занимать ум христианина; тем паче нужно обратить на них внимание в настоящие дни, когда мы торжествуем в честь Духа Утешителя, и молим Его, да приидет и вселится в нас. Но первее всего обратимся сами с молитвой к сему Всесвятому Духу, да Он Сам подаст мне проглаголать, а вам принять слово истины и спасения, – ибо что значат все слова проповедующего и все внимание слушающих, если не присоединится Его всепоучающее помазание?

Что истинного христианства не может быть без Духа Божия, что действительный последователь Христов есть один тот, в ком живет и действует благодать Духа, – сия важная истина сказана и повторена в бесчисленных местах Священного Писания. Еще через пророков говорил Бог, что в последние дни, то есть, по пришествии Христовом, Он даст людям закон новый, написанный не на скрижалях, а на сердцах, и что посему, как необходимое средство для цели, будет излита благодать Духа Святого на всякую плоть (Иоил. 2:28). Последний великий пророк Ветхого Завета Иоанн Креститель в том и полагал разность своего крещения от Христова, что последним будет сообщаться Дух Святой, как необходимый дар нового, высшего завета (Лк. 3:16). Сам Спаситель всегда говорил о благодати Духа Святого с особенной силой, как о даре, необходимом для Своих последователей. Так, Никодиму, приходившему к Нему за наставлением, что должно делать, дабы войти в благодатное Царство, Он сказал прямо, что для сего нужно «родиться свыше – от Духа» (Ин. 3:3, 5), и что тот, в ком не произошло сего духовного рождения, кто бы он ни был и что бы ни делал, не может видеть Царствия Божия, тем паче войти в него. Впоследствии, говоря с Иудеями во время великого праздника и приглашая их пить воду живу, текущую в живот вечный, Спаситель опять разумел под сею водой не другое что, как Духа Святого. «Сие же рече, – замечает Иоанн, – о Дусе, егоже хотяху приимати верующии» (Ин. 7:39). Беседуя с учениками о необходимости, для последователей Его, вкушения Тела и

Крови Его, Он в то же время засвидетельствовал с силою, что и сие пренебесное вкушение не может быть действительно, если не будет совершаться в Духе. «Дух есть, иже оживляет, плоть не пользует ничтоже» (Ин. 6:63). Посему, разлучаясь со скорбящими учениками перед смертью Своею, Спаситель не нашел ничего лучшего сказать в утешение их, как то, что к ним, вместо Него, придет Дух Святой: «уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам: аще (ли) же иду, послю Его к вам» (Ин. 16:7). И по воскресении, явившись ученикам, Он не принес им с неба никакого другого дара, кроме Духа Святаго: «дуну и глагола им: приимите Дух Свят!» (Ин. 20:22). И возносясь на небо, Он заповедал им паче всего ждать пришествия обетованного Утешителя, и не прежде исходить на дело всемирной проповеди, как облекшись Его силою (Деян. 1:4). Так много Сам Спаситель говорил о Духе и так много поставлял в Его присутствии!

Так говорили и писали о необходимости Святаго Духа все апостолы, когда соделались органами Духа, и опытом дознали Его необходимость. Особенно примечателен в сем отношении святой Павел. Во всех посланиях своих, он ни о чем так часто и так сильно не говорит, как о Духе и Его действиях: ничего так не желает ученикам своим, как благодати Духа; ни о чем так не радуется, как о присутствии в них и плодах Духа; ни от чего так не предостерегает, как от потери Духа. Не иметь Духа Святаго у него то же, что не быть христианином. «Аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Егов» (Рим. 8:9), тот, по святому Павлу, и не христианин. Посему-то, как мы видели в начале беседы нашей, по пришествии в Ефес, первым делом апостола было узнать, имеют ли тамошние христиане Духа, и поскольку они не имели, то преподать им Его.

Вообще, Новый Завет весь исполнен Духом. От Духа производится в нем начало жизни во Христе, и новое рождение в жизнь вечную; от Духа повелевается ожидать всякого преспеяния и совершенства духовного; Духу усвояются все дары, необходимые для христианина в борьбе с искушениями; Святой Дух представляется и Учителем на всякую истину, и Утешителем, утешающим во всякой скорби, и Свидетелем

блаженного соединения христианина с Богом и Спасителем, и Споручником вечных обетований и благ жизни грядущей. Посему и истинный христианин называется человеком духовным, а нехристиане и христиане ложные – людьми плотяными, Духа не имущими. Таким образом, вся сущность деятельного христианства, по Священному Писанию, состоит в рождении от Духа, в исполнении себя Духом, в хождении по Духу, в возгревании в себе и других Духа.

Кто вникнет в свойство нашей святой веры, тот и сам собою убедится, что точно должно быть так, а не иначе, что без Духа Святаго невозможно быть христианином. Ибо в чем состоит сущность истинного деятельного христианства, которое одно и стоит сего наименования, ибо одно доставляет право на жизнь вечную во Христе?

Сущность сего христианства не состоит ни в огромных и глубоких познаниях, ни в силе и стремительности благих, ни в приходящих и остающихся без благотворного последствия, чувств, ни в поверхностном исправлении своего поведения, коего настоятельно требует самый мир, ни в отсечении некоторых только ветвей злого корня нашего самолюбия, – но в совершенном искоренении греха и похоти, в обновлении всех сил духа и сердца, в перетворении самого внутреннего начала деятельности и жизни. Кто же может совершить все сие, проникнуть до последнего основания нашего бытия, заключить там источник тления и смерти, и открыть исходища жизни, если не Дух Божий, силой Коего мы живем, движемся и есьмы? Христианин обязан распять плоть свою с ее страстями и похотями: кто же вознесет его плоть на крест, если не будет Духа Божия? Дух человеческий сам плотян, и потому не может поднять рук на свою питательницу и сообщницу; притом для него самого нужен крест и смерть: кто же распнет его самого плоти и миру?

Христианин обязан быть во Христе, постоянно держаться на Нем верою, как ветвь на лозе, и только в сем состоянии единства со Христом может быть живым деревом, достойным вертограда небесного; какой же земной вертоградарь может привить нас к сей Божественной лозе, без Духа Божия?

Христианин обязан вести брань не с одной плотью и кровью, но и с духом злобы поднебесной, с силами ада; достанет ли в сей борьбе собственных сил наших? Убоится ли гордый Денница нашей мудрости, нашего мужества, нашего терпения и постоянства, если все сие не будет облечено силою Духа Божия? Кратко: христианин должен быть новой тварью, созданной во Христе на дела благие; возможно ли, чтобы тварь сотворила сама себя? Духом Божиим мы созданы, Им же, и только Им одним и воссоздаемся. Где нет Духа, там нет и жизни духовной, точно так же, как, где нет совершенно воздуха, там нет жизни телесной. Посему те в величайшем заблуждении, кои желают быть добродетельными, и не стараются о стяжании благодати Святаго Духа: они сеют на камне, пишат на воде, хотят летать без крыл, – дышать без воздуха.

И ум естественный может испускать из себя лучи света, и производить вокруг себя радужное сияние мыслей; но этот свет не имеет теплоты, необходимой для произращения благих дел, и не в состоянии произвести того дня боговедения и благочестия, среди коего ходяй не поткнется никогда же (Ин. 11:9). Можно и из естественного сердца выжимать по временам капли благих чувствований; но все сии капли, как бы ни казались они обильны и свежи, в самом слиянии своем никогда не произведут живой воды, могущей утолить жажду души, и большей частью испаряются праздно в воздухе, не умягчая строптивного нрава, не оживляя засохшей совести. Можно, наконец, все поведение свое испестрить похвальными поступками, все слова свои растворить светскою добротой, повалить весь образ земного бытия своего, и за сие прослыть человеком благородных правил, образцом того, как надобно жить, но невозможно, совершенно невозможно, без благодати Святаго Духа сделать того, без чего все прочее мало и ничтожно, то есть переменить свое, злое по естеству, сердце, обновить свой падший дух, отвергнуться своей нечистой воли, умереть навсегда самолюбию – это выше человека, это дело одной всемогущей благодати Духа Святаго!

Говоря таким образом, а иначе говорить нельзя, не противореча грубо истине, не произносим ли мы, братие,

тяжкого приговора самим себе? Для вас открыто ваше собственное положение, знакомы мысли и чувства собратий наших, известно, каковы обыкновенные дела и занятия всех и каждого; скажите: много ли людей, о коих можно было бы сказать, что в них обитает Дух Святой? Знает ли каждый хотя единого? Среди непрестанных бесед о предметах всякого рода, случалось ли хотя раз слышать какое-либо слово о Святом Духе? И за кого бы почтен был тот из вас, кто в каком-либо собрании вашем, осмелился бы начать речь о Духе, «Егоже хотяху приимати верующий!» (Ин. 7:39).

Что же значит после сего наше христианство? Куда все идем мы, и куда думаем прийти, идя таким образом? Может ли наш бедный дух навсегда заменить для нас Духа Божия? И если бы нам, без Духа Божия, можно было оставаться хотя с собственным нашим духом! Но это невозможно! В ком нет Духа Божия, в том непременно живет и действует дух злобы. До времени, это пребывание его в человеке, не возрожденном благодатью, не так приметно, и не сопровождается видимо пагубою (хотя и тут, по временам, смотря на поступки таких людей, каждый невольно говорит: в сем человеке злой дух)! Но при смерти, когда спадут все завесы, когда человек станет один посреди неба и ада, тогда во всей силе обнаружится ужасное влияние духа злобы над душами, не имущими в себе Духа Божия.

Если убо, братие, кроткий зов благодати не силен пробудить и привлечь нас к Духу Святому; то да соделает сие страх подпасть без Него тлетворному влиянию духа злобы! Ибо, как мы сказали, одно из двух для человека неизбежно: надобно быть или храмом Духа Святаго, или гнездилищем врага Божия! Аминь.

Слово второе в день Пятидесятницы, на литургии

После вчерашнего собеседования нашего о совершенной необходимости для всякого христианина в дарах Святого Духа, явно, не последней мыслью должно быть для каждого из нас, как стяжать благодать Святого Духа? Где и какие средства к тому? И нет ли в сем деле таких препятствий, коих невозможно преодолеть?

Представляя себе всю важность сих вопросов, и входя в положение души, предлагающей их от полноты святого желания быть храмом Духа Божия, как радостно, братие, для нас отвечать вам в сем случае с полной уверенностью, что стяжание благодатных даров Святого Духа для каждого из нас весьма удобно, что для сего находится множество самых действенных средств, и что надобно удивляться, как многие из христиан живут и умирают без благодати Святого Духа.

Точно надобно удивляться! Ибо чего не соделала и не делает премудрость Божия для того, дабы каждый из нас, не говорю, мог стяжать, а не мог, так сказать, убежать от Духа благодати и щедрот? Без всякого преувеличения, скажем, что премудрость Божия сотворила для сего целый новый мир! Да, братие, целый мир! Ибо, что другое Церковь Христова, как не новый мир благодатный среди древнего мира – естественного? Вам известно, чего стоило создание сего нового мира (для этого надлежало Самому Сыну Божию умереть на Кресте!). Из чего же состоит весь этот новый благодатный мир, как не из средства к облагодатствованию нас благодатью Святого Духа? Углубитесь со вниманием в состав Церкви, разберите ее великие и малые части, вникните в ее учреждения и действия – и вы увидите, что в Церкви как все произошло от Духа Божия, так все и ведет к сему Духу: к сему направлены все Таинства и обряды Церкви, к сему устремлены вся ее власть и права, все ее награды и наказания.

И как рано начинается над нами действие средств, служащих к освящению нас благодатью Святого Духа! Еще мы не имеем сознания своего бытия, едва только умеем дышать

воздухом и плакать, как Церковь берет нас из рук наших родителей, и в купели крещения отрождает водою и Духом. Для ока чувственного незаметно благодатное действие сей тайны; но оно велико! Это, по выражению апостола, »...баня пакибытия и обновления Святаго Духа!» (Тит. 3:5). И печать царя земного крепка и важна: тем паче нерушима печать Святаго Духа, кою мы печатлеемся, по исходе из святой купели, в таинстве миропомазания. Мы не видим после сея печати, но видит Бог, и познает сущие Своя; зрят Ангелы, и благоговеют, радуясь; не не видят и ненавидят демоны и трепещут. Все благое и святое по обновлении через крещение нас Духом Святым становится нам уже природным, потому легчайшим и ближайшим. И если бы мы, придя в возраст, не теряли благодати крещения своими грехопадениями и противлением Духу благодати, мы возрастали бы в дому Божиим – в Церкви Христовой – благодатью и всеми дарами ее, подобно тому, как возрастал Сам Господь и Спаситель наш.

С возрастанием нашим летами, можно сказать, возрастают для нас и средства благодати. Как рожденным от Духа, нам необходим духовный свет, духовное питание, духовные врачевства; и все сие в избытке каждому предлагается Святой Церковью.

Тут всегда незаходимо светит свет слова Божия. Происшедшие от Духа слова Святого Писания сами суть дух и живот. Кто, читая или слыша их с простым сердцем, не чувствовал себя как бы перенесенным в другой мир? Не ощущал над собой веяние Духа благодати? Не начинал сам дышать небесным воздухом? Так и должно быть! Если, читая часто самого обыкновенного писателя, мы напиваемся его духом, то тем паче не можем не прийти в содружество с Духом Божиим, упражняясь прилежно в богодухновенном Его слове.

Есть в Церкви для всех нас в избытке пища духовная. Не говоря о самом слове Божиим, которое не только просвещает, но и питает душу, не упоминая о песнопениях и поучениях, кои также служат к духовному питанию алчущих, в Церкви есть такая манна для духа, какой нет на самом небе: это брашно Тела и Крови Христовой! Тело и Кровь Христовы могут ли быть

без Духа Христова? Посему причащающийся их достойно, а сие достоинство состоит главным образом в вере, смирении и покаянии, следовательно, доступно всякому, не только причащается с Телом Христовым Святого Духа, но и сам, по выражению апостола, бывает един дух с Господом.

Есть в Церкви и множество врачевств духовных для исцеления язв, наносимых духовному человеку нашему миром и плотью. От какого падения не сильны восставить нас покаяние и исповедь? Вся, – сказал Сам Спаситель, – «вся, елика разрешите на земли, разрешена будет на небесах» (Мф. 18:18). После сего от нас зависит, потеряв благодать Духа, немедленно прибегать к таинству покаяния, для возвращения потерянного; ибо Дух благодати есть дух милосердия и щедрот. Если Он Сам преследует грешника на всех, самых стропотных, стезях его жизни, то сокроется ли преследуемый?

И все прочие Таинства Церкви суть видимые, постоянные проводники Святого Духа. Как к некоторым вещам, посредством особенного действия науки приведенным в необыкновенное состояние, стоит только прикоснуться, дабы извлечь искру огня, и посредством ее самому прийти в подобное возвышенное состояние, так и в Таинствах. Здесь благодать Святого Духа делается, можно сказать, видимою и осязаемою, так что одно соприкосновение с верой уже служит к освящению души и тела.

Что, наконец, суть самые храмы наши, как не дома Духа? Как часто входящий в мироварницу и долго пребывающий в ней, невольно и неприметно делается благоуханным в самых одеждах своих; так часто и с надлежащим расположением посещающий храмы Божий неприметно одухотворяется и начинает дышать небом.

Наконец, в каждом из нас самих есть постоянное, верное и действительное средство к привлечению Духа Божия. Это молитва, или устремление ума, сердца, мыслей и желаний к Богу. Молитве обещано все Самим Господом; тем паче ею всегда можно приобретать необходимое, то есть благодать Святого Духа, без коей нет и быть не может в нас ничего истинно благого.

При столь многих и разнообразных средствах к приобретению благодати Святого Духа не справедливо ли, братие, сказано нами, что христианин, не имеющий в себе сей благодати, есть нечто странное и неестественное? Пусть не везде храмы Божий, не везде слово Божие, не везде Таинства (хотя и это все легко может быть везде), но где нет молитвы? Сей златой ключ всегда и у всех в руках. Посему-то апостол, приглашая к принятию Святого Духа, не говорит: ищите Его, заслуживайте, усиливайтесь достигнуть; а говорит просто и прямо: «исполнитесь Духом!» (Еф. 5:18). Как бы мы все стояли среди моря благодати, и надлежало бы только несколько преклониться, дабы погрузиться в ней всецело. И точно, те, у коих отверзто было око духовное, видели себя так окруженными, можно сказать, стесненными со всех сторон источниками благодати, что в изумлении вопияли: «Камо пойду от Духа Твоего?» (Пс. 138:7). А один из таковых людей облагодатствованных, как бы уже совершенно погружаясь в преизбытке благодати Божией, восклицает ко Господу: удержи волны благодати Твоя.

«А я, – подумает при сем с прискорбием иная добрая душа, – а я употребила столько времени и столько средств, дабы удостоиться благодати Святого Духа, и доселе не вижу следов ее в себе!» Сожалею о лишении твоём, возлюбленная, ожидающая Духа Божия, душа! Но если ты воистину возжелала быть храмом Его, то будешь, непременно будешь им! А, может быть, ты уже и есть то, чем желаешь быть, хотя и сама не знаешь того, как сие нередко бывает. Присутствие Духа Божия, так обыкновенно думают, должно ознаменовываться какими-либо необыкновенными чувственными знамениями: мысль совершенно несправедливая! Подобные знамения могут быть, могут и не быть. Одно неразлучное с присутствием благодати знамение, как увидим пространнее в завтрашнем собеседовании нашем, есть наше духовное возрождение, или перемена существа нашего, особенно злой воли нашей на лучшее. Посему, вместо сетования о безуспешном употреблении средств благодати, да рассмотрит сетующий о сем лучше свое сердце и свою жизнь; легко может быть, что он

сам по следам худых мыслей, исторгнутых до основания, язв совести, исцеленных совершенно, многих благих начинаний, кои представлялись невозможными, но потом окончены с успехом, может быть, говорю, по сим и подобным признакам в нас силы высшей и Божественной, он сам скоро будет иметь утешение обрести в себе следы Духа Божия. Но и в том случае, возлюбленный брат, когда, рассмотрев со тщанием себя, ты в самом деле не обретишь в себе никаких признаков благодатного осенения свыше, не спеши обвинять в недействительности средства, употребленные тобою для приобретения благодати. Средства сии могут быть весьма действительны; усердие твое в употреблении их может быть весьма велико, сама благодать может нисходить на тебя при каждом употреблении сих средств и, однако же, ты, несмотря на все сие, можешь оставаться без благодати, и оставаться таким по твоей собственной вине. Трудно понять, как это может быть? Припомните, ибо я говорю людям, не знакомым с науками, припомните, что бывает с человеком, в теле коего, для уврачевания его, хотят посредством искусства возбудить теплоту стихийную. Сколько ни возбуждайте в нем сей теплоты посредством огневозбудительной машины, она не возбудится, и тело больного останется без всякой перемены, доколе не будет разобщено с землей. Одно прикосновение к земле уничтожает всю силу и все действие огненного возбуждения.

Так в порядке природы; так и в высшем порядке благодати. Желаящему приобщиться благодати Святаго Духа, непременно надобно быть разобщенным с землей; надобно отделиться от всего земного душой и сердцем, начать мудрствовать горняя, искать вышних, смотреть не на видимые блага, кои суть тленны, а на невидимые, кои суть вечны. Испытай, кто бы ты ни был, поставить себя в такое состояние; и тогда скажи, что напрасно употреблял к освящению своему какие-либо средства благодати. А без сего нечего удивляться, что сии средства остались без действия: они всегда действуют и производят свое – сообщают, что должно; только сообщаемое не остается в вас, а возвращается к своему началу.

Как ожидали Святого Духа апостолы? "Сии вси, – говорит книга Деяний, – бяху терпяще единомыслно в молитве и молении..». (Деян. 1:14). Они ли не были приготовлены к принятию благодати? Приготовлены продолжительным пребыванием с Учителем, приготовлены самым приятием Духа Святого из уст Его, по воскресении. И, однако же, они молятся, назидают друг друга, и готовят себя к нисшествию на них обетованного Утешителя. Поступай так и ты, желающий удостоиться Его благодатного осенения; и может быть, и для тебя, как для апостолов, не пройдет более десяти дней, как ты начнешь, подобно им, новым языком вещать величие Божие, на тебе явленное. Аминь.

Слово первое в день сошествия Святого Духа

Празднуя сошествие Святого Духа на апостолов, празднуя в храме, посвященном имени сего Всесвятого Духа, мы не найдем, братие, другого предмета для размышления, более близкого к настоящему празднеству, более назидательного и утешительного для нас празднующих, как самое сошествие Святого Духа. Размышление о сем преславном событии может доставить здравую и сладкую пищу и нашему уму, ибо в нем заключены многие важные и высокие истины, и нашему сердцу, ибо событие сие есть доказательство величайшей любви Божией к роду человеческому; самая память и воображение освятятся воспоминанием образа сошествия Святого Духа, ибо в нем духовное сокрыто под видом чувственного и сокрыто весьма удивительным образом. А потому, оставив все прочие предметы, обратимся, братие, к повествованию евангелиста Луки, который один из всех священных писателей начертал для нас повесть о сошествии Святого Духа. Но чтобы с большею пользой выслушать это повествование, чтобы тем удобнее войти в самый дух повествуемого события, коснемся предварительно некоторых истин, служащих к его объяснению.

I. Когда мы говорим, что Дух Святой сошел на апостолов, то первое всего, братие, должно помнить, что сошествие Его не должно представлять подобным сошествию или пришествию человеческому. Дух Святой, как Бог, есть вездесущ; Ему неоткуда нисходить и некуда приходить; Он и без того везде есть и все наполняет. Сходить, приходить – могут только существа ограниченные, а не Бог. Все эти выражения, как замечает святитель Златоуст, употребляются о Боге по нужде, ибо на языке человеческом нет слов к выражению Божеских действий, как они суть сами в себе; и все эти выражения означают не что другое, как новое явление силы Божией, особенное откровение Его присутствия. Где сила Божия открывается, где Он ощутительно являет Свое присутствие: туда, по нашему слабому понятию и еще слабейшему выражению, Бог как бы приходит.

Итак, сошествие Святого Духа на апостолов, собственно говоря, есть не сошествие к ним Бога Духа, а явление силы Его в них, открытие в них Его особенного присутствия.

Равным образом, братие, когда мы говорим, что Дух Святой сошел на апостолов и начал в них действовать; то не должно думать, чтобы Он не действовал прежде в роде человеческом. Дух Святой, как премудро воспевает Церковь, «бе присно, есть и будет». Он был в ветхозаветных патриархах – Адаме, Ное, Аврааме и других; был в пророках; был во всякой душе чистой; всякий праведник имел Его; без Него никогда не совершилось ни одного истинно доброго дела.

Несмотря, однако же, на такое, всегдашнее пребывание Духа Божия в святых Божиих человеках, не должно думать, чтобы по тому самому сошествие Его на апостолов не было чем-то особенно важным. Нет, оно чрезвычайно важно, чрезвычайно благодетельно для всего рода человеческого – по следующим причинам.

В предвечном совете Божиим о спасении погубленного грехом рода человеческого, положено, братие, чтобы Сын Божий, явившись в определенное время на земле, искупил Своей смертью людей от вечной гибели и, по совершении сего величайшего дела, вознесся на небо, дабы там наслаждаться славою Божественной. Почему Промысл не благоволил, чтобы Сын Божий оставался до самого скончания времен на земле, дабы видимо управлять Своею Церковью, коей Он есть глава и Господь, о том мы за совершенно верное не можем сказать ничего: ибо сам апостол говорит только, что «небо должно было принять Спасителя до времен совершения всего» (Деян. 3:21), а почему так, не говорит ничего. Для нас в этом отношении довольно помнить слова Спасителя к ученикам, скорбевшим об Его отшествии: «лучше, дабы Я отшел от вас» (Ин. 16:7), – и, помня их, верить, что действительно лучше, дабы Спаситель наш был на небе, а на земле с нами был Дух Святой.

Итак, поскольку пребывание Спасителя на земле долженствовало быть кратко, то в том же предвечном совете Божиим положено, братие, чтобы, по отшествии Спасителя на

небо, пришел Дух Святой, дабы, так сказать, заняв Его место, совершить то, что Им начато, соделать апостолов способными к проповедованию Евангелия всему миру, расположить сердца людей к принятию их проповеди, научить их живой вере в заслуги Икупителя, сообщить им новые духовные силы к исполнению нового закона благодати, кратко: усвоить роду человеческому те Божественные дары, кои приобретены для него страданиями Сына Божия. Посему сошествие Святаго Духа на апостолов есть как бы торжественное вступление Его в высокую должность Освятителя грешного рода человеческого, есть торжественное освящение новой, всемирной, вечной Церкви, такое освящение, после коего Освятитель уже начал в ней действовать видимо и постоянно.

А из сего само собою открывается, братие, как важно и благотельно для всего рода человеческого сошествие Святаго Духа на апостолов. Если бы Он не сошел на них: то дело Спасителя рода человеческого оставалось бы несовершенным; апостолы пребыли бы неспособными проповедать Его всему миру; мир не знал бы о своем Спасителе; не было бы в мире христианской веры, и праотцы наши и мы, братие, все оставались бы во тьме идолопоклонства.

2. Как все важнейшие события в Царстве благодати были предварительно предсказаны пророками, дабы люди, зная чего надеяться, тем тверже надеялись: так и сошествие Святаго Духа было предсказано неоднократно.

Так еще за шестьсот лет, Бог, утешая, по случаю глада, народ израильский через пророка Иоиля, говорил, что Он не только подаст им хлеб насущный, но в последние дни, то есть во дни пришествия Мессии, «излиет Духа Своего на всякую плоть» (Иоил. 2:28–32). Подобное сему говорил Бог и через пророка Иезекииля (Иез. 36:26).

Но современники сих пророков, алкая хлеба телесного, мало заботились о пище духовной, и утешительное предсказание не тронуло сердец, преданных страстям.

Иоанн Предтеча, по долгу звания своего, подготавливая иудеев к сретению Мессии, подготавливал их и к принятию Духа Святаго. Неоднократно объявлял он, что после его крещения

водой вскоре откроется крещение Духом Святым и что последнее крещение несказанно важнее первого (Мф. 3:11). Но и это возглашение не произвело в сердцах, иссохших от страстей, жажды Духа Святого. Никто и не спросил, что это за крещение, где и как обрести Его?

Сам Спаситель по временам указывал на будущее пришествие Святого Духа. Так Он Никодиму, приходившему к Нему ночью для научения, прямо сказал, что для получения Царства Божия непременно должно возродиться от Святого Духа (Ин. 3:5). Но сей учитель израилев так мало знал о Святом Духе, что, как известно, подумал, якобы ему говорят о новом рождении из утробы матери.

Потом Спаситель в последний день праздника кущей (в который между прочими обрядами возливались на алтарь вода из Силоамского источника) всенародно в храме проповедовал, чтобы всякий, кто жаждет, шел к Нему, потому что верующий в Него соделается сам источником воды живой (Ин. 7:37–39). Это, – как замечает евангелист Иоанн, – говорил Он о Святом Духе. Но едва ли кто истинно понял Его; ибо между слушателями произошел спор о Его лице, и больше ничего.

Сами апостолы, питая надежду земного царства Мессии, мало думали (если только думали) о Святом Духе. И Спаситель, видя их неспособность, не говорил им о Нем, или говорил весьма мало.

Но когда наступило время разлучиться Ему с учениками, Он в последней беседе – в навечерие Своей смерти, для утешения их не только открыл, что они вскоре получат Святого Духа, но и раскрыл благотворные свойства будущего их Утешителя. "А оттого, – говорил Он, – что Мне должно оставить вас, сердце ваше исполнилось печалью; но Я истинно говорю вам, что лучше, дабы Я отошел от вас: ибо если Я не пойду, то Утешитель не придет, – Дух истины, Иже от Отца исходит. Правда, Я еще имею много сказать вам, но вы не можете вмещать теперь. Когда же Он придет, то наставит вас на всякую истину: Он научит вас всему, откроет вам самое будущее, напомнит все, о чем Я говорил с вами. Он уже не оставит вас, а пребудет с вами вовек» (Ин. 16:6–15).

Ничего не может быть яснее сего предсказания, и ученики, по-видимому, успокоились. Но ужасная смерть Иисуса Христа, коей они при всех предсказаниях никак не могли согласить со своей надеждой Его земного царства, совершенно затмила в уме их обещание Спасителя: никто не думал о Утешителе; все только плакали и сокрушались!

Воскресение Иисуса Христа рассеяло облако печали, но не оживило желания пришествия Святого Духа. Ученики снова начали мечтать о земном царстве: "Господи, – вопрошали они Его, – аще в лето сие устрояеши царствие Израилево» (Деян. 1:6); а, аще в лето сие придет Дух Святый, о том никто и не думал спрашивать.

Спаситель, видя крайнюю невнимательность учеников, снова обратил их мысли и желание на Святого Духа, а чтобы они тем усерднее ожидали Его, предсказал, что Он придет спустя немного дней (Деян. 1:5); наконец, пред самым вознесением на небо, запретил им и отлучаться из Иерусалима до Его пришествия, привязал их, так сказать, как малых детей, к тому месту, где должен был сойти на них Дух Святый.

Не больно ли, слушатели, для сердца, слышать о такой невнимательности, о такой холодности к Святому Духу? Пророки провозглашают Его, Предтеча ведет Ему во сретение, Сам Спаситель изображает приход Его, как величайшее благодеяние, и никто не внимает, никто не исходит во сретение, все удаляются, все убегают прочь. О Божественный Утешителю! Что же влекло Тебя на землю, к людям? К людям, кои не искали Тебя, не думали о Тебе? И более ли ищут Тебя ныне, более ли думают о Тебе ныне, когда Ты уже пришел? Более ли ищем Тебя мы, кои ежедневно твердим: приди и вселися в ны! Первые ученики Евангелия, по крайней мере, впоследствии вознаградили свое невнимание к Святому Духу усердием пламенным.

3. В самом деле, братие, благословение, коим Господь осенил учеников Своих, возносясь на небо, как будто сообщило совершенно новое направление их уму и сердцу. Утешитель, которого прежде так мало ожидали, соделался единственным предметом их мыслей и желаний. Никто и не думал оставлять

Иерусалим, даже по домам не расходились, а пребывали все вместе. Всех было сто двадцать человек (в том числе и Пресвятая Дева), но душа была одна, сердце одно. К крепкому единодушию присоединилась крепчайшая молитва. Несмотря на обещание Спасителя, послать вскоре Святого Духа, непрестанно молились о Его сошествии: молились, потому что не почитали себя достойными столь великого дара; молились, ибо познали, что без молитвы не бывает ничего важного; молились, поскольку самое стремление души к Святому Духу было уже чистейшею молитвой.

В таком святом расположении протекло девять дней. Можете представить, братие, как долги были дни сии для сердец, палимых жаждой благодати Святого Духа! А может быть, они были и весьма кратки. Кто истинно молится, тот не скучает долготой времени, тот даже не знает, много ли времени. У нас только вопрос о молитве почти всегда неразлучен с вопросом: долго ли?..

Когда апостолы таким образом, посредством единодушия и молитвы, неприметно для них самих, приближались и возвышались к Святому Духу, наступил пятидесятый день после иудейской пасхи, день весьма торжественный, для празднования коего многие из набожных иудеев стекались в Иерусалим со всего света. Предметом празднества было воспоминание синайского законодательства: ибо в пятидесятый день по исходе израильтян из Египта дан был им закон на горе Синайской, дан, как известно, среди громов, молний и бурь. Сверх сего в этот же самый день по закону приносились в жертву Богу начатки от жатвы, которая в Палестине оканчивается во время нашей весны.

Все иудеи по закону и усердию спешили во храм: но апостолы не почли нужным идти во храм, оставленный навсегда Самим Господом храма, – пребывали в своем домашнем храме. Но священный день не мог не возбудить в их сердцах еще святейших чувствований. Воспоминание сошествия Божия на гору Синайскую невольно возбуждало надежду: не сойдет ли в сей же самый день и обещанный Утешитель. А таковая надежда еще более распаляла сердца молитвой. Сто двадцать

чистейших гласов неслись к небу! Сто двадцать чистейших сердец отверзлись для Утешителя! Огонь Божественный уже начинал возгораться в их внутренности; Дух Святой уже подвигся в основании их существа; не мог долее сокрывать невидимого Своего присутствия, и сила благодати, через молитву, проторглась сквозь силы видимой природы.

Вдруг услышали шум, какой бывает во время бури, от сильного порыва ветра. Шум происходил с неба, с верхних частей воздуха, но вскоре проник и наполнил чистейшим веянием всю храмину, в коей находились ученики. В то же мгновение среди храмины, в воздухе, появилось множество языков огненного цвета; носясь над главами учеников, они опустились на них, и опочили. «Если бы, – говорит святой Кирилл Иерусалимский, – кто увидел апостолов в это мгновение, то мог бы подумать, что на их главах огненные венцы» (Катехизис 17).

Бурное дыхание было ближайшим предвестием, а явление огнецветных языков – видимым знамением пришествия Святого Духа. Будучи Дух чистейший, бестелесный, Он избрал чувственное знамение сие, дабы тем ощутительнее явить Свое присутствие. «Ибо, – рассуждает святой Григорий Богослов, – как Сын Божий явился на земле видимо, то и Духу Святому надлежало явиться видимо» (Беседа 44). Так и прежде, когда Он сходил на Иисуса Христа в Иордане, то избрал знамением Своего явления вид голубицы.

Нет сомнения, братие, что Дух Святой не напрасно избрал теперь эти, а не другие знамения: у Премудрого ничего не бывает без цели. Какая же была цель? Огонь, – по изъяснению отцов Церкви, – выражал то действие, которое Дух Святой имел произвести и в апостолах, соделав их пламенными ревнителями веры, и в целом мире попалив терние нечестия. Языки выражали дар слова, сообщенный провозвестникам Евангелия. Огонь и буря показали, что законодательство Нового Завета ничем не хуже Ветхого, которое дано было среди огня и бури; и кротость огня, почивавшего на апостолах, в сравнении с лютостью огня Синайского – последний умерщвлял, являла, что

Новый Завет исполнен милости и благодати, недостававших Ветхому.

Бурное дыхание и видение огненных языков продолжались недолго, может быть, несколько мгновений: но Дух Святой навсегда наполнил собой души и сердца апостолов. О, кто изобразит, какое дыхание, какой огонь был в этих сердцах! Как они очищались, претворялись, обожались! Это было, братие, истинно новое, лучшее творение! В это мгновение сделано более, нежели во все пребывание учеников с Иисусом Христом, более дано, более принято. Можно сказать, что весь мир, Сам Иисус Христос действием Духа Святого как бы преобразился теперь в уме апостолов; ибо отселе они уже «не разумели никого по плоти, между тем как прежде Самого Иисуса Христа разумели по плоти» (2Кор. 5:16). Может быть, если бы спросить самих апостолов о сем состоянии, то они сказали бы не более того, что сказал святой Павел о своем пребывании в раю: «аще в теле, не вем, аще ли кроме тела, не вем: Бог весть!» (2Кор. 12:2).

За первым чудом последовало другое, большее. Умея доселе говорить только на одном природном языке – еврейском, и притом на самом простом наречии его – галилейском, апостолы и прочие верующие вдруг начали говорить теперь на всех, тогда известных языках. Еще некому было слушать их: но они все говорили и не могли не говорить: Дух Святой двигал сердце, сердце двигало уста, а слова лились сами собой, как вода льется из источника. Так, и у святого Давида, когда на него сходил Дух Святой, сердце само собой отрыгало «слово благо... язык делался тростью книжника скорописца» (Пс. 44:2). Каждый говорил то, что Дух Святой давал ему провещавать. Податель был один, а дары различны: море благодати, так сказать, разлилось на источники, смотря по качеству сердец, быстрые, медленные, шумные, тихие, более, менее глубокие, но во всех сердцах живые, светлые!

Апостолы вещали «величия Божия» (Деян. 2:11), то есть, безприкладные совершенства Божии, чудные дела Промысла, кои открылись теперь для них во всей полноте и свете. Кто бы не желал знать, что именно и как они вещали? Видеть, так

сказать, первые опыты огненного вещания их? Но Промысл сокрыл от нас сие. Это было вещание для них самих, их благодарственная молитва. Для нас они начали вещать после, и вещание их пронеслось по всей вселенной.

Мы, братие, должны здесь приметить только, что значит молитва. Молитва предшествовала сошествию Святаго Духа, в молитве сошел Он, молитву и привел с Собой. Как же после сего свята и сильна молитва! Как она должна быть любезна для того, кто хочет стяжать и сохранить (а стяжать и сохранить должен каждый) Святаго Духа! «Молись, – говорит один великий подвижник, – молись, подобно апостолам, и для тебя не пройдет более десяти дней, как ты получишь Святаго Духа».

4. Мы видели, братие, действие Духа Божия, слышали гласы людей духовных: посмотрим теперь на действия мира, вслушаемся в голос людей плотских.

Шум бурного дыхания, вероятно, слышен был не одними верующими; слышны были, конечно, на некоторое расстояние и гласы ста двадцати человек, кои гремели во славу Божию. Потому многие из иностранных иудеев, пришедших на праздник, немедленно стеклись в храме апостольской.

Все изумлялись! Во-первых тому, что слышали апостолов, славословящих Бога на языках иноземных, между тем, как молитвы обыкновенно совершались на священном языке еврейском; во-вторых – тому, что никогда не слыхали о столь высоких истинах, о столь святых чувствах; но всего более изумлялись оттого, что каждый: римлянин, грек, африканец, индеец слышал свой природный язык, тогда как каждому было известно, что говорившие были все галилеяне, люди совсем не знакомые с иностранными языками. От удивления переходили к ужасу, ибо все видели необыкновенное, слышали чудесное, а никто не мог изъяснить того, что видел и слышал. «Ужасахуся же вси, и недоумевахуся... глаголюще: что убо хочет сие быти» (Деян.2:12).

Но скоро нашлись люди, кои вздумали (как и ныне нередко бывает) изъяснить другим то, чего сами совершенно не понимали. «Что тут, – говорили, – удивительного? Это действие вина; вино заставило их забыть приличие, – и вот они

вольнотдумствуют, молятся на простонародных языках, тщеславятся их знанием». «Инии же ругающиеся глаголаху, яко вином исполнени суть» (Деян.2:13).

При всей нелепости этой клятвы, в ней, братие, есть нечто, стоящее благочестивого внимания. И апостол Павел противопоставляет вино Святому Духу, когда говорит: «неупивайтесь вином... но паче исполняйтесь Духом» (Еф. 5:18). Не напрасно сие противопоставление. И святой Давид говорит, что праведники «упиваются от тука дома» Божия (Пс. 35:9). Не напрасно и это выражение. А невеста – верующая душа, описываемая Соломоном, говорит, что она «введена была даже в дом вина, и призывает других пить оное и упиваться» (Песн. 2:4–5). Тут еще более тайны. Что же все это значит? Вероятно то, что кто исполнен Святым Духом, кому Он «по достоянию дхнет», тот бывает сам вне себя, и в действиях его, и в самом виде открывается нечто странное, выходящее из обыкновенного порядка, подходящее к тому, что усматривается в человеке в состоянии шумного веселья. Так святой Давид, исполненный Духа Божия, с царским венцом на главе, подобно младенцу, скакал всенародно пред ковчегом завета (2Цар. 6:16).

Но плотские люди не знают другого восторга, кроме чувственного; упоение Святым Духом, святое глумление от преизбытка благодати чуждо для них; они судят по своему опыту, и богохульствуют! – «Ругающиеся глаголаху, яко вином исполнени суть».

Так, братие, и всегда мир заблуждает, когда берется судить о действиях святых Божиих человеков, когда подводит их под свои правила, под свой, так называемый, порядок, а в самом деле, беспорядок вещей. Прочтите жизнеописания святых, и вы увидите, что многие из них почитались людьми странными, лишенными если не ума, то благоразумия. Уже смерть открывала общее заблуждение, и показывала всем, что их «не бе достоин весь мир!» (Евр. 11:38).

Таким образом, при самом сошествии Святаго Духа, снова подтвердились слова Спасителя, что «мир... не знает Его» (Ин. 14:17). Он и никогда не узнает Его. Но вместе с сим

оправдалось и то, что Дух Святой, «пришед... обличит мир о грехе» (Ин. 16:8).

Слыша хулу иудеев, Петр с прочими апостолами стал пред ними и произнес обличительное слово. Кратко и просто было это обличение, но поскольку устами Петра вещал Дух Святой, то слова его проникли сердца слышавших и победили их упорство. Выслушав его, повествует святой Лука, «они умилились сердцем и сказали братья, что же нам делать?» (Деян. 2:37).

"Покайтесь, – отвечал святой Петр, – и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа... и вы не только будете прощены, но и сами получите дар Святаго Духа; ибо... обетование Святаго Духа дано не нам одним, а и вам, и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш» (Деян. 2:38–39).

После сего иудеи немедленно покаялись, уверовали, окрестились, и новая Церковь из ста двадцати выросла до трех тысяч человек. Так окончилось событие, нами празднуемое, – полным торжеством Святаго Духа над неверовавшими!

Если бы, братие, и из среды нас, празднующих теперь сошествие сего Пресвятаго Духа, какая-либо душа, умилившись слышанием о Нем и желая стяжать Его, спросила: что же мне делать? То и для ней тот же ответ: «Покайся, веруй, и ты получишь дар Святаго Духа». Одно препятствие – грех удаляет от нашего сердца Всесвятаго, а посему одно средство стяжать Его – покаяние, растворенное живою верой в Искупителя. Кто решится очистить сердце свое истинным сокрушением о грехах, тот не должен иметь никакого сомнения, что Дух Святой посетит и его бедное сердце. И что за сомнение? Обетование дано не одним апостолам, дано и нам, дано всем дальним, кого ни призовет Господь. После сего, всякий – великий и малый, богатый и убогий, ученый и неученый – всякий проси смело: никому не будет отказано!

О Душе всеблагий! чем мы грешные заслужили столь великую любовь Твою? Слава, бесконечная слава Тебе, Освятителю душ и сердец наших! Благодарность, вечная благодарность Сыну Божию, нашему Искупителю, Который умолил Отца послать Тебя к нам! Славословие, непрестанное

славословие Богу Отцу, Который, не пощадив для нас Своего Сына, даровал нам и Духа Своего Пресвятаго! О, Троице Святая и Всеблагая, нас недостойных толико возлюбившая, слава, слава, слава Тебе! Аминь.

Слово второе в день сошествия Святого Духа

«И явишася им (апостолам) разделены язы́цы яко огненны, седе же на едином коемждо их» (Деян. 2:3)

Итак, вот то Божественное крещение «Духом... и огнем: (Лк. 3:16), коим так видимо и торжественно должны были креститься первые проповедники и ученики Евангелия! Вот тот священный "огонь» (Лк. 12:49), который Спаситель пришел низвесть на землю, и в отношении к коему Он столь сильно желал, чтобы он возгорелся! Так, он возгорится! Из уединенной горницы Сионской он проникнет в шумные синагоги первосвященников иудейских, в пышные чертоги кесарей римских, в гордые портики философов, в забытые хижины земледельцев; озарит безобразие идолов, истнит храмы ложных богов, обнимет собою все человечество и, по выражению пророка, будет разварять и очищать его, «яко сребро и яко злато..., доколе всех нечистых потомков Адама не прелиет» (Мал. 3:3) в чистый образ Божий.

Но по тому самому, братие, Божественный огонь, который почил ныне на апостолах, должен пламенеть в наших сердцах. Мы не можем, подобно оным ученикам Иоанновым, сказать: «ниже, аще Дух Святой есть, слышахом» (Деян. 19:2). Нет, мы все не только слышали о Нем, но и прияли Его, и когда прияли? Почти вместе с жизнью. Правда, храмина, в коей Церковь устами служителя призывала при крещении на нас Духа Святого, не исполнялась бурного дыхания; над нами не видно было огненных язык; мы не были, подобно апостолам, предметом удивления для окружающих нас, но слово Божие уверяет, что мы тогда «но омылись, но освятились, но оправдались... Духом Бога нашего» (1Кор. 6:11); что с сего блаженного времени Дух Божий живет в нас, как залог нашего оправдания, как руководитель к вечному блаженству.

Но, братие, Пресвятой Дух сей, хотя есть Дух силы и славы, может быть нами оскорбляем, даже может быть совершенно угашен в нас. Итак, сохраняем ли мы драгоценный залог Духа Святого, «в нас живущего»? (2Тим. 1:6). Не угасили ли Божественного света Его преступным небрежением о Нем?

Изгоняемый нечистой совестью, не уступил ли Он в нашем сердце места тлетворному духу мира? Вопросы эти всегда должны быть важны для христианина, но наипаче они должны занять нас в сии дни, посвященные прославлению Духа Божия; ибо с разрешением их каждый из нас может и должен узнать, не только достойно ли он празднует сошествие Утешителя, но и достойно ли носит имя христианина; потому что кто «...Духа Христова не имат, сей, – по слову апостола, – несть Его» (Рим. 8:9), тот не христианин!

Дабы приуготовить, братие, совесть нашу к ответу на сии важные вопросы, заметим, при свете слова Божия, некоторые следы Духа Святого в сердце верующего и приложим эти замечания к самим себе.

Слово Божие открывает нам, что в восстановлении падшего естества человеческого действуют все три Лица Пресвятыя Троицы; но оно же научает, что великое дело сие некоторым образом как бы разделено между Ними. Богу Отцу усвояет оно верховное распоряжение делом нашего спасения, – послание на землю Сына и Духа Святого; Богу Сыну – искупление человека от наказания за грехи; Богу же Духу Святому – освящение грешного рода человеческого. Частные действия и дары сего великого Освятителя безчисленны. Слово Божие показывает нам только главнейшие из них, как бы нарочно предоставляя каждому испытывать прочие собственным опытом. А именно, Дух Святой, как «...Дух истины, просвещает ум верующего, наставит вы на всякую истину» (Ин. 16:13); как Дух святости, очищает сердце от скверны грехов: «имате креститися Духом Святым» (Деян. 1:5); как Дух силы, одушевляет к препобеждению всех препятствий и трудностей: «облечетесь силою свыше» (Лк. 24:49); как Дух благодати и щедрот, исполняет небесным утешением душу: «Утешитель...Иже от Отца исходит» (Ин. 15:26).

I. Итак, первый плод присутствия в человеке Духа Божия есть истинное просвещение. Как слабы и медленны были умом апостолы, доколе не прияли Святого Духа! Высокое учение Спасителя большей частью не вмещалось в их понятия; величественные обетования Его не приносили им утешения;

чистота Его нравственности казалась непостижимой; самые простые притчи нередко приводили их в недоумение. Но едва только сошел на них Дух истины, исчезли все предрассудки, исполнявшие их ум; в Его свете они узрели все в настоящем виде, увидели, что надлежало совершить их Учителю, и что остается сделать им. Великая тайна искупления раскрылась пред ними во всей полноте и величии; они не требовали более, да кто учит их, – сами сделали учителями всего рода человеческого.

«Так бывает и со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3:8)! Он не имеет той непогрешимости ума, чтобы слова и писания его могли служить непреложным правилом веры и деятельности для других, ибо не «все апостолы» (1Кор. 12:29); в нем нет дара проникать во все тайны Промысла, замечать взаимное отношение великих путей Божиих, обнимать созерцанием будущую судьбу христианства, ибо не «все пророки»; он может быть неспособен преподавать наставление другим, ибо не «все учителя»; даже может быть не в состоянии изъяснить того, что Дух Святой совершает в его сердце, ибо не «все истолкователи» (1Кор. 12:30), но он бывает и не может не быть просвещен истинно. Никто тверже его не знает безприкладных совершенств естества божественного, Его присносущной силы, поддерживающей весь состав мира, равно как и бытие каждой твари, Его превосходящей благодати, которая не хочет гибели самого презренного творения и ожидает обращения самого ожесточенного грешника, – Его бесконечной премудрости, которая из величайшего зла умеет извлекать величайшее благо, в самом тлении насаждать жизнь. Никто лучше его не видит бедности естества человеческого, как грех путем рождения приходит от Адама на всех потомков его, как в сердце человека по естеству «не живет... доброе» (Рим. 7:18), как... «похоть, зачавши, рождает в человеке грех, грех... рождает смерть» (Иак. 1:15).

Никто полнее его не понимает всей важности благодеяния, оказанного роду человеческому в ниспослании ему Ходатая; никто более его не убежден в благотворности Евангельского учения, в святости христианских Таинств, в суете благ земных, в

будущем блаженстве праведных и будущей гибели нераскаянных грешников. И может ли быть иначе? Дух Святой знает все, самые «глубины Божия» (1Кор. 2:10): оставит ли Он во мраке того, кто удостоивается быть Его храмом? Нет, Он никогда не попустит ему прельщать себя праздным упованием на милосердие Творца и заслуги Ходатая, но обнаружит, что вера без дела мертва; никак не позволит ему иметь ложных понятий о служении Богу, ограничивать благочестия делами внешней набожности, или заключать его в одном бесплодном созерцании ума; никак не потерпит, чтобы он заблуждался в познании своих обязанностей, и называл доброе лукавым, а лукавое добрым, тьму светом, и свет тьмою. Как Дух истины, Он наставит его на всякую, потребную для него, истину, и освободит от всякой, вредной для спасения его, тьмы.

II. Дух Святой очищает сердце от скверны греха. Свет естественных познаний бывает весьма блистателен, так что большею частью ослепляет человека гордостью; но он никогда почти не согревает и не исправляет сердца. Видят истину, но или применяют ее "во лжу" (Рим. 1:25), или сокрывают в неправде: познают преимущество жизни благочестивой, но довольствуются одним хладным удивлением подвижникам благочестия; проклиная гибельные следствия жизни порочной, и между тем, не престают быть рабами страстей, пленниками греха. Не таков свет, сходящий от Отца светов! Не такова премудрость, коей научаются в училище Духа Святаго! Где обитает сей пречистый Дух, там грех должен исчезнуть. Как бы ни было грубо и нечувствительно сердце, соделавшееся Его жилищем, Дух Святой умягчит его до того, что оно все готово будет излиться в слезах, излететь в воздыханиях; как бы ни было оно гордо и надменно, Дух Святой смирит его и заставит повергнуться в прах пред Вседержителем; как бы ни были крепки и многочисленны узы, привязывающие его к земле, когда Дух возьмет его в горня, то оно, подобно орлу, воспарит над бездной суеты мирской. Что были апостолы до сошествия на них Духа Божия?

Люди, расположенные к добру, но плотские, коих ум и сердце исполнены были мечтами о земном царстве Мессии.

Каждый из них желал господствовать над другими, искал земной славы. Но огненное крещение Духа Божия совершенно переродило их. В сердце и на языке их не осталось ничего нечистого. Они не упоминают более о земных престолах и венцах; проповедуют одну веру и покаяние.

«Так бывает со всяким, рожденным от Духа!» (Ин. 3:8). Дух Святый сообщает новое, духовное направление всем силам и способностям человека. Сколько грех казался для него прежде прелестен, столько делается отвратителен. Он ощущает в себе некую святую необходимость удаляться его и любить добродетель. Прежде самые духовные занятия помрачаемы были нечистотою плотских побуждений; теперь самые обыкновенные дела перестают быть плотскими; ибо Дух Святый научает совершать их во славу Божию. И ходящие по духу иногда падают, обремененные плотью: но слезы покаяния вскоре делают еще светлее то место, которое очернено грехом; и они иногда опускают случаи к совершению добра; но опущение сие при содействии благодати само обращается в обильнейший источник благих мыслей и чувствований.

III. Дух Святый сообщает духовную крепость и силы. Добродетель сама по себе предполагает победу духа над чувственностью. Но как трудна победа сия в человеке поврежденном, в коем плоть по природе господствует над духом, в сердце коего по естеству не живет доброе, а зло, и живет и действует непрестанно и сильно! Здесь, по выражению одного святого отца, младенец должен сражаться с исполином, агнец должен победить тигра, капля – угасить целую печь. Кто же подкрепит человека в столь неравной борьбе с грехом? Кто поможет ему вознестись над самим собой? Никто, кроме Духа Освятителя! Но, с сим Помощником все возможно; под Его всемогущим, Всесозидающим осенением не изнеможет никакая благая мысль, не возвратится тощим в сердце никакое святое желание.

Человек плотской бывает слаб оттого, что он рассеян по всему миру; оттого, что ограничивает все свои надежды и попечения одной настоящей, непостоянной жизнью; оттого, что покушается соделать себя обладателем того, что никогда не

должно принадлежать ему; оттого, наконец, что действует не тем, что в нем есть мощного, но тем, что обнаруживает его бессилие и изменяет ему. Дух Святый уничтожает все сии источники духовного бессилия, сосредоточивая всю деятельность человека в одном начале любви к Богу и ближнему, обращая его к снисканию того, что ему именно и предназначено, для чего он и сотворен, – заставляя его действовать высшими силами бессмертного духа его, устремляя взор его в вечность, недоступную никакому земному могуществу.

Каких опытов мужества и твердости не оказали апостолы, когда, по обетованию Спасителя, облеклись силою свыше! Что может равняться той неустрашимости, с кою они возвещали Божество распятого Иисуса в слух тех самых первосвященников, кои вознесли Его на Крест? Их ничто уже не могло отлучить от возлюбленного их Учителя, «ни смерть, ни живот... ни настоящая, ни грядущая» (Рим. 8:38). Между тем, что прежде не отлучало? Самый ревностный из них отвергся Его три раза из опасения рабыни.

IV. Дух Святый исполняет утешением душу. Люди, преданные миру, обыкновенно смотрят с некоторым сожалением на тех, кои, вняв гласу благодати, удаляются забав и рассеяния, и почитают их людьми жалкими, кои сами для себя изобретают мучения. «Несчастные, – восклицает при сем один учитель Церкви, – несчастные, они видят крест, но не видят помазания! Так, многие скорби праведным, гораздо более, нежели сколько видят, и даже воображают миролюбцы! Между тем, все мирские удовольствия никак не могут сравниться с той радостью и миром, коими Дух Святый исполняет сердце верующего. В самом деле, братие, какая мысль отраднее той, что мы избавились мучений совести, свергли с себя тяжкое иго страстей, познали правоту путей Господних и сладость добродетели, вышли из рода строптивного и грешного? Но сия отрадная мысль есть всегдашний удел людей, ходящих по Духу. Какое чувство утешительнее того, что мы чада Божий и наследники Христу, что Отец Небесный со всеми Ангелами Своими веселится о нашем обращении к Нему, что Он невидимо

благословляет все благие начинания наши, уготовляет венцы за все подвиги наши, что в нас обитает Сам Дух Святой? Но сие чувство не может не быть в сердце, освященном благодатью. Что ж сказать о тех неизглаголенных утешениях Духа Святого, коих никто же весть, точию приемляй?

«Удостоившиеся быть чадами Божиими и от Духа Святого родившиеся, – говорит один из великих подвижников Макарий Великий, – различными образами от Духа Святого управляются. Иногда, как бы находясь на царской вечери, радуются и веселятся радостью неизреченною; в другое время они подобны невесте, веселящейся о своем женихе; иногда они, быв в теле, бывают яко ангели, безтелесни; иногда толиким радованием и любовью воспаляются, что если бы возможно было, они желали бы приять всякого в свою утробу, не рассуждая, благ ли он или зол; иногда являются, яко муж, облеченный во всеоружие царское и изшедый на брань; иногда в великом безмолвии и тишине духа успокаиваются, погружаясь в духовной сладости. Сии действия, – продолжает тот же святой отец, – бывают в тех людях в самой высшей степени, кои уже близки к совершенству, впрочем, всякий может испытать, чем он питается, где живет и у кого пребывает, кто дает сердцу его пищу: Дух Божий, или дух мира?»

Если так, братие, то испытаем и мы самих себя, дабы узнать, кому принадлежим мы. И, во-первых, посмотрим, что делается с нашим умом? Померкли ли в нем блуждающие огни плотского мудрования, для коего премудрость слова крестного кажется буйством, которое ослепляет человека гордостью до того, что он почитает себя вправе предписывать законы для самой премудрости Божией. Научился ли бедный ум наш находить высочайшую премудрость в том, чтобы все свои естественные познания «почитать потерю для познания Господа Иисуса, которое все превосходит» (Флп. 3:8)? Вышли ли мы из естественного неведения о самих себе, наших обязанностях, нашем предназначении и средствах к достижению оного, о врагах, с коими нам должно сражаться, и о венцах, на кои должно взирать, из того неведения, в коем дух мира нарочно держит своих пленников, дабы они не уверовали

«и не освободились от сети» его (2Тим. 2:26)? Живо ли представляем суету благ мирских, нечистоту и гнусность законопреступных удовольствий, несчастное состояние людей, поработанных плотью? Ясно ли видим всю глубину нашего повреждения, всю безответность нашу пред Богом, всю немощь естества нашего, проданного под грех?

Преобразовано ли Духом Святым наше сердце? Что служит основанием нашей деятельности – любовь к Богу, изливаемая в сердца наши Духом Святым, или любовь к миру, вытекающая из «студенца бездны?» (Откр. 9:2). Где образец, с коим мы стараемся сообразовать жизнь свою, – в Евангелии, или на распутьях мира; в сонме праведных, «на небесех написанных» (Евр. 12:23), или в толпе подобных нам грешников? Куда охотнее текут ноги наши: в дома плача, или в дома веселья; туда ли, где собираются во имя Иисуса Христа, или туда, где царствует мир с его похотями? Как исполняем обязанности наши, так ли, как прилично рабам Христовым, «в простоте сердца... и яко пред Богом, или пред очима точию работающе, яко человекоугодницы?» (Еф. 6:5–6). Престали ль вздыхать от нашего жестокосердия и гордости те, коих обязанность или случай поставили в зависимость от нас? Обильно ли текут слезы, когда мы обращаем взоры на греховную жизнь нашу? Стараемся ли благими мерами возвратить на путь спасения тех, кои совращены с него нашею соблазнительною жизнью?

Облечены ли мы силою свыше? Можем ли без ропота снести, если бы Господу угодно было испытать нашу веру напастями века сего, нищетою, болезнями и другими бедствиями? Вознесены ли мы над тем низким страхом, который плотского человека заставляет принимать все самые гнусные виды, дабы приобрести или не потерять какой-либо выгоды или удовольствия? Решимся ли остаться на стороне справедливости и тогда, когда бы все уклонились на путь неправды? Готовы ли защищать познанную истину с тем мужеством, которое отличало первых проповедников Евангелия; и в состоянии ли, подобно им, для славы имени Божия и для спасения братий, отвергнуть, если то нужно, все земные надежды, все выгоды, самую жизнь? Можем ли мы

сказать о себе, что нас ничто не может отлучить от любви Божией, и в состоянии ли доказать это самым делом?

Да благословят, братие, Господа те из нас, кои, всматриваясь в самих себя, обретут в себе сии следы Духа Божия. Таковые не требуют, чтобы кто учил их, ибо уже «само помазание Духа Святаго учит вы о всем» (1Ин. 2:27). К таковым должен быть обращен только следующий совет апостола: «Духа не угашайте!» (1Фес. 5:19). Последуйте за Ним ревностно всюду, куда Он ни поведет вас; не входите о том в совет с плотью и кровью, не говорите, что то благое дело весьма трудно, тот грех весьма мал. «Духа не угашайте»: не исчисляйте добрых дел ваших, не услаждайтесь много теми совершенствами, кои благодать помогла вам приобрести; помните твердо, что мы рабы непотребные, которые сделали только то, что нам было повелено. «Духа не угашайте»: не изыскивайте пустых оправданий, когда Он укоряет нас в совести за содеяние какого-либо греха, повергайтесь скорее во прах перед милосердным Творцом, от Его единого ожидая помилования; не страшитесь, чтобы скорбь о грехе повергла вас в опасное уныние: Утешитель умеет врачевать язвы, им открываемые.

Не угашайте Духа: убегайте от всякого помысла к греху; удаляйтесь от содружества с порочными людьми, отвращайте взоры от всех зрелищ, где похоть очес и гордость житейская могут поколебать самую крепкую совесть. Не угашайте Духа: доколе Он горит в вас, «вся ваша суть» (1Кор. 3:21–22), вы могущественнее и выше всего; но когда угаснет, то весь мир не заменит вам сей потери.

Но горе, братие, душам, не имеющим благодатного общения с Духом Божиим! Дух мира, коим дышат они, есть дух врага Божия – диавола; «он в живе уловил их в свою волю» (2Тим. 2:26)! Впрочем, от них самих зависит освободиться от ужасных сетей диавола, обратиться ко Господу и приять Святаго Духа: ибо апостол взывает ко всем: «исполняйтесь Духом!» (Еф. 5:18). Употребляйте остаток естественного света и произвола на очищение совести своей, мертвых дел, побуждайте себя к творению добра, совершайте его, сколько

можете. «Исполняйтесь Духом»: пользуйтесь чтением и слушанием слова Божия, с искренним желанием сообразовать с ним свое поведение; размышляйте прилежнее о высоких истинах и утешительных обетованиях, в нем заключающихся; прилагайте к своему сердцу трогательные примеры покаяния грешников, в нем описанные.

«Исполняйтесь Духом»: обращайтесь чаще и с детской простотой взоры к небу, раскрывайте перед Отцом милосердия и щедрот язвы вашей совести, умоляйте Его, да исцелит оные: если и земные отцы не дают чадам своим вместо хлеба камня, то Отец Небесный, без сомнения, подаст Духа Святого просящим у Него. «Исполняйтесь Духом»: с Ним приобретете вы такое блаженство, какое на сердце вам никогда не приходило, с Ним насладитесь тем, чего мир никогда не давал и дать не может.

Сами и подобными размышлениями должны мы, братие, почтить настоящий день великого обновления рода человеческого, который еще ветхий Израиль чтит гласом труб и органов. Бедность души, преобладаемой плотью, необходимость всем и каждому исполняться Духом, средства, ведущие к благодатному сообщению с Ним – вот предметы, долженствующие занимать ум и сердце каждого из нас в продолжение сих великих и святых дней, посвященных прославлению Духа Божия!

Причаствие сего всеблагого Духа да будет со всеми вами! Аминь.

Слово третье в день сошествия Святаго Духа

«Яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша. Но Аз истину вам глаголю: уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще (ли) же иду, послю Его к вам, и пришед Он обличит мир». (Ин. 16:6–8). (Слова Спасителя из последней утешительной беседы Его к ученикам Своим).

Вот что производят неправды человеческие! Дух Святой есть Дух любви и мира, Дух благодати и щедрот; Он, и по существу и по действиям Своим, есть Утешитель единственный, неизменяемый, божественный, но поскольку мир, погрязши во зле, не знает Его, и если бы знал, не может принять Его; поскольку дух мира, коим дышат люди, преданные плоти, совершенно противоположен всесвятому Духу Божию, то Утешитель соделывается обличителем, Тот, Коего Сын Божий испросил у Отца, заслужил Своею смертью, как величайшего Благодетеля для рода человеческого, как верховного Подателя всех благ, Тот самый приходит обнажить грех и произнести суд! «И пришед Он обличит мир».

О, как действительно должно быть сие обличение! Это уже не слабый голос проповедников истины, который часто исчезает в воздухе, не досягая слуха, не только сердца слушающих. Это обличение Всемогущего и Всеведущего! Он обличил грех Адама, – и смерть доселе собирает страшные оброки сего греха со всего рода человеческого; обличил современников Ноя, – и память их с шумом погибла в водах потопных; обличил грады Содомские, преогорчившие Господа, – и не обрелось места их на лице земли; обличил богоотступную синагогу, – и в Иерусалиме не остался камень на камени! Здесь-то каждый обличаемый должен возопить с Давидом к Богу: «Камо пойду от Духа Твоего Обличителя, и от лица Его камо бежу? Взойду ли на небо? Он там. Сойду ли во ад? Он там. Понесусь ли на крыльях зари до последних пределов вселенныя? И там найдет меня рука Его, удержит десница Его» (Пс. 138:7–10).

Между тем, число людей, имеющих подвергнуться обличению Святаго Духа, столь велико, братие, что я не знаю,

может ли кто исключать себя из оно́го. Утешитель, по словам Спасителя, должен обличить мир: кто же не в мире? Кто дерзнет сказать о себе, что он совершенно чист от всего земного и греховного? Значит, обличение Святаго Духа касается всех и каждого; значит, мы все находимся в числе обличенных: и горе тому из нас, кто, быв недостойн утешения Святаго Духа, не воспользуется, по крайней мере, Его обличением! Божественный Обличитель для того и обличает грешников во грехе, чтобы даровать им правду Божию; для того и открывает язвы совести, чтобы уврачевать оные. Итак поспешим уразуметь тайну спасительного обличения, дабы, через послушание Обличителю, обратить оную в тайну нашего спасения.

Предвозвестив пришествие Духа Обличителя, Спаситель в утешение учеников Своих открыл и то, в чем должно состоять сие обличение.

«И пришед Он, – так продолжал Спаситель вещать к ученикам, – обличит мир о гресе, и о правде, и о суде. О гресе убо, яко не веруют в Мя; о правде же, яко к Отцу Моему иду, и ктому не видите Мене: о суде же, яко князь мира сего осужден бысть» (Ин. 16:8–11).

В сих словах указаны не только сущность, но и чертеж великого обличения. Мир обличается о грехе, им сокрываемом или непознаваемом; о правде, им отвергаемой и гонимой; о суде, им превращаемом или забытом. Обличается о своем грехе, дабы привести его к познанию и приятию правды Божией; обличается о собственной правде, дабы избавить его от суда; обличается, наконец, о суде, да ведает, что он во всех отношениях повинен Богу, что ему ничего не остается, кроме покаяния.

Кому не известно, братие, всеобщее развращение нравов, господствовавшее между иудеями и язычниками в то время, когда явился Сын Божий для очищения грехов мира? И, однако же, мир никогда не был так надменен своею правдой, как в это время. Вотще Иоанн Креститель проповедовал и словом и жизнью покаяние; вотще Сам Спаситель взывал: покайтесь! Мир не признавал своих грехов: развращенные фарисеи

продолжали почитать свое лицемерие истинною набожностью; буйные саддукеи продолжали в своем вольномыслии находить мудрость. По суду мира, все клеветы его были святы; напротив, Иисус Христос, обличавший мир, вменяем был со незаконными. Наконец, вместо покаяния, мир начал преследовать своего Обличителя и, в довершение своих преступлений, вознес Его на Крест!

После сего, казалось, ничто уже не могло привести мир к покаянию. Но, се грядет Дух Обличитель, и все приемлет новый вид. Едва Петр, по сошествии огненных языков, произнес несколько слов в обличение, и «три тысячи душ» признают себя грешными, требуют крещения! (Деян. 2:41). Через несколько дней то же самое чудо повторяется еще над «пятью тысячами» душ (Деян. 4:4). Чудесно обличенные во грехе делаются в свою череду чрезвычайными обличителями других; там и здесь образуются сонмы проповедников покаяния: и, в несколько лет, совершается то, чего нельзя было ожидать от целых столетий.

Какое умилительное зрелище начал представлять весь тогдашний мир! Вот слово покаяния приходит в Рим, является при дворе кесарей, возвещается в слух богов земных. Каких ожидать тут плодов покаяния? Но для всемогущего Обличителя нет преград: несколько исполненных духа и силы бесед о покаянии, и среди чертогов Домициана и Нерона, там, где был самый престол сатаны, невидимо образуется общество людей, кои под багряницею и златом сокрывают крест и нищету евангельскую! Вот слово смирения и веры достигает Греции, туда, где было столько же идолов, сколько философов, и столько философов, сколько страстей; мудрецы мира в первый раз слышат, что они грешны, не верят, сомневаются; но сила слова крестного, оставляя без внимания их ум, поражает сердце – и, вместо алтаря неведомому Богу, вскоре воздвигается алтарь ведомому Испытателю!

Наконец, слово Евангелия не вмещается уже в пределах Рима, достигает туда, куда не могло проникнуть оружие победителей света, воинственный парфянин, дикий скиф слышат обличение, слышат и каются; многие из них еще не знают, что такое закон, и, однако же, обличаемые верой,

признают себя незаконными. «Дух... умиления» (Зах. 12:10), провиденный пророком, изливается на всю землю: и миллионы человек начинают плакать о том, что случилось в Иудее. Народы, что с вами? Вы не были в Иудее, вы не распинали Христа, вы приняли Его отверженного: для чего же вам скорбеть о смерти Его? Разве это ваш грех? Наш, – отвечают целые племена и языки, – Он «грехи наши носит и о нас болезнует... наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы изцелехом» (Ис. 53:4–5).

Так совершилось обличение Святого Духа над миром языческим! О, если бы оно и окончилось вместе с древним язычеством! Если бы христиане своими грехами не понудили Святого Духа начать новое обличение! Мир христианский продолжает в себе грехи мира языческого, и Дух Божий продолжает над ним обличение, уготованное язычникам.

И, во-первых, Божественный Обличитель от времени до времени воздвигает особенных ревнителей благочестия, кои, как бы движимые некою тайной силой, проповедуют современникам своим покаяние. Каждый век имеет их, каждая страна видит и слышит их. Житие сих людей бывает зеркалом, в коем еще яснее, нежели в словах их, представляются несовершенства миролюбцев. И не оттого ли мир всегда преследовал людей, истинно благочестивых, что жизнь их, по выражению святого писателя, составляет для него мучение.

Для грешников, не видящих или не слушающих одушевленных обличителей, Дух Святой поставил неодушевленного обличителя, который, однако же, может сообщать жизнь мертвым грехами. Это – слово Божие. Дайте его кому угодно: магометанину, язычнику, иудею, – он может не поверить его Божественности, но, прочитав, скажет, что не исполнил всего, в нем написанного, признает себя грешным. Какой фарисей мог устоять когда-либо пред обличением евангельским? Какой саддукей не трепетал угроз, в нем содержащихся? И слабый пастырь церкви, не право правящий слово истины, не радящий о своей стаде; и корыстолюбивый судия, вместо правды взирающий на лица судимых; и зверонравный властелин, живущий притеснением и слезами

подчиненных; и лукавый раб, не радящий о пользе и чести своего владыки; кратко: всякий грешник ясно видит в слове Божию свой грех. И все это производит одна, так сказать, буква Евангелия, предназначенная обличать грубых грешников. Дух евангельского учения еще обличительнее: самые праведники, проникая в него, всегда находили в себе новые недостатки, так что с возрастанием человека в добродетели, как бы возрастает в требованиях своих самое Евангелие.

Наконец и те, кои не могут читать или слышать слова Божия, не лишены обличителя. Вместо его служат Таинства Церкви. О вы, кои безрассудно отвергаете или унижаете сии органы благодати Божией, научитесь лучше видеть в них премудрость Божию и благо человечества! Скажите, как внушить целым народам ту великую истину, что человек грешен по естеству, и потому непрестанно имеет нужду в покаянии? В христианстве важная истина сия и многие другие внушаются, так сказать, сами собою – посредством таинств. При входе каждого человека в мир Церковь объявляет в крещении, что он грешен; при исходе из мира повторяет в елеосвящении, что он грешен. В продолжение жизни, несколько раз призывает каждого к судилищу покаяния и говорит: ты грешен! Чудное зрелище! Царь и последний раб, мудрец и простолудин повергаются при подножии Распятого, и в слух подобного человека исповедуют грехи свои! Кто заставил миллионы людей быть столь откровенными и препобедить естественную скрытность? Только один Дух Божий мог так обличить мир о грехе, что признание греха обратилось во всенародную обязанность!..

Что сказать о внутренних обличениях Святого Духа в совести грешников? Кто из нас не слышал когда-либо сего обличения? Кто не давал сам себе обета исправить свою жизнь? Кто не сожалел многократно, что не исполнил сего обета? По крайней мере, Обличитель исполнил Свое дело. Он принял на Себя долг обличить наши грехи, и обличил их: никто из нас не может сказать, что он безгрешен. Сего довольно уже для славы Обличителя и нашего спасения. Было время, когда целый мир грешил, а не знал, что он грешен! «Грех же не вменяшеся, не сущу закону» (Рим. 5:13).

Второй предмет обличения Святого Духа есть неверие мира правде. «О правде же, яко ко Отцу Моему иду, и ктому не видите Мене» (Ин. 16:10).

Обличаемый во грехе мир всегда находил гибельную отраду в том, чтобы отвергать или сокрывать правду Божию (Рим. 1:18). Так поступил он и с Правдой Ипостасною, когда она явилась на земле в лице Сына Божия. Ни чистота учения, ни святость Божественного Учителя, ни чудеса, Им совершаемые, ничто не могло убедить рода строптивного и грешного в том, что ему возвещаются глаголы живота вечного. Когда же Провозвестник истины, по высочайшим, но для мира недоваемым причинам, благоволил взыти на крест, и потом сокрыться навсегда от взора человеческого, то злобный мир почел это решительным доказательством, что Его дело не от Бога, что религия, Им возвещенная, есть изобретение человеческое. Самое воскресение Спасителя не образумило упорных врагов истины, и подало повод, как известно, к последнему отчаянному покушению – затмить правду Божию клеветой (Мф. 28:13).

Кто мог ожидать, что из сих же самых людей, кои с таким упорством гнали истину, вскоре многие соделаются ее защитниками, и с радостью прольют за нее кровь свою? Но где действует Бог, там нет ничего невозможного. Приходит Обличитель, и Савлы начинают проповедовать Евангелие.

Мир сомневался в правде лица Иисусова: Дух Святой показал несправедливость сего сомнения самым Своим нисществием. Всякий должен был признать, что если бы Спаситель не был тем, чем Он называл Себя, то Бог не послал бы в Его имя Утешителя, а Утешитель не стал бы действовать к Его славе. Мир не верил истине учения Иисусова: Дух Святой внушил апостолам изъяснить сие учение так, что самый недоверчивый разум, когда начал судить беспристрастно, не мог не признать в нем величайшей премудрости. Мир почитал излишними и чрезмерно строгими правила нравственности евангельской: Дух Святой показал на опыте, что правда веры не только бесконечно выше законной праведности, но и несравненно приятнее и легче для тех, кои имеют оную. Мир отвергал обетования Иисуса Христа: Дух Святой показал

непреложность их исполнением всех древних пророчеств о духовном царстве Мессии, и преподанием верующим в Иисуса Христа необыкновенных даров духовных. Наконец, сила чудес и различные откровения, сообщаемые Духом Святым проповедникам Евангелия, соделали то, что самые упорные враги истины не находили более предлогов к неверию. Тщетно обличаемый мир напрягал в лице языческих философов последние усилия свои против веры христианской; напрасно Цельсы, Порфирии, Иероклы истощались в возражениях: то низводя христианство до своего язычества, то возводя язычество к христианству; не прошло трех столетий – и сочинения их забыты, уничтожены, а Евангелие Иисуса Христа соделалось учебной книгой целого рода человеческого. Обличитель начал и совершил Свое дело!

Совершил, братие, но не окончил! Увы, как бы по некоей губительной необходимости, надлежало, чтоб и в христианстве повторилось все то, что обезображивало мир языческий; чтобы из среды христиан явились люди, кои с языческим бесстыдством отверзают уста, изощряют перо свое против правды Божией и Евангелия! И какой век не видел сих жалких людей? Какая страна не страдала от них? Давно ли целые царства потрясемы были разрушительным вихрем неверия, и алтарям угрожало то же превращение, что и престолом? Слово Божие, в предостережение верующих, даже решительно говорит, что и с продолжением бытия мира, не уменьшится, а увеличится неверие; что, пред самым концом его, противник Бога, «ведый, яко время мало имат» (Откр. 12:12), воздвигнет новых лжепророков и лжехристов, и покусится уничтожить самое имя христиан.

При сей горестной уверенности, не отрадно ли, братие, ведать, что мир, всегда враждующий против правды Божией, явленной в христианстве, как всегда находил, так и всегда будет находить Обличителя своего нечестия в самом Духе истины; что святая вера, с кою неразрывно соединено вечное блаженство наше, предоставлена не защите слабых людей, а хранению Его – Всемогущего? Нет! Всеведущий провидел нашу неверность и слабость в хранении истин Откровения, провидел,

что мы, подобно древним израильтянам, предали бы врагам нашим ковчег Нового Завета; и потому вверил его уже не сынам Левиным, а Своему Всесвятому Духу. Хотите ли видеть, как сей великий Обличитель совершает Свое дело и защищает правду веры и Евангелия, вверенную Его хранению? Вникните в историю Церкви, и она покажет вам сие, покажет, как во все времена являлись люди для защиты истины, как торжество неверия всегда обращалось к его посрамлению, как самые отчаянные усилия против Церкви Христовой разрешались в ничто. После сего пусть новые враги истины истощаются в клеветах на веру: этим докажется только, что они «древле предуставлении на... осуждение» (Иуд. 1:4) и гибель: маловерные будут соблазнены, но залог веры останется неприкосновенным. Пусть настают и те несчастные времена, когда самые служители слова, колеблемые страхом или выгодой, изменяют истине; для веры не страшна и сия измена: Дух Святой найдет ей защитников; Он сотворит их, если то будет нужно. Явятся новые апостолы и, воодушевленные Духом истины, с радостью изыдут на брань против царства тьмы. Непрестанно изменяющимся мнениям мира они противопоставят постоянную неизменность веры евангельской; многообразные заблуждения его заставят сокрушиться о единство исповедания апостольского; нечестивые правила его посрамятся святостью нравственности христианской. Таким образом, когда роды и виды нечестия будут, подобно теням, приходить и преходить, возрастать и умаляться по направлению света веры, Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь будет стоять неподвижно на краеугольном камени, «имущее печать сию: позна Господь сущия Своя!» (2Тим. 2:19).

Третий и последний предмет обличений Святаго Духа есть суд мира. И о суде, «яко князь мира осужден есть» (Ин. 16:11).

Памятуете ли, братие, какой суд произнес мир, когда Сын Божий явился в нем, дабы разрушить дела диаволя? Того, Который жил и умер для истины и славы Божией, он назвал сообщником князя тьмы: «о веельзевуле изгонит бесы» (Мф. 12:24); а себя и свою область греха представил в виде Царства Божия, угрожаемого опасностью со стороны Иисуса Христа. То

есть, свет назван был тьмою, а тьма светом, ад – небом, а небо – адом! Может ли быть большее превращение истины и суда, – неправда, тягчайшая сей неправды? О Душе истины, поспеши обличить сей незаконный суд мира; дай ему почувствовать нелюбимую Твоего суда; яви пред лицом вселенных, что «все, еже в мире, похоть плотская, ...похоть очес и гордость житейская, несть от Отца» (1Ин. 2:16), но от князя мира – диавола!

Но как совершить это обличение? Для сего надлежало бы дать миролюбцам на опыте познать тяжесть суда, их ожидающего, заставить их теперь еще изведать, что не один конец «благовому и злову ...жрущему и не жрущему» (Еккл. 9:2). Но Дух Святой, подобно Сыну Божию, низведшему Его заслугами Своими, приходит не погублять и наказывать, а исправить и спасти мир. Что же? Беззаконный суд мира останется без обличения? Нет, человеколюбивый Обличитель находит средство совершить Свое дело; Он обличает миролюбцев, но не в собственном лице их, дабы дать обличаемым время к покаянию, а в начальнике их и главе, коему они подражают и служат, в диаволе: «и о суде, яко князь мира сего осужден есть» (Ин. 16:11).

В самом деле, братие, развращенным фарисеям, видевшим первые деяния Иисуса Христа, еще можно было говорить, что они совершаются не о Духе Божиим, а о веельзевуле. Но можно ли было поддерживать сию клевету после того, как христианство начало распространяться и всюду низвергать идолов и ложных богов? Тогда все по необходимости увидели, что Сын Божий действительно пришел для того, чтобы разрушить дела диавола. Каких потерь, какого посрамления не претерпел сей враг Бога и людей? Изгнанный благодатью Святаго Духа из сердец, он торжественно изгнан потом из идолов, кои, с распространением христианства, все умолкли, из храмов и капищ, кои или разрушены, или превращены в храмы Бога истинного. Наконец, как бы в более видимое и частное доказательство невидимой всеобщей победы Иисуса Христа над диаволом, Дух Святой сообщал каждому из первенствующих христиан власть изгонять бесов одним словом.

Даже одно имя Иисуса, произнесенное кем бы то ни было, изгоняло иногда дьявола. Так сей, могущественный прежде, враг сделался тогда слаб и ничтожен! Он, по выражению одного отца Церкви, был тогда похож на мертвую змею без жала, которую отдают для забавы детям.

Такое всенародное посрамление дьявола для защитников христианства служило всенародным доказательством божественности веры христианской. «Ваши Пифии, – говорили они в слух сената и народа римского, – умолкли, ваш Аполлон онемел. Отчего? Оттого, что они говорили не сами, что в них жил дьявол. Он изгнан Иисусом Христом, и вот вы лишились своих богов; да ведаете, что нет другого Бога, кроме Того, Кому поклоняются христиане». В самом деле, как ни злобен и ожесточен был против христианства древний мир, но с продолжением времени выразумел совершенно, что разрушение идолов и всего идольского есть лучшая похвала христианству. Вскоре самые грубые язычники начали презирать тех истуканов, кои не могли защитить себя против невидимой силы Креста.

Но, видя посрамление дьявола, мир должен был уразуметь в сем посрамлении нечто большее и важнейшее. В осуждении князя мира заключается осуждение самого мира, в ужасной судьбе владыки тьмы изображена однажды и навсегда будущая участь всей области тьмы. «И о суде, яко князь мира осужден есть» (Ин. 16:11).

Так, люди, преданные миру и плоти, – к какому бы времени и стране вы ни принадлежали, – знайте, что Дух Святой, по человеколюбию Своему, благоволит обличать вас снова о грехе и правде; но не ожидайте нового обличения о суде: Он единожды и навсегда показал вам вашу будущую участь в главе вашей, – князе мира.

Вы, кои не знаете, или не хотите знать, что будет с грешниками за гробом, кои сомневаетесь в правде Божией и бытии мук, воззрите на главу свою – князя мира, и научитесь от него истине. Чему вы не верите, то самое он уже терпит, сим самым показывая вам, что и вы будете терпеть то же, если не обратитесь от неверия.

Вы, устные христиане, кои думаете, что для спасения достаточно верить, как отцы веровали, и не творить правды отеческой, не исполнять закона любви, – слышите обличение: «князь мира осужден!» И он верует, что Бог есть, лучше вас знает истины, коим противится, хитрее вас умеет преображаться в Ангела света; но, поскольку не имеет любви, осужден!

Вы, мнимые человеколюбцы, кои вопиете, что милосердие Творца безпредельно, что Он не может предать огню вечному ни одного грешника, слышите обличение: «князь мира осужден!» Благость Божия, равная ко всем, не пощадила гордого; высокое достоинство его в ряду тварей – он был Архангел – не воспрепятствовало подвергнуть его казни вечной.

Вы, кои не можете понять, каким образом существо разумное будет вечно терзаться муками и никогда не раскается, не прибегнет к милосердию наказующего, воззрите на князя мира, и из его упорства и ожесточения познайте, что для нравственных существ есть некая страшная крайность греха, за которую, прешед, не возвращаются.

Подобно ему и каждый грешник может и должен видеть свой суд и наказание в князе мира. В главе осуждается все тело; в лице владыки проклята вся область тьмы. И не оттого ли, между прочим, братие, мир с такой заботливостью всегда восставал против учения о бытии дьявола? Несчастный, он чувствует, что судьба духа злобы тесно соединена с его собственной судьбой, и вот источник его неверия! Заступаясь за дьявола, он защищает сам себя. «И о суде, яко князь мира осужден есть».

Так совершилось и совершается обличение Святого Духа над миром! Мир обличается во грехе, им непризнаваемом, в правде, им отвергаемой, в суде, им превращаемом. Обличение сие, начавшись в Едеме, окончится на Сионе. Оно объемлет собой все века и все народы. Виды его столь же бесчисленны, сколь бесчисленны пути премудрости и всемогущества Божия. Вся история Церкви, даже вся история рода человеческого есть история сего обличения. И кто решится с сей стороны и в сем духе взирать на все события, тот непрестанно будет находить новые причины благоговеть пред действиями Духа Обличителя,

Который не оставляет ни одного средства к обращению грешного рода человеческого из тьмы в свет, из области сатаны к Богу.

Время спросить теперь: что же делает мир из обличения Святого Духа? Что делают люди? Что сделали из оного мы с тобой, слушатель? Как пользуемся мы сим обличением? Всегда ли внимаем ему, всегда ли слышим его? Помним ли, по крайней мере, что у нас есть Обличитель? Ныне, – взывал Спаситель, предвозвещаая пришествие Обличителя, – «ныне суд миру» (Ин. 12:31). Не тем ли паче, братие, должно сказать, что ныне, по пришествии Обличителя, что ныне суд миру нашему? Чего недостает к суду? Судия, Бог всемогущий, здесь; Искупитель, проливший за нас Кровь Свою, здесь; свидетель, совесть наша, здесь.

Итак, ныне, теперь, суд миру нашему, не тому, который вне нас, но который в нас, в нашей душе, миру наших мыслей, желаний, страстей. Что мы речем с тобой, слушатель, на суде сем? Что сделали мы из любви Бога Отца, из благодати Иисуса Христа, из причастия Святого Духа? Скажем ли, что мы признаем себя грешными, но где плоды покаяния? Скажем ли, что веруем в Евангелие, но где плоды веры? Скажем ли, что отрицаемся князя тьмы и всего служения его, но для чего же остаемся в области тьмы, для чего творим дела тьмы? Что более должно быть уважено на суде: слова, или дела наши; мнимая вера, или деятельное неверие? Древний мир был обличен и судим за то, что враждовал против веры христианской: спрашивается, решена ли и в нашем сердце победа христианства над миром? Пали ли в нем идолы? Умолк ли шум страстей? Произошла ли в нем та спасительная перемена мыслей и чувств, то новое рождение, без которого невозможно увидеть «Царствия Божия» (Ин. 3:3), без коего имя христианина есть праздное титло? – Ах, если мы, обнося имя Христово в устах, помрачаем его своею жизнью; если, отрекаясь врага Его на словах, подражаем ему в делах наших: то ныне не токмо суд, но и осуждение миру нашему. Лучше бы нам ничего не знать о Искупителе, нежели, познав, не исполнять того, что Им заповедано; лучше бы нам быть вне Царства

Благодати и творить дела правды естественной, нежели, прияв благодать Святаго Духа, вести жизнь мытарей и язычников. Обличитель «оправдится в словесех» Своих: Он все соделал для нашего вразумления; и посему победит, «внегда судити» нас (Пс. 50:6). Но чего будет стоить тогда Его победа нам? Ныне Он побеждает нас для нас; тогда победит нас для Себя; ныне Его победа есть вечное наше спасение; тогда она составит наше вечное осуждение.

Итак, "ныне, пока есть время, не ожесточим сердец» наших (Евр. 3:15); приложим слух нашего сердца к обличению Святаго Духа, и потщимся предать себя Его водительству. "Потщимся» (Евр. 4:11), ибо, при всем долготерпении Своем, Обличитель не оставляет ненаказанным упорства и нерадения; долго обличает с кротостью, но когда обличаемые злоупотребляют Его милостью, то кротость пременяется в строгость. Когда же грешники и после сего продолжают упорствовать в грехах, то обличение Святаго Духа, по выражению пророка, превращается в некое враждование против них. Прежде они уклонялись от Обличителя, после Он уклоняется от них; прежде они противились Ему, после Он Сам, по-видимому, ставит им преграды, не благословляет самых похвальных начинаний, да научатся не злоупотреблять дарами Его.

Наконец, когда и сие последнее средство останется без плода, то Дух Святой оставляет грешника самому себе. Знаете ли же, братие, что значит быть оставлену Святым Духом?.. Не дай Бог, чтобы кто-либо из нас познал это на самом деле! Итак, доколе есть время, предадим себя водительству Святаго Духа и воспользуемся Его спасительным обличением.

Обличителю, Душе истины, мы столь же мало способны сами по себе воспользоваться обличением Твоим, сколь мало достойны утешения Твоего! Ты убо Сам, о Всеблагий, прииди и вселися в нас, и обличи нас, и, обличив, очисти от всякия скверны, и тако спаси души наши! Аминь.

Слово четвертое в день сошествия Святого Духа

«Дух Святый бе присно, есть и будет»²²

Как ни радостен, братие, настоящий день, как ни светло торжество, совершаемое ныне Церковью; но, если сравнить нынешнее наше празднование с оною Пятидесятницею апостольскою, то в сердце рождается какое-то печальное чувство. Там Утешитель обнаруживает Свое присутствие видимо и торжественно: буря и огонь служат Его вестниками, – и в малой горнице Сионской повторяются чудеса Синая; здесь, наши слабые молитвы к Нему, Всемогущему, должны проникать сквозь сей кров, который всегда остается сомкнут над главами нашими, и мы, не имея свыше ни единого чувственного знамения, принуждены уверять себя, что Он, Всеблагий, слышит нас и присутствует между нами. Тогда проповедники Евангелия, быв облечены силою свыше, вдруг сделались способными уразуметь и возвестить в слух всего мира премудрость, сокровенную в Боге; и краткое, безыскусственное, но исполненное силы и духа, вещание их обращало ко Христу целые племена и народы, заставляя их отвергать ложных богов, оставлять предрассудки, побеждать навыки и страсти; ныне, служители слова должны трудным и долгим учением снискивать сведения для сообщения другим надлежащих понятий о вере; и, несмотря на все пособия искусства, на все усилия ревности, самые продолжительные и красноречивые беседы их часто не могут соделать истинными христианами даже тех, кои родились и воспитаны в недрах христианства.

Еще бы не так печальной казалась противоположность сия, если бы чрезвычайное обилие дарований духовных в древние времена было уделом одних апостолов, их сотрудников и первых преемников. Предназначенные к необыкновенному, всемирному, многотрудному служению, они имели нужду и в дарах необыкновенных, в помощи чрезвычайной. Но в Церкви Апостольской все, от первого до последнего, исполнены были чудесных дарований. "Каждому, – так апостол Павел описывает Церковь Коринфскую, – каждому дается открытое действие

Духа на пользу: одному... слово премудрости – способность выражать словом высокие предметы мудрости христианской; другому слово знания – дар деятельного разумения истин веры и их употребления в жизни; иному вера – твердая уверенность в подлинности невидимых будущих благ, и, происходящее оттуда, терпение и мужество; иному дары исцелений – болезней телесных и душевных; иному действия сил – произведение таких явлений, кои превышают все силы человеческие; «иному же пророчество», – предсказание будущего, изъяснение истин веры, через сравнение настоящего с прошедшим и будущим; иному различение духов – истинных от ложных, и их откровений; иному разные языки – способность говорить на разных языках, не учась им предварительно; иному истолкование языков» – дар изъяснения на известном языке, что сказано кем-либо на неизвестном (1Кор. 12:5–11).

Посему-то, когда коринфские христиане сходились в церковь на молитву, то, по свидетельству того же апостола, у каждого из них был или новый псалом, внушенный Святым Духом, или новое поучение, или новый язык, или новое откровение, или истолкование прежних откровений. Подобное тому было и во всех прочих Церквях христианских. В Ефесе, при первом прибытии туда Павла, нашлось было несколько учеников, именовавшихся христианами и не имевших дарований духовных; но тотчас и открылось, что они крещены одним Иоанновым Крещением, а не Христовым, и тотчас восполнен сей недостаток через возложение на них рук святым Павлом; после чего они, подобно прочим христианам, стали говорить «языками и пророчествовать» (Деян. 19:1–7). Так верно, братие, исполнялось тогда оное утешительное слово обетования: «и будет в последние дни... излию от Духа Моего на всяку плоть» (Деян. 2:17).

А ныне? Не дерзаем мыслить, чтобы и ныне обетование сие не оказывало над кем-либо из христиан своего прежнего действия. Кто может знать, что совершается в целой Церкви Христовой, которая рассеяна по всему миру, собирается от всех язык, колен и племен, и в избраннейших членах своих, в их действиях и дарованиях известна единому Сердцеведцу?

Но, с другой стороны, всегдашний и всеобщий опыт побуждает признать за истину, что если ныне и существуют еще где-либо чудесные дары; то в скудной мере, без той видимости, всеобщности и полноты, с коими они являлись в Церкви первенствующей.

Что же значит это? Почему первые христиане были так богаты чудесными дарованиями Святого Духа, а мы не имеем оных? Не есть ли это знак, что Дух Святой гораздо менее благоволит ныне к Церкви Христовой? Даже не оставил ли Он ее за грехи и нечестие христиан?

Вопросы сии так близки к настоящему празднеству, и так важны сами по себе, что их нельзя оставить без разрешения. Но кто в состоянии разрешить их, как должно? Чтобы уверить других в действительности присутствия Святого Духа в Церкви, надобно прежде самому живо ощутить Его присутствие в своем сердце; а таковое ощущение скорее может выразиться молчанием, нежели разглагольствованием. Чтобы изъяснить точнее, почему Дух Святой, продолжая управлять Церковью Христовой и обитать в ней, не сообщает, однако же, членам ее чудесных даров Своих, для сего надлежит иметь один из тех огненных языков, кои почтили ныне на апостолах.

Таким образом, при всей важности вышепредложенных вопросов, мы, по слабости разумения духовных вещей, должны были бы оставить их без разрешения, если бы не имели в сем случае опытного, можно сказать, Самим Духом Святым воздвигнутого, руководителя – святителя Златоуста, который в свое время, ибо в его время уже не было чудесных знамений, разрешал те же самые вопросы в назидание своих слушателей. Последуем его руководству.

По мнению святителя Златоуста, не должно скорбеть и сетовать о том, что видимых и чувственных чудесных знамений Святого Духа нет более в Церкви; даже можно радоваться тому, что они прекратились, и почитать это за честь для Церкви. «Не должно скорбеть», потому что чудесные дарования, бывшие в древние времена, не доставляли людям спасения, а добрая жизнь спасала и может всегда спасать и без них. «Можно радоваться», потому что существование видимых чувственных

знамений было, между прочим, следствием слабости и детства духовного многих первообращенных христиан; а прекращение их есть признак крепости и совершеннолетия духовного Церкви Христовой, и подает членам ее случай к большим заслугам по вере.

В самом деле, братие; если с чего должно быть начато суждение о важности или неважности обладания чувственными чудесными знамениями, то именно с того, много ли они содействовали ко спасению? Это единственное верное правило. Итак, зависело ли сколько-нибудь дело спасения от чувственных чудесных знамений, от пророчеств, от видений, от исцелений, от знания языков? Нисколько.

И, во-первых, как замечает святитель Златоуст, были великие святые, кои не творили ничего чудесного, по крайней мере, сделались великими праведниками прежде, нежели стали быть чудотворцами. «Кое знамение, – вопрошает он, – Иоанн сотвори грады толики к себе привлек? Яко бо ничто же чудодействова, слыши евангелиста глаголюща: Иоанн знамения не сотвори ни единого. Откуда же и Илия чуден бысть? Не от дерзновения ли к царю? Не от ревности ли по Боге? Не от нестяжания ли? Не от милоти ли своей? Не от пещеры ли и гор? Знамения бо по сих всех сотвори. Иова же кое знамение творяща ужасеся диавол? Знамение ниединоже, но житие сияющее и терпение адаманта твердейшее. Кое знамение и Давид сотвори еще юн сый, яко рещи Богу о нем: «обретох Давида, сына Иессеова, мужа по сердцу Моему»? (Деян. 13:22). Авраам же, Исаак, Иаков, которого мертвого воздвигоша, которого прокаженного очистиша? Всех сих не знамения соделаша дивных, но имений пренебрежение, славы презрение, от житейских вещей освобождение. Аще бо не сие имели, и рабы страстей были, то аще бы и тмочисленных мертвых воздвигли, не токмо ничтоже бы пользовали, но и прелестницы быти возмнилися бы».

«Доколе убо, – заключает златословесный учитель, – притворение творим нашей лености чудесами? Се лик святых не чудесами просиявший»!²³.

С другой стороны, находим, что многие, обладая даром чудес, не только не умели извлечь из того для себя никакой душевной пользы, но и совершенно погибли. Ужасный пример сего – Иуда! Никто не сомневается, что он, подобно прочим апостолам, производил чудеса: исцелял прокаженных, изгонял бесов, воскрешал, может быть, и мертвых; и, однако же, потерял не только апостольство, самую душу! Чудеса не спасли его, ибо он попустил овладеть собою демону корыстолюбия, соделался татем и предал своего Учителя. А что не один Иуда погиб, и, может быть, погибнет с чудесами, явно из того, что на Страшном Суде, по свидетельству Самого Спасителя, многие будут говорить Судии: «Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом?» (Мф. 7:22). Сколько чудес! Какие знамения! И однако же, что скажет им Господь? «николиже знах вас, отыдите от Мене делающии беззаконие» (Мф. 7:23). Слова вовсе неожиданные! Приговор страшный, но совершенно справедливый! «Они убо, – рассуждает при сем Златоуст, – удивятся, яко тако чудодействовавшие, мучими суть: ты же не дивися. Всяка бо благодать есть Давшаго: тем-же и мучиться должны; понеже к тако почетшему их, яко и не достойным благодать дати, неблагодарни пребыша и нечувственни»²⁴.

Итак, если были великие святые, не обладавшие даром чудес, и если некоторые из обладавших сим даром погибли, если он подавался иногда нечестивым и неверным, то не явно ли, братие, что спасение наше нисколько не зависит от обладания чудесными дарованиями? А если так, то нет основательной причины печалиться, не видя более между христианами чудотворцев. Одно только чудо, о несовершении коего над нами мы всегда должны скорбеть, это исправление нашего, злого по природе, сердца, обновление нашей жизни, духовное возрождение; но для произведения сего чуда, необходимого для каждого из нас, сделано со стороны Промысла все, что нужно, так что совершенно от нас зависит испытать его над собой. «Главизну благ, – рассуждает святитель Златоуст, – то есть те дары Святаго Духа, без коих невозможно

наше спасение, – мы имама крещения дары; вси прияхом оставление грехов, освящение, Духа причастие, сыноположение, наследие живота вечного. Что хощеши множае? Знамений? Но упразднишася». Не ищи того, чего нет, пользуйся тем, что есть. «Веру имаши, надежду, любовь, и та непреходящая. Сих убо взыскуй: сия знамений больша суть»²⁵.

В самом деле больше. Все чудесные дарования не могут заменить одной добродетели; напротив, одна какая-либо добродетель сильна вознаградить собой все знамения. «Аще языки человеческими глаголю и Ангельскими, – пишет о себе апостол Павел – аще имам пророчество и вем тайны вся и весь разум, и аще имам всю веру, яко и горы преставляти: любви же не имам, ничтоже есмь» (1Кор. 13:1–2). Вот что значит одна любовь! Ее же спросят у нас и на Страшном всемирном Суде, где произведен будет окончательный расчет в дарованиях Божиих, нам данных, и в том, что мы сделали из них, – любви, говорю, спросят у каждого из нас тогда, а не чудес, не знамений. «Приидите благословеннии Отца Моего, – скажет праведный Судия всемогущий, – наследуйте уготованное вам царствие» (Мф. 25:34). За что уготованное? За то ли, что мертвых воскрешали, бесов изгоняли, пророчествовали, чудодействовали? Нет, но за то, что, видя своего Спасителя бедствовавшим в лице меньших братий своих, послужили Ему: гладного напители, нагого одели, больного посетили, странного ввели в дом. Ни слова о чудесах, а все о делах, о жизни, о любви. «Не знамений убо и ты ищи, – заключает святитель Златоуст, – но души здравия. Аще от безчеловечия к милостыне приложишися, суху руку простерл еси; аще, позорище оставль, в церковь приидеши, храмлющему ногу исправил еси; аще отвориши очеса свои от доброты чуждья, слепого очи отверз еси; аще вместо сатанинских песней изучиши псалмы духовные, – нем сый, проглаголал еси. Сия чудеса величайшая! Сия знамения предивна!»²⁶.

«Но древние знамения, – скажет кто-либо, – весьма полезны были для обращения неверных; а посему все остается причина скорбеть о прекращении их, если не за себя, то за других». Ревность ко благу ближних похвальная! Скорбь,

достойная христианина! Но знаешь ли что? Если бы сия скорбь и оная ревность не оставались в одних наших словах, а всегда выражали себя в действиях, то и без чудес давно, может быть, не осталось бы ни одного язычника. «Еллинов, – по уверению святителя Златоуста, – не тако приводят к вере знамения, якоже житие наше». «Знамения бо творящих, – продолжает он, – многажды они прелестниками нарицаху, жития же чистаго укорити не могут. Мы убо виновницы, а не недостаток чудес, в том, что пребывают они в заблуждении. Ибо хотя они древние догматы свои пренебрегать начинают, и нашим чудятся, но жития ради нашего воспящаемы бывают. Словесы бо любомудрствовати удобно есть (мнози бо и у них сия сотвориша), ищут же от дел показания истины. И праведно. Когда бо увидит лихоимствующего, похищающего, и со единоплеменники, яко со зверьми обращающегося, того самого, ему же и врагов любити повелено есть, ложь быти возмнит глаголемая. Покажи мне, речет, веру от дел твоих; но сего у нас нет; а паче видя нас лютее зверей терзающих ближние, язвою нас нарицает вселенная. Сие Еллины удерживает и не попускает присоединиться; того ради и мы за сих наказание приимем»²⁷. О сем-то, следовательно, о упадке нравов между христианами, соблазняющем неверных, и нам должно скорбеть; а не о том, что у нас нет знамений для их обращения. Будем делать для спасения их то, что зависит от нас: а Бог непременно соделает то, что зависит от Него, и без сомнения делает, хотя мы и не знаем, через кого и каким образом.

«Пусть будет так, – скажут еще, – нам не должно скорбеть о прекращении чудесных знамений; но и радоваться сему было бы безрассудно. Можно ли сравнить наши бедные времена с оным блаженным временем, когда Церковь Христова, украшенная даром чудес, видимо показывала всему миру, что она есть избранная невеста небесного Жениха?»

Не только можно сравнить, но, именно в отношении к знамениям, должно с некоторой стороны отдать даже преимущество нашим временам перед древними. Разберем беспристрастно причины великих чувственных знамений в Церкви Апостольской, и истина откроется сама собой.

Спросим, во-первых, почему при начале христианства произведено столько чудес? – Совершенство ли людей, тогда живших, низвело их с неба? Нет, не совершенство, а нужда. Тогда надлежало совершиться одному из великих переворотов нравственных, быть введенной между людьми новой вере. «А везде, – замечает святитель Златоуст, – аще что странное и дивное совершится хочет, или нового образа жизни введение бывает, знамения творити обыче Бог, залогом силы Своея подавая имущим прияти законы Его. Тако егда человека сотворити хотяше, мир весь созда прежде, и потом закон, в рай бывший, даде ему. И егда Ною закон дати имеяше, велия паки чудеса показа, ими же возобнови всю тварь... и при Аврааме тако же много знамения являше; сиречь, победу во брани, язву на Фараоне, свободу от бед. И иудеом закон дати имея, дивная она и великая чудеса показа прежде, и потом закон даде. Тако и zde (во время Иисуса Христа и апостолов) высокое некое хотя в род человеческий ввести жителство (веру христианскую) и яже никогда же слышаху законоположити, показанием чудес та утверждает. Егда бо проповедуемое (апостолами) царствие не являшеся, от являемых знамений не явлено бывшее творит явственно» ²⁸. «Все сие тем нужнее было, – рассуждает он в другом месте, – что человецы тогда поживший, яко мало что идолов оставлянии, поникновени суще смыслом, сердцы же нечувственны и оледенелы, земная паче мудрствующе и вожделевающе, – ниже мыслию касахуся дарований нечувственных, неведуще отнюдь, что есть безтелесная, единою точию верою мыслимая, благодать. Сего ради знамения бываху, да не пребудут в неверии, чудесам небываемым» ²⁹. «Вообще, – заключает святитель Златоуст, – во время апостолов начало и основание веры полагаешся. Якоже убо добрый земли делатель о древе, им насажденном, юности ради, многое попечение творит, отвсяду ограждая, камением и шипом утверждая, да не исторгнет ветер, ниже обидит и потопчет скот, ниже ино кое зло приключится, егда же возрастет и крепость приимет, отъемлет подставы, древу саму сильну суще невредитися. Сице о вере сбывшееся видим. Егда бо мало что возросла, и вельми слаба, и вновь всаждаема в сердцы баше;

изо всех стран опасно укрепляшеся и ограждашеся; пустившей же корени и силу приимшей и весьма высоко ветви притязующей, отъя Христос подставы и обороны. Сим убо образом изначала даяхуся дары и недостойным сущим; вере бо потреба бе помощи: ныне же и достойные не приемлют, через крепость веры, нужде в защите упразднившейся»³⁰.

Итак, вот истинные причины того обилия чудесных знамений, коему мы удивляемся в Церкви первенствующей: нужда приготовить людей к принятию новой религии и нового образа жизни; нужда оградить и укрепить вновь насажденный вертоград веры; нужда уверить чувственных людей в том, что им действительно поданы сверхъестественные блага. Таким образом, все нужда и некоторая скудость были причиной чудес и знамений, а не богатство, не совершенство какое-либо, не заслуги.

Что же? Ужели нам после сего жалеть о том, что теперь для Церкви Христовой нет более таковых нужд, а потому нет и знамений? Это значило бы все равно, как если бы совершеннолетний, достигший полноты умственных и нравственных сил, начал жалеть о том, что лишен некоторых приятностей и украшений детского возраста; все равно, как если бы кто из граждан начал роптать на судьбу свою за то, что ему досталось жить в то время, как отечество его пришло в силу и славу, а не при самом его начале и основании.

Напротив, зрело размыслив, мы должны благодарить Бога, что Он не благоволил соделать нас свидетелями великих перемен в судьбе Церкви, в продолжение коих бывают нужны чудеса и знамения, потому что люди, живущие во время сих переворотов, хотя слышат и видят много такого, чего не бывает во всех прочих веках, но по какому-то несчастному жребию, редко и мало пользуются преимуществами своего времени. В самом деле, много ли из современников Ноя и Авраама обратилось на путь правды? Никого не знаем. Многие ли из евреев, видевших чудеса Моисея, остались верны Богу и вошли в землю обетованную? Только два человека: Иисус Навин и Халев. Сам Моисей, произведший столько чудес, умер вне оной. Многие ли и из современников Иисуса Христа

воспользовались преимуществом слышать учение и видеть чудеса Его? Весьма немногие. Кто же знает, слушатель, что бы и с нами было, если б мы жили в оные времена чудес, кажущиеся нам столько завидными? Кто поручится, что мы остались бы в малом числе Иисусовых друзей, стоявших на Голгофе, перед крестом Его и не были увлечены потоком всеобщего соблазна на сторону Его врагов и распинателей? Если и ныне, совершенно зная, кто Иисус, веруя, что Он есть наш Икупитель, Бог и Судия, следовательно, зная более, нежели сколько было известно тогда многим из самых учеников Его; если, говорю, и ныне, несмотря на все сие, мы изменяем нашему Господу, снова распинаем Его грехами нашими: то не должно ли со всею вероятностью заключить из сего, что, быв современниками нашему Спасителю, мы принадлежали бы к числу упорнейших врагов Его, может быть тех самых людей, кои предали, осудили, распяли Его? Значит, нам должно благодарить Бога, что мы живем не во времена чудес, кои бывают временем тягчайших искушений, что мы не видим знамений, кои, по всей вероятности, не обратили бы нас к вере, а только соделали бы виновнее и безответнее.

«Но я желал бы, — скажешь, — находиться не в числе зрителей чудес, людей не обращенных и злых, а в числе верных, кои обладали чудесными дарованиями». А это, думаешь, не было сопряжено с опасностью? Мы видели, что из совершивших чудеса многие не будут признаны Спасителем за Своих и пойдут в муку.

Теперь скажем в дополнение, что для некоторых, если не для всех сих несчастных, камнем претыкания на пути ко спасению вероятно послужили (разумеется, не сами по себе, а по их вине) именно чудеса и дары необыкновенные, их украшавшие. Доказательство сей печальной истины представляет та же самая Церковь Апостольская, коей мы хотим завидовать. Коринфяне, как мы видели, отличались многими дарованиями. Что же вышло из того? «Вящшая (из дарований чудесных) имущий, -говоря словами Златоуста, — взимахуся на иже чудейшие стяжавших; сии же паки болезноваху, и большая имущим завидяху» ³¹.

Зависть же, как обыкновенно бывает, повела за собой все душевные недуги, несогласия, споры и беспорядки, так что, если бы Павел, как опытный и усердный врач, не поспешил на помощь недугующей Церкви и не преподал ей врачевства смирения и любви, то, вероятно, не одному коринфскому чудотворцу довелось бы слышать ужасное оное: «николиже знах вас!» (Мф. 7:23) – То же могло быть и с нами, если бы у нас существовал дар чудес. «Аще бо, – рассуждает святитель Златоуст, – не бываемым знамениям, иная имущий превосходства, якоже слово премудрости, или благоговения показание, тщеславимся, возносимся, друг от друга разделяемся: аще бы знамения были еще к тому, где бы не последовало расторжения?»³². Значит, смотря на дело и с сей стороны, нам должно благодарить Бога, что мы избавлены от искушений иметь столь опасные дары, что нам не суждено носить в недрах своих огня священного, но ревнивого и страшного, коего пламень мог бы обратиться на нас самих.

Но за то ли одно мы должны благодарить Бога, что избавлены от искушений злоупотреблять чудесами? Нет ли у нас еще многих, важнейших преимуществ, коих вовсе не было в первые времена христианства?

Первое преимущество наше: жить во времена мира, видеть торжество веры христианской и ее победу над врагами. Нам по слуху только известно огненное крещение, коим надлежало креститься ученикам Иисусовым, но первенствующая Церковь испытала на себе всю лютость сего крещения. Славные обетования были впереди, незримы, а пред очами была нищета и смерть за имя Христово. «Каждому верующему, – говорит Златоуст, – абие подобаше стати аки на позорище, прогнану бы от отечества, последняя пострадати лютая, от всех ненавидиму быти, общим супостатом зватися и своих и чуждых». Вот в каком положении были тогда и вера и верующие! Ни одна из глав, на коих почили ныне огненные языки, не спаслась от меча гонителей.

Между тем, не первым христианам, а нам предоставлено, говоря словами же Златоуста, «видеть торжество Церкви, вселенная вся обращенная, варваров любомудрие, свирепых

нравов пременение, благоговейства распространение, пророчеств событие» ³³. Нам предоставлено наслаждаться тем миром, который куплен потоками крови мучеников, потом и слезами подвижников, воздыханиями целой Церкви Вселенской. Мы не трудились и, однако же, наслаждаемся всеми плодами трудов. «Богу лучшее что о нас предзревшу» (Евр. 11:40).

Подлинно лучшее! – В продолжение восемнадцати веков сколько новых светил возжено Духом Святым на тверди церковной, могущих служить руководством для безбедного плавания к вечному отечеству! Сколько подано новых примеров самоотвержения, любви и всех прочих высоких добродетелей! Сколько оставлено духовных опытов успешной брани со врагами видимыми и невидимыми! Прежде бывший тесный путь к Царствию Небесному, можно сказать, распространился для нас от множества прошедших по нему; терны, его покрывающие, кажется, притупились о стопы бесчисленных подвижников Божиих; фиал (чаша-ред.) искушений и скорбей, кажется, уже весь испит ими, и нам остается только прикасаться к нему устами для нашего освящения.

Наконец, нам предоставлено высокое преимущество – веры без чудес. Веровать обетованиям Божиим, не видя, ожидать их исполнения, не требуя доказательств, составляет великое достоинство духа человеческого, и вместе такое блаженство, коего недоставало самым апостолам. "Блажени, – сказал Сам Спаситель апостолу Фоме, – не видевшии и веровавшие» (Ин. 20:29). Хочешь ли знать, в чем состоит сие блаженство? «В том, – отвечает святитель Златоуст, – что верующий без знамений верует Богу без залогов, верует единому Его слову, и, таким образом, являет послушание самое чистое: в том, что знамений ради сами должники бываем Богу, жития же благого и деяний ради должника имеем Бога» ³⁴. «В самом деле, – рассуждает тот же учитель в другом месте, – егда Христос приидет и вси Ангели с Ним, и покажется Бог, и вся покорена Ему: не уверится ли и еллин? Явно, яко поклонится, и Бога речет. Еда убо, рцы ми, вменится еллину в веру поклонение оно и познание? Никако же. Чесо ради? явно, яко несть сие вера: нужда бо сие сотвори, и величие видимых им, и несть вещь от произволения. Елико бо

аще явленное знамение покажется, толико веры мзда умалается», «Тако, – заключает святитель Златоуст, – аще быша и ныне были знамения, тожде было бы», то есть, наша вера потеряла бы большую часть своей цены.

Но рассуждая таким образом, не унижим ли мы дара чудес и знамений? Не умалим ли достоинства первенствующей Церкви, обладавшей сим даром?

Нимало. Дар чудес сам по себе всегда равно важен, потому что происходит непосредственно от Бога и подается для великих целей. Но по отношению к людям, сей дар особенно важен только в том случае, когда приобретает особенными их трудами, есть награда за их веру, терпение и любовь, или, лучше сказать, когда есть как бы естественное (хотя не всегда открывающееся) следствие восстановления в них образа Божия и соединения с Богом, действие той, по выражению Спасителя, «веры Божией» (Мк. 11:23), которой все подчинено, «и вся возможна» (Мк. 9:23). В сем случае дар чудес чрезвычайно важен, ибо составляет одно со святостью, хотя и в сем случае важен по тому, что им предполагается в человеке, а не что от него происходит.

Бывают же случаи, когда человек, сам по себе не созревший духом для дара чудес, даже не начинавший зреть, вдруг получает его свыше для каких-нибудь особенных целей. Тогда внешние чудеса, производимые таким человеком, не будучи следствием внутреннего чуда – восстановления в душе его образа Божия, не придают ему нравственного совершенства, а напротив, могут, как мы видели, от неосторожности его, обратиться даже во вред. Таким точно образом подавался дар чудес большей части христиан и в Церкви Апостольской, подавался по причине особенных обстоятельств и нужд, без особенной заслуги со стороны приемлющих, тотчас по крещении. Только в немногих чистых, возвышенных, обоженных душах, (каковы Павлова, Петрова и прочих святых мужей), чудеса были, можно сказать, столько же плодом из собственной веры и совершенств духовных, сколько даром Божиим. Но таковые немногие души и во все прочие времена, как свидетельствует священная история, стояли выше

законов видимой природы; когда хотели, и нужно было, – производили чудеса. Только сии души менее всего склонны бывают искать дара чудес и показывать его другим.

Не унижаем мы и первенствующей Церкви нашим мнением о чудесах и знамениях. Внутренняя лепота ее и богоподобность зависели не от знамений, а от великих добродетелей, коими украшались некоторые из ее членов. Знамения же, как прежде сказано, будучи следствием нужды, предполагая людей чувственных, вообще, напоминая собою детство духовное, не только не увеличивали собою внутреннего совершенства первенствующей Церкви, но, можно сказать, служили для восполнения ее недостатков, для прикрытия слабой ее стороны. Это был некоторый, временный остаток Ветхого Завета, который, будучи дан людям чувственным и грубым, по тому самому почти весь состоял из знамений.

«Поэтому, – скажет кто-либо, – Церковь Христова с продолжением времени достигла большей силы и стала выше». А что же, возлюбленный? Разве виноград, насажденный Отцом Небесным, напрасно пил воду жизни, напрасно был отребляем и блюдом в продолжение восемнадцати веков? Разве таинственное тело Христово в это время не возрело, оставалось в младенчестве, не приходило в меру возраста Христова? Мы непрестанно твердим, что род человеческий развивается в своих силах, разум зреет, науки и искусства усовершенствуются, общества человеческие растут и укрепляются, все идет постепенно к лучшему; ужели одно общество Иисуса Христа не оказывает дальнейших успехов? Одна Церковь остается позади всех учреждений? Где же обетование? Где Промысл? Нет, сего не может быть; невозможно, чтобы дело Божие оставалось без преспеяния, когда так спеют дела человеческие... Если мы слабы и несовершенны, то и должны сознавать свою слабость, а не распространять оную, в извинение себя, на всю Церковь. Найдутся чистые души, кои оправдают собою Промысл, докажут своею жизнью, что Церковь Христова более и более приближается к той лепоте, в коей она, яко невеста, должна явиться на брак небесного Жениха. Но сии-то души и составляют собственно Церковь Божию, то малое

стадо, коему завещано царство; их-то и разумел святитель Златоуст, когда утверждал, что чудесные знамения прекратились потому, что люди сделались духовнее; их-то надобно разуместь и нам, допуская, что ныне еще менее, нежели во время Златоуста, нужды в чувственных знамениях. По крайней мере, всего непозволительнее судить о состоянии целой Церкви по нашим слабостям и недостаткам. Мы с нашими слабостями, недостатками, пороками образуем только тень, которая, впрочем, чем бывает темнее и длиннее, тем высшее предполагает здание.

Можно бы, братие, и еще сказать многое в пояснение важной истины, нами рассматриваемой; но время уже положить конец слову, и собрать воедино, что говорено было порознь и с различных сторон о предмете. Что же выходит из всего нами сказанного? То самое, что мы слышали из уст Златоуста в начале нашего рассуждения; то есть, что нам не только не должно скорбеть о прекращении чудесных знамений, но и можно радоваться сему событию, как доказательству, что Церковь ныне избавилась от многих прежних бед и нужд, как признаку, что общество истинно верующих, а вместе с ним и все человечество, достигло большего совершенства, наконец, как условию многих наших преимуществ и основанию новых заслуг духовных.

Возблагодарим убо, братие, Отца Небесного, что Он, разделяя дары благодати Своея роду человеческому, и соразмеряя их с различными состояниями, возрастами и нуждами оно́го, не забыл при сем разделе и нас, коим суждено жить в позднейшие времена, и, не благоволив нам дать того, что для нас не нужно и составило бы тягость, в избытке даровал все необходимое для спасения, и, кроме сего, много таких благ, коих не было во всех веках предшествующих.

Благодарность же наша должна главным образом состоять в том, чтобы пользоваться духовными преимуществами, нам данными, и правотой жизни, чистотой желаний, высотой мыслей доказывать, что мы принадлежим к Церкви совершеннейшей, живем во времена лучшие. Кто будет поступать таким образом, тот на самом опыте узнает, что дары благодатные могут с

продолжением времени видоизменяться, а «Дух Святый -бе
присно, и есть и будет». Аминь.

Слово первое на день Святой Троицы

«Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа!»

Сими великими и святыми словами пастыри Церкви начинают обыкновенно все свои собеседования с нами, братие мои. Но в другие дни сии святыя слова служат только святым заглавием слов и бесед церковных; а в нынешний день они могут составить самый предмет для поучения. Ибо ныне празднуем мы в честь и славу Пресвятой, Единосущной, Живоначальной и Нераздельной Троицы: о чем же приличнее потому и беседовать ныне, как не о тех Лицах, в честь Коих совершается празднество?

Трудно, правда, смотреть на солнце; еще труднее взирать на Пресвятую и Премирную Троицу: там теряется зрение, здесь слепнет ум! Так ослепли: Арий, Македони, Савеллий, Несторий! Так слепнут и ныне те, кои собственными очами дерзают прямо взирать на пресветлый лик Существа творческого. Но мы поступим не таким образом; а, подражая примеру богомудрых и вселенских учителей, вооружим свое слабое зрение трубой, которая, приближая духовное солнце, в то же время умеряет для нас блеск лучей его. Труба сия есть слово Божие, изглаголанное пророками и апостолами. Средство сие для нашей цели самое благонадежное, ибо в слове Божиим говорит о Себе или Сам Отец, или Сам Сын, или Сам Дух Святой. Им ли не знать Себя верно, или не уметь сказать о Себе, как должно?

Что же открывает нам о Боге слово Божие? Открывает, что Бог есть един во всей силе сего слова, что, однако же, Сей единый, по существу Своему, Бог состоит из трех Лиц. Ибо Тот же самый, Который на Синае явился единым и вещал через Моисея: «слыши, Израилью, Господь Бог твой, Господь Един есть» (Втор. 6:4). Тот же самый на Иордане открылся в трех видах, и потом через евангелиста Своего провозгласил: «трие суть свидетельствующий на небеси: Отец, Слово и Святой Дух, и сии три едино суть» (1Ин. 5:7). И Сам Сын Божий, Который исповедал Того, Его же «никтоже виде нигдеже» (Ин. 1:18),

посылая апостолов для обращения всего мира из тьмы к свету, повелел им крестить все народы во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. После сего для нас отнюдь не какое-либо неразностное дело – исповедовать Бога единого, или триединого: нет, признавать, почитать и проповедовать Пресвятую Троицу – эта наша непреложная обязанность, потому что это основание нашей веры, предмет нашей любви и залог нашего упования. Се есть живот вечный! Ибо кто искупит нас кровью своею, если не Бог Сын? Кто освятит нас благодатью своею, если не Бог Дух Святой?

Посему, в едином Боге мы исповедуем трех – Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго. Бог Отец именуется так потому, что Он, будучи источным началом всего Божества, предвечно родил Сына и предвечно же произвел из Себя Пресвятаго Духа. Бог Сын именуется так потому, что Он рожден от вечности Отцом из собственного Его Существа, а во времени Он же, яко человек, благоволил родиться от Пресвятыя Девы Марии. Бог Дух Святой именуется так потому, что Он предвечно издыховен Отцом и Сам одушевляет все сущее, особенно духи и души разумные. Чем отличаются между Собой Лица Божества, явствует уже из самого названия их. Бог Отец, по учению Священного Писания, служит началом Сына и Духа, Сам сый безначален и безвиновен; Бог Сын рождается, но не рождает и не производит Духа; Бог Дух Святой исходит от Отца, но не рождается, и Сам паки не рождает и не производит. Отчество, сыновство и происхождение, – се три отличительных свойства Лиц Божественных! Отличаясь таким образом друг от друга, сии три Лица составляют единого и тогожде Бога: Отец есть Бог, Сын есть Бог и Дух Святой есть Бог, но не три Бога, а едино Божество, едино по силе, едино по воле, едино по могуществу, едино по славе и державе.

Так, последуя слову Божию, учит о Боге Святая Церковь, учит, не предполагая, чтобы сим сказано было о Боге все возможное, и чтобы сказанное вполне и совершенно выражало образ бытия Божественного.

Нет, Церковь, несмотря на ее достоинство, яко невесты Христовой, далека от сего самодержновения. Она именуется

учение о Святой Троице таинством, то есть, таким предметом веры, который превышает наш ум; а что превышает ум, то не может быть изглаговано: изглаголанное уже не таинство.

Что есть самого общепонятного в рассматриваемом нами таинстве веры, так это благодеяния, коими каждое Лицо Пресвятыя Троицы ознаменовало Себя в отношении к человеку. С сей стороны нет ничего неясного, никакого недоумения. Бог Отец есть величайший Благодетель наш, поскольку Он воззвал нас из небытия, почтил образом Своим, не оставил и падших, а послал Единородного Сына Своего искупить и Пресвятаго Духа освятить нас. Бог Сын есть величайший Благодетель наш, поскольку, во время злополучного преступления нами заповеди едемской, Он принял на Себя всю ответственность за наш грех и всю тяжесть нашего падения, и для восстановления нас в первобытное совершенство, облекся потом естеством нашим, жил среди нас, умер за нас и воскрес для нас. Бог Дух Святый есть величайший Благодетель наш, поскольку, несмотря на безприкладную святость Свою, Он не возгнушался нас грешных и нечистых, осеняет благодатью Своею Церковь и все, что в ней, отрождает, укрепляет и врачует нас, мертвых грехами, в Таинствах, просвещает нас через вдохновенных Им пророков и апостолов, благоволит даже обитать таинственно в каждой душе верующей, для приуготовления ее в вечное жилище всей Пресвятой Троице. Кратко сказать, все учение слова Божия о действиях Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго состоит из повествования о Их благодеяниях, в разных видах, грешному роду человеческому.

И против сего-то, самого возвышенного, утешительного и всепросвещающего учения близорукий разум человеческий не раз восставал со своими жалкими недоумениями и возражениями! А он же, кичливый и дерзновенный, хотел бы, чтобы перед ним была открыта вся полнота Божества!.. Вот, приподнят токмо край завесы – указанием в единстве Триипостасия; и бедный разум не может снести сияния! Что же было бы, если бы Триединое явилось ему во всей полноте таинственных всесовершенств Своих? Но если для разума

тяжело поднимать очи горе и зреть свет несозданный в самом его исходище, то пусть бедный и слабый осмотрится хотя кругом себя. Ибо не напрасно замечено и сказано еще одним мудрым язычником, что во всем мире сияет и светит троица. В самом деле, обратим ли внимание на самые большие, или на самые малые силы природы – в каждой из них увидим тройственность: самые оттенки их тройственны. Так, все вещи заключены первее всего во времени и пространстве; но время тройственно: прошедшее, настоящее и будущее. Пространство также тройственно: длина, ширина и высота, или, что то же, глубина. Чем далее держится весь мир? Силой средобежной, средостремительной и вращательной. Из чего состоит каждый день? Из утра, полдня и вечера. Из чего слагается каждая ночь? Из сумрака, полночи и рассвета. Что видим в каждой вещи? Фигуру, цвет и тяжесть. Всем этим и многим другим вся видимая природа выражает тройственность той силы, которая извлекла ее из ничтожества; но кроме сего, каждое из трех Лиц Божества, можно сказать, положило на всех вещах некий отпечаток Своего личного бытия. Ибо существенное отличие Божественных Лиц, как мы сказали, есть отечество, сыновство и духоисхождение. Теперь смотрите, какое из окружающих нас существ не имеет способности рождать и рождаться? Какое, несмотря на свою грубость, не имеет даже своего духа? Везде рождение, везде и дух, яко следы и знамения Триипостасного.

Но если Божественная Троица сияет во всем мире, то в человеке, созданном по образу Божию, Она отражается с большей полнотой. Тут везде и во всем тройственность, начиная с видимого состава нашей природы. Наше тело со способностью рождать, наша душа со способностью чувствовать и страдать, наш дух с способностью вдыхать высшее, Божественное и одушевлять низшее, чувственное, что это, как не земная, ограниченная, но, подобно небесной, единосущная и нераздельная троица, в коей три едино суть! (1Ин. 5:7). Возьмем ли тело человека: здесь видимая трехчастность состава – костей, плоти и соков. Возьмем ли душу: тоже трехчастность – чувства, понятия и желания. Возьмем ли дух, опять три: ум, воля и свобода. Каждая из

способностей также тройственна в действии: ум приемлет от предмета впечатление, судит и заключает; свобода видит, избирает и определяет; воля побуждается к вожделению, стремится, достигает. Среди такой тройственности во всем сотворенном, чувственном и духовном, идти против тройственности в несозданном, не значит ли смежить глаза и не видеть света среди полудня? Такова участь тех, кои, отвергнув руководство слова Божия, предаются водительству своего бедного разума! Преходя от заблуждения к заблуждению, они доходят нередко до того, что начинают сомневаться в собственном бытии.

Пожалев о таком неразумии и пожелав молитвенно заблуждающим просвещения свыше, обратимся, братие мои, к предмету нашего собеседования, вознесем мыслью над всем сотворенным, приблизимся к престолу Триипостасного, яко получившие на то дерзновение заслугами Божественного Исккупителя нашего, падем в благоговении пред величием неисповедимых совершенств и во свидетельство нашей любви и благодарности за безчисленные благодеяния к нам Пресвятая Троицы, принесем Ей в дар все существо наше. Богу Отцу принесем наше тело, да будет оно орудием к исполнению пресвятой воли Его; Богу Сыну принесем нашу душу, да воодушевляется она силой Креста Его; Богу Духу Святому принесем наш дух, да, пламенея от росоносного дыхания Его, парит он горе над всем дольным. Благо тому, кто еще в сей жизни начал, как воспевают в научение наше Святая Церковь, светлеться «Тройческим единством священнотайне!»³⁵ Аминь.

Слово второе в понедельник Святого Духа

В наше время слово «дух» сделалось самым употребительным и прилагается ко всему. Не говорю о природе разумной, где все обращают в дух; дух, говорят, сочинения, книги, дух слов и действий, дух такого-то человека, такого-то общества, учреждения и прочее. В самой чувственной природе везде, по-видимому, находят духа: «дух растительный», «дух животный», «дух нервный» и прочее.

Об одном только Духе Божиим глубокое молчание. Можно бы подумать, что это по благоговению, а между тем, по невежеству и забвению.

Что же приобретем мы со всеми прочими духами, без Духа Божия?

Был ли бы дух во всей вселенной, если бы не было в ней Духа Божия? «Дух Господень исполни» вселенную (Пс. 32:5), оттого она жива и непрестанно движется; оттого цветет и благоухает, плодоносит и содержит себя и с собой все живущее: «отвращшу же Тебе лице, возмнутся (всяческая): «отъимеши дух их, и исчезнут и в персть свою возвратятся. Послеси Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли» (Пс. 103:29–30).

То же и с человеком! Где он возьмет дух, если он не придет свыше? Сам он имеет дух, но это – не его, а дух, так сказать, заемный, Божий; возьмите сей дух, и что останется?

Един Дух Божий есть источник истинного воодушевления...
(Не закончено).

Слово третье на день Святой Троицы

Где взять слез, чтобы оплакать то, что случилось вчера, во время вечернего богослужения? Как изобразить стыд и матернее сокрушение Святой Церкви, радость и торжество врага Божия, явное пренебрежение славы Божией, явное поклонение плоти и крови? Кто бы мог ожидать сего от града просвещенного? От той части жителей его, которая слывет образованнейшею?

Итак, вот к чему приводит нас наше мнимое образование! К тому, что мы совершенно забыли, во имя Чье крестили нас, Чьею Кровию омыты грехи наши, Чья печать освящения лежит на бедной душе нашей!.. Ибо, если бы хотя немного подумали о сем, то, скажите, было ли бы то, что было? В других случаях сильно действует закон приличия; здесь и приличие не подействовало. Напрасно Святая Церковь праздничным звоном звала к себе всех и каждого на молитву вечернюю: мы слышали это, и пренебрегли, как до нас не касающееся. Напрасно сонмы верующих чад Церкви текли мирно и дружно, по гласу матери, под священный кров ее: мы видели это и потекли против общего потока; устремились, подобно малым детям, не в храм Божий, а к месту суетных увеселений. Таким образом, вместо одного храма вышло вчера два: один – Бога истинного, другой – врага Божия. Какой был полнее, на чьей стороне осталась победа? Не знаем. Но уже спор о ней служит к великому бесчестию нашему. Ибо, осмелился ли бы мир так нагло и в такое время поднимать свое знамя, если бы не видел надежды на успех, и не знал заранее нашего легкомыслия? Осмелился ли бы, говорю, мир звать нас к себе в такое время, если бы не был уверен, что мы, как невольники, принадлежим ему всецело в каждый день и час дня? Ибо, еще повторю, в какое время? Единственное в целом году, освященное всем, что для человека может быть святого, которым сама Церковь дорожит особенно, почему и отличает его, как самый великий праздник. И в сие-то время уйти от церкви на зрелище, предаться удовольствиям чувств, рукоплескать и выходить из себя, когда сама Церковь в

слезах и на коленях! Подлинно, это злой дух особенно позавидовал за что-либо граду нашему, и изобрел средство нанести такой стыд и такое бесчестие вере нашей. Только его адское умение из самой обыкновенной и непредосудительной вещи возмогло сделать для множества душ верных такой случай к падению. Ибо мы осуждаем не пение, которое слушали, не искусство, коим восхищались, осуждаем то, что для пения, которое как бы искусно ни было, все же не более, как наслаждение чувств, пренебрежен такой великий праздник и забыт храм Божий; осуждаем соблазн, поданный всенародно; осуждаем легкомыслие и холодность к вере, выходящие из пределов самого приличия. Ибо, если бы водились даже одним приличием, то и тогда не было бы того, что было. Как, подумал бы каждый в таком случае, все другие пойдут в церковь, а я несчастный, в то же время повлекусь в театр! Что же, я изверг какой, или неверный? Что подумают обо мне те, с коими я буду встречаться? Что скажут о нас эти же самые иноземцы, коих иду слушать, когда возвратятся в свое отечество? Здесь они забавляют нас, а там – на родине своей, в беседах с ближними и друзьями, станут забавляться нами. «Были мы, – скажут, – в стране, славящейся Православием и усердием к вере; видели образ жизни и нравы жителей ее, – и не знали, что подумать о них: так виденное нами не похоже на то, что мы прежде слышали! Что есть худого в нас, и от чего мы стараемся освободиться, то все там у них, и почитается за совершенство. Нельзя лучше и чувствительнее похвалить их, как сказав, что они, в чем бы то ни было, походят на нас: до того мало и низко думают о своем! Есть некоторые и похвальные качества, вероятно, остатки почтенной старины: но холодность к вере и Церкви неимоверная!

В высшем классе особенно: нередко трудно узнать, какой они веры, и имеют ли какую-либо веру. Ибо, судите сами, вот что случилось в одном из значительнейших городов: «наступал праздник, один из первых в году, во имя Святыя Троицы; Церковь их употребила со своей стороны все, чтобы собрать и привлечь их на вечернее богослужение, которое, говорят, отличается особенной торжественностью. Мы со своей стороны

не употребили никаких особенных средств; разбросали только, по обыкновению, несколько объявлений, что в сей же вечер мы будем показывать свое искусство в игре и пении. В наших странах мы в таком случае остались бы без слушателей и принуждены были бы петь одним стенам, ибо все бы пошло в церковь. У них напротив! Не знаем, много ли было людей в церкви; но наш дом, несмотря на обширность его, был полон до того, что нам стало даже совестно при мысли, что мы отняли столько народа у храма Божия, который, хотя и не наш, но как храм христианский, достоин всякого уважения. Но нам самим не пришло бы и в мысль отважиться назначать такое время для показа своего искусства и вступать в спор с их Церковью, если бы некоторые из них же не указали нам на это время, как на самое удобное и лучшее; если бы не взялись даже помогать нам и участвовать с нами в пении.

Поелику сии люди слынут между ними за людей благородных, то мы увлеклись их мнением. Но судите по сему случаю, по самым этим людям, какова должна быть набожность в сем городе!» Так будут говорить о нас сыны иноземные, возвратясь в свое отечество, и скажут правду: ибо мы, кажется, за особенное удовольствие и честь поставляем не обнаруживать пред ними своей веры; боимся как будто, да не подумают о нас, что мы христиане...

Но что такого сделала для нас святая вера наша, что мы поступаем с нею таким образом и боимся показать ее? Чем оскорбила нас Святая Церковь, что мы убегаем от нее в такие дни? Увы, забыли мы страшное слово Спасителя: «иже... постыдится Мене... в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего, со Ангелы святыми» (Мк. 8:38).

Хотя бы с иудеев взяли мы пример, как праздновать нам праздники. Ибо посмотрите на какого угодно еврея в день его праздничный. Он еще с вечера оставил все дела, не разбирая, важны ли они или малы. Не быть в день праздника в синагоге и не слышать богослужения, для него было бы жестоким наказанием. Рассыпьте в это время пред ним кучи золота, он не прикоснется к ним; ибо это запрещено законом. Давайте ему что

угодно за то, что он во время молитв пошел на какое-либо зрелище: он с презрением отвратит от вас лицо свое. Так празднует еврей, лишенный отечества, храма, благословения небесного! А мы? Мы, когда нужно молиться, бежим в театр; когда надо плакать о грехах, рукоплещем без памяти, и от утомления ночного не можем поднять поутру головы и присутствовать при литургии! Этим ли будем мы отличаться от неверующих? Это ли преимущество Нового Завета? Для сего ли сошел Дух Святой? Сия ли от нас благодарность Искупителю нашему за Крест и Кровь Его?

«Но, что же мы сделали, – подумает кто-либо из виновных, – чтобы представлять проступок наш столь важным и великим?» Сие-то самое и заставляет нас еще более вооружаться против сделанного, то есть, что мы не только поступили крайне худо, но и не видим худости нашего поступка, подобно страждущим помешательством, кои в сем положении воображают, что они совершенно здоровы. Что мы сделали? Пренебрегли Церковь, обесчестили праздник, посрамили веру, унизили великое имя Святыя Троицы. И ради чего? Из какой необходимости или нужды? Чтобы услышать необыкновенного певца? Может ли быть извинение ничтожнее? Что, если бы царь земной, даже меньший какой-нибудь властелин, пригласил тебя на день своих именин в свой дом; а ты в это самое время не пошел к нему, а отправился бы слушать сего певца; как бы посмотрели на твой поступок? Не осудил ли бы ты после сам себя за свое преступное легкомыслие? Но подобного безрассудства не бывает между людьми: так поступаем мы только с Богом! И, поступая так, еще думаем, что это вещь не важная! Нет, она так важна, что в древней Церкви христианской, когда вера и любовь были в силе, за такой поступок исключили бы нас из числа верующих, или заставили бы многие годы у Прага церковного оплакивать свое легкомыслие.

Ныне Святая Церковь не поступает с нами таким образом, предоставляя виновных суду собственной совести. Но употребим ли мы во зло это благоснисхождение матернее? Нет, если мы действительно благородны не именем токмо, а чувствами и духом, как выставляем себя, то, сделав ошибку,

сами же станем против самих себя; нарядим немедленно внутренний суд совести; будем сами на себя и доносчиками и обвинителями; потребуем не милости и прощения, а наказания и удовлетворения. Не бойтесь, наказания Церкви не похожи на казни мирские: они не столько наказание, сколько врачевство для души. Хотите ли, мы вместе с вами сейчас, на основании Устава Святой Церкви, определим епитимию вашу?

Из виновных, если не все, то большая часть обладают в избытке дарами счастья земного, кои, изнежив чувственность, сделали ее и так алчною к наслаждениям плотским; а в городе нашем есть немалое число бедных, кои каждый кусок хлеба едва не омыают своими слезами. Итак, пусть каждый из виновных изберет себе, какое угодно, дело благотворения, и отделит известную часть своих обыкновенных расходов на искупление своего проступка милостынею. Средство самое легкое и вместе самое действительное. Ибо ни о какой добродетели не сказано так прямо в Писании, как о милостыне, что ею искупаются грехи. Итак, поспешим в дома страждущих от бедности, сиротства и болезни, и, оказывая помощь собратиям нашим, скажем: «Не думайте, что мы пришли только для того, чтобы оказать вам милость, нет, мы пришли и принять ее от вас. Нам Бог дал счастье, а вам горе; мы имеем возможность послужить вам, а вы можете оказать великую услугу нам: заключим же союз взаимного благотворения! Увы, мы имели несчастье увлечься вчера суетою мирской, забыть попечение о душе своей и, что всего хуже, соделаться причиной соблазна для братьев наших во Христе. Вознесите о нас моление ко Господу, да отпустится нам грех нашего преступного легкомыслия, а мы не пожалеем тленных благ, дабы усладить горечь вашего земного жребия».

Когда, братие мои, мы поступим таким образом, то соблазн, нами вчера произведенный, будет уничтожен, честь Церкви спасена, диавол поруган, Ангелам Божиим возвращена радость, Святой Троице воздано достодолжное поклонение. Таким образом, при помощи благодати Божией, самое падение наше послужит не во вред нам и другим, а к общему нашему благу и спасению. Аминь.

Слово первое в день Пятидесятницы

Святой апостол Павел в одном из посланий своих, рассуждая о средствах человека к познанию Бога, заметил, что одно из ближайших к сей цели средств, есть самая внешняя природа; невидимые свойства Божии, «твореньми помышляема, видима суть, и даже самая... присно сущная сила Его и Божество» (Рим. 1:20).

Истина сия оправдывается непрестанно опытами, ибо не только «небеса поведают славу Божию» (Пс. 18:2), но и «день дни отрыгает глагол; но и ночь ночи возвещает разум» (Пс. 18:3); но никогда в целом году не является присносущная сила Божия в природе, как во время настоящего праздника.

Можно сказать, что в это время Божество как бы видимо и осязательно преобразуется пред нашими очами в природе, так что мы видим Его как бы святую внутренность. В самом деле, что празднуем мы ныне и чему поклоняемся? Празднуем сошествие Святаго Духа, поклоняемся Троице единосущней и нераздельней. Посмотрите же на всю природу. Что в ней теперь, как не Пресвятая Троица?

(Не закончено).

Слово второе в день Пятидесятницы

«Пятидесятницу празднуем, и Духа пришествие, и предложение обещания, и надежды исполнение, и таинство елико, яко велико же и честно»³⁶

Когда Святая Церковь хотела остановить внимание наше на величии праздника Пасхи, то для сего показывала нам это величие, так сказать, в сосредоточенном виде, именуя его праздников праздником и торжеством торжеств. Желая указать величие настоящего празднества, Святая Церковь поступает противным образом, взимает праздник и разлагает его, так сказать, на части, и, указуя важность каждой, сим самым дает разуметь о великом достоинстве целого. «Пятидесятницу празднуем и Духа пришествие, и предложение обещания, и надежды исполнение, и таинство елико, яко велико же и честно».

В самом деле, когда присматриваешься ближе к самому внешнему образу нынешнего праздника; то находишь в нем не одно какое-либо торжество, а целое собрание празднеств. Что не празднует ныне?

Празднует Ветхий Завет, ибо ныне день пятидесятый, тот великий день, в который дан Израилю закон на горе Синайской. Празднует ныне Завет Новый, ибо в нынешний день сошествием Святого Духа утверждена и освящена Церковь Новозаветная; ныне же последовало первое обращение к ней язычников. Празднует ныне вера, ибо ныне совершается поклонение Святой, Единосущной и Нераздельной Троице, предмету веры самому возвышенному. Празднует ныне надежда, уповая, что огненными языками будет призвано на земле в соединение все и, преносясь к последним временам, к будущему, в воскресении, восстановлению всего падшего. Празднует мир невидимый отшедших братий наших, приемля ныне от Церкви святой дар молитв о их успокоении. Празднует самая видимая природа, допускаемая в нынешний день являться вместе с человеками перед престолом благодати. Подлинно собор праздников! Полнота радости и веселия! Кажется, мы уже ныне

превыше времени и пространства. Все преграды отняты: живые и мертвые подают друг другу руку; духовное нисходит до чувств, плотское приближается к духу. Бог триединый начинает быть всяческая во всех. О вожденная полнота! О состояние блаженное! Для чего ты являешься одними слабыми очерками? Когда явишься ты всецелой и вседействительной? Когда все твари скинут с себя оковы тления, освободятся от вражды и составят единое блаженное семейство вокруг общего Отца! Но и ожидать уже сладко и отрадно; отрадно видеть залогов и предызображения сего будущего блаженного состояния. Настоящее празднество служит одним из сих разительных предызображений: внидем в состав его и, по примеру Церкви, покажем значение каждой части. «Пятидесятницу празднуем»: вот первый предмет торжества и радости. Что такое у евреев была Пятидесятница? Праздник в честь и память законодательства синайского. Он совершался в пятидесятый день по Пасхе, потому что в сей день, по исходе из Египта, дан был закон на горе Синайской. поскольку к сему времени в Палестине оканчивается жатва, то у евреев в сей день, кроме обыкновенных жертв, приносились в дар Богу снопы от новожатого хлеба. Таким образом, уже в празднике еврейском сретилось духовное – закон, с чувственным – плодами от полей. поскольку закон синайский неизменен, и пришествием Сына Божия не отменен, то праздник закона синайского есть торжество и христианина не менее иудея: Пятидесятницу празднуем!

«И Духа пришествие». Вот второй предмет радости. Если гласы трубные и курение дыма Синайского стоят благодарного воспоминания, тем паче огненные языки и сошествие Святого Духа Утешителя; ибо что было бы, если бы Дух Святой не сошел ныне на апостолов? Они остались бы неспособными изыти на всемирную проповедь; а мир, не наставленный ими, остался бы со своими идолами и нечестием. Мы, подобно предкам нашим, пребыли бы во тьме язычества. Но сошел Утешитель, и Своим сошествием просветил и возродил апостолов, утвердил Церковь, принес с Собой закон новый, дохнул бурею и огнем и обновил лицо земли. Как не

праздновать такое событие? «Пятидесятницу празднуем и Духа пришествие». Но Дух Святой, кроме других благ, сопряженных с Его низшествием, доставил и то великое благо, что вместе с сим обнаружилось все лицо Пресвятыя Троицы. В Ветхом Завете до самого конца его видим был особенно один Отец, в Новом, до Вознесения Господа, на нас действует преимущественно Сын; со времени сошествия Святаго Духа настает эпоха благодати Духа. Вместе с сим оканчивается ряд откровений о Божестве... (Не закончено).

Слово третье в понедельник Пятидесятницы

«И дам чудеса на небеси горе и знамения на земли низу, кровь и огонь и курение дыма: солнце преложится во тму, и луна в кровь, прежде даже не прийти дню Господню великому и просвещенному: и будет, всяк, иже... призовет имя Господне, спасется» (Деян. 2:19–21)

Это одно из пророчеств о нынешнем празднестве, приводимое потому в нынешней проповеди своей к народу иудейскому святым апостолом Петром. Читая с благоговением сие пророчество, я всякий раз невольно вопрошал сам себя: что бы это за чудеса на небеси и знамения на земли, что бы это было за огонь и кровь и курение дыма, за помрачение солнца и преложение луны в кровь, предвозвещаемые пророком? Правда, в горнице Сионской, где были собраны апостолы в день Пятидесятницы, «бысть... шум, яко носиму дыханию бурну» (Деян. 2:1), но это дыхание никому не вредило, а только привлекало собой общее внимание на апостолов. Правда, что при сем явились и языцы «разделени, яко огненни» (Деян. 2:3), но эти языцы никого не опаляли собой, а в мире и тишине почил на главах апостолов.

Где же огонь и кровь и курение дыма? Где помрачение солнца? Где преложение луны в кровь?

Таким образом, можно подумать, что пророчество не исполнилось; но, возможно ли, чтобы не оправдалось на деле то, что предвозвещено Духом Святым? Нет, провещенное пророком не могло не исполниться, и исполнилось, только не в один, так сказать, день, а в продолжение целого пространства времени; ибо это пророчество, хотя собственно идет к преславному сошествию Святаго Духа на апостолов, яко началу Нового Завета, но вместе с тем обнимает собой не одно это событие и начало, а и дальнейшую судьбу и утверждение всего Нового Завета.

И дам Завет Новый. Как решительно все это выполнилось, спустя несколько лет, при разрушении Иерусалима и падении Иудеи! Сколько тут крови, огня и дыму! Сколько раз за этой

мглой и огнем не видно было на горизонте Иерусалима ни солнца, ни луны! И все эти грозные события служили ни к чему другому, как и к упразднению Ветхого, и к утверждению в силе Нового Завета и, следовательно, были как бы сопровождением его явления.

Подобное можно сказать и о некоторых последующих временах, например Диоклитиановом, когда скончалась последняя борьба христианства с иудейством и язычеством. Не пламенели ли тогда все жители империи (что почти то же, что весь свет), лютым гонением на последователей Христовых? Не всюду ли текли потоки крови мучеников и исповедников? Не давало ли небо особенных знамений? И не происходили ли на земле страшные события? И все это к чему послужило, как не к окончательному утверждению новозаветной религии и к уничтожению иудейства и язычества?

Нашему времени досталось в удел видеть новое торжество христианства в ослаблении пред ним магометанства и, следовательно, как бы новое излияние Духа истины и благодати свыше на землю. И смотрите, се паки знамения на небеси и чудеса на земли, паки везде кровь и огонь и курение дыма, солнце державы христианской, прелгается во тьму, а луна магометанства обливается кровью!

В самом деле, кто мог ожидать, чтобы на небе явились целые воинства во всеоружии? Подобного не слыхано было со времен разорения Иерусалима и повествования о том Иосифа Флавия. И вот сие самое, к изумлению, видит на своем небе просвещенная Германия; видит и невольно признает в виденном предвестие браней кровавых! Прочтите за сим и то, что произошло в конце прошедшего лета с видом луны в наших странах поволжских: она подвергалась как будто какой-то страшной казни, как будто кончалась в терзаниях и муках: такие превращения вида ее были ужасно печальны!

Но меня, признаюсь, среди настоящих обстоятельств, поражает особенно одно знамение на земли – это страшное землетрясение, от коего пострадала и продолжает страдать злополучная Брусса. Надобно же было открыться во всей силе и ярости подземному огню и продолжаться так долго в то самое

время, когда идет кровавый спор магометанства с христианством! Надобно же было открыться вулкану в том граде и в том месте, кои могут назваться колыбелью силы и крепости мусульманской! Надобно всему этому совершаться не вдали где-либо, а так сказать, пред глазами Константинополя!.. Сколько, думаю, из самых магометан, смотрят в ужасе на это зрелище, признают в нем перст Божий, и мнят видеть в сем над собой гнев небесный! О, если бы при сем пришло на мысль и другое, что это не случай какой-либо, а последний глас к ним с неба Сына Марии, да возвратятся от прелести Магометовой.

А братия наши по вере? И они также должны быть поражены этим грозным и всесокрушающим явлением; но оно для них не в ужас, а в утешение; над ними сбываются теперь слова пророчества: «егда узрите сия бывающа» (Лк. 21:3), тогда «восклонитесь и воздвигните главы ваша, зане приближается избавление ваше» (Лк. 21:28).

Да, злополучные и потому еще более возлюбленные братия, он приближается к вам! И никто не в силах остановить его или замедлить. Где действуют люди, там еще можно сомневаться в успехе; а когда является сила Божия, там уже нет места сомнениям: ибо Той «рече и быша, повеле и создашася!»

Но ужели, – спросит кто-либо, – в самом деле скоро должен последовать конец магометанства? Последовать тогда, как за несокрушимость его восстал и решился жертвовать собой едва не весь Запад христианский? Да, братие мои, это должно последовать; ибо так угодно Господу, и, можно сказать, это уже последовало, ибо магометанство теперь уже не что иное, как труп, коему остается быть погребенным; сие-то погребение, а не жизнь, коей уже нет, может замедлиться на некоторое время. Что же в таком случае должно сказать об усилиях в пользу Турции держав западных? То, что говорят, и справедливо, об искусных, но самонадеянных врачах, кои, в припадке гордости, берут на свои руки безнадежных больных и обещают им выздоровление, когда больной вскоре умирает от лекарств, что они убили его! Одряхлевший скелет мог бы прожить еще несколько времени под благодетельной сенью России: но он не

мог перенести тех напряжений сил, тех неестественных ему и во время его крепости движений, кои заставили делать его ослабленными членами.

Будучи поставлены, братие мои, свидетелями времен столь замечательных и событий столь важных, будем ли походить на малых детей, кои, не разбирая что происходит пред ними, только дивятся тому и простирают свои взоры и руки? Нет, от нас требуется и нам предлежит большее!

Пред нами падает, некогда могущественное и бывшее столько времени грозой и бичом для христианства, царство измаильское. Как не возрадоваться при сем за участь собратий наших, над коими тяготит этот бич, и не возблагодарить пред путями Промысла, который, в наказание восточного христианства, послал это порабощение, но когда пришло время, сам же пред лицом всего света, расторг узы и извел на свободу верный ему народ!

Нашему Отечеству предоставлено свыше положить начало исполнению судеб высших над Востоком; будучи чувствительны к сей великой и святой чести, будем мужественны в перенесении тяготы такового служения, памятуя, что подобный подвиг ведет за собою и мздовоздаяние немалое, будет сопровождаться благословением для России на веки и роды.

Неверие и гордость народов западных не усомнились, став за мусульманство, пойти вопреки путей Промысла, и таким образом как бы соединить в сем случае неразумно судьбу свою с судьбой сынов Агари. Пожалеет от души о сем ниспадении христианства и научимся не вверяться земной мудрости и стихийному просвещению, кои могут целые народы ослепить до того, что они готовы забыть Евангелие и крест и класть души свои за Ал-Коран Магометов.

Наконец, видя, как в судьбе царств и народов все совершается не по расчетам самолюбия человеческого, а под перстом Всевышнего, и что с христианством соединено величие даже земное, а с магометанством -уничужение и слабость, будем твердо веровать в Промысл Божий и любить Крест Христов, единый верный источник не только спасения вечного, но и благоденствия земного. Аминь.

Слово четвертое в день Пятидесятницы

Не правда ли, братие, что настоящий праздник есть один из самых радостных? Почему так? Потому, что это, можно сказать, не праздник, а целый собор праздников. Точно собор! Куда не переносится ныне мысль? И в прошедшее, и в будущее, и в мир горний, и в мир дольний -объемлет все. Переносится в прошедшее и в прошедшем к тому, что есть самого важного. Ибо что воспоминаем мы? Воспоминаем Священную Пятидесятницу, тот день, в который дан Израилю закон на горе Синайской, и который по этому самому составляет главнейшее празднество Ветхого Завета. Воспоминаем сошествие Святаго Духа, событие, которым закончилась земная жизнь Спасителя нашего, и которое послужило основанием Нового Завета и Церкви христианской. От прошедшего переносимся мыслью в будущее самое отдаленное; ибо приносим молитвы за всех умерших братьев наших, молимся о непостыдном предстоянии на Страшном Суде. Возносимся мыслью в мир горний, и там поклоняемся триипостасному Божеству, благодарно исповедуя милости, излинные на нас, падших, в тайне искупления. Наконец, нисходим мыслью долу, в мир чувственный, и украшая ветвями храмы, вводим в соучастие видимую природу.

Таким образом, настоящее празднество можно назвать всемирным. После сего, как ему не быть радостным? Если когда, то ныне душа воспоминает райское состояние, когда видимое и невидимое было заодно; если когда, то ныне можем предчувствовать будущее райское состояние, когда дух и плоть паки придут в прежнее сочетание, и мир Божий обновится вместе с человеком. Такое действие празднества отчасти ощущают самые плотские люди; как же сильно должно оно быть над теми людьми, кои живут духом! Но откуда такое сочетание различных стихий в настоящем празднестве? Полезно знать источник радости, дабы умножить и упрочить самую радость. Почему мы ныне воспоминаем Пятидесятницу Ветхозаветную? Потому, что в сей день сошел на апостолов Дух Святой. Почему сошел в день пятидесятый? Может быть, потому, чтобы

показать, что новый закон Духа, принесенный Утешителем, из того же источника, из коего истек и закон древний, данный в Пятидесятницу. Почему мы, по случаю сошествия Святаго Духа, совершаем празднество в честь всей Пресвятой Троицы? Потому, что с явлением Святаго Духа – третьего и последнего Лица, обнаружилась во всей очевидности вся Пресвятая Троица. И когда приличнее воздать всему триипостасному Божеству благодарение за искупление нас падших, как не по скончании всего домостроительства Божественного, которое кончилось сошествием Утешителя? Почему мы ныне творим память усопших и возносимся мыслью к концу мира, нашему, и будущему воскресению, и суду? Потому что, дойдя до конца прошедшего, естественно устремляемся в будущее.

Почему, наконец, видимая природа в растительном ее царстве входит ныне в состав священнодействия? Потому, с одной стороны, что около настоящего времени природа видимая всегда достигает своего обновления, а с другой – потому, что сие обновление приписывается зиждительному дыханию Духа Божия. «Послеши Духа Твоего, и созиждутся», -говорит святой Давид. Вот откуда полнота праздника! Вот откуда преизбыток радости! – Радости и назидания!..

(Не закончено).

Слово пятое в день Пятидесятницы

Когда мы праздновали Пасху, то Святая Церковь для выражения пред нами величия сего праздника называла его праздником праздников и торжеством торжеств, то есть как бы главою и средоточием всех прочих праздников. О нынешнем празднестве, для выражения величия его Святая Церковь провещает другое и именует его праздником решительным и окончательным.

В самом деле, это не праздник, а, можно сказать, полнота и венец всех праздников. Что не празднует ныне? Празднует Завет Ветхий, ибо в нынешний пятидесятый по исходе из Египта день израильтяне приняли свыше у Синая закон от Бога. Празднует Завет Новый, ибо ныне день сошествия на апостолов Духа Святого, вместе с чем положено основание и начало Церкви благодатной, всему христианству. Празднует мир невидимый, ибо в нынешний особенно день Святая Церковь воссылает молитвы о душах отшедших братий, простирает свое матернее дерзновение до того, что ходатайствует о милости ко иже во аде содержимым; празднует мир видимый и чувственный, ибо в нынешний особенно день Церковь отверзает свои храмы для всей природы, соединяет, можно сказать, свои храмы с храмом природы, припоминая сим первобытное состояние человека в Едеме, и предызображая будущее состояние на Сионе, когда не будет храмов чувственных, а все будет храмом.

Празднует ныне вера, поклоняясь величайшему из таинств своих Святей, Живоначальной и Присносущней Троице; празднует ныне надежда; ибо Святая Церковь от настоящего восходит ныне к будущему, провидит скончание Царства благодати, наступление царства славы, и молит о благоутробии на суде будущем; празднует ныне любовь, объемля молитвенным расположением своим видимое и невидимое, небо, землю и преисподнюю.

Подлинно, это не праздник, а целый собор праздников, полнота решительная и окончательная! Кажется, мы все уже

превыше временного и тленного; мы у самого престола триипостасного Божества; живые и мертвые подают друг другу руку; духовное нисходит до чувств и осязания; плотское и вещественное возносится и приближается к духу; триипостасный Бог начинает быть «всяческая во всех» (1Кор. 15:28).

О возделенная полнота! О состояние покоя и утверждения! Для чего являешься ты нам в одних преходящих отблесках и очерках? Когда явишься ты всецело и вседействительно? Когда все твари Божий скинут с себя оковы тления, забудут вражду и деление, и соберутся в мире, и составят единое блаженное семейство единого всеблаженного Отца?

Но и ожидать сего уже сладко и отрадно! Отрадно видеть предызображение сего будущего состояния!

И вот почему настоящее празднество есть одно из самых радостных. Всякий раз, как будто в это время разверзается перед нами другой, лучший мир, как будто все является в другом, высшем виде; как будто веет какая-то новая жизнь везде: и в храмах и в домах наших.

Это чувствуют между нами невольно ныне самые чувственные люди. Что же сказать о духовном? Он должен быть весь в духе...

(Не закончено).

Слово на первое число августа

Великому князю российскому, Андрею Боголюбскому, надлежало некогда изыти на брань против болгар. Как князь, не именем токмо, но и делом благоверный, он имел обычай исходить на брань не с одним оружием плотским, но и с духовным, огражденный верой, вооруженный молитвой и упованием. В знак сего пред воинством его всегда носима была икона Спасителя и Честный Крест; и оно не прежде устремлялось на врага, как изливши теплые молитвы пред сей иконой, и облобызав сей крест. Такое живое упование и молитва не умедлили принести и плод немертвый. Враги Отечества, сколько ни усиливались, не могли устоять пред лицом воинства православного; гордость и сила их сокрушены до того, что едва не все грады их достались в удел победителю. Что знаменитая победа сия была плодом не одного мужества сражавшихся, а паче действием помощи свыше, непреложным для всех доказательством того послужил необыкновенный свет небесный, который, во время самой упорной сечи, исходил из иконы Спасителя и Честного Креста, и видим был всеми.

Еще не успели пройти дни радости и торжества, как получена весть о подобном же радостном событии из Греции. Одинаковая живая вера произвела одинаковое и действие: и там враги христианства, сарацины, были поражены и рассеяны благоверным царем греческим Мануилом; и там, во время сражения, видимы были несомненные знаки особенной помощи свыше.

Такая совокупность чудесных знамений, побед и радости всего православного христианства не могла не выразиться каким-либо особенным знаком благодарности Богу – благодетелю и не оставить по себе всегдашнего следа для потомства. И действительно, православные властители России и Греции, по взаимном сношении между собой, и по благословению всего освященного Собора, не замедлили установить в память радостного чудесного события новое светлое празднество, ныне нами благочестно совершаемое.

Положено на все века не только праздновать в честь непобедимой силы Креста Христова и совершать поклонение, ему подобающее, но в память победоносного хождения его в полках христианских, износить его ныне из храма, обнести по стогнам и путям, и творить в кладезях и реках освящение воды, дабы сим самым пред лицом неба и земли свидетельствовать нашу веру и нашу признательность к Животворящему Кресту и простерть победоносную и всеосвящающую силу его на все, нас окружающее.

Таково происхождение нынешнего праздника! Оно есть вместе торжество Церкви и Отечества, торжество самое утешительное и поучительное! В самом деле, не утешительно ли видеть, как над православным Отечеством нашим во все века была простерта благодетельная десница особенного Промысла Божия? Не отрадно ли думать, что величие России, коему удивляются все друзья ее, и коего трепещут все враги ее, что это величие и могущество суть плод не случайного стечения обстоятельств, не действие нечистой политики и человеческих расчетов, ни даже следствие одного народного мужества и крепости, а плод живой веры в Бога благочестивых предков наших, их благих нравов и проистекающего отсюда благословения свыше? У древнего израильтянина не было молитвенного обращения к Богу трогательнее того, когда он говорил: Боже отцев моих, Боже Авраама, Исаака, Иакова; подобно сему и православный россиянин, в духе веры и упования, может с дерзновением говорить ко Господу: Боже отцев моих, Боже просветивший чудесно верой Владимира, увенчавший победой Боголюбского, благословивый оружие Донского, воздвигший на освобождение Отечества Минина и Пожарского, превознесший паче всех царей земных Александра Благословенного! Что может быть воодушевительнее сей святой и сладкой молитвы!..

Но, братие, молясь такой молитвой и дерзая пред Богом о имени благочестивых предков наших, мы должны подражать, сколько можно более и постояннее, их усердию к вере, их чистоте нравов и простоте жизни, их безграничному самоотвержению там, где шло дело об опасности Церкви и

Отечества. Благодетельные предки наши Крестом Христовым побеждали народы и царствия; ныне, благодаря Провидению Божию, возвеличившему православное Отечество наше, одно имя России низлагает или удерживает самых сильных врагов. Между тем, у нас, как и у предков наших, есть весьма опасные враги, против коих, как можно чаще, надобно призывать на помощь непобедимую силу Креста Христова. Это наши злые наклонности и страсти. Кого не сильны сразить они? И кто, сраженный ими, может оставаться и быть истинным сыном Церкви и Отечества? Между тем, от сих врагов не защита, – ни ум и познания, ни доброта сердца и мягкость характера, ни самый навык в добродетели; одна всемогущая сила благодати, один Крест Христов только могут сделать нас победителями страстей. Будем же подобно предкам нашим употреблять сие, Самим Богом данное оружие, на поражение невидимых врагов наших, в твердой уверенности, что поражение их, необходимое для нашего частного благосостояния, весьма важно и для благоденствия целого Отечества, ибо, если величие его есть плод благословения Божия, то грехи наши, ослабляя сие благословение, по тому самому вредят не только нам, но и целому Отечеству.

При сем случае сама собой представляется вниманию великая разность между нами и благодетельными предками нашими. У них Крест Христов был всем для всех. Начинали ль какое дело, – крестились, оканчивали ль его, – снова крестились. Крестом ограждались, отходя ко сну; крестом осенялись, восставая от сна. С крестом садились за трапезу; с крестом восставали от нее. Знамение святого креста выражало внезапную радость; оно же свидетельствовало и о внезапной печали и опасности. Так было у предков наших! У нас, к сожалению, крестное знамение начинает делаться редкостью, и когда является, то большей частью в таком виде, что его трудно узнать. Недугующие расколом чада Церкви ревнуют, конечно, не по разуму, прививая спасение к кресту восьмиконечному; но нехорошо, весьма нехорошо и то, что у некоторых христиан крест сделался, можно сказать, вовсе бесконечен, так что не

знаешь, какое дать название той несчастной линии, которую они чертят на себе вместо знамения крестного.

Да не будет сего между нами, возлюбленные! Господь и Спаситель наш простер на кресте Божественные руки Свои, дал пригвоздить их, и в таком виде, среди ужасных мучений, предал за нас дух Свой Отцу; мы ли будем тяготиться тем, чтобы сие положение Его на кресте правильно изображать на себе? Аминь.

Слово первое в навечерие Воздвижения Честного Креста Господня

Настоящее вечернее богослужение отличается от всех прочих тем, что во время его совершается воздвижение Креста Господня, в память того преславного воздвижения, которое совершено было некогда в Иерусалиме, по обретении сего креста Равноапостольною царицей Еленой. Многочисленность собрания настоящего показывает, что зрелище воздвигаемого Креста дорого для христиан. Но, братие, не для зрелища Спаситель и Господь наш сошел с неба; не для зрелища восходил Он на Крест; не для зрелища воздвигается и ныне Крест Христов. Где сей Крест, там должны быть не очи только, но и сердце христианина. Воздвижением Креста Господня изображается все, «что было и есть в жизни нашего Господа, и все, что должно быть, и чего, может быть, нет в жизни нашей». Вникнем в это подробнее.

Воздвижением Креста изображается, во-первых, вся жизнь нашего Господа. Ибо из чего слагается жизнь сия? Из неисповедимого уничижения и столь же неисповедимой славы, кои, несмотря на свою противоположность, соединяясь между собой и пересекая друг друга, уже этим самым образуют крест. «Иже во образе Божий сый, – так изображает апостол жизнь нашего Господа, – не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечеством быв, и образом обретеся яко же человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестная» (Флп. 2:6–8). Вот лестница нисхождения Сына Божия! Кто может исчерпать все ее ступени? – "Темже, – продолжает апостол, – и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени, да о имени Иисусове всяко колени поклонится, небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповестъ, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Флп. 2:9–11). Вот лестница восхождения Сына Человеческого! Кто может указать последний предел ее?

Итак, христианин, видя крест, низводимый долу, представь себе, сколько можешь, различные роды и виды уничижений

своего Господа: как Он оставляет престол славы, низходит на землю и вселяется во утробу Девы; как, по рождении, полагается в яслях, терпит обрезание и бежит от Ирода в Египет; как проводит тридцать лет в безвестности Назарета, в повиновении бrenным родителям, в трудах древоделия; как потом приемлет крещение от раба, искушается от сатаны и проповедует Царствие Божие среди всякого рода лишений, клевет и опасностей; как предается учеником, осуждается как возмутитель и возносится на Крест; как в самом гробе стережется, «яко обольстителю», и в то же время низходит в ад для проповеди в мир духов; как, наконец, среди самой славы Своей, уже по вознесении на небо, Он продолжает быть, особенно в лице истинных последователей и членов Своих, предметом пререкания, вражды и гонений, представь, говорю, христианин, все это при виде низводимого долу Креста Господня, и помысли, для чего Господь твой претерпел и продолжает терпеть столько унижений? Он мог наслаждаться славой, которую имел у Отца «прежде мир не бысть» (Ин. 17:5), а тебя предоставить твоим бедствиям, но не предоставил, а благоволил оставить славу Свою, и претерпеть все роды унижений, чтобы покрыть твою срамоту, возратить тебе славу, тобой потерянную, очистить кровью Своею твои грехи, и соделать тебя снова наследником неба.

Будь же признателен к безпримерному снисхождению, умеи ценить крестное величие Господа твоего, научись употреблять его в свою пользу через подражание Ему, начни нести ту часть Креста, которая достается на твою долю, для очищения тебя от скверн плоти и духа. Крест для того так и низводится долу, дабы ты, лежащий на земле во грехах, мог яться за него верой и вознестись с ним на высоту: не опускай же сего драгоценного случая!

При воздвижении креста горе, должно представить себе другое, -вообразить постепенное прославление Сына Человеческого, начавшееся еще среди глубокого унижения: как Архангел возвещает зачатие и Ангелы воспевают рождение Предвечного Младенца (Лк. 2:13–14); как двенадцатилетнее Отроча постыждает во Иерусалиме мудрость всех книжников

(Лк. 2:47); как глас с неба именует Его Сыном возлюбленным при Иордане (Мф. 3:17) и на Фаворе (Мф. 17:5); как слепые, по слову Его, прозирают, глухие слышат, духи нечистые убегают, мертвые воскресают; как дети воспевают осанна, как на самой Голгофе солнце меркнет, земля сотрясается; как сонмы праведных идут в рай за Победителем ада и смерти; как Он воскресает из гроба, проповедуется от Ангелов апостолам, а через них – всему миру; как Ему дается «всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18); как Он возносится с Елеона на небо, «возсел одесную Бога» Отца (Мк. 16:19), начинает управлять всем миром, ко благу Церкви Своей; как побеждает, одного после другого, всех врагов Своих, доколе «и последний враг не упразднится, смерть» (1Кор. 15:26); все это и подобное сему должно представить при виде воздвигаемого Креста, ибо Сын Человеческий взошел на толикую высоту славы не другим чем, как Крестом.

Но для кого сия слава? Для тебя же, христианин, и для твоего спасения. У Сына Божия и без того бездна славы, но ты безславен, а Он хочет Собой почтить и прославить тебя. Посему-то и царство, Им приобретенное, все завещано тебе (Лк. 22:29). Не будь же равнодушен к славе своего Спасителя, для тебя приобретенной, помни высоту, к коей призван, не скорби много среди унижения земного, не заглядывайся на высоты мирские: тебя ждет небо, для тебя уготован престол славы, ты будешь выше всего; только не унизь и не потеряй грехами своими нового небесного достоинства, тебе завещанного.

Таким образом воздвижение Креста Господня приводит нам, братие, на память всю жизнь нашего Господа. Но вместе с сим, поскольку в христианине должно «мудрствоваться то же, что и во Христе Иисусе» (Флп. 2:5), и поскольку Христос, пострадав по нас, «нам оставл образ, да последуем стопам Его» (1Пет. 2:21), вместе с этим воздвижением Креста, как мы сказали, изображается и то, что должно быть (и чего, может быть, нет) в жизни нашей.

Так, братие, и нам предлежит слава, подобная той, в которую взошел Господь и Спаситель наш; но предлежит и тот

же самый путь к сей славе, коим прошел Он, путь Креста и самоотвержения, путь смирения и терпения до смерти. Другого пути на небо нет, и быть не может.

Итак, видя преклоняющимся до земли крест, вопросы, христианин, самого себя, способен ли ты преклоняться таким образом во смирении и терпении для славы Божией и блага ближних, готов ли расстаться с честью мирской, чтобы не потерять славы Божией, отвергаешься ли гордости житейской, чувствуешь ли, что ты земля и пепел, грешник, недостойный помилования, признаешь ли необходимым умерщвлять свое самолюбие и умерщвляешь ли сколько-нибудь на самом деле, перенес ли ты хотя одну обиду, простил ли от сердца хотя одного врага, плакал ли хотя раз о своих грехах, знаешь ли хотя из малого опыта, что такое крест и что смирение христианское?

Кто при сем обретет в себе и своей жизни бесценные следы унижений и смирения своего Господа, тот да повергнется к подножию Креста, и да благодарит Господа за великий дар благодати Его. Ибо истинное самоотвержение приходит свыше; наша природа умеет только кичить и превозноситься, но, приходя свыше, оно, рано или поздно, и возносит человека туда, откуда приходит: на небо, в обители Отца Небесного.

Подобным образом, при воздвижении Креста должно помышлять о необходимости восходить от добродетели к добродетели, от веры к вере, от любви к любви. Высока лестница христианского совершенства! Бесконечны ступени подвигов духовных! Как бы ты, христианин, высоко ни стоял, ты всегда стоишь еще не на своем месте. Одно верное правило: «забывая задняя, всегда простираться в предняя» (Флп. 3:13). Кто думает, что уже достиг самого верха, тот тем самым показывает; что он еще стоит долу. Самые великие подвижники всегда почитали себя не у достигшими. Итак, видя возносимым горе Крест, осмотрись, христианин, в совести своей, что может быть сделано для очищения и возвышения самых добродетелей твоих, если имеешь их.

Прежде же и более всего молим вас, братие, да не будет священнодействие это предметом одного зрелища! Да отразится знамение Креста Христова не на поверхности токмо

тела вашего, но и в глубине сердец ваших! Крест спасает, но не покланяемый токмо, а и носимый, не на одной шее телесной, но на шее души. Покланяйся ему не в одном храме, где он так украшен, но везде, где ни встретится, в обиде ли от ближнего, в потере ли имущества, в болезни ли, в другой ли какой печали: поклонись ему и облобызай его и в этом случае. Этим, и только этим докажешь, что ты покланяешься не злату и серебру во образе креста, а истинному Кресту Господню, который на Голгофе был покрыт не камением драгим, а кровью и слезами. Аминь.

Слово второе на день Воздвижения Креста Господня

«Отвещавше еси людие реша: кровь Его на нас и на чадах наших» (Мф. 27:25)

Исполнилось, богоотступный народ, желание твое! Князи и вожди погублены, «стены града твоего опровержены, алтари твоя раскопаны, пророцы твои видеша... суетная, ...жрецы его воздыхают; младенцы просиша хлеба, ...еси дружащиеся с ним отвергошася его», Сам Вышний «покрылся... облаком, да не дойдет к Нему молитва» твоя (Плач. 2:14–16, 4:4, 1:2, 3:44).

Христиане! Мы, будучи «дивиями ветвями», удостоились благодатью Божиею заступить место «естественных ветвей» – иудеев и прицепиться к доброй маслине – Иисусу Христу, от коея они отломились (Рим. 11:17–21). Какое чувство производит в нас сия измена десницы Вышняго? Речем ли мы в постыдном самохвалении: «отломишася ветви, да мы прицепимся?» Но помышляли ли мы о том, через что они отломились от древа животного и через что мы прицепились к сему древу? «Неверием отломишася» (Рим. 11:20), мы же верою стоим. Вера же несть «от нас, но Божий дар» . Тот же милосердый Бог, Который даровал нам залог веры, может и им возвратить оный; тот же правосудный Бог, Который послал им духа нечувствия, «да видяще не видят и слышаще не» слышат (Лк. 8:10, Рим. 11:8), может послать нам «действие лести, во еже веровати» нам неправде (2Фес. 2:11). Итак, не высокомудрствовать должны мы, взирая на отверженных иудеев, но исполняться страхом, да не како Бог, Иже «естественных ветвей не пощаде... не пощадит» и нас (Рим. 11:21). Пример сего народа должен возбудить нас от беспечности греховной. Раскроем эту мысль.

Правоверие наше есть, кажется, первый камень, который мы из камня спасения превращаем в камень преткновения, основывая на нем беспечность нашу в деле спасения. Уповая на то, что мы званы на вечерю Господню, дерзновенно отходим «ов на село свое, ов на купли своя», не помышляя о том, что места наши на вечери давно, может быть, заняты пришедшими

с востока и запада, которых мы почитали недостойными крупниц, падающих от трапезы Господней. Будучи посажены благодатью, так сказать, у ног Спасителя, мы вместо того, чтобы «слагать глаголы Его в сердце своем», засыпаем, обнадеженные близостью Его, между тем как Он, произнеся сожальный упрек: «спите прочее и почивайте» (Мф. 26:45) давно, может быть, отшел от нас. Держа в руках своих нить правая веры, мы вместо того, чтобы восходить по ней к престолу благодати, низходим в бездну ада, тем бесстрашнее, что мним иметь в руках своих нить спасения. Так, таинство веры, будучи изгоняемо из сердца нашею нечистою совестью, уступает место тайне беззакония.

Но «аще... Бог естественных ветвей не пощаде, да не како... не пощадит» и нас (Рим. 11:21). Иудеи были единственным народом, коему вверены были «слова Божия» (Рим. 3:2). Когда язычники, ходя в суете ума своего, применяли «славу нетленного Бога в подобие... тленна человека и птиц, и четвероногих» (Рим. 1:23), иудеи обличали их, говоря: «бози, иже небесе и земли не сотвориша, да погибнут от земли... яко несть духа в них» (Иер. 10:11, 10:14). Когда язычники, видя внутри и вне себя борьбу двух противных начал, блага и зла, воздавали поклонение обоим, почитая их совечными, иудеи вещали: «Господь Бог наш, Господь един есть: несть» Бог «разве Его» (Втор. 6:4, 4:39). Когда язычники, видя страждущую добродетель, вопияли: «случай един... благому и злому... жрущему и не жрущему» (Еккл. 9:2), иудеи отвечали: «очи Господни на праведныя и уши Его в молитву их» (Пс. 33:16).» Весть Господь праведныя от смерти избавляти, нечестивых же на суд мучимых блюсти. Чего недоставало еще к правоверию иудеев? Между тем, когда они вместо плодов веры произрастили терние неверия, Вышний отвратил лицо Свое от них; они рассеяны, положены в притчу и поношение всех народов.

Христианин! Хотя бы Церковь, коея ты именуешься членом, была «столпом и утверждением истины» (1Тим. 3:15), хотя бы все знающие тебя почитали тебя, «яко пророка», и мудрость твоя была «яко мудрость Ангела Божия» (2Цар. 12:20), но если

ты приникая в «закон совершен свободы... не пребываешь в нем (Иак. 1:25), то тщетно льстишь. сердце свое» спасением – ты будешь отвержен. «Не высокоумствуй о правоверии твоим, "но бойся» (Рим. 11:20).

По правоверию внешность богослужения бывает любимейшею опорой нашей греховной беспечности. Внешность богослужения есть лестница, по которой мы должны восходить от глубины чувственных помыслов на высоту духовного разумения, а мы, напротив того, более и более нисходим по ней от сего разумения в глубину плотского мудрования. Внешность богослужения есть лиственное древо животного, которое должно сокрывать плоды духа от нечистого взора плотских людей, а мы сокрываем в нем, подобно прародителям, наготу духа нашего от Господа, нас взыскующего. Внешность богослужения есть одежда Христова, к которой одно прикосновение с верой могло бы врачевать недуги душевные, а мы, подобно распинателям Христовым, часто мещем о ней жребий – святотатственным присвоением достоинства ее собственному употреблению, даже раздираем оную безрассудными прениями о ее действительности. Так буква внешности убивает чад нового Израиля, подобно как она убивала чад древнего. «Но аще... Бог естественных ветвей не пощаде, да не како... не пощадит» и нас (Рим. 11:21). Какой народ более иудеев имел пышности во внешнем богослужении? Их храм по обширности своей походил более на град, нежели на место богослужения. Начатки от плодов, первенцы от животных превышали нужды целого колена Левиина, волы и овцы тысячами были закалаемы во дворе скинии: семидал выну курился на алтаре кадильном; выну горел елей на свещнике, выну лежали хлебы предложения на трапезе. Пышность обрядов жертвенных возвышалась блеском празднеств. Строгий покой повторялся через каждые шесть дней; каждый месяц раздавался глас священных труб; каждый год строились кущи, и закалался агнец пасхальный; каждое семилетие поля оставляемы были незасеянными, винограды несобранными; каждое пятидесятилетие возвращалось право свободы рабам, право владения потерявшим имуществом. Вошедши в землю иудейскую, можно

было подумать, что сей народ не имеет другого занятия, кроме отправления обрядов. Между тем, когда облако обрядов, вместо того, чтобы служить, по намерениям законодателя Синайского, ограждением от необрезанных, соделалось преградой к тому, дабы узреть восходящее «Солнце правды» (Мал. 4:2), то иудеи не только не получили исцеления «воссиявшего во крилах Его», но и осуждены на пребывание во тьме и сени смертной, из коей изведены язычники.

Христианин! Хотя бы ты все дни твои превратил в празднества и торжества священные, хотя бы число жертв, приносимых тобой к алтарю, превышало число грехов твоих; но если ты «вместе с руками не воздвигашь сердца твоего к Вышнему» (Плач. 3:41), если внутреннее святилище духа твоего исполнено мерзости запустения, ты будешь отвержен. «Не высокоумствуй о внешности богослужения твоего, но бойся» (Рим. 11:20).

На что не опирается грешник, хромлющий обема коленом! Долготерпение Божие, которое бы должно придать крыла для возвращения к Отцу Небесному, сие долготерпение часто бывает предлогом к тому, дабы долее блуждать в отдалении от Него. Зная, что двери покаяния отверзты, мы далее и далее отходим от них, не помышляя о том, что может прийти время, когда они затворятся и когда толкущим в них скажет Домовладыка: «не вем вас» (Мф. 25:12). Видя Отца Небесного, весь день простирающего руки Свои к нам, мы бежим от объятий Его, не помышляя о том, что сии руки некогда примут меч для погубления непокорных. Ах! может быть, мы были бы менее расточительны в дарах благодати, если бы долготерпение Божие не отверзало им всех сокровищниц ее.

Но блюдемся, слушатели, «да не како Бог, аще естественных ветвей не пощаде, и не пощадит» и нас (Рим. 11:21). Какой народ более иудеев видел на себе знаков долготерпения Божия? Моисей принимает на горе закон, а они поклоняются тельцу под горой, и между тем определение о погублении их отменено. Бог посылает им хлеб Ангельский, а они алчут мяс египетских и, между тем, огонь, ниспосланный правосудием разгневанного Бога, вскоре угашен Его

милосердием. Бог высокой мышцею поражает перед ними врагов их, а они вступают с ними в постыдные связи: и, между тем, язва, поражавшая их, отозвана назад; с продолжением времени, милосердие Божие, если можно так сказать, утомилось, милуя жестокосердый народ, и правосудие предаёт его на поругание языкам. Но едва токмо он отведен в Вавилон, милосердие Божие, как бы раскаявшись, снова обращает к нему лицо Свое, утешает его, и, наконец, изводит в землю отцов. Иерусалим вознагражден, храм восстановлен, – и дочь Сиона снова обратилась к похотникам своим. Казалось, что Вышний забыл нелицеприятность судеб Божиих, преноса во множестве долготерпения народ, который, упившись кровью рабов и пророков Его, приготовлялся омыть руки свои кровью Сына Его, Которого Он «святил и послал в мир» (Ин. 3:17). Нет! Не забыл, но ожидал, да «сосуды гнева совершатся в погибель» (Рим. 9:22); и когда настало «время погубляти» (Еккл. 3:6), «Вышний напряже лук и изби вся красная дщери Сиони, сотрясе святыню Свою, и утверди десницу Свою, дондеже скончается» (Плач. 2:4).

Христианин! не употребляй во зло долготерпения Божественного, иначе ты собираешь «себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия» (Рим. 2:5), который «не приидет с усмотрением», но тогда, как ты мнишь иметь «мир и утверждение». Мысль о долготерпении Божиим часто бывает пищей нашей беспечности; впрочем надобно признать, что сия пища редко насыщает ее. Взор, устремленный на милосердие, часто против воли останавливается на правосудии Божественном, и мы, трепеща, ищем ближайшей подпоры нашим расслабленным коленам и, к сожалению, всегда почти находим во множестве подобных нам грешников. Мы живем так, как живут другие: вот ответ, который мы обыкновенно делаем своей совести, когда она побуждает нас испытать, «аще есте в вере» (2Кор. 13:5). Если все, подобно нам живущие, будут отвержены, то «кто... может спасен быть» (Мф. 19:25) – вот оправдание, которое мы противопоставляем ее упрекам: как будто имена грешников должны быть вписаны в книгу живота единственно потому, что мало число избранных, кои могли бы

оную наполнить; как будто Всемогуший не может от камня воздвигнуть чад Аврааму, когда сии чада превратятся в камень своим ожесточением. Изочтите, слушатели, если можете, бесчисленное множество иудеев, участвовавших в грехе богоубийства; к сему числу присовокупите число чад их; соедините последнее с числом их потомков. Какое ужасное множество! Между тем, весь Израиль рассеян, вся Иудея повержена в запустение.

Христианин! Сойди с широкого пути мира, иначе широта его и множество идущих по нему не спасет тебя от гнева небесного.

Не могши укрыться от гнева небесного в толпе подобных нам грешников, мы часто прибегаем под сень обетования Божественных, но к сожалению, не с духом покаяния, как бы надлежало, а с духом ожесточения, который желал бы поставить милосердие Божественное в противоречие с его правосудием, дабы, если возможно, первым уничтожить последнее. Если мы будем отвержены, так нередко лжемудрствуем мы, то слова Писания: «нераскаянна бо дарования и обетования и звание Божие» (Рим. 11:29): «вся привлеку к Себе, будут едино стадо и один пастырь» (Ин. 12:32, 10:16), не будут «ей и аминь» (2Кор. 1:20). Но знаем ли, слушатели, рассуждая таким образом, кто таков народ, над которым толико веков совершается суд Божий? Это тот народ, коего патриарху речено было некогда: «и поставлю завет Мой между Мною и между тобою и между семенем твоим по тебе в роды их в завет вечен» (Быт. 17:7). Знаете ли, кто сии люди, кои находятся во всеобщем презрении? Это потомки царя, коему некогда было обещано: «аще оставят сынове твои закон твой и в судьбах Моих не пойдут..., посету жезлом беззакония и ранами неправды их; милости же Моей не разорю от них» (Пс. 88:31, 88:33–34). Знаете ли, какой храм превращен в развалины? Это тот храм, о котором Сам Бог сказал Соломону: «освятих храм сей, егоже создал еси, еже положить имя Мое тамо в веки: и будут очи Мои ту и сердце Мое во вся дни» (3Цар. 9:3). Знаете ли, что за град, который теперь лишен всего благолепия, предан в руки языков? Это Иерусалим, о котором Бог изрек устами пророка: милость Моя к тебе не оскудеет,

«ниже завет мира твоего преставится» (Ис. 54:10). После сего, кто осмелится прилагать к себе слова Писания: "твердое здание Божие стоит имущее печать сию: позна Господь сущия Своя» (2Тим. 2:19): «нераскаянна... дарования и звание Божие!» (Рим. 11:29). Христиане! Церковь не теряет надежды видеть некогда рассеянных чад обрезания, собранных под крыле своя. «Ослепление от части бо Израилеви бысть, дондеже исполнение языков внидет. И так весь Израиль спасется» (Рим. 11:25–26). Блюдемся, да время их обращения не будет временем нашего отвержения. «Час уже нам от сна востати!» (Рим. 13:11). Аминь.

Слово третье в день Воздвижения Креста Господня

Святая Церковь торжественно вспоминет ныне, братие, обретение Честного Креста Господня. Радостное событие сие последовало, как известно, спустя три века по Воскресении Господа, и совершено святой Еленой, матерью равноапостольного царя Константина. Когда благочестивая царица сия посещала места, освященные жизнью и страданиями Богочеловека, то Дух Святый возбудил в ее сердце желание – обрести Крест Господень, который до того времени, по смутным обстоятельствам Церкви, удручаемой гонениями, оставался в неизвестности. Трудно было и для порфироносной искательницы совершить это обретение; ибо иудеи и язычники, не терпя поклонения Распятому, старались уничтожать все следы Его жизни. Крест Господень, вместе с крестами распятых с Ним на Голгофе, зарыт был в земле, и на том самом месте воздвигнут потом римлянами храм одному божеству языческому. Но усердие равноапостольной царицы препобедило все трудности. Место Креста найдено, по указанию одного иудея, и капище, на нем стоявшее, разрушено. Когда потом начали раскапывать землю, то сначала ощущено было неизреченное благоухание; потом открылось три креста, из коих на одном была надпись, та самая, которую Пилат положил на Кресте Господа. Несмотря на это указание, просвещенное благочестие царицы искало еще вернейшего признака. Святой Макарий, тогдашний патриарх Иерусалимский, употребил для сего такое средство, какое могла внушить только самая живая вера в Распятого. По его повелению, принесен был один больной, находившийся при смерти. Святитель прикоснулся к нему сначала одним, потом другим крестом, но без всякого действия; когда же прикоснулся третьим, на коем была надпись, то больной встал и сделался совершенно здоровым. Чудо сие вразумило всех, что это подлинный Крест Того, Который есть Воскресение и Жизнь. Найденный таким образом Крест перенесен был с торжеством во храм Иерусалимский, где святой Патриарх воздвиг его перед народом с амвона, дабы

все: и великие и малые – могли насладиться зрением Животворящего Древа. Церковь же Святая, обрадованная стяжанием Божественного сокровища, положила, чтобы память обретения Креста Господня ежегодно была совершаема в настоящий день. Таково происхождение нынешнего праздника. (Руфин. Церк. Ист. Кн. 1, гл. 7).

Великий и важный урок, братие, заключается для нас в сем событии. И каждый христианин, если только он не напрасно носит сие звание, имеет свой крест, на коем он должен распинать греховную плоть свою с ее страстями и похотями. Крест сей должен состоять в благодушном перенесении недостатков нашей падшей природы и бедствий естественных, – в борьбе с общей всем нам склонностью к злу и с соблазнами мира, – в исправлении, при содействии благодати, нашего злого сердца и в обновлении сил души и духа. А посему, празднуя обретение и воздвижение Креста Господня, каждый должен со всем тщанием рассмотреть, сохраняется ли в целости его собственный крест? Не погребен ли в земле, в суетных попечениях о земном и тленном? Не стоит ли в душе и сердце, вместо Креста Господня, крест разбойничий, или капище какой-либо безстудной страсти?

Мы сказали, что присутствие истинного Креста Господня обнаружилось тремя признаками: благоуханием, изображением имени Господа Иисуса и оживлением болящего. По сим же самым признакам и каждый может отличить в самом себе истинный крест от ложного: крест истинный должен благоухать невинностью или покаянием, должен иметь на себе начертание сладчайшего имени Иисусова и, наконец, должен быть животворящим.

В мире, братие, весьма много бед и скорбей, потому что еще более грехов и страстей; но страдания, происходящие от наших грехов, не составляют сами по себе креста христианского. Честолюбивый мучается ненасытным желанием отличий и преимуществ; завистливый снедается скорбью о благе ближнего; сластолюбец терзает невозможность удовлетворять своим нечистым вожделениям; все сии и им подобные люди страдают, и нередко более тех, кои страдают

правды ради; между тем, кто не признает их страданий произвольными мучениями греха, заслуживающими не уважение, а укоризну? Кто не скажет, что они несут крест разбойничий?

После сего казалось бы совершенно невозможным и ошибаться в распознании таких крестов и принимать их за истинные, но на самом деле бывает совершенно противное. Когда мы смотрим на бедствия других людей, то действительно по какому-то злополучному дару проницательности скоро узнаем, что они восприимлют по делам своим; даже нередко находим их достойными сего и тогда, когда в них не обретаётся никакой вины, но так ли поступаем, когда обращаем взор на собственные бедствия? О, в таком случае обыкновенно не почитается и нужным входить в рассмотрение своих поступков; предполагают, что всякое озлобление, нам причиненное, никак не может иметь причины в нас самих; смотрят на себя как на Ангелов, утвержденных в добре, для коих невозможно падение, и потому при первом появлении бедствия вопиют: какое искушение! какой крест! Действительно, мог бы сказать нам в сем случае кто-либо, какое искушение, когда вы сами искушаете себя и других своими преступными замыслами, дерзкими мечтами, противоборством истине и долгу? Какой крест, когда ты сам соорудил его себе своим забвением о Боге, нарушением прав человечества, гордостью и лукавством? «Поверзи жезл твой на землю, – сказано было некогда Богом Моисею, – и верже и на землю, и бысть змий; и отбеже Моисей от него» (Исх. 4:3). Повергните и вы, можно сказать многим из хвалящихся мнимыми, или действительными, только заслуженными, страданиями, повергните кресты свои на землю, отвергнитесь пристрастия, с коим вы смотрите на них, судите здраво и право о своем предшествующем поведении: не увидите ли и вы, подобно Моисею, ужасного превращения? Не откроется ли, что почитаемое вами доселе искушением есть не крест, а змий, грех вами соделанный, и что вы восприимлете по делам вашим?

Истинный крест благоуханен. Он, как мы сказали, состоит собственно в благодушном перенесении страданий, нами не

заслуженных. Есть бедствия естественные, от коих никакая невинность укрыться, никакая мудрость защититься не может. Таковы болезни, потеря друзей и родственников, разрушительное свирепство стихий и прочее. Кто не изнемогает верой под ударами несчастья, тот несет истинный крест: свидетель Иов, который, лишась всего, в прахе и пепле, благословлял имя Господне (Иов. 1:21). Его бедствия, проистекающие от злых, подобных нам, человек: собственность наша может быть похищена тайными или явными врагами; честь наша может быть помрачена клеветой, и мы лишены всего; при сем случае недостает иногда и средств доказать свою невинность и обличить лукавство. Кто с упованием на Судью небесного терпит неправду земную, тот несет истинный крест: свидетель Иосиф, который за невинность лишен был всего, но пребыл верным Богу отцов (Быт. 39:9–10). В собственном нашем сердце происходит непрестанная борьба добра со злом, совести с вожделениями: надобно непрестанно бдеть над собой, умерять себя, лишать, обуздывать, наказывать, чтоб не пасть под наклонностью к злу, не сделаться игралищем страстей, не опустеть добрыми делами, не сделаться мертвыми для Бога. Кто проходит мужественно сей путь внутреннего самоисправления и с бодростью стоит на страже сердца, тот несет истинный крест: свидетель Павел, сражавшийся с пакостником плоти, ангелом сатаниным (2Кор. 12:7), и все подвижники благочестия.

Кресты сии, не завися в происхождении своем от воли человеческой, возлагаются Самим Богом. Но для ревности к подвигам открыто поприще и произвольного крестоношения. Твое состояние обещает тебе в жизни радости и удовольствия; между тем ты можешь составить счастье для многих, если пожертвуешь сим состоянием: принеси эту жертву, это будет истинный крест; его носил Моисей, не захотевший называться сыном дочери царевой, а лучше согласившийся страдать с людьми Божиими (Евр. 11:24). Ты не можешь без сокрушения сердца видеть, как оскудевает вера между христианами, умаляется любовь, усиливается нечестие; питай в себе сие спасительное сокрушение, это будет истинный крест: его носил

Илия за то, что не мог сносить нечестия в Израиле (3Цар. 19:14). Какой-либо могущественный человек, предавшись страстям, ненаказанно попирает права истины и человечества; многие терпят, все тайно осуждают, и нет обличающего; если на тебе лежит долг обличить неправду, обличи; опасность, коей через это подвергнешься, составит истинный крест: его понес на себе Иоанн Креститель, обличавший Ирода и Иродиаду (Мк. 6:18). Кратко сказать: всякий подвиг благочестия, всякий труд любви есть истинный крест, ибо издает благоухание невинности.

«Так, скажет кто-либо, но что делать с теми бесчисленными крестами, кои возлагают на нас страсти и грехи наши? Есть ли какое-либо средство отнять у них зловоние греха? Есть, братие, есть. Разбойник со креста, без сомнения разбойничьего, пошел в рай. Краткие слова: «помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии» Твоем» (Лк. 23:42), все переменили. То же самое может быть и со всяким страждущим грешником. Вера, покаяние и молитва совершенно вознаграждают недостаток правды, ибо благодать Божия не только прощает, даже обращает в некоторую заслугу нам страдания, нами заслуженные, коль скоро мы освящаем их верой в заслуги нашего Искупителя.

Уже из сего одного видно, братие, как нужен второй признак для отличения истинного креста, и как необходимо, чтобы на нем было начертано всеосвящающее имя Господа Иисуса; ибо большая часть крестоносцев, будучи грешниками, могут соделаться истинными крестоносцами только через покаяние и веру в Искупителя. Но кроме сего есть и другие причины, по которым ничей и никакой крест не может иметь цены без освящения заслугами Сына Божия.

И во-первых, когда мы говорим о невинности и праведности человеческой, то разумеем эти добродетели не в строгом смысле. Собственно говоря, между людьми нет ни одного праведника, нет ни одного страждущего совершенно невинно. В самом деле, пусть мы не заслужили известных страданий нашими известными грехами, но разве не было за нами грехов, кои остались ненаказанными? И разве они перестали быть грехами, потому только что остались без печальных для нас последствий? Разве Промысл, допустив на время нашим

преступлениям оставаться ненаказанными, чтобы преклонить нас к покаянию милосердием, не имел права воскресить для нас наказание, когда мы, любуясь своей добродетелью, забыли, что мы грешники? Но пусть, мы не заслужили, предположим невозможное: «кто бо чист будет от скверны: никтоже, аще и един день житие его на земли» (Иов. 14:4–5), пусть мы не заслужили своего несчастья никакими собственными грехами; разве греховное естество наше не составляет само по себе предмета гнева небесного? Ах! Мы непрестанно содержим в памяти права наши, когда нужно участвовать в наследии высокого имени и какого-либо имущества от предков, а того не памятуем, что и грехи отцов могут быть отданы на чад, что кроме того у нас есть общее наследство от общего отца человеков – грех прирожденный, та наследственная порча нашего естества, которая одна способна отнять цену у всех наших добродетелей и страданий. Как же мы дерзнем предстать к небесному Мздовоздаятелю с самыми, так называемыми, невинными страданиями нашими, если они не будут освящены верой в заслуги Божественного Искупителя? Только соединение нашего креста в духе веры с Крестом Христовым может соделать наш крест достойным взора небесного Судии; только под кровом заслуг Христовых мы можем говорить с апостолом: «стражду, но не стыжуся!» (2Тим. 1:12). Ибо действительно тогда нам нечего стыдиться; в нас пятен греха не остается мрачных; все убеляется «Кровью Агнца» (Откр. 7:14). Посему вера в заслуги Искупителя должна быть непременно отличием всякого истинного креста и крестоносца. Само крестоношение истинное без благодати Иисуса Христа вовсе невозможно. Земная мудрость много мудрствует о терпении среди напастей, о мужестве среди опасностей; но ученики ее еще не показали опытов истинного крестоношения. Что видим в них в минуты тяжких искушений? Или гордое нечувствие, или малодушный ропот, равно недостойные человека. Человеческая крепость не редко вызывалась на сражение с напастями, но редко, редко не падала при самом начале, тем паче в продолжение ударов несчастья. Так и должно быть: когда человек опирается только на самого себя, то он слабее трости, ветром колеблемой.

Только страждущие о имени Иисуса и в духе живой веры в Него умеют страдать без ропота и даже радоваться среди страданий, ибо, кроме уверенности, что «легкое печали... тяготу вечная славы соделовает» (2Кор. 4:17), они чувствуют, что вся могут «о укрепляющем их Иисусе Христе» (Флп. 4:13), что Провидение, попустив им страдать, не попустит искушиться паче, нежели могут перенести, но «сотворит со искушением и избытие» (1Кор. 10:13). Посему-то истинные страдальцы всегда были пламеннейшими любителями Креста Христова, и ни на шаг не удалялись в духе с Голгофы, ибо твердо знали, что, выпустив из вида Крест Иисусов, они вместе с тем потеряют собственный крест или падут под ним.

Но для чего, убеждая к соединению наших крестов с Крестом Иисуса, я говорю все о нужде сего соединения для нас? Разве нет у тебя, христианин, кроме нужды, других уз, соединяющих тебя с твоим Спасителем? Чего не сделал и не делает Он для приобретения любви твоей? Кому же приличнее могут быть посвящены твои слезы и вздохи, как не Тому, Кто пролил за тебя Кровь Свою? Кто более имеет права на твой крест, как не Тот, Кто Сам претерпел за тебя Крест и Кто вернее оценит твоё терпение, твоё борение с греховной природой, твоё отречение от того, что для сердца часто драгоценнее всего, как не Он, Который отрекся для нас от всего, оставил престол Отца, явился в образе раба, и умер смертью преступника?

Представляя все сие, братие, истинно нельзя не пожалеть от всего сердца о том пагубном невнимании к истинной пользе от наших страданий, по коему мы небрежем освящать их верою в заслуги нашего Ходатая! Когда подвергаемся бедствиям за наши неправды, то еще изредка вспоминаем о Нем и призываем Его на помощь; но когда терпим, не сделав ничего худого, то обыкновенно почитаем совершенно ненужным прибегать к Нему. В сем случае у нас бывает одно и в сердце и на языке – наша невинность. Как будто Крест Христов должен принимать нас под сень свою только тогда, когда мы приходим к нему отягченные всеми неправдами! Как будто Иисус Христос назначен быть «служителем нашего греха» (Гал. 2:17), а не совершителем нашей правды! За то, что и бывает следствием

сея неблагодарности! То, что наши страдания не приносят нам плодов духовных, что мы вскоре изнемогаем под тяжестью их, и нередко, начав страдать за правду, оканчиваем страданием неправды. Мы, по лукавству сердца нашего, уделяем в жертву нашему Спасителю худшую часть нашего креста, очерненную нашими грехами, и оставляем для себя лучшую, на коей изображается наша невинность; и Его правда отъемлет от нашего креста то, что в нем есть лучшего – его животворность, и оставляет то, что в нем есть худшего – мертвость, нас отягощающую.

Между тем, истинный крест, братие, по самому существу своему, всегда животворящ, и это, как мы сказали, должно служить третьим признаком, отличающим его от креста неистинного. Пусть бы кто провел весьма долгое время в служении миру, в удовлетворении своих страстей, в рассеянии и забвении Бога, в нерадении о душе и вечности; если Промысл найдет его достойным, чтобы послать на него искушение, и если он перенесет его в духе покаяния и веры, то с ним произойдет необыкновенная перемена: он почувствует в себе такое возвращение от прежней греховной жизни, какого в нем дотоле никто не примечал; в душе его откроется такая сила к совершению добродетелей, о существовании коей в себе он сам никогда не воображал. И это весьма естественно. Ибо от чего в нас умалывается и, наконец, совершенно оскудевает жизнь по духу? От чего мы изнемогаем в творении добра до того, что для нас, наконец, обращается как бы в закон делать одно зло? От того, что перестаем бдеть над своими помыслами, управлять своими желаниями, оставляем, так сказать, без надзора вертоград души нашей. От того, что, развлекаясь нуждами и забавами, не находим времени посмотреть на себя в зеркале слова Божия, тем паче исправить усматриваемые в себе недостатки. От того, что, кружась в вихре суеты мирской, забываем, что мы не свои, но принадлежим Тому, Который купил нас Кровью Своею, что нас ожидает вечность, что нам предлежит суд. Вот главные причины нашего духовного нечувствия и смерти! Но бедствия, нами претерпеваемые, если только мы умеем пользоваться ими, по необходимости

прекращают действие всех сих губительных причин. Они заставляют нас, углубиться в самих себя и видеть нищету нашего духа и сердца; обращают нас к вере и ее вечным обетованиям; делают для нас приятным упражнение в слове Божию и в молитве; приводят на память нашу то, что сделал для нас Спаситель наш, и что должно делать для Него нам; обнажают пред нами суету благ мирских и заблуждение тех, кои ограничивают ими все свои желания. Все это по необходимости отрешает наше сердце от земли и устремляет его к небу, отвращает нас от временного и располагает к вечному. А посему, если кто, подвергаясь скорбям, чувствует, что его вера не делается через то живее, упование возвышеннее, любовь к Спасителю и добродетели пламеннее, отвращение от греха решительнее; то это несомненный знак, что крест, от коего он страдает, не есть еще истинный крест, потому что неживотворящ. Все сие бывает большей частью от того, что при нашествии напастей и искушений, предаются одою своей чувствительности, не обращаясь к мысли о Боге, ограничивают свой взор жизнью настоящей и не принимают труда подумать о высокой и благотворной цели человеческих страданий для жизни грядущей. Удаление этих причин возвращает кресту его животворность, и он начинает производить спасительное действие на оживление и укрепление сил духа. А вместе с тем и несение креста становится делом не так ужасным, как оно бывает, когда несущий предан чувственности. Духовная сладость креста заставляет забыть вещественную его горечь, подобно тому как забывают горечь врачевства, когда видят, что оно спасает от смерти.

Из рассмотрения свойств истинного креста, уже само собой открывается, братие, в чем должно состоять его духовное воздвижение. Чем совершеннее правда, за которую мы подвергаемся страданиям, или чем искреннее покаяние, с коим переносим страдания заслуженные; чем теснее соединяем наши страдания с верой в заслуги Иисуса Христа, и чем более посредством молитвы привлекаем на себя благодать Его; чем, наконец, охотнее обращаем посылаемые на нас Промыслом искушения в средства к тому, чтобы очистить себя от всякия

скверны плоти и духа, тем вообще выше бывает наш крест, тем более приближаемся мы к великому Образцу всех истинных страдальцев – Господу Иисусу. Если кто из нас стяжал такое свойство, что может по смирению переносить равнодушно обиды, наносимые ему людьми, им нимало неодоженными, то пусть научится переносить с таким же равнодушием огорчения от тех, коих он почитает в числе друзей, им благодетельствованных; – и его крест воздвигнется. Если кто из нас отрекался доныне только грубых удовольствий, пристрастий ощутительных, то пусть отречется самых тонких прихотей, пусть откажется от самолюбия, по которому ищут чудесного и необыкновенного даже в делах благочестия, и хотят превосходствовать над другими в самых строгостях и смирении, – и его крест воздвигнется. Если кто-либо не уклоняется креста потому, что воображает блаженство рая, которое должно последовать за перенесением его, то пусть приучит себя обходиться без сего, хотя позволительного, но еще не совершенно чистого побуждения, – и его крест воздвигнется. Уже высок крест того, кто умеет без ропота переносить бедствия, посылаемые на него Провидением, хотя позволяет себе молить Отца Небесного о том, чтобы они прекратились; еще выше крест того, кто, будучи проникнут убеждением в достоинстве и пользе напастей века сего, подобно Давиду, молит Господа, чтобы Он искусил его веру и терпение сими напастями (Пс. 138:23); еще выше крест того, кто, по своему преспеянию в самоотвержении, нося крест, и не примечает того, что он носит крест, а видит в нем только одну волю Божию, благую и совершенную. Вообще сказать, степени духовного воздвижения креста столь же безчисленны, сколь безчисленны степени в отвращении от зла в приверженности к добру, столь же многообразны, сколь многообразны выражения нашей веры и любви ко Господу.

О, когда бы мы могли быть уверены, что каждый из нас знает о сих степенях не по одной памяти и слуху! Когда бы Спаситель наш, принимая ныне со Креста наши поклонения, обрел в сердце каждого из нас хотя слабое изображение Его собственного Креста! Тогда мы смело могли бы взирать ныне на

воздвигаемый Крест Его; ибо видели бы в нем знамение нашей победы над миром, залог нашего будущего блаженства. А теперь он воздвигается для некоторых из нас, может быть, только как знамение будущего суда и отвержения. По крайней мере, братие, да не останемся навсегда праздными зрителями чуждого воздвижения и потщимся внити в участие страданий нашего Господа; будем очищать себя, хотя мало-помалу, от скверн плоти и духа. Великий Крестоносец, положивший за всех нас душу Свою, да поможет нам в сем святом подвиге крестном, и да совершит его в нас силой Святаго Духа Своего! Аминь.

Слово четвертое в день Воздвижения Креста Господня

Что мы слышали, братие? Кто исповедуется и вместе проповедует в слух всех таким дивным образом?.. Исповедуются и проповедуют три могущественнейших монарха, из которых один, наш Александр Благословенный, теперь уже перед престолом Царя славы. Что составляет предмет их царственной исповеди и проповеди? То, что ход прежних отношений в Европе между державами не имел основанием тех начал, на коих премудрость Божия утвердила покой и благоденствие народов; что следствием сего уклонения царственной мудрости от правил Евангелия было не что другое, как ужасные бедствия народов и царей; что, наконец, они, наученные тяжким опытом, дали пред лицом неба и земли обет, во всех сношениях между собой и с подвластными себе поступать впредь по заповедям Бога Спасителя, признавая Его единого верховным Самодержцем народов и царей, и приглашая всех и каждого обратиться всем сердцем к закону любви, Им преподанному. И когда совершена сия беспримерная исповедь монархов, провозглашена в первый раз сия дивная проповедь? В настоящий день, когда Святая Церковь вспоминает одно из величайших торжеств Креста Христова, его всемирное воздвижение! Скажите сами, братие, было ль когда что-либо подобное? Не величайшее ли это торжество веры над неверием и соблазнами века? Самоотвержения христианского над гордостью житейской? Не новое ли это воздвижение Креста Господня? Увы, братие, мир имел нужду в сем воздвижении! Крест Христов, составлявший в продолжение стольких веков украшение лучшей части рода человеческого, в недавние времена был потерян целыми народами. Ибо, как назвать, если не потерю Креста Господня, ужасное отступление от веры, которое открылось было в Западном христианстве? Но Промысл Божий не допустил утвердиться владычеству тьмы; и Крест Господень снова обретен погубившими его и, посредством священного союза царей, воздвигнут пред лицом

неба и земли. Остановим, братие, внимание наше на сем чуде Промысла, совершившемся в наши дни; и к утешению веры, приведем себе на память, как нечестие хотело погребсти в земле Крест Христов: упразднить веру в распятого Спасителя, и как все усилия и мнимые успехи его обратились к большему укреплению и славе христианства.

Казалось бы, что между христианскими народами вовсе не может быть места для духа, враждебного христианству. В продолжение восемнадцати веков можно ли было не узнать и не ощутить всех благодетельных свойств веры во Иисуса Христа? Правда, вера сия имеет целью не землю, а небо; проповедует Царство Божие, а не человеческое; обещает блаженство более вечное, нежели временное, но и в земном отношении не распространило ли христианство величайших благословений на всех последователей своих? Не доказало ли на опыте, что «благочестие на все полезно есть обетование имеюще живота не» грядущего токмо, но и настоящего? (1Тим. 4:8). Кто укротил варваров, разрушивших древний мир гражданский, и воздвиг от сего камене чада Аврааму? Христианство. Где и как спаслись драгоценнейшие остатки древнего мира, его наук, искусств и открытий? Под сенью христианства. Из какого корня произросла большая часть того, что теперь есть лучшего между народами христианскими в законах, обычаях, нравах, взаимных отношениях гражданских и семейных? Из христианства. Почему малейшая часть света, нами населяемая, господствует над всем миром? Паче всех прочих причин потому, что над нею господствовал доселе свет евангельского учения. Это истины, оправданные опытом веков и народов, признанные единодушно мудрейшими из людей, не отвергаемые совершенно самыми врагами христианства. После сего, говорю, можно ли было ожидать, чтобы между народами христианскими произошло когда-либо явное отпадение от Христа?

Но от падшего и помраченного грехом естества человеческого чего не может произойти злого и ужасного? Неудивительно, если проникнутое ядом греха, потеряв даже чувство здоровья, оно обнаруживает иногда сильное отвращение

от небесного врачевства, заключающегося в вере христианской; неудивительно, если тьма бежит от света, да не обличатся дела ее, яко лукави суть. Притом, если не воздремлет, ниже уснет Храняй Израиля – Церковь свою, то и князь тьмы непрестанно бдит, «обходя и лстя всю вселенную» (Откр. 12:9), «и ища кого поглотить» (1Пет. 5:8). Посему-то во все времена были в недрах христианства, и вероятно всегда будут, враги Креста Христова, люди погибельные, о коих должно сказать, что «от нас изыдоша, но не беша от нас» (1Ин. 2:19).

Но сие как бы прирожденное зло, сия внутренняя болезнь, эта домашняя измена и вражда, это гонение на веру Христову от самих христиан, никогда не усиливались до такой степени, не возносили так гордо главы, не являлись с таким бесстыдством перед лицом Бога и людей, как в конце прошедшего века, который по всей справедливости должно назвать веком соблазнов. Истребить алтари и их служителей, уничтожить, если возможно, самое имя христианина – вот безумная цель, над достижением которой начали трудиться тысячи умов и рук, употребляя к тому все средства: силу и хитрость, истину и ложь, ум и безумие. И правосудный Бог в гневе Своем допустил исполниться богоотступным замыслам! После многих частных отпадений от веры, наконец, целый многочисленный народ, славный успехами в искусствах и легкомыслием, целый народ, по крайней мере, в лице «безсердечных» представителей своих, оставил знамение креста, отрекся Искупителя и Его спасения, отказался, наконец, от «всякого Бога и глаголемого чтилища» (2Сол. 2:4) и начал поклоняться безстыдному идолу, назвав его разумом человеческим!.. Чего не совершено потом у подножия сего идола, на развалинах алтарей и престола? Священнейшие предметы всюду влачатся по стогнам и обращаются на употребление самое бесчестное! Тысячи служителей веры ведутся, яко агнцы, на заклание! Сам царь, благодетель народа, погибает казнию преступника! Последние минуты умирающих жертв отравляются хулою и соблазнами... Но я не могу, братие, продолжать изображение времен богоотступных; стены храма сего содрогнулись бы при слышании о всех неистовствах и жестокостях, кои были совершены во имя лжеименного разума.

Довольно сказать, что имя Христово было поругано христианами, как оно никогда не было поругаемо неверными; Крест Христов глубже погребен в земле, нежели как могла его погребсти некогда злоба иудеев и ненависть язычников. Прочие народы Запада хотя и не участвовали в сем богоотступничестве, но уже видимо наклонялись к той же бездне зла, в коей терялась вера и гибло благоденствие несчастных галлов. Истинным почитателям Распятого оставалась, по-видимому, одна отрадная мысль, что такое отпадение от веры, умножение беззакония, иссякновение любви, восстание царств на царства, сына на отца, что все сии ужасные явления самой чрезвычайностью и множеством своим служат предвестием наступающей кончины мира, пришествия Судии, окончательной победы добра над злом.

Но, в неисповедимых судьбах Промысла, уготовлялось верным другое утешение, а вере иное торжество. Надлежало вскоре последовать преобразованию мира, но еще не вещественного, а гражданского. Греховная земля сия имела еще раз увидеть на себе воздвижение Креста Господня, совершенное уже не слабою, хотя порфирородной женой, а сонмом царей, пред лицом целого света. Не вдруг совершилось сие чудо, но тем для слабого ока человеческого приметнее был, так сказать, весь образ и вся подробность шествия Промысла Божия в судьбе царств и народов. Последуем, братие, за сим шествием.

Первым действием истребления у галлов христианства и вместе первой казнью за сие было то, что неверие, истребив все священное, устремилось само против себя; враги Бога и Христа сделались непримиримыми врагами друг друга; вместе с верой и Церковью, исчез, вопреки всем усилиям поддержать его, и порядок общественный, и взаимное доверие граждан, и мир семейств, и обуздание юности, и утешение старости, и спокойствие ложа смертного. Корысть и гордость сделались единственными пружинами жизни общественной и частной, а ужас и страх – самовластными распорядителями всего; но сей образ правления духов отверженных, столь постоянный во аде, между людьми никак не мог иметь прочного существования.

Тщетно мудрость стихийная истощала все средства к поддержанию уже не благоденствия, а, по крайней мере, бытия общественного; тщетно дерзость покушалась на все отчаянные меры: ничто не могло заменить расторгнутого союза с небом.

Наконец, принужденные необходимостью, те же люди, кои, разрушая алтари, вопияли: «истощайте, истощайте до основания» (Пс. 136:7), начали на стогнах и торжищах проповедовать, что есть Существо высочайшее, есть другая жизнь, закон и правда, есть вечная награда и вечная казнь. Обратиться прямо к отверженному христианству казалось еще крайностью постыдной; и лжеименная мудрость взялась было сама составить новую веру, которая доставляла бы спасение без Спасителя, в коей стояло бы имя Иисуса, и не было бы Божества и Креста Его. Но без сего, утвержденного в глубине природы Божеской и человеческой, якоря, не могла, среди волнений умов и сердец, страстей и заблуждений, устоять никакая вера; и храм, так называемой, любви к Богу и ближнему, не будучи освящен присутствием Господа храма, воплощенной любви к Богу и ближним, в продолжение трех лет сам собой остался совершенно пуст. Дознанная таким образом кровавыми опытами, необходимость христианства и для земного благоденствия обществ гражданских, была причиной, что, наконец, и тот, коему достался весь плод взаимных заблуждений и брани царей с народами, и который в упоении счастья ничего не хотел знать на земле выше себя, что, говорю, и сей исполин брани, известный каждому из нас без наименования, за первое дело своего царственного искусства почитал восстановление веры и богослужения, и, не довольствуясь всеми венцами, кои возлагала на главу его победа, искал венца у подножия алтарей. Уже великое в сии несчастные времена торжество для веры было видеть в числе почитателей своих того, перед кем все преклонялось на земле. Но почтение сие было данью необходимости, а не свободного произволения; следствием расчета, а не любви. Вера почиталась как средство, а не как цель; казалась более покровительствуемой, нежели покровительствующей; ей

принадлежали храмы царственные, но далеки были сердца многих царей.

Между тем, всецелое поругание веры требовало полного вознаграждения, торжества, не смешанного с рабством; крест имел быть не поднят токмо от земли, а воздвигнут превыше всех и всего, руками чистыми помазанников Божиих, а не своенравным снисхождением надменного сына счастья.

Но кто и как произведет это воздвижение? Совершит это чудо?.. Мысль утомляется, братие, пробегая все концы той великой цепи событий, коею народы и цари привлечены были со всех стран в одно место для совершения сего, истинно всемирного воздвижения. Для сего необходимы были глас и зов, подобный тому, коим все сыны Адама воззваны будут некогда пред престол всемирного Судии. В самом деле, не Архангел ли с трубой невидимо пролетел все страны Запада?.. Двадесять (двадцать) народов внезапно встают со своих мест и идут на север, по-видимому, для целей земных, для удовлетворения самолюбия одного человека, а в самой вещи по одному великому, неведомому ни для кого, делу Божию. Начинается брань подобная тем, в коих Иегова воинств предходил некогда Сам в тысячах народа возлюбленного.

С одной стороны, сила и гордость, с другой – кротость и христианское смирение; с одной – неверие, с другой – вера и упование; с одной – мудрость земная, с другой – небесное Провидение. Кто победит: Агнец, или дракон? Все ожидают падения первого, а низлагается последний; низлагается, – и мир начинает принимать новый вид. После каждого поражения всемирного врага совершается политическое воскрешение какого-либо народа.

Первый глас благодарности за неожиданное спасение от рабства сам собою устремляется к небу; первый взор свободы невольно останавливается на знамени креста, под коим ратует освободитель народов, народ православный; «сим победиши» становится призывным кликом всех освобожденных; воинства земных царей обращаются в единое, великое воинство Царя Небесного; вожди и победители соделываются проповедниками величия Божия; знамения небесной помощи возбуждают веру, а

вера привлекает новые знамения; земля явно вступает в союз с небом, и скиния Божия вселяется среди обновленного бедствиями человечества!

Что же будет плодом сего беспримерного в бытописаниях человечества стечения великих событий? Чем ознаменует себя священное воодушевление веры, объяввшее народы и царей? Что последует по конечном низложении врага, по освобождении всех народов, по восстановлении всех престолов? Чем увенчается храм всемирной славы? Всемирным воздвижением Креста Господня.

Достигнув столицы вольномыслия, три победоносных монарха, -истинные представители трех главных исповеданий христианских, забыв все виды славолубия, в невидимом присутствии Триединого Бога и в видимом собрании всех народов, совершают благодарственные молитвы на том месте, где пала глава царя-мученика, и где совершалось студное празднество в честь идола нечестия. Не довольствуясь сим, христоролюбивые монархи, во имя сего же Триединого Бога и Единородного Сына Его, пред лицом света заключают между собой священный союз, цель которого не нападение на кого-либо, даже не защищение царств, а смиренное исповедание недостатков прежнего в Европе образа мыслей и поступков во взаимном сношении народов и царей; признание над собой небесного самодержавия Господа Иисуса; обет управлять народами и всеми поступками своими по духу и правилам Евангелия; приглашение всех царей к таковому же союзу со Христом и между собой, а подданных и своих, и чуждых – ко взаимной любви братской и к христианскому совершенству в жизни.

Скажите сами, братие, был ли когда союз царей подобный сему? Не полное ли это торжество веры над неверием? Не истинное ли воздвижение Креста Господня? Кто, кроме всемогущего Господа сил, мог совершить сие чудо? Величайшее поругание веры обратить к величайшей ее славе? Преподать такой великий урок царям и произвести в них глубокое сознание необходимости – образ взаимных отношений царственных подчинить святым и благотворным законам Бога Спасителя?

Заставить мудрость человеческую произнести осуждение самой себе и преклониться к подножию креста? Един Бог мог произвести и произвел сие чудо!

И большая часть из нас, братие, была свидетелями этого; и среди нашего Отечества началось освобождение народов и воодушевление верою царей; и благословенный монарх наш был первым орудием Промысла в воздвижении Креста Господня! Не должно ли нам радоваться, видя, как Господь не оставляет Церкви Своей, и не дает одолеть ее вратам адовым? Не должно ли радоваться, видя, как повелители народов, наученные тяжкими опытами, подклоняют охотно венчанную главу свою под легкое и благое иго Евангелия, и призывают к тому же народы, им подвластные? Не должно ли радоваться, видя христиан различных исповеданий воссоединяемых троиственным союзом веры, любви и надежды, и сим воссоединением преобразующих то великое блаженное единство, когда будет едино стадо и один Пастырь? Не должно ли, наконец, радоваться, представляя себе особенную милость Божию к нашему Отечеству в назначении ему особенной славы послужить паче всех народов великому восстановлению престолов и алтарей?

Но, радуясь о новом торжестве Креста Господня, не забудем и наших обязанностей, отсюда проистекающих. Когда Промысл Божий усугубляет Свою бдительность в охранении Церкви от новых, величайших опасностей, то и каждый из нас должен усугубить свою ревность в охранении внутреннего храма веры своей от нечистот и соблазнов века лукавого и развращенного.

Когда повелители народов не колеблясь исповедуют недостатки прежнего в Европе образа действия, и дают обет во всем неуклонно следовать правилам Евангелия, то тем более подданные должны, как можно чаще, вникать в свое поведение, исправлять свои недостатки, каяться во грехах, и оживлять в себе и других святую решимость: быть христианами не по одному имени. Наконец, кто будет столько нечувствен, чтобы не отзываться сердцем и делами на царственное

призывание почитать всех людей своими братьями, и оказывать им знаки любви и уважения?

Так, братие, великий урок Промысла, разительное воззвание монархов не должны остаться без действия, а должны возбудить в каждом из нас новую ревность о своем спасении. Вам известно, что и каждый христианин имеет, по слову апостола, свой крест, на коем должен распинать "плоть свою с ее страстями и похотями» (Гал. 5:24). Посему, празднуя всемирное воздвижение Креста Господня, должно каждому обозреть, не поник ли долу, не погребен ли в земле – в попечениях о земном и плотском, его собственный Крест. Ибо, что пользы, если Крест Спасителя мира будет поднят до небес, а наш крест, подобно тяжести, будет висеть на шее нашей и влечь нас во ад?

Итак, если бы кого постигло сие несчастье (а как мало таких, коих бы оно вовсе не касалось), таковой немедля должен воспринять свой крест и вознести его над всеми помыслами, должен решиться на сражение со страстями и злыми навыками, на жизнь, достойную христианина. Сие обретение и воздвижение нашего креста будет для распятого Господа нашего приятнее обретения и воздвижения Его собственного Креста, ибо не для Себя, а для нас взошел Он на Крест сей. Аминь.

Примечания

¹ - Антифон 3, гл.2 Чтение 12 Евангелий вечером в Великий Четверг

² - Тропарь Чина великого водоосвящения

³ - Ектиния Чина великого водоосвящения

⁴ - Ектиния Чина великого водоосвящения

⁵ - Тропарь Рождества Христова

⁶ - На предпразднство Преображения Господня, стих, на веч. 3

⁷ - Иоанн Златоуст. Беседа 2-я на Евангелие от Иоанна

⁸ - Благословение на Литургии народа перед отпуском

⁹ - На литургии, стих. 4

¹⁰ - Иоанн Златоуст. Беседа на Евангелие от Матфея 56

¹¹ - Кондак Преображения Господня

¹² - святитель Кирилл Иерусалимский. Катехизис 12

¹³ - Беседа 56-я; на Евангелие от Матфея

¹⁴ - Дам. в слове на Преображение Господне

¹⁵ - Иоанн Златоуст, беседа на Евангелие от Матфея

¹⁶ - Молитва святого Иоанна Златоустого из Последования ко Святому Причащению

¹⁷ - Стихиры на Великой Вечерне Неделя Ваий

¹⁸ - На вечер, стих.1

¹⁹ - Катавасия во все дни года, Песнь 1, Глас 4

²⁰ - Ирмос 1 Канона Рождеству Христову

²¹ - В субботу Пятидесятницы на малой вечерне на стиховне самогласны, глас 2

²² - Стихира на день Пятидесятницы

²³ - Беседа на Евангелие от Матфея 46

²⁴ - Беседа на Евангелие от Матфея 24

²⁵ - Беседа на Евангелие на Деяния святых апостолов 40

²⁶ - Беседа на Евангелие от Матфея 32

²⁷ - Беседа на Евангелие от Иоанна 72

- 28 - Беседа на Евангелие от Матфея 14
- 29 - Беседа первая, на Пятидесятницу
- 30 - Беседа вторая на Евангелие на Деяния святых апостолов
- 31 - Беседа на Евангелие на Первое послание к Коринфянам 29
- 32 - Беседа на Евангелие от Матфея 32
- 33 - Беседа на Евангелие на Первое послание к Коринфянам 6
- 34 - Беседа на Евангелие от Матфея 24
- 35 - Степенны Глас 4 Антифон 1
- 36 - Стихира на Господи воззвах